

МАССОВЫЕ
ИСТОЧНИКИ
ПО СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
РОССИИ
ПЕРИОДА
КАПИТАЛИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1979

Редакционная коллегия:

**В. И. БОВЫКИН, С. В. ВОРОНКОВА, В. З. ДРОБИЖЕВ, Л. В. МИЛОВ,
Ю. А. МОШКОВ, А. К. СОКОЛОВ (ответственный секретарь)**

Коллективная монография рассматривает массовые источники по истории промышленности и рабочего класса, по аграрной истории эпохи капитализма, по истории русского рынка XIX—начала XX в. Авторы впервые обобщают опыт работы историков с массовыми источниками и намечают пути их дальнейшего использования при изучении социально-экономического развития на основе совершенствования методов обработки и анализа массовых данных.

Руководители авторского коллектива

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО, В. И. БОВЫКИН

Научно-вспомогательная работа выполнена

Т. Я. ВАСИЛЕВСКОЙ, В. П. ПАЛКИНОЙ И С. И. ПЕРЕВОЗНИКОВОЙ

© Издательство «Наука», 1979 г.

М $\frac{10604-106}{042(02)-79}$ 38-79 0501000000

Предисловие

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ МАССОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

За шесть десятилетий своего существования советская историческая наука достигла значительных успехов в изучении основных этапов, закономерностей и особенностей исторического развития. XXV съезд КПСС, высоко оценивший роль науки в советском обществе, поставил перед советскими учеными новые важные задачи. Главная из них — дальнейшее расширение и углубление исследований закономерностей природы и общества. Решение этой задачи требует от историков фундаментального и комплексного изучения важнейших процессов и явлений общественного развития на всех его этапах, повышения качества и эффективности научных исследований. Для этого наряду с повышением идейно-теоретического и научно-методологического уровня исторических исследований необходимо расширение их источниковой основы и совершенствование методов обработки и анализа информации, содержащейся в источниках. Все это обусловило обращение историков к массовым данным, а в области источниковедения выдвинуло как важнейшую задачу изучение массовых исторических источников.

Источниковедение массовых исторических источников стало активно разрабатываться лишь в последнее время и многие его общие и конкретные проблемы еще ждут своего решения. Даже основные признаки, характеризующие качественное своеобразие массовых источников, а также задачи их источниковедческого изучения не раскрыты в должной мере. Указанные и многие другие методологические проблемы источниковедческого анализа массовых источников могут быть предметом специального исследования. Поэтому в данном случае мы лишь кратко отметим те основные принципы, из которых исходили авторы, выделяя эти источники и определяя задачи их изучения.

Поскольку сведения любых исторических источников являются отражением фактов исторической действительности, то очевидно, что выделять среди них категорию массовых источников следует исходя из характера тех явлений действительности, которые они отражают. Иначе говоря, если под массовыми имеется в виду категория источников, обладающих некоей качественной определенностью, отличающей ее от других источников, то эта определенность должна отражать своеобразие характеризуемых этими источниками явлений (фактов) действительности.

С точки зрения внутреннего характера и воздействия на общественный организм всю многообразную совокупность явлений общественной жизни можно разделить на две категории — явления *массовые* и *индивидуальные*.

Массовые явления представляют собой совокупность исторических феноменов (объектов), с одной стороны, обладающих *одинаковыми* свойствами, а с другой — характеризующихся *различной мерой* этих свойств. Совокупности таких объектов составляют в большей или меньшей мере сложные системы с присущими им структурами, подверженными непрерывным колебаниям и изменениям. Поэтому совокупный результат функционирования подобных систем представляет собой *равнодействующую* разных ее состояний, т. е. является *объективно закономерным*¹.

В отличие от массовых индивидуальные явления общественной жизни проявляют себя в общественном развитии как *таковые*, т. е. являются *единично-субъективными*. Следует подчеркнуть, что такая суть этих явлений ни в коей мере не умаляет их значения в историческом развитии. Хорошо известно, что в той мере, в какой индивидуальные действия учитывают объективный ход и закономерности общественного развития, они могут оказывать на него существенное влияние.

Исходя из указанных особенностей явлений исторической действительности, можно дать такое определение массовых источников. *Массовыми* являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем.

Очевидно, что к массовым источникам могут относиться различные типы и виды источников. К наиболее распространенным видам массовых источников принадлежат статистические данные, сведения разного рода переписей и обследований, материалы делопроизводства и личного учета, систематизированные справочные материалы и др.

Исходная задача источниковедческого изучения массовых источников — выявление тех или иных их комплексов, характеризующих различные стороны, явления и процессы исторического развития. Сложность решения этой задачи определяется тем, что нередко массовые данные о тех или иных явлениях или процессах собирались различными ведомствами и учреждениями и со-

---

¹ К. Маркс, характеризуя механизм проявления объективных закономерностей, указывал, что они обнаруживаются «лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 176).

средоточивались в разных архивах. С другой стороны, некогда упорядоченные комплексы массовых данных в дальнейшем оказались разрозненными, искусственно объединенными с материалами других по своей сути комплексов, утраченными и т. д. Поэтому для выявления и систематизации многих комплексов массовых источников необходимо проделать большую работу. В плане методологическом здесь заслуживают изучения вопросы о закономерностях возникновения, движения и утраты массовой информации.

Полнота охвата объектов, составляющих ту или иную совокупность, и всесторонность характеристики их свойств могут быть в массовых источниках неодинаковыми. Поэтому важнейшей задачей источниковедческого анализа массовых источников является установление репрезентативности, представительности содержащихся в них данных, того, в какой мере последние правильно отражают основные свойства, сущность исследуемых явлений и процессов. Здесь прежде всего необходима проверка представительности данных массовых источников в количественном отношении, т. е. насколько они равномерно охватывают совокупность объектов, их разновидности и т. д.

Другим аспектом изучения представительности массовых источников является выяснение того, насколько заключенные в них сведения позволяют раскрыть действительную суть исследуемых явлений и процессов.

Существенной является также проверка сопоставимости в пространстве и времени данных массовых источников, ибо сбор сведений часто производится по неодинаковым и изменяющимся программам и различными методами. Поэтому выявление целей, программ и методов сбора информации об объектах играет важную роль в источниковедении массовых источников, особенно в тех случаях, когда однотипные сведения содержатся в разных видах источников или когда в одной разновидности источника данные охватывают значительный период времени и т. д.

Наряду с установлением представительности и сопоставимости данных массовых источников источниковедческий их анализ включает и выявление достоверности и точности этих данных. Настоящий аспект анализа массовых данных особенно важен в силу того, что нередко они содержатся в двух или нескольких видах источников. Поэтому требуется определить не только их общую достоверность, но и то, какие из данных наиболее точны. А для этого необходимы более сложные методы источниковедческого анализа, чем при обычной общей оценке достоверности и точности массовых данных. Кроме того, сами требования к надежности оценки достоверности и точности массовых данных являются более строгими, ибо ошибка здесь может привести к неверным заключениям о самой сущности тех или иных важных явлений и процессов.

В тех случаях, когда данные массовых источников получены в результате того или иного измерения, решение вопроса об их достоверности и точности требует выяснения принципов, методики и техники измерения, их соответствия, во-первых, целям, выдвигавшимся современниками, и, во-вторых, задачам, которые ставят исследователи, обращаясь к соответствующим данным. В проблемах измерения важными и сложными являются вопросы о масштабах измерения и о том, какие состояния объектов оно выражает.

Таков круг основных источниковедческих задач анализа массовых исторических источников в том его аспекте, который связан с проблемой «действительность и источник», т. е. с адекватностью отражения в источниках исторической действительности.

Другой аспект источниковедческого анализа источников касается звена — «источник и историк». Основная задача этого направления анализа состоит в выработке наиболее эффективных методов обработки и анализа данных, содержащихся в используемых источниках. Эффективностью же применяемых методов определяется тем, в какой мере они позволяют получить надежную (в количественном и качественном отношении) информацию о сущности исследуемых явлений и процессов. Конкретные задачи сводятся здесь к разработке методов, во-первых, повышения информативной отдачи источников и, во-вторых, формирования объективных доказательных систем массовых фактов об исследуемых явлениях и процессах.

По мере развития исторической науки все более отчетливо обнаруживается необходимость повышения информативной отдачи источников. Даже при наличии разнообразных и обширных сведений историков историки, как правило, сталкиваются с отсутствием в них тех или иных важных для решения поставленных задач непосредственно выраженных данных. Это обуславливается тем, что цели, которые преследовали создатели этих источников, и задачи, которые ставят исследователи, обращаясь к ним, естественно, не совпадают. При этом разрыв между тем, что интересовало современников, выявлявших информацию, и тем, что интересует историков, использующих ее, по мере развития науки увеличивается. Это и выдвигает задачу поиска путей и методов повышения информативной отдачи источников, извлечения из них дополнительной, сравнительно с непосредственно выраженной, так сказать, скрытой информацией.

Скрытую информацию практически содержат все источники. Объективная основа ее появления — широкая взаимосвязь в реальной действительности явлений и процессов, их свойств и черт. Поэтому создатели источников наряду с целенаправленной и сознательно извлекаемой и потому непосредственно выраженной информацией о тех или иных объектах и процессах неизбежно фиксировали и скрытую, непосредственно невыраженную информацию.

Важная особенность в этом отношении массовых источников состоит в том, что они, как правило, многомерно (т. е. по ряду признаков) характеризуют совокупности массовых объектов, составляющих те или иные общественные системы с присущими им структурами, во-первых, особенно богаты такого рода информацией и, во-вторых, допускают применение разнообразных, в том числе и самых совершенных количественных и машинных методов ее извлечения, обработки и анализа. Разработка таких методов и является на современном этапе актуальнейшей задачей источниковедения массовых источников. Она может быть успешно решена на основе комплексного анализа всех сведений (т. е. показателей источников) об исследуемых явлениях и процессах, содержащихся как в отдельных видах массовых источников, так и во всей их совокупности. Выявление многообразных взаимосвязей этих показателей (а они характеризуют различные стороны, черты и свойства массовых объектов) — основной путь к извлечению из массовых источников явно невыраженной информации. На этом пути открываются возможности практически к неограниченному повышению информативной отдачи этих источников.

Разработка конкретных методов формирования системы объективно доказательных массовых фактов об исследуемых явлениях и процессах является завершающей и определяющей задачей источниковедческого анализа массовых источников. Все другие аспекты этого анализа направлены на решение этой задачи. Принципиальная важность этой проблемы определяется тем, что при огромном разнообразии явлений действительности и данных о ней, содержащихся в массовых источниках, существует опасность субъективного отбора фактов, которая вольно или невольно приводит к искажению сущности рассматриваемых явлений и процессов.

В. И. Ленин указывал, что «при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения»². Поэтому он многократно говорил о необходимости использования *совокупности данных*³, подчеркивал необходимость создавать «фундамент из точных и бесспорных фактов» и требовал «брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого исключения*. . .»⁴

Следует заметить, что в источниковедческой литературе порой дается упрощенная трактовка этих важных методологических положений. Все сводится к вопросу о том, необходимо ли оперировать всей совокупностью данных массовых источников или же допустимо использовать выборки из них. Иначе говоря, суть сложной проблемы переносится в методическо-техническую плоскость. Между тем ленинское требование использования всей со-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 304.

³ Там же.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350—351.

вокупности фактов без единого исключения направлено не против выборочного метода анализа массовых данных, а против отрицания субъективистской методологией и историографией того, что совокупности массовых данных (представительность, достоверность и точность которых доказаны) объективно отражают действительность и позволяют создать фундамент точных и бесспорных фактов о ней, против произвольного и иллюстративного использования массовых данных.

Что же касается выборочного метода обработки и анализа массовых данных, то он ни в коей мере не противоречит требованию использования всей совокупности массовых данных без единого исключения. Не только сплошная, но и выборочная обработка совокупности массовых данных, характеризующих то или иное явление или процесс, позволяет учесть роль всех фактов без исключения. В статистике доказано, что представительными являются такие выборки, при образовании которых каждый объект исследуемой совокупности (ее называют в статистике генеральной совокупностью) имеет одинаковый шанс попасть в выборку, т. е. представительная выборка отражает роль *всех* фактов. Разработаны и разнообразные методы формирования представительных выборок. Поэтому вопрос о сплошной или выборочной обработке совокупности массовых данных — это вопрос практической целесообразности.

Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда исследователи предполагают так называемыми естественными выборками данных, т. е. такими совокупностями массовых данных, которые характеризуют лишь ту или иную часть объектов, составляющих в действительности некую целостность. Такие выборки могут возникать либо в результате незавершенности намечавшегося сплошного сбора данных, либо при выборочном обследовании той или иной совокупности объектов, либо потому, что массив некогда сплошных данных сохранился лишь частично, либо выявлена только часть данных этого массива и т. д. Как бы то ни было, исследователь имеет здесь дело не с выборкой данных из генеральной совокупности, сформированной в соответствии со всеми требованиями образования репрезентативных выборок, а с выборками, представительность которых, как правило, неизвестна. К сожалению, историки нередко оперируют сведениями таких выборок без всякой проверки их представительности.

Современный уровень источниковедческого изучения массовых данных и их использования в исследовательской практике непременно требует проверки представительности данных естественных выборок. Для практического выполнения этого вполне очевидного требования пока еще не существует четких и обоснованных методов, подобных тем, на которых основывается формирование репрезентативных выборок из данных генеральной совокупности. Разработка методов выявления степени представительности естественных выборок данных — важная задача источниковедения мас-

совых исторических источников. Она может быть решена общими усилиями историков и других специалистов.

Таков круг основных задач источниковедческого анализа массовых исторических источников. Многие из них нуждаются как в общей методологической, так и конкретной (применительно к определенным типам и видам массовых источников) разработке.

* * *

Наиболее обширным комплексом массовых источников исследователи располагают по социально-экономической истории. Массовый характер явлений и процессов социально-экономического развития, естественно, обусловил и накопление массовых данных. И только на основе широкого и всестороннего изучения этих данных можно раскрыть содержание и ход, внутреннюю сущность, закономерности и особенности социально-экономического развития как в целом, так и его отдельных аспектов. Подчеркивая это, В. И. Ленин писал, что «целый ряд вопросов и притом самых коренных вопросов, касающихся экономического строя современных государств и его развития, которые решались прежде на основании общих соображений и примерных данных, не может быть разрабатываем сколько-нибудь серьезно в настоящее время без учета массовых данных, собранных относительно всей территории известной страны»⁵.

Исследования по социально-экономической истории нашей страны по праву занимают ведущее место в советской историографии⁶. Дальнейшее повышение уровня этих исследований требует расширения их источниковой основы, углубления источниковедческого анализа массовых источников, на которые они опираются, и совершенствования методов обработки и анализа массовых данных. Многогранный и сложный характер возникающих в этой связи задач и невозможность развернутого их решения в конкретно-исторических исследованиях обуславливают необходимость специального источниковедческого изучения массовых источников по социально-экономической истории СССР.

Предпринятое кафедрой источниковедения истории СССР исторического факультета Московского университета совместно с сотрудниками других кафедр отечественной истории и рядом специалистов Института истории СССР АН СССР и некоторых университетов исследование массовых источников по социально-экономической истории СССР с эпохи позднего феодализма и до современности имеет следующие цели.

Во-первых, представлялось необходимым для каждой из выделенных эпох дать обзор и источниковедческую характеристику

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 323.

⁶ См., например: Развитие советской исторической науки. 1970—1974 гг. М., 1975.

наиболее фундаментальных типов и видов массовых источников по социально-экономической истории. При этом на первый план выдвигались те из массовых источников, которые характеризуют наиболее существенные стороны социально-экономического развития, охватывают наиболее массовые явления и процессы и содержат наиболее разнообразную информацию.

Во-вторых, ставилась задача подведения итогов источниковедческого изучения и использования в исследовательской практике при разработке конкретно-исторических проблем социально-экономического развития массовых источников. Основное внимание здесь уделялось обобщению опыта обработки и анализа массовых данных.

В-третьих, имелось в виду в возможных пределах рассмотреть перспективы дальнейшего использования массовых источников и обратить внимание на ряд путей и конкретных методов совершенствования обработки и анализа массовых данных.

Для решения поставленных задач предстояло выполнить большой объем исследовательской работы, так как имеющихся источниковедческих изысканий, особенно по методам обработки и анализам массовых данных, было недостаточно для сколько-нибудь цельных обобщений и заключений. В организационном отношении особенностью этой работы было широкое участие в ней аспирантов. В течение ряда лет основные усилия аспирантов кафедры источниковедения истории СССР, а также частично кафедр истории СССР советского периода были сконцентрированы на изучении массовых источников по социально-экономической истории СССР. По этим проблемам было подготовлено около двадцати диссертаций. Результаты этих исследований и составляют основу обширной монографии, две книги которой (о массовых источниках по социально-экономической истории России периода капитализма и массовых источниках по социально-экономической истории советского общества) выходят в свет.

Настоящая работа посвящена анализу массовых источников по социально-экономической истории России эпохи капитализма.

Историческое развитие общества на стадии капитализма во всех странах характеризовалось рядом новых сравнительно с предшествующей феодальной эпохой черт, которые оказали влияние на формирование и содержание массовых источников. Прежде всего необыкновенно ускорился ход экономического развития, что было обусловлено переходом от мелкого, ручного и натурального к крупному, машинному и товарному производству, основанному на эксплуатации наемного труда. Далее, процесс постепенной ликвидации сословных перегородок и привилегий привел к тому, что социальная структура общества стала более непосредственно определяться местом и ролью различных классов и слоев в системе общественного производства, их отношением к средствам производства и долей участия в потреблении общественного богатства. Итогом этого было то, что определяющая роль

социально-экономического фактора в историческом развитии стала выступать более отчетливо, а объективные основы классового антагонизма и эксплуататорской сущности общественного строя становились более явственными.

Особенностью России было то, что, с одной стороны, «после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершились превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»⁷, а с другой — это развитие протекало в условиях сохранения многочисленных крепостнических пережитков, тормозивших и усложнявших буржуазный прогресс.

Особенности социально-экономического развития в эпоху капитализма привели к возрастанию у современников потребности в информации, отражающей ход этого развития, и повышению требований к ее полноте и надежности. Итогом было изменение и расширение системы и методов как текущей регистрации социально-экономических явлений и процессов, так и специального сбора данных о них, т. е. возникли новые типы и виды источников и изменилось их содержание. Вскоре после падения крепостного права в России сложилась новая система государственного статистического учета, прежде всего охватившая сферу социально-экономического развития. И хотя эта система не была единой и сбором данных занимались различные ведомства, размах, систематичность и полнота учета поднялись на качественно новый уровень сравнительно с эпохой феодализма. Кроме расширения и совершенствования текущей статистики, именно в период капитализма в России появился такой фундаментальный вид статистического обследования, как сплошные переписи. В конце XIX — начале XX в. были проведены сплошные переписи населения (1897 г.), землевладения (1877, 1887, 1905, 1917 гг.), промышленности (1900, 1908, 1912 гг.), сельского хозяйства (1916 и 1917 гг.) и целый ряд других переписей и обследований.

Наряду с государственной статистикой в эпоху капитализма широкое развитие получает статистика местных органов самоуправления, представительных и общественных организаций. Наибольшее значение по размаху, объему и содержанию собранных данных имела земская статистика. Значительная информация была накоплена представительными организациями буржуазии.

В период капитализма интенсивное распространение получает делопроизводственная документация как центральных учреждений, так и особенно низовых ячеек социально-экономического организма (промышленные предприятия, помещичьи имения, крестьянские общины, банки и т. д.), а также разного рода справочные материалы. Важный комплекс массовых данных о составе и положении рабочего класса содержали такие новые виды докумен-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

тов, как паспортные и расчетные книги рабочих и другие материалы.

Наряду с интенсивным ростом объема информации о социально-экономическом развитии и обогащением ее содержания происходило совершенствование методов ее сбора и обработки. Так, именно в период капитализма получают широкое распространение такие методы сбора данных, как экспедиционный, корреспондентский и др. Устанавливается определенная унификация сводки и обработки первичной информации. Ее чаще всего осуществляли центральные органы, собиравшие данные или проводившие переписи и обследования. Это повысило однородность, сравнимость и сводимость данных.

Эпоха капитализма характеризуется широким размахом публикации данных о социально-экономическом развитии, что делает эти данные широкодоступными для исследователей. В их распоряжении имеются тысячи томов различных сведений о социально-экономической истории нашей страны в период капитализма.

Изучение социально-экономического развития России в эпоху капитализма относится к числу актуальных проблем советской историографии, и многие стороны этого процесса широко исследуются советскими историками и экономистами. В научный оборот введен большой конкретно-исторический материал, убедительно раскрыты основные закономерности социально-экономического развития и показаны его особенности.

Однако в целом изучение хода и характера социально-экономического прогресса в эту важную историческую эпоху не только не достигло надлежащего уровня, но по ряду существенных аспектов еще находится на своей начальной стадии. Одной из основных причин такого положения является узость источниковой основы ряда имеющихся работ и неэффективность применяемых в них методов обработки и анализа конкретно-исторических данных. При наличии огромного комплекса разносторонних массовых сведений о социально-экономическом развитии исследователи ограничиваются использованием чаще всего обобщенных итоговых данных. Не только первичные материалы, но и многие их сводки фактически не привлекаются. Причин тому несколько. Во-первых, целый ряд массовых источников должным образом не выявлен, и сведения о них не обобщены. Они фактически остаются вне поля зрения исследователей. Во-вторых, многие источники содержат настолько обширные данные, что становится затруднительным их широкое вовлечение в научный оборот при обычной, «ручной» их обработке. В-третьих, многие из имеющихся источников не содержат данных, которые непосредственно характеризуют те или иные черты и стороны исследуемых явлений и процессов. Поскольку же применяемые традиционные методы исследования не дают возможности получить необходимую информацию, постольку эти источники, несмотря на огромное количество со-

держащихся в них сведений, остаются или вовсе незатронутыми, или служат основой для извлечения иллюстративных данных.

Коллектив историков, занимавшихся исследованием массовых источников по социально-экономической истории России периода капитализма, вел работу по указанным направлениям (обзор и источниковедческая характеристика источников, итоги их источниковедческого изучения и использования в исследовательской практике, пути и методы совершенствования обработки и анализа массовых данных) и на основе учета основных задач источниковедческого изучения массовых источников.

Естественно, что разный характер и состояние источников, неодинаковая степень их источниковедческой изученности и практического использования и другие моменты обусловили то, что применительно к конкретным источникам на первый план выдвигались те или иные задачи и аспекты анализа. На практике это выразилось в том, что в ряде глав в центре оказались задачи выявления, систематизации и источниковедческой характеристики источников, а в других — больше внимания уделено вопросам обработки и анализа массовых данных. Вместе с тем в целом работа дает представление об основном круге современных проблем источниковедческого изучения и использования в исследовательской практике массовых источников по социально-экономической истории России эпохи капитализма, о перспективах, путях и методах повышения эффективности обработки и анализа массовых данных.

Следует оговориться, что в настоящей работе не ставилось цели охарактеризовать сколько-нибудь полно весь корпус массовых источников по социально-экономической истории периода капитализма. Это не только значительно увеличило бы объем работы, но и потребовало намного больше времени для ее завершения, поскольку целый ряд типов и видов источников почти совсем не затронут источниковедческим анализом и требует специальных и сложных исследований. Поэтому в работе не рассматриваются специально демографическая, транспортная, бюджетно-налоговая статистика, статистика мелкого промышленного производства, делопроизводственная документация низших и местных органов управления (волостные правления, уездные и губерnsкие, государственные, земские и другие учреждения и т. п.) и другие виды массовых источников. Их источниковедческое изучение и систематическое включение в научный оборот — задача последующих исследований. Вместе с тем основные принципы и методы анализа массовых источников, охарактеризованные в работе, могут быть вполне успешно применены и к другим типам и видам этих источников.

Структура работы определена тем, что проведенное исследование имеет не только собственно источниковедческий, но и источниковедчески-прикладной характер. Поэтому общая классификация источников для их анализа проводилась не по видовому, что было бы наиболее целесообразно с точки зрения специально ис-

точниковедческого подхода, а по тематическому принципу, который соответствует интересам использования источников в исследовательской практике. При таком подходе нарушалась целостность характеристики некоторых типов и видов источников, разные виды одного типа источников и даже один вид анализировался в разных главах. Но удобство принятой классификации для использования рассматриваемых источников в конкретно-исторических исследованиях вполне искупает эти недочеты.

Монография состоит из трех разделов, в которых характеризуются массовые источники по истории промышленности и рабочего класса, аграрной истории и истории рынка в эпоху капитализма. По главам соответствующих разделов источники также распределялись тематически.

Авторы будут считать свою задачу выполненной, если настоящая работа стимулирует дальнейшее расширение источниковедческого изучения массовых исторических источников и углубление исследований по социально-экономической истории нашей страны эпохи капитализма, раскрытие объективно-исторических предпосылок буржуазно-демократических и Великой Октябрьской социалистической революций.

Авторский коллектив и редакционная коллегия выражают искреннюю благодарность всем оказавшим содействие в подготовке настоящей работы и прежде всего членам Ученого совета исторического факультета МГУ, неоднократно обсуждавшим ход работы, и рецензентам: члену-корреспонденту АН СССР П. В. Волобуеву и доктору исторических наук К. Ф. Шаццло.

Часть первая

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМА

ВВЕДЕНИЕ

Выделение промышленности в особую отрасль общественного производства, бурный ее рост и как следствие этого индустриализация народного хозяйства и населения представляли собой стержневой процесс перестройки социально-экономической структуры общества на капиталистическом этапе его развития. Естествен интерес историков к этому процессу. Применительно к истории России такой интерес тем более оправдан, ибо исследование процесса промышленного развития страны позволяет увидеть, как складывались важнейшие объективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции.

Хотя к концу XIX в. сельскохозяйственное население России в 4 раза с лишним превышало торгово-промышленное, сельское хозяйство, лесоводство и рыболовство приносили немногим более половины народного дохода, а остальная его часть приходилась на долю промышленности, строительства, транспорта, связи и торговли. К началу XX в., превзойдя по темпам промышленного роста передовые капиталистические страны, Россия вошла в пятерку крупнейших индустриальных держав мира. По абсолютным размерам промышленного производства она вплотную приблизилась к Франции, а по ряду отдельных его показателей — выплавке чугуна и стали, машиностроению, хлопчатобумажному производству, добыче и переработке нефти — оказалась впереди нее. Важной чертой российской промышленности был высокий технико-организационный ее уровень, проявлявшийся, в частности, в необычной даже для передовых капиталистических стран концентрации производства на крупных и крупнейших предприятиях и образовании гигантских по тогдашним масштабам индустриальных центров. Именно здесь, в этих индустриальных центрах, формировались передовые отряды российского пролетариата, сыгравшие

ведущую роль в подготовке и свершении Великой Октябрьской социалистической революции.

Историкам, занимающимся изучением капиталистической эпохи в истории нашей Родины, не приходится жаловаться на малочисленность источников. В частности, число дошедших до нас источников, освещающих процесс промышленного развития России, огромно. Владение их совокупностью — задача, от решения которой во многом будут зависеть результаты дальнейших исторических исследований. Но это решение связано со многими трудностями как методического, так и методологического характера. К тому же наличие большого числа источников отнюдь не означает полной отраженности в них исторического процесса. Исследователям не раз приходилось убеждаться в том, что даже очень значительные по объему массивы источников таят в себе немало пробелов.

В первой части монографии рассматриваются источники, отражающие главное содержание процесса промышленного развития: обобществление производства (концентрация производства и капитала, монополизация промышленности и сращивание ее с банками) и формирование пролетариата.

Это прежде всего статистика промышленного производства, содержащая количественные показатели развития производительных сил в промышленности (глава I). Далее анализируются материалы, отражающие эволюцию капиталистической организации промышленности: ее акционирование, монополизацию и образование на этой основе финансового капитала (главы II и III). Заключительная глава (IV) посвящена источникам, отражающим объективные процессы формирования российского пролетариата. Следует подчеркнуть, что авторами не преследовалась цель показать все источники без исключения. При анализе каждой из перечисленных групп источников предпочтение отдавалось тем из них, которые позволяют увидеть исследуемые явления или процессы в целом, а не в отдельных их чертах. Отсюда сосредоточение внимания на различных по своей природе источниках применительно к изучению разных сторон промышленного развития.

Изучение общих закономерностей развития производительных сил в промышленности и, в частности, процесса концентрации промышленного производства невозможно без привлечения промышленной статистики. Эта статистика представляет собой доставшийся историкам результат проделанной в свое время работы по концентрации первичной информации о каждой отдельно взятой единице учета, т. е. о всей совокупности существовавших в России промышленных заведений. Повторение такой работы историками не только не имеет практического смысла, но и невозможно по существу, так как большая часть объектов произведенного некогда статистического обследования исчезла, не оставив после себя никаких документальных следов.

Иная ситуация имеет место при изучении процессов акционирования, монополизации и сращивания промышленности с бан-

ками. Историки не располагают в данном случае аналогичным статистическим материалом. Но зато они в состоянии мобилизовать необходимый минимум информации по каждой из отдельно взятых составных частей исследуемой совокупности, на основе отложившихся в архивах делопроизводственных материалов акционерных торгово-промышленных предприятий и банков. Хотя корпус таких материалов весьма велик по объему, он, как показали проведенные исследования, вполне обозрим.

Следует также отметить, что источники, рассматриваемые в первых трех главах, выражают собой как бы различные уровни обобщения производства. Промышленная статистика вобрала в себя данные, полученные на уровне отдельных, в большинстве своем мелких промышленных заведений. Материалы акционерных компаний отражают функционирование крупных капиталистических предприятий. А документы монополий и банков дают представление о деятельности более или менее значительных групп таких предприятий, охватывающих иногда целые отрасли промышленного производства.

Все это предопределяет различные источниковедческие задачи. Такое различие обуславливается и тем, что источники, отражающие процессы развития промышленности, складывания монополий и формирования финансового капитала, и сами эти процессы, изучены неодинаково. Поэтому, что касается материалов промышленной статистики, издания которых сами по себе давно известны, здесь задача состоит прежде всего в выяснении их информационных возможностей, нахождения путей извлечения из них скрытой информации и выработке методики осуществления на их основе сравнительных исследований.

Применительно к источникам, анализируемым в следующих двух главах, не решены еще до конца поисковые задачи, поэтому на данном этапе первоочередное значение имеет выработка методики целенаправленного поиска определенных типов делопроизводственной документации, для чего необходимо изучить, в частности, основные закономерности документирования и распространения информации, потреблявшейся и порождаемой акционерными обществами, монополистическими объединениями и банками.

Чрезвычайно сложный комплекс разнообразных по своей природе типов источников рассматривается в четвертой главе, посвященной источникам по истории рабочего класса. Среди них есть и хорошо известные статистические источники, в отношении которых задача состоит лишь в том, чтобы усовершенствовать приемы их использования. Есть и такие типы материалов, выявление и использование которых еще только начинается. Но, пожалуй, важнейшая задача заключается здесь в том, чтобы суметь увидеть все это многообразие источников в их единстве и взаимодействии. И хотя данная глава не решает этой задачи, но, несомненно, привлекает к ней внимание.

СТАТИСТИКА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

1. ОБЩИЙ ОБЗОР ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ СТАТИСТИКИ

Исследование проблем российского империализма, особенно складывания социально-экономических предпосылок социалистической революции, приобрело в последние десятилетия большие масштабы и достигло значительных успехов. Однако число работ, непосредственно посвященных вопросам промышленного развития России в XIX—начале XX в. — промышленные подъемы и кризисы, размещение промышленности, ее отраслевая структура, внутренняя организация промышленного производства и др., — невелико. Большинство работ по этим темам появилось сравнительно давно¹ и содержит в ряде случаев ошибочное толкование особенностей российского империализма. По своему характеру указанные исследования представляют чаще всего лишь общий очерк основных процессов промышленного развития России. Неслучайно в записке «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции»² формулировались задачи более углубленного и разностороннего исследования развития крупной капиталистической промышленности в России с конца XIX в. до 1917 г. в отраслевом и районном разрезе³. Необходимость разработки этих проблем выдвигалась позднее в статье А. Л. Сидорова «О структуре промышленности России в конце XIX в.»⁴, где, в частности, подчеркивалось отсутствие специальных исследований по таким значительным этапам в социально-экономическом развитии, как промышленный подъем 90-х годов XIX в. Положение с освещением этих вопросов в современной советской историографии мало изменилось. Конечно, исследование процессов акционирования, монополизации российской

¹ Бакулев Г. Д. Черная металлургия Юга России. М., 1953; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1948, т. II; Лисичкин С. М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период. М.; Л., 1954; Лившиц Р. С. Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955; Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955; Пажитнов К. А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. М., 1958; Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960, и др.

² Вопросы советской науки: Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1958. Составлена группой специалистов под руководством А. Л. Сидорова.

³ Там же, с. 13.

⁴ Исторические записки, 1961, т. 69.

промышленности, складывания финансовой олигархии, формирования государственно-монополистического капитализма сопровождалось изучением промышленного производства в целом по стране и в отдельных отраслях и заняло существенное место в ряде работ⁵.

Однако, как показывают некоторые дискуссии последних лет, существует различное понимание одних и тех же процессов и особенностей, характерных черт промышленности России. В этом отношении особенно показательным объяснение высокого уровня концентрации промышленного производства. Одни авторы подчеркивают связь этого явления с неразвитостью социально-экономических отношений в России⁶, другие — считают его проявлением высокого уровня развития российского капитализма⁷. Очевидно, что решение этих вопросов возможно на основе их специального исследования.

Необходимость более углубленного и всестороннего изучения структуры, организации, уровня промышленного производства России в период капитализма и империализма требует расширения источниковой базы. Решение этой задачи возможно лишь на основе широкого привлечения массовых, в том числе и статистических данных по социально-экономической истории России. Именно о подобных проблемах и методах их изучения В. И. Ленин писал, что они могут серьезно исследоваться только при учете массовых данных⁸.

В исследовании размещения промышленности, выявления ее структуры и организации особенно большое значение имеет статистика промышленного производства. Этот комплекс статистических источников включает показатели, характеризующие такие стороны промышленного производства страны, как число предприятий, количество занятых в них рабочих, тип двигателей, их число, мощность, применяемые механизмы, количество и стоимость использованного сырья, топлива, расходы на заработную плату, количество и стоимость произведенной продукции и т. д.⁹

---

⁵ *Тарновский К. Н.* Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М., 1958; *Лаверьев В. Я.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900—1917 гг.). М., 1963; *Бовыкин В. И.* Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973, и др.

⁶ *Гиндин И. Ф.* Социально-экономические итоги развития российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране. — В кн.: *Свержение самодержавия*. М., 1970, с. 42—43.

⁷ *Бовыкин В. И.* Социально-экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. — *Коммунист*, 1977, № 8, с. 73—74; *Лаверьев В. Я.* Объективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. — *История СССР*, 1977, № 3, с. 65.

⁸ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 323.

⁹ В исторической и историко-статистической литературе понятие «статистика промышленного производства» как отрасль экономической ста-

Особенностью всей статистики России, в том числе и статистики промышленного производства, была ее рассредоточенность между различными государственными и частными учреждениями и организациями¹⁰. Статистика российской промышленности представлена в материалах Центрального статистического комитета, губернаторских отчетов, земских учреждений, горного департамента, департамента неокладных сборов, департамента торговли и мануфактур Министерства финансов, отделов и органов Министерства торговли и промышленности, предпринимательских организаций буржуазии, монополистических объединений и т. д.

Все эти комплексы материалов отличаются по степени разнообразности и полноты информации о промышленном производстве. Отсюда вытекает и их неоднородность как категорий массовых источников, отражающих различные черты и стороны массовых объектов и явлений. В нашем случае таким массовым объектом является капиталистическое промышленное предприятие, а показатели статистических материалов — отражение тех или иных сторон, черт данного явления.

В главе подробно рассматриваются только такие комплексы источников, которые содержат сведения о наибольшем числе предприятий. При этом учитывалось не только количество последних, но и их типичность для российской промышленности как в плане отраслевой структуры, так и географического размещения. Кроме того, нас интересовали прежде всего материалы, содержащие наиболее разнообразную информацию о промышленном производстве. При выборе таких материалов принималась во внимание однотипность, сопоставимость заключенной в них информации, поскольку это важнейший критерий в оценке содержательной значимости массовых источников. Выявлялась также достоверность, ценность массовых источников (в данном случае статистических материалов), учитывалась и точность отражения в них основного объекта наблюдения. Таким образом, необходимо было установить, действительно ли речь идет преимущественно о фабрично-заводских предприятиях или комплекс источников включает сведения о кустарной, ремесленной промышленности.

Указанным признакам не отвечает ряд статистических источников по истории российской промышленности, который поэтому будет лишь кратко охарактеризован.

стистики заменяется часто определениями «промышленная статистика», «статистика промышленности» или «фабрично-заводская статистика». В дальнейшем в тексте мы также будем использовать эти термины, понимая под ними только статистику промышленного производства.

¹⁰ Это не является только особенностью российской статистики, даже в высокоразвитых современных капиталистических государствах не преодолена разобщенность статистического учета в различных областях статистики (см.: БСЭ. 3-е изд., т. 24, ч. 1, с. 442, стб. 1314; с. 446, стб. 1325).

Статистика промышленности получила отражение в изданиях Центрального статистического комитета МВД (ЦСК)¹¹, хотя, как отмечалось в «Юбилейном сборнике»¹² этого учреждения, фабрично-заводская статистика была представлена в них наиболее слабо. Основу публикаций ЦСК во второй половине XIX в. составляли сводные ведомости о фабриках и заводах, доставлявшиеся ежегодно губернскими статистическими комитетами на основании циркуляра Министерства внутренних дел от 30 ноября 1857 г.¹³ В изданиях ЦСК приводились сведения о количестве фабрично-заводских предприятий, числе занятых на них рабочих и сумме выпускаемой продукции в рамках губернии, уезда, отдельных городов и фабричных селений, с группировкой этих данных по производствам. Они обычно представляли информацию как об обрабатывающей промышленности, так и о горнозаводской.

По набору и систематизации показателей указанные материалы ЦСК идентичны ведомостям, которые составлялись в губернских комитетах для ежегодных отчетов губернаторов¹⁴. Как известно, во всеподданнейших отчетах губернаторов, кроме общей характеристики положения дел в губернии, имелся специальный раздел со статистическими таблицами, в том числе со сведениями о фабриках и заводах в каждой губернии за истекший год¹⁵. Сведения эти были достаточно детальны с точки зрения географии размещения промышленности, поскольку данные, как и в публикациях ЦСК, группировались по городам, заштатным городам, посадам, селам, уездам. Например, в губернаторском отчете за 1871 г. по Московской губернии сообщались итоги по Москве, Московскому уезду, Богородску, Павловскому посаду, Богородскому уезду и т. д.¹⁶ Перечень производств и его классификация в статистических таблицах отчетов совпадали с группировкой, принятой в изданиях ЦСК.

Трудно преодолимым недостатком рассмотренных материалов является смешение сведений как о собственно фабрично-заводских предприятиях, так и о мелких, кустарных предприятиях. В разные годы в отдельных губерниях учет таких мелких заведений

¹¹ Статистический временник Российской империи. СПб., 1866, сер. I, вып. 1 (сведения за 1863 г.); СПб., 1872, сер. II, вып. 6 (сведения за 1868 г.); СПб., 1882, сер. III, вып. 8; Статистика Российской империи. Сборник сведений по Российской империи... СПб., 1896, т. XV. Ежегодник России за 1904—1911 гг. Подробнее о промышленной статистике ЦСК см.: Рыбаков Ю. Я. Промышленная статистика России XIX в. М., 1976, с. 203—206, 211.

¹² Юбилейный сборник Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1913 (Обзор деятельности ЦСК по разным отраслям статистики за 1863—1912 гг.).

¹³ Статистический временник..., сер. II, вып. 6, с. X.

¹⁴ Там же, с. XII.

¹⁵ Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник. — В кн.: Проблемы архивоведения и источниковедения. Л., 1964, с. 227—246; Рыбаков Ю. Я. Указ. соч., с. 105—139.

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 64, д. 261, л. 94 об.—95 (Ведомость № 2).

ности также не была свободна от недостатков: отсутствуют сведения об отдельных предприятиях за ряд лет, не всегда достоверны и точны данные, сообщаемые заводчиками²³.

При всем значении этих комплексов статистических материалов для изучения российской промышленности (особенно учитывая долю пищевой, горнодобывающей и металлургической промышленности в общероссийском производстве) необходимо иметь в виду, что массовость их сведений существенно ограничена. Как было уже отмечено, отчетные ведомости каждой отрасли акционерной промышленности (соответственно и публикации) имели различный формуляр, т. е. однородность, повторяемость, а значит, и сводимость содержащихся в них данных возможны лишь в рамках отрасли или даже отдельного производства. Это характерно также для статистического учета горнозаводских предприятий. Значительная специфика двух этих направлений фабрично-заводской статистики диктует необходимость разработки особой методики их исторической критики и эффективных способов обработки и использования их данных.

Для конца XIX—начала XX в. характерно становление и развитие статистики предпринимательских организаций российских промышленников. Особенности этих организаций, объединявших обычно заводчиков одной отрасли промышленности или региона, определили характер статистических материалов: они содержали, как правило, лишь данные по отдельным отраслям промышленности, иногда только по некоторым районам России. В качестве примера можно назвать «Обзор бакинской нефтяной промышленности», издававшейся с 1894 г. до начала первой мировой войны Советом съездов нефтепромышленников Баку. Лишь к периоду второго промышленного подъема относится проведение всероссийского обследования промышленности предпринимательскими организациями буржуазии. Такое анкетирование промышленных предприятий было осуществлено в 1909 и 1914 гг. Советом съездов представителей торговли и промышленности. В ходе обследований была получена разнообразная информация о промышленном производстве предприятий всех отраслей промышленности и по всей территории страны. Данные были опубликованы в форме карточных сведений²⁴.

В основу публикаций предпринимательских организаций были положены текущий учет предприятий и статистических бюро съездов и обществ заводчиков, сведения специальных анкетных обследований, проводившихся этими организациями, а также заимствования из официальной статистики. Нередко менялся и сам фор-

²³ Некоторые общие вопросы исторической критики горнозаводской статистики затронуты в статье А. Л. Цукерник (*Цукерник А. Л. К вопросу об использовании статистических данных о развитии русской металлургии.* — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1955, т. IV).

²⁴ Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914.

муляр публикаций, что усиливает разнотипность, несопоставимость данных для этого комплекса материалов.

Статистические источники различных организаций буржуазии столь обширны, что требуют специального источниковедческого анализа в плане установления их представительности, достоверности, информативных возможностей.

Статистика фабричной инспекции, получившая значительное развитие в начале XX в., с нашей точки зрения, иногда неправильно определяется в литературе как один из основных комплексов промышленной статистики²⁵.

Само назначение фабричной инспекции, призванной регулировать отношения фабрикантов и рабочих, определяло содержание статистических сведений. Они касались прежде всего состава и положения рабочего класса: пол, возраст рабочих, заработная плата, уровень травматизма, данные о забастовочном движении. Вопросы, характеризующие промышленное производство — число и мощность двигателей, система оборудования, расходы на сырье и топливо, количество выработанной продукции и ее стоимость, — не получали отражения ни в карточках предприятий, составляемых инспекторами²⁶, ни в их сводных отчетах.

С 1901 г. начала систематически осуществляться публикация «Сводов отчетов фабричных инспекторов». В них особый интерес для исследования промышленности представляют данные таблицы об общем числе предприятий и рабочих в отдельных отраслях и в губерниях, имевших фабричную инспекцию, и группировка предприятий по числу рабочих. Этим собственно исчерпываются сведения «Сводов» о промышленном производстве. Данные «Сводов отчетов» позволяют выявить общую динамику числа предприятий и рабочих в российской промышленности, а также процессы концентрации рабочей силы. Необходимо иметь в виду приблизительность выводов, получаемых на основе статистики фабричной инспекции, что обусловлено рядом свойств этого источника.

Надзору фабричной инспекции подлежало значительное число мелких предприятий. Это было связано, во-первых, с отсутствием в российской статистике точного определения понятия промышленного заведения. Во-вторых, не было достаточно четкого объяснения и в самом законодательстве о том, какие предприятия должны быть поднадзорны фабричной инспекции. Все это приводило к существенной неоднородности предприятий, подчиненных надзору фабричных инспекторов в различных губерниях. Этот недостаток еще более усугубляется вследствие высокой степени обобщения итогов в «Сводах», так как данные сводились или в рамках губернии, или даже фабричного округа.

²⁵ Антонова С. И. Статистические источники по истории СССР периода капитализма. М., 1968, с. 46.

²⁶ См., например: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 38, 47, 59, 67—68; оп. 27, д. 109, 323, 329, 337—338.

Следует отметить и недостоверность данных статистики фабричной инспекции, поскольку сведения представлялись владельцами предприятий, а фабричные инспектора были ограничены в своем праве контроля. На это обстоятельство обращал внимание В. И. Ленин: «В частности относительно проверки сведений надо сказать, что фабричная инспекция, разумеется, никогда не будет в состоянии проверить соответствие с действительностью всех показаний всех фабрикантов»²⁷.

В дальнейшем обзоре основное внимание будет уделено характеристике таких комплексов источников, как ведомости фабрик и заводов и материалы обследований и переписей промышленности. Именно эти источники содержат наиболее разностороннюю информацию о большинстве промышленных предприятий России и с полным правом могут быть определены как массовые данные по истории промышленного развития. Прежде чем перейти к рассмотрению этих материалов, необходимо отметить, что в статистике промышленного производства России отчетливо выделяются два периода: вторая половина XIX в. и начало XX в. Первому периоду присуще преобладание форм текущего статистического учета, осуществляемого главным образом по линии различных государственных учреждений, второму — распространение метода переписей и обследований промышленности.

2. ВЕДОМОСТИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Основным источником текущих сведений о предприятиях обрабатывающей промышленности России²⁸ на протяжении всего XIX в. были ведомости фабрик и заводов, учет и разработку которых осуществлял департамент торговли и мануфактур Министерства финансов. Основанием для ежегодного сбора этих данных и в пореформенное время оставался указ 30 июня 1804 г. Формуляр ведомости был утвержден в 1830 г. (ПСЗ, II, т. V, отд. 1, № 3467) и незначительно дополнен в 1834 г. (ПСЗ, II, т. IX, отд. 2, № 7484).

История этого источника дана в дореволюционных статистических изданиях и в ряде работ по истории статистики советских исследователей²⁹. Детально процесс формирования этого источника показан Ю. Я. Рыбаковым³⁰.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 30.

²⁸ Напомним, что отрасли, облагаемые акцизом, и горнозаводская промышленность учитывались особо.

²⁹ Статистический временник..., сер. II, вып. 6, с. I—II; Историко-статистический обзор промышленности России. СПб., 1886, т. 2. Предисловие, с. 1—2; Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России в 1885—1887 гг. СПб., 1889, с. 1. См. также: Воробьев Н. Я. Указ. соч.; Дольников А. Я. Очерк истории русской промышленной статистики пореформенного периода XIX в.: Автореф. канд. дис. Л., 1961; Шифман А. Г. К вопросу об истории дореволюционной промышленной статистики в России. — Учен. зап. МЭСИ, 1957, т. 8.

³⁰ Рыбаков Ю. Я. Программа и организация сбора сведений по промыш-

Характеристику статистического материала ведомостей начнем с рассмотрения вопроса о том, как определялась в ведомостной статистике³¹ середины XIX в. основная единица наблюдения — промышленное заведение. О значении разработки этого понятия для полноты, достоверности и представительности статистических данных неоднократно писал В. И. Ленин³². Обращение к законодательным актам показывает крайне неудовлетворительное решение этого главного программно-методологического вопроса промышленной статистики. В статьях «Устава о промышленности» содержались архаические, неясные определения понятий «фабрика» и «завод». Большинство формулировок восходило или прямо повторяло законоположения еще XVIII в.³³ Никаких разъяснений на этот счет не содержалось и в рассылавшемся министерством финансов бланке ведомости, который не устанавливал сколько-нибудь точных признаков промышленного заведения. Все это обусловило регистрирование ведомостной статистикой не только фабрично-заводских предприятий, но массы мелких, по существу, кустарных заведений. Особенно это характерно для раннего периода становления статистики российской промышленности, когда преобладали переходные и начальные формы организации капиталистического предприятия. Не обеспечивала полноту и достоверность ведомостной статистики система сбора материала. Ведомости заполнялись владельцами предприятий или с их слов чинами полиции. Никакой проверки сообщаемых данных не производилось. Отказ от привлечения к сбору сведений специалистов-статистиков также оказывал отрицательное влияние на качество статистического материала.

Для публикаций XIX—начала XX в. характерна острокритическая оценка ведомостной статистики, что во многом, очевидно, было обусловлено стремлением обосновать необходимость изменения программы и существующего порядка сбора статистических сведений о промышленности. Определяя недостоверность данных ведомостей, А. Б. Бушен считал, что они занижены наполовину, Д. А. Тимирязев допускал уменьшение владельцами показателей на 15—20%³⁴. Однако подсчеты Ю. Я. Рыбакова,

---

лепной статистике России XVIII—XIX веков (ведомости фабрик и заводов). — В кн.: Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965; *Он же*. Методы проверки достоверности ведомостей фабрик и заводов России XIX в. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1; *Он же*. Промышленная статистика России XIX в.

³¹ Понятие «ведомостная статистика» подразумевает систему источников, т. е. первичные материалы и осуществленные на их основе публикации.

³² См., например: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 5—6 и след.

³³ Воробьев Н. Я. Указ. соч., с. 9—10.

³⁴ См., например, предисловие Д. А. Тимирязева к «Историко-статистическому обзору промышленности России», т. 2. См. также: Тимирязев Д. А. Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России. СПб., 1869, вып. 1, с. III—IV; Протоколы и стенографические отчеты заседаний Первого всероссийского

относящиеся к ведомостям середины XIX в. и первых пореформенных десятилетий, а также сопоставление их данных с материалами губернаторских отчетов, вопросными листками промышленных выставок, земскими обследованиями, показали преувеличенность подобных оценок³⁵.

В литературе распространен недостаточно исторический подход к ведомостной статистике: оценки программы и техники сбора данных, присущие ведомостям начала и середины XIX в., распространяются и на последующий период. Подобные утверждения встречаются и в работе Ю. Я. Рыбакова. Такая точка зрения обычно аргументируется ссылкой на следующее замечание В. И. Ленина: «Уж, конечно, мы не скажем ни одного слова в защиту совершенно устарелой, чисто дореформенной и по устройству, и по качеству, прежней системы нашей фабрично-заводской статистики. Но, к сожалению, улучшения в ее состоянии почти незаметно и поныне»³⁶.

Представляется неправомерным расширительное и не всегда точное толкование этого высказывания без учета общего полемического настроения ленинской статьи. На наш взгляд, неправильно из приведенного положения делать вывод, что в российской фабрично-заводской статистике вообще не происходило изменений. Ведь В. И. Ленин, останавливаясь на недостатках промышленной статистики, одновременно подчеркивал необходимость учета различных нововведений для выявления сопоставимых данных. Нельзя также делать заключение о непригодности сведений для исследования промышленного развития России. В. И. Ленин лишь подчеркивал важность определения достоверности данных фабрично-заводской статистики и установления, «к каким выводам они пригодны и к каким непригодны»³⁷.

Эволюция ведомостной статистики в пореформенное время происходила под воздействием ряда факторов. Во-первых, на совершенствование ведомостной статистики оказывал воздействие сам процесс развития капиталистического производства. Распространение крупных фабричных форм промышленности приводило к налаживанию и унификации внутривзаводской системы бухгалтерского и статистического учета. Еще более усиливало эти тенденции акционирование промышленности. Во-вторых, переход от простых форм учета и регистрации промышленных заведений к сбору более детальной и разносторонней информации о них был обусловлен изменением содержания политики правительства в области промышленности. В-третьих, на развитие фабрично-за-

съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью 1870 года. СПб., 1872, с. 32.

³⁵ Рыбаков Ю. Я. Промышленная статистика России XIX в., с. 225—249; Он же. Методы проверки достоверности ведомостей фабрик и заводов России XIX в., с. 283—289; Он же. Программа и организация сбора сведений по промышленной статистике России XVIII—XIX веков, с. 112.

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 3.

³⁷ Там же, с. 2.

водской статистики оказывало влияние общее развитие статистических работ в стране в пореформенное время, разработка вопросов теории и практики статистической науки³⁸.

Все это и определило изменения в программе собираемых сведений, так как прежний, дореформенный формуляр уже не мог обеспечить получение более широкой информации о промышленном производстве в России. Изменения в ведомости были внесены в 1884—1885 гг., что, впрочем, не нашло отражения в официальных постановлениях на этот счет. Более того, в переизданиях «Устава о промышленности начала XX в. по-прежнему воспроизводился старый тип ведомости. Подобного рода расхождения законодательства и практики были характерны и для других областей торгово-промышленной деятельности³⁹. Но в статистических публикациях конца 80-х—начала 90-х годов XIX в. уже прямо указывалось на изменение формуляра ведомостей⁴⁰. На расширение круга вопросов, по которым собирались сведения, указывает и появление с конца 80-х годов новых рубрик в публикациях, основанных на ведомостной статистике. Сохранившиеся в архиве ведомости за 1885 г.⁴¹ включают уже более широкий перечень вопросов, чем ведомости 60—70-х годов.⁴²

Владелец предприятия должен был представить сведения о местонахождении заведения, дате его основания, количестве изготовленных изделий в натуральном и стоимостном выражении, числе паровых машин и их мощности, данные о других типах двигателей, числе рабочих (взрослых, малолетних, мужчин, женщин, занятых на фабрике или работающих на стороне), заработной плате и продолжительности рабочего дня, количестве используемых механизмов, топливе, сырье, сбыте изделий, о непрерывности производства в течение года. Кроме того, новый формуляр содержал вопросы о фабричных зданиях, об образовании и подданстве лиц, заведующих производством, об имеющихся при фабрике училище, больнице, сберегательной кассе и т. д. Шагом вперед в развитии формуляра явились краткие перечни оборудования и механизмов, что позволяло получать более точные и достоверные ответы. В то же время ряд вопросов был составлен неточно, что не позволяло получать однородные данные. Например, заработную плату можно было указывать подневно или по-

³⁸ *Шифман А. Г.* Указ. соч., с. 11; *Розовский Л.* Из истории русской промышленной статистики. — Вестник статистики, 1955, № 2, с. 39—46.

³⁹ См., например, в работе *Л. Е. Шепелева* «Акционерные компании в России» характеристику общего и сепаратного акционерного законодательства (с. 121—123, 281—284).

⁴⁰ Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России в 1885—1887 гг., с. 1. О новой программе ведомостей и практике ее введения см. также: *Орлов П. А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского: Материалы для фабрично-заводской статистики. 2-е изд. СПб., 1887, с. I—II.

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, д. 14—14 об., 65—65 об.

⁴² В этот период действовал дореформенный формуляр. Заполненный образец см.: *Рыбаков Ю. Я.* Промышленная статистика России XIX в., с. 48.

месячно, что затрудняло подведение итогов. Вопрос о непрерывности производства в течение года также был весьма расплывчат, поскольку не надо было сообщать точное число рабочих дней в году, а лишь указать: «продолжается ли производство круглый год, а если нет, то с какого и до какого месяца?» Разработка вопросов о сырье, топливе, оборудовании, числе рабочих и количестве рабочих дней в году позволяла корректировать правильность ответов о величине и стоимости производства. Следует заметить, что именно с этого времени ведомости приобретают черты статистических материалов, характеризующих промышленное производство.

Мероприятия середины 80-х годов не внесли, однако, принципиальных изменений и уточнений в определение объекта статистического наблюдения. Понятие промышленного заведения оставалось столь же неясным и расплывчатым, что, безусловно, сказывалось на точности статистических данных. В то же время содержание новых вопросов, требовавших более высокого уровня внутривзаводского учета, привело к дифференциации в сборе сведений о крупных и мелких предприятиях. В примечании к ведомости прямо указывалось: «Таковые отдельные ведомости должны быть представляемы от каждой фабрики или завода, годовая производительность коих не менее 1000 руб., более же мелкие заведения вносятся в общую по губернии ведомость»⁴³. На основании этого распоряжения отдельно стали поступать сводные ведомости о мелких предприятиях⁴⁴.

Со второй половины 80-х годов происходит расширение территории, на которой собирались сведения о фабрично-заводской промышленности: поступают ведомости о промышленных заведениях Кавказа, Сибири и Туркестана. Это позволяет говорить о большей представительности данного источника. Процессу его совершенствования, в частности унификации собираемых сведений, способствовала рассылка типографских бланков на места из Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов.

В ЦГИА СССР отложилось большое количество ведомостей, особенно за 1878, 1879, 1885 и 1890 гг. Вторые экземпляры этих ведомостей сохранились и в местных архивах.

Данные ведомостей были основными источниками многочисленных периодических изданий Министерства финансов⁴⁵. Из их числа следует выделить три издания «Указателя фабрик и заводов» и выпуски «Свода данных о фабрично-заводской промышленности в России» (за 1885—1897 гг.).

«Указатели» представляют собой публикации, наряду с общими обзорами промышленности, содержащие данные об отдель-

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, д. 12, л. 14.

⁴⁴ Там же, д. 33. Сводные ведомости по Воронежской губернии за 1884/85 г. по уездам и отраслям о предприятиях с производством не свыше 1 тыс. руб.

⁴⁵ Обзор и оценку этих публикаций см.: Рыбаков Ю. Я. Промышленная статистика России XIX в., с. 197—216.

ных фабриках, т. е. карточные сведения⁴⁶. Первое издание «Указателя фабрик и заводов» включает данные о промышленных заведениях, извлеченные из ведомостей за 1879 г.⁴⁷, второе издание — данные за 1884 г.⁴⁸ и третье — за 1890 г.⁴⁹ Основным достоинством этих публикаций является наличие поименного списка предприятий с соответствующей информацией о характере их производства. Такой принцип издания позволяет, во-первых, проводить более эффективную корректировку источника, т. е. отделять сравнительно годный материал (сведения о крупных заведениях) от недостоверного, на основе сопоставления с изданиями других ведомств выявлять пропуски предприятий и т. д.; во-вторых, публикации с карточными сведениями открывают возможность для новой обработки материала, в частности для проведения группировок предприятий по ряду однородных признаков.

Во всех трех «Указателях» карточные сведения приводились только о предприятиях с годовой производительностью не менее 2000 руб. Повторяемость этого принципа, так же как и единообразие в систематизации отраслей и производств промышленности⁵⁰, обеспечивает сравнительную сопоставимость данных. Однако о полной сопоставимости говорить не приходится, поскольку каждый из «Указателей» содержал определенные варианты в наборе сведений о заведении. «Указатель» 1881 г. сообщал данные о местонахождении предприятия и его владельце, о числе рабочих, о применяемых в заведении паровых машинах и механизмах, количество и стоимость выработанной продукции. «Перечень предприятий Европейской России по отделам и губерниям» во 2-м издании «Указателя» содержал следующие сведения о каждом фабричном заведении: владелец и его сословная принадлежность, местонахождение предприятия и время его основания, число и мощность паровых машин, имеющиеся механизмы и их количество, основные производства, количество и стоимость произведенной продукции, число рабочих, имеющиеся при заводе благотворительные учреждения. Такое расширение информации было обусловлено включением в формуляр ведомостей новых вопросов. Однако этот процесс не получил развития, и в карточных

⁴⁶ В дальнейшем публикации подобного типа именуются изданиями с карточными сведениями. Такая характеристика статистических изданий была принята в работах В. И. Ленина (см., например: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 4, с. 33).

⁴⁷ Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и вел. кн. Финляндским. СПб., 1881.

⁴⁸ Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского: Материалы для фабрично-заводской статистики. 3-е изд. СПб., 1887.

⁴⁹ Орлов П. А., Будагов С. Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1894.

⁵⁰ Сведения публиковались по 10 отделам промышленности, которые в свою очередь подразделялись на 90 производств. «Указатели» включали в себя данные и о производствах, облагаемых акцизом.

сведениях третьего издания «Указателя», кроме данных о местонахождении предприятия и его владельце, приводились лишь сведения о сумме произведенной продукции, числе рабочих и наличии паровых двигателей (без указания числа и мощности).

Наряду с поименным перечнем всех заведений с суммой производства не менее 2 тыс. руб. «Указатели» содержали разработку итогов ведомостей. Именно этой части издания присущ наиболее существенный недостаток: в итоги были включены и сведения о мелких заведениях, которые не вошли в поименный список. Это смешение «сравнительно достоверных» данных, относящихся к более крупным предприятиям, с «особенно недостоверными» по мелким заведениям подверглось резкой критике в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»⁵¹.

Следует отметить определенное развитие формуляров итоговых таблиц во 2-м и 3-м изданиях «Указателя». В «Указателе» за 1884 г. общий обзор производств по губерниям содержал сведения только по трем основным показателям (число фабрик и заводов, сумма производства и число рабочих). Кроме того, в предисловии давалась динамика производств по этим показателям в 1880—1885 гг. В итоговой части дополнительно были составлены таблицы по 8 губерниям (Московской, Петербургской, Владимирской, Волынской, Гродненской, Киевской, Курляндской, Рязанской), где введение нового образца ведомости дало положительные результаты. Сведения по этим губерниям были обработаны по более детальной программе: указан состав рабочих по полу и возрасту, образование и подданство заведующих производством. Для корректировки и проверки некоторых данных составители «Указателя» прибегали к сопоставлению с другими источниками. Например, итоговые подсчеты числа рабочих по ведомостям выборочно уточнялись с показателями отчетов фабричных инспекторов.

Особенностью 3-го издания «Указателя» является наличие многочисленных таблиц с обработкой отдельных показателей или системы таких основных показателей, как сумма производства, число фабрик и заводов, число рабочих. Среди них представляют интерес таблицы распределения губерний по сумме производства, группировка фабрик по годовой производительности, по числу рабочих и т. д.

На основе ведомостей фабрикантов начиная с 1889 г. осуществлялось издание «Сводов данных о фабрично-заводской промышленности в России»⁵². Как указывалось в предисловии к первому

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 462—463.

⁵² Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1885—1897 гг. СПб., 1889—1900 (Материалы для торгово-промышленной статистики): (Свод... за 1885—1887 гг. СПб., 1889; Свод... за 1888 г. СПб., 1891; Свод... за 1889 г. СПб., 1891; Свод... за 1890 г. СПб., 1893; Свод... за 1891 г. СПб., 1894; Свод... за 1892 г. СПб., 1895; Свод... за 1893 г. СПб., 1896; Свод... за 1897 г. СПб., 1900).

выпуску, расширение программы ведомостей позволило включить в разработочные таблицы такие вопросы, как состав рабочих по полу и возрасту, характеристики энергетического оборудования, количество употребленного топлива и т. д.

В отличие от «Указателей» данная публикация содержала только общие погубернские и отраслевые итоги. Формуляры таблиц, сочетание текстовой и цифровой разработки материала, перечень отраслей и производств претерпели на протяжении издания известные изменения.

Публикация «Свода... за 1885—1887 гг.» состоит из четырех отделов. I отдел — «Главные итоги фабрично-заводской промышленности в России за 1885—1887 гг.» — представляет текстовую разработку сведений. II отдел — «Обзор фабрик и заводов по губерниям» — включает систему таблиц, в которых, кроме сведений по каждой губернии, даются итоги по четырем районам (Европейская Россия, Польша, Кавказ, Сибирь и Туркестан). Относительно каждой губернии и района данные публиковались по отдельным производствам и по трем основным показателям: количество фабрик и заводов, сумма производства, число рабочих. Данные о предприятиях с годовой производительностью менее 1 тыс. руб. приводились отдельно, в том числе в итогах по всей империи. Само по себе введение такого ценза и соблюдение его в итоговых показателях было шагом вперед в обработке материала, в разграничении собственно фабрично-заводских и мелких, кустарных предприятий. Однако сам уровень ценза оказался заниженным, учитывая даже то обстоятельство, что в изданиях «Указатели фабрик и заводов» ценз был в два раза выше. III отдел — «Обзор фабрик и заводов по производствам за 1885—1886 гг.» — включал сведения по районам и губерниям за 1885—1886 гг. по трем показателям (число фабрик и рабочих, сумма производства), а за 1887 г. еще о количестве произведенной продукции, о распределении рабочих по полу и возрасту, об образовании и подданстве заведующих производством, о числе используемых механизмов. По последнему пункту данные практически сообщались только по текстильной промышленности. IV отдел включал таблицы со сведениями по отдельным производствам о количестве употребленного топлива, числе и мощности паровых машин. К изданию «Свода за 1885—1887 гг.» имеется ряд дополнительных выпусков⁵³.

«Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1890 г.» представляет систему таблиц без текстовых разработок. Издание включает таблицы трех основных типов: 1) обзор фабрик и заводов по губерниям; 2) обзор фабрик и заводов по производствам и 3) обзор производительности фабрик и заводов по родам и видам выработанной ими продукции.

⁵³ Данные о химических производствах за 1889 г. СПб., 1890; Данные о производстве по обработке животных продуктов за 1889 г. СПб., 1890; Данные о производствах по обработке дерева за 1889 г. СПб., 1890, и др.

В каждой таблице сведения даются и по губернии, и по производству.

В первых двух таблицах показатели такие: количество фабрик и заводов, главные механизмы, число и мощность двигателей, количество и стоимость продукции, число, состав рабочих по полу и возрасту, количество рабочих часов, средняя заработная плата в месяц, количество употребляемого топлива, состав и образование заведующих производством. Сведения о мелких предприятиях даны суммарно по всем производствам в губернии. Следует отметить многочисленные пропуски данных в показателе о главных механизмах. Третья таблица имеет по вертикали только три наименования: число фабрик, количество произведенной продукции и ее стоимость. Однако в горизонтальных графах таблицы дается подробный перечень различных видов продукции по девяти группам производства⁵⁴. Состав публикации «Свода за 1890 г.» показывает, как расширение программы ведомостей отразилось на содержании статистики промышленного производства.

Начиная с 1892 г. «Своды» стали включать сведения о предприятиях горной и акцизной промышленности, что привело, конечно, к изменению первичного материала публикации. Кроме ведомостей фабрик и заводов, использовались данные, получаемые казенными палатами, главным управлением неокладных сборов и Горным департаментом. Именно эти источники лежат в основе последнего выпуска «Свода за 1897 г.», который дает характеристику промышленности за ряд предшествующих лет: 1887, 1890, 1893, 1896 гг. Это не простое повторение ранее осуществленных публикаций: были изменены прежние группы производств и введена по некоторым показателям новая система их подсчета. Например, стоимость годового производства устанавливалась по так называемому валовому методу, т. е. при определении суммы выручки по заказам учитывалась и стоимость сырья. В результате этого было «преувеличено экономическое значение, в особенности тех видов обрабатывающей промышленности, которые являются последним звеном в ряде подготовительных производств»⁵⁵.

Число показателей по итогам 1887—1897 гг. незначительно: количество фабрик и заводов, стоимость производства и число рабочих. Таблицы собственно за 1897 г. составлены по более подробной программе: число фабрик и заводов, количество и стоимость израсходованного топлива, число рабочих, их заработная плата. В каждой группе отраслей указано число фабрик

⁵⁴ I — по обработке волокнистых веществ, II — писчебумажные, III — по обработке дерева, IV — химические, V — по обработке животных продуктов, VI — керамические, VII — металлические, VIII — по обработке литательных продуктов, IX — производства, не вошедшие в предыдущие группы.

⁵⁵ Свод... за 1897 г. Предисловие, с. 2.

с основным и побочным производствами. Дана также таблица производительности фабрик по родам и видам продукции⁵⁶. В последней данные группировались по губерниям и таким, например, рубрикам: 1) льняное полотно; 2) парусина, холст и другие суровые ткани; 3) мешки; 4) льняные скатерти, салфетки, полотенца и т. д. По вертикали указывалось: 1) число фабрик и заводов (отдельно: главное и побочное производства); 2) количество выработанной продукции и 3) стоимость продукции.

Несмотря на содержательность информации «Сводов», ее представительность (наличие сведений по всем отраслям российской промышленности), использование данного статистического материала весьма ограничено. На недостатки этого издания указывал В. И. Ленин. Он обращал внимание, во-первых, на несовершенство введенного ценза отбора промышленных предприятий, считая, что «такой признак „фабрики“ совершенно не достаточен: о *полной* регистрации заведений с суммой произв. выше 1000 руб. не может быть и речи при современных способах собирания сведений...»⁵⁷ Во-вторых, В. И. Лениным было отмечено, что в «Сводах» совершенно не пояснены приемы включения горных и акцизных предприятий в общее число фабрик и заводов⁵⁸.

Итак, как сам первичный материал, т. е. ведомости фабрик и заводов, так и его разработка в публикациях 80—90-х годов XIX в. содержат разнообразную информацию о пореформенной российской промышленности. Можно говорить о высокой степени представительности этого комплекса массовых источников, поскольку он включает сведения о большинстве промышленных заведений России. Его репрезентативность многоаспектна. Во-первых, отрасли обрабатывающей промышленности занимали центральное место в структуре промышленного производства России. Во-вторых, как сами ведомости, так и публикации широко освещали прежде всего итоги деятельности крупнокапиталистических предприятий, на долю которых приходилось и большинство рабочих, и большая часть продукции. В то же время учет посредством ведомостей и мелких заведений позволяет более точно воспроизвести структуру российской промышленности. В-третьих, ведомостная статистика, охватив постепенно всю территорию России, дает в распоряжение исследователя однотипные сведения в рамках всей страны.

Массовые данные этого источника позволяют изучать важнейшие процессы капиталистической эволюции промышленности: складывание фабрично-заводского производства в отдельных отраслях и губерниях, отраслевую структуру российской промыш-

⁵⁶ В «Своде... за 1897 г.» подверглась изменению систематизация отраслей и производств: было введено 10 групп отраслей и 128 производств.

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 464.

⁵⁸ Там же, с. 464—465.

ленности, мощность ее энергетического оборудования, размещение промышленности, завершение промышленного переворота, неравномерность развития отдельных регионов, рост концентрации производства, изменение состава и численности рабочего класса и т. д.

3. МАТЕРИАЛЫ ОБСЛЕДОВАНИЙ И ПЕРЕПИСЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ведомостной учет как основная форма получения статистической информации о деятельности обрабатывающей промышленности России прекращается после 1897 г. На смену системе ежегодных сборов государственными органами сведений о промышленном производстве приходит метод одновременных обследований промышленности, метод переписей.

Усложнение задач и содержания промышленной политики правительства требовали более обширной и достоверной информации, а значит, и радикального расширения программы ведомостей и изменения самой системы сбора сведений. Однако такая реформа текущего статистического учета оказалась затруднительной по двум обстоятельствам. Во-первых, производить ежегодную рассылку, сбор и обработку детальной анкеты не позволяла нехватка государственных средств. Во-вторых, сопротивление самих предпринимателей такому постоянному представлению широкой информации о деятельности своих заведений. Эти факторы наглядно проявились в неудаче опроса 1902 г.

В течение 1901—1902 гг. отделом промышленности Министерства финансов проводился сбор и обработка данных первой российской промышленной переписи. Одновременно, в 1902 г., отдел разослал новый опросный листок. Он имел более сокращенную программу, чем анкета переписи, но был достаточно детален. Первая его форма именовалась «Листок общих сведений по промышленному заведению» и включала 12 вопросов (ряд из них имел подвопросы)⁵⁹. К 12-му вопросу прилагались листки «А», «Б», «В». Листок «А» содержал перечень сведений по каждому отделу (производству) заведения о числе рабочих дней в году, продолжительности суточной работы, числе рабочих, а также о главнейших механизмах и оборудовании. В листок «Б» надо было вписать сведения о сырых материалах или полуфабрикатах, переработанных в заведении. Листок «В» включал данные о количестве товаров, продуктов (или полуфабрикатов), изделий, произведенных заведением. Выделялось производство за свой счет и по заказам, а также для продажи и переработки в другие отделения предприятия⁶⁰.

Анкета 1902 г. должна была стать основой последующих еже-

⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 2, д. 2927, л. 3—4 об.

⁶⁰ Там же, л. 1—2 об., 5—6 об.

годных отчетов предприятий, представляемых в Министерство финансов. Но обследование дало незначительный эффект: лишь $\frac{1}{3}$ владельцев прислала заполненные анкеты. В записке фабричного ревизора министерства В. Е. Варзара⁶¹ неудача обследования и невозможности его последующего повторения объяснялись отсутствием средств у казны⁶².

Очевидно, что переход к методу переписей явился отражением многих сложных изменений во всей социально-экономической структуре российского общества. Не случайно, что многие исследователи истории российской промышленной статистики связывают его с общим процессом капиталистической эволюции страны⁶³. Ведущими тенденциями в развитии промышленности России в конце XIX—начале XX в. стали акционирование и монополизация производства. Акционерные общества и монополии были основными центрами управления промышленностью. Статистический учет производства отдельных предприятий и целых отраслей соответственно явился одним из важнейших направлений в деятельности акционерных компаний и монополистических объединений. Именно поэтому в их делопроизводственных фондах столь широко представлены статистические материалы по самым различным вопросам промышленного производства⁶⁴. Интерес к организации фабрично-заводской статистики, как уже отмечалось выше, все более активно проявляют и предпринимательские организации буржуазии. На этой основе произошло известное размежевание функций в области статистики промышленности между государственным аппаратом и частнокапиталистическими предприятиями, организациями буржуазии. Последние осуществляли прежде всего текущий статистический учет промышленного производства, причем обычно в рамках группы предприятий, отрасли или региона. Государство сосредоточивает свои усилия на проведении единовременных обследований промышленности и организации обобщения информации о деятельности акционерных обществ⁶⁵.

Представители российской буржуазии не только обосновывали такое разделение сфер и задач промышленной статистики государственных учреждений и частных обществ, но и предлагали существенно ограничить доступ правительства к первичной документа-

⁶¹ Василий Егорович Варзар (1851—1940) — видный теоретик и практик промышленной статистики России, организатор первых промышленных переписей, автор ряда трудов по статистике. После Октябрьской революции работал в ВСНХ и ЦСУ.

⁶² ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 38, л. 226.

⁶³ Шифман А. Г. Указ. соч.; Розовский Л. Из истории русской промышленной статистики. — Вестник статистики, 1953, № 5, и др.

⁶⁴ Наумова Г. Р. Делопроизводственные документы российских синдикатов. — Вопросы истории, 1976, № 10, с. 146—148; Шепелев Л. Е. Частнокапиталистические торгово-промышленные предприятия России в конце XIX—начале XX в. и их архивные фонды. — Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР. М., 1958, т. 10, с. 90—91.

⁶⁵ См. главу II настоящего издания.

ции о промышленном производстве предприятий. Так, в записке Общества фабрикантов и заводчиков, составленной в 1907 г., прямо указывалось, что первичные статистические данные о промышленности должны собираться не правительственными учреждениями, а местными организациями капиталистов. Последние представляют в государственные органы «сведения по группам, а не по отдельным предприятиям, причем одновременно представляют и реестр всех припаятых в расчет предприятий, оставляя у себя подлинные, сообщенные отдельными предприятиями сведения»⁶⁶. Материалы архива⁶⁷ и некоторые статистические публикации⁶⁸ свидетельствуют о целенаправленной передаче государством функций текущего статистического учета объединением промышленников, о привлечении и использовании учетно-распределительного аппарата монополий, государственно-монополистических учреждений и предпринимательских организаций при проведении единовременных обследований.

С точки зрения статистической практики метод переписей в условиях господства частнокапиталистической собственности, охраны производственной и коммерческой тайны обеспечивал и большую достоверность, и большую полноту данных. Именно поэтому, говоря об условиях получения удовлетворительных сведений фабрично-заводской статистикой, В. И. Ленин подчеркивал, что для этого «необходима правильно поставленная промышленная перепись, регистрирующая все и всякие промышленные заведения, предприятия и работы и повторяемая через известные промежутки времени»⁶⁹.

Статистическая практика России во второй половине XIX в. постепенно накапливала опыт проведения единовременных обследований промышленности.

Так, в 1868 г. ЦСК было осуществлено анкетирование предприятий Московской и Владимирской губерний, которое имело своей основной целью прежде всего разработку методики проведения подобных статистических наблюдений⁷⁰. Несмотря на ряд до-

---

⁶⁶ Цит. по: *Розовский Л.* Переписи русской промышленности 1900 и 1908 гг. — В кн.: *Очерки по истории статистики СССР.* М., 1960, вып. 3, с. 81.

⁶⁷ См., например, об участии Совета съездов горнозаводчиков Урала в разработке форм подачи статистических сведений по Горному департаменту (ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 2, д. 561, л. 1—70), о привлечении Совета съездов представителей металлообрабатывающей промышленности, Комитета по делам хлопчатобумажной промышленности к планированию отраслевым переписям 1917 г. (там же, ф. 23, оп. 27, д. 137, л. 8—15 об.).

⁶⁸ См.: *Список горных и горнозаводских фирм с указанием адресов и справочных сведений.* Харьков, 1901. Предисловие.

⁶⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 29.

⁷⁰ Подробнее об истории этого обследования см. в предисловии к публикации его материалов («Статистический временник...», сер. II, вып. 6) и в кн.: *Рыбаков Ю. Я.* Промышленная статистика России XIX в.

стоинств анкеты, составленной ЦСК с учетом достижений статистической науки и практики того времени, обследование не имело реального результата, так как его программа не нашла непосредственного отражения в последующей статистике промышленности.

Одно из самых значительных обследований промышленности во второй половине XIX в. связано с проведением Всероссийской промышленно-художественной выставки в Москве в 1882 г. Комиссией по организации выставки был разработан специальный вопросный листок⁷¹. Программа обследования была особенно подробна в плане выяснения технического оборудования предприятия, его энергетических мощностей, характера и организации производства, состава и числа занятых на предприятии рабочих. Например, п. 8 об имеющихся двигателях требовал сведения о числе и мощности (в л. с.) всех типов двигателей с выделением машин отечественного производства⁷².

Заметным шагом вперед было применение системы перечней в вопросах. В этом отношении особенно характерно содержание п. 10: «Исполнительные механизмы и аппараты: машины, снаряды, станки, верстаки, горны, кубы, чаны и т. п. с указанием числа, устройства и размеров главнейших машин и аппаратов». Такая формулировка существенно отличалась от пункта ведомости, где неопределенно указывалось: «счет станков». В приложениях к п. 10 детально перечислялись все возможные машины и механизмы, применяемые в том или ином производстве. Перечень по литейному и механическому производствам содержал, например, 52 наименования⁷³. Такая система, когда предприниматель должен был лишь проставить соответствующее число, а не составлять список оборудования и машин, была удобной практически и обеспечивала большую достоверность, полноту сведений и унифицировала форму их представления.

Однако обследование Московской выставки 1882 г. не было свободно от многих прежних недостатков промышленной статистики России. Листок не вносил ничего нового в разработку вопроса об определении понятия промышленного заведения. Ряд вопросов сохранял расплывчатую формулировку, не требовал ответов в точном цифровом выражении, что затрудняло в дальнейшем подсчеты и тем более статистический анализ. Например, в п. 6 спрашивалось: «продолжается ли производство круглый год, а если нет, то с какого и до какого месяца»⁷⁴. Между тем вопрос о количестве рабочих дней в году является важной производственной характеристикой предприятия.

⁷¹ Перечень основных вопросов листка см.: Рыбаков Ю. Я. Промышленная статистика России XIX в., с. 143—145. Сведения собирались за 1879/80 г., так как первоначально выставка планировалась в 1881 г.

⁷² ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, д. 122а, л. 54 об.

⁷³ Там же, л. 6—6 об.

⁷⁴ Там же, л. 54 об.

Обследование на основе вопросных листков 1882 г. имело значение не только с точки зрения разработки методики промышленной статистики, но и позволило получить разнообразную информацию о промышленном производстве России. В ЦГИА СССР сохранился значительный комплект вопросных листков по 30 губерниям и областям Европейской России⁷⁵. Материалы вопросных листков Московской выставки 1882 г. получили некоторое отражение в издании «Историко-статистический обзор промышленности России»⁷⁶. В публикации преобладают текстовые разработки сведений, таблиц не очень много и с ограниченным набором показателей. Все это свидетельствует о неиспользованных возможностях данного комплекса источников.

Следующее крупное обследование российской промышленности в XIX в. связано с попыткой реформы постоянного статистического учета предприятий. Однако обследование проводилось по столь обширной программе, что вышло далеко за рамки задач обычной текущей статистики. Цель обследования была сформулирована министром финансов С. Ю. Витте в циркуляре владельцам промышленных заведений от 7 июня 1895 г.: потребность государства в широкой экономической информации. В частности, в циркуляре отмечалось, что система покровительства промышленности требует «постоянно и зорко следить за ходом развития этой промышленности, по крайней мере в главных ее отраслях, за важнейшими изменениями ее технических и экономических условий и за результатами этих изменений в связи с общими интересами народного хозяйства»⁷⁷.

Всего анкета 1895 г. включала 35 вопросов, многие из которых, в свою очередь, состояли из системы таблиц и ряда подвопросов. Пункты 1—8 требовали ответа на следующие вопросы: название заведения и точное его местонахождение, перечень производств, данные о владельце или правлении товарищества, об имеющихся складах, аренде, кто заведует производством. Пункты 9—10 предусматривали получение сведений о продукции предприятия и ее сбыте. В ответах на вопросы 11—13 необходимо было сообщать данные о сырье и топливе, в том числе источниках их

⁷⁵ Подсчеты представительности вопросных листков, проведенные Ю. Я. Рыбаковым (*Рыбаков Ю. Я.* Промышленная статистика России XIX в., с. 152 и след.) нуждаются в некоторых уточнениях. Знакомство с делами по Московской губернии (ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, д. 122, 122а, 127, 128, 128а, 300) и описями дел по другим районам свидетельствует о более высокой степени сохранности материала.

⁷⁶ Историко-статистический обзор промышленности России. СПб., 1886, т. 2.

⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, д. 394, л. 62. 7 июня были направлены соответствующие циркуляры и фабричным инспекторам, губернским (областным) механикам, техникам и чинам полиции, определявшие порядок сбора и проверку ведомостей. Изложение этих документов (см.: *Кобеляцкий А. И.* Справочная книга для чинов фабричной инспекции, для фабрикантов и заводчиков. 5-е изд. СПб., 1898, с. 44—45). Новый, расширенный вариант ведомости мы называем далее анкетой.

получения. Вопросы 14—16 были посвящены характеристике энергетического оборудования и содержали подвопросы об отдельных разновидностях двигателей, кроме паровых, и четыре таблицы для заполнения данных о паровых котлах и машинах.

Вопрос 17 включал сведения о станках, машинах, их производительности и числе занятых на них рабочих. В 8-ми приложениях к вопросу следовало представить данные по каждому производству предприятия отдельно. Вопросы 18—21 касались длительности рабочего года, числа праздничных дней в году. Вопросы 22—33 выясняли состав рабочих на предприятии, продолжительность рабочего дня, заработок отдельных категорий рабочих, их жилищное положение, уровень медицинской помощи, особенности страхования и т. д. Вопрос 34 содержал три основных подвопроса о казенных, городских и земских сборах. 35-й вопрос требовал изложить краткую историю предприятия. Оценивая программу анкеты, можно отметить, что в наборе вопросов был сделан шаг вперед не только по сравнению с ежегодными ведомостями, но и обследованиями 1868 и 1882 гг. В целом обследование 1895 г. явилось попыткой разработать некоторые методологические вопросы промышленной статистики и изменить существовавший порядок сбора сведений.

При проведении анкетирования 1895 г. была обобщена практика определения понятия фабрично-заводского предприятия. В вводной части ведомости указывалось: «Ведомости должны быть составлены обо всех промышленных заведениях, имеющих не менее 15 рабочих, а также и о тех, которые при числе рабочих менее 15 имеют паровой котел, паровую машину или другие механические двигатели и машины или заводские и фабричные устройства»⁷⁸. В. И. Лениным в работе «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике» было проанализировано это определение⁷⁹. В. И. Ленин отмечал, что наиболее точным признаком (из числа предложенных), характерным для крупной машинной индустрии, является наличие парового двигателя. Что касается числа рабочих, то, по его мнению, следовало оговорить: включаются ли в подсчет рабочие на стороне, вспомогательные и т. д. Особую критику В. И. Ленина вызвали остальные признаки фабрично-заводского предприятия. На многочисленных примерах он показал, как неясность основного вопроса промышленной статистики привела к учету значительного числа мелких, ремесленных заведений. Более удачно в ходе обследования был решен вопрос о предприятии как единице счета, когда не допускалось смешение предприятия и цеха и велся отдельный учет нескольких предприятий акционерного общества, товарищества и т. д. Это позволило избежать как двойного счета, так и укрупнения промышленных единиц⁸⁰. В об-

⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, д. 395, л. 73.

⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 5—9.

⁸⁰ О методологических принципах определения промышленного заведения см.: Варзар В. Е. Очерки основ промышленной статистики. М.: Л., 1925,

следовании 1895 г. была применена новая система классификации отраслей, положенная в основу последующих переписей промышленности. Все промышленные производства объединялись в 12 групп: I — обработка хлопка, II — шерсти, III — шелка, IV — льна, пеньки, джута, V — смешанные производства по обработке волокнистых веществ, VI — бумажное, VII — бумагоделательное, полиграфическое производство, VIII — обработка дерева, IX — металлов, производство машин, аппаратов и орудий ремесла, X — минеральных веществ, XI — животных продуктов, XII — питательных веществ, XIII — химические производства.

По циркуляру 7 июня 1895 г. устанавливался несколько иной порядок сбора сведений: рассылка ведомостей, надзор за их составлением и сбор заполненных ведомостей возлагались на фабричных инспекторов. Однако расширение района обследования (включались области Сибири, Туркестана) и круга анкетированных предприятий вынудило привлечь к этой работе губернских (областных) механиков и чинов полиции⁸¹. В итоге изменения коснулись лишь посредников в рассылке и сборе ведомостей и не повлияли на непосредственный сбор данных. Так же, как и ранние ведомости, анкета 1895 г. заполнялась владельцем предприятия и только он отвечал «по закону за достоверность сообщаемых сведений». Как уже отмечалось, фабричные инспектора не имели реальной власти для проверки полученных сведений и должны были лишь содействовать в разъяснении неясных мест⁸².

Укажем некоторые другие особенности анкеты, которые оказали влияние на достоверность собранного материала и возможность его обобщения. Прежде всего следует отметить неточность в формулировках некоторых вопросов. Например, в пункте 11 спрашивалось, какие материалы, в каком количестве и на какую сумму были употреблены для производства. Однако в пояснении к этому вопросу было опущено слово «употреблены» и говорилось о сырье, приобретенном и поступившем от заказчиков. Такая неточность привела к тому, что многие владельцы показали сумму не сырья, затраченного на производство товаров, а всего сырья, приобретенного фабрикой, в том числе для будущего производства.

Хотя в анкете имелось много таблиц, но в них не было графы итоговых показателей (см. вопросы о сырье, топливе, общем числе рабочих и т. д.). Многие вопросы были излишне детализированы. Например, вопрос о длине рабочего года повторялся в четырех разных вариантах. Существенным недостатком явилось отсутствие вопросов о сумме общей заработной платы всех рабочих и основных категорий по полу и возрасту. В анкете практически

1927, ч. 1—2; *Он же*. Предприятие (заведение) как основная счетная единица в статистике промышленности Б. м. и г. Этот принцип в дальнейшем получил признание в работах советских исследователей истории статистики.

⁸¹ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, д. 395, л. 73, п. 4, 6.

⁸² Там же, п. 5, 4.

отсутствовали, за исключением пункта о двигателях, системы перечней. Но все же, несмотря на ряд недостатков, анкета позволила собрать интересный материал по ряду важнейших сторон промышленного производства (число и мощность двигателей, расходы на топливо, длина рабочего года). Наиболее детально был разработан вопросник таблицы о паровых машинах и паровых двигателях, что позволило впоследствии применить принцип учета общих индикаторных сил. Обследование дало также разносторонние данные о положении рабочего класса. Представляют интерес и сведения анкеты по п. 35 об истории предприятия, особенно учитывая плохую сохранность архивов предприятий.

В результате проведенного обследования было собрано значительное количество анкет: только к началу обработки материала в отделе промышленности Министерства финансов их насчитывалось 15 тыс., как сообщалось в специальном отчете⁸³.

Статистическая обработка полученных данных велась в нескольких планах: 1) составление перечня предприятий с основными их производственными характеристиками; 2) подведение итоговых показателей по каждой рубрике для отдельных губерний и в целом по России, в том числе и по производствам; 3) характеристика положения рабочих⁸⁴. Проведение этой работы имело своей целью последующую публикацию главных результатов обследования. Однако основное издание материалов обследования 1895 г. существенно отличается от планировавшейся публикации⁸⁵.

«Перечень» был тщательно проанализирован В. И. Лениным и подвергнут им острой критике⁸⁶. Основным недостатком издания Ленин считал полное отсутствие каких-либо итогов. «Перечень» содержит сведения только о каждом отдельном предприятии и не имеет общих данных ни по губернии, ни по производствам, ни по группам производств. Порядок публикации был таков: группа производств (всего 12), отдельное производство (всего 340), губерния, предприятие. Набор показателей, по которым сообщались сведения о каждом отдельном предприятии, намного меньше данных анкеты.

«Перечень» имел по вертикали 7 основных разделов: 1) наименование, адресные, исторические и юридические сведения о предприятии, 2) список производств, 3) длина рабочего года, 4) двигатели и паровые котлы, 5) потребленное топливо, 6) сведения о рабочих, 7) данные о продукции. Эти разделы нередко включали более детальные показатели. Например, раздел 4: род и число двигателей, мощность каждой группы, число и поверхность нагрева паровых котлов; раздел 5: количество и стоимость израсходован-

⁸³ Там же, д. 354, л. 3.

⁸⁴ Там же, л. 3, 7.

⁸⁵ См.: Перечень фабрик и заводов. Фабрично-заводская промышленность России. СПб., 1897.

⁸⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 2—4.

ного отдельно минерального и растительного топлива; раздел 6: данные о взрослых, подростках и малолетних рабочих в заведении (с указанием пола по каждой возрастной категории), общее число рабочих в заведении и на стороне. Сведения о продукции содержали только перечень товаров и сумму производства без указания количества, но выделялись отдельно показатели выручки по заказам.

Серьезным недостатком издания, как отмечал В. И. Ленин, было отсутствие в публикации программы обследования, что существенно затрудняло использование ее данных. Например, была неясна методика исчисления суммы производства и выручки по заказам, не указывались границы возрастных групп. Критикуя «Перечень», В. И. Ленин не отвергал возможности использования его материалов. Более того, он осуществил подсчет ряда показателей «Перечня» для рассмотрения вопроса о развитии крупной фабрично-заводской промышленности, в частности процесса концентрации производства⁸⁷.

Материалы анкеты получили отражение также в публикации «Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в 20 наиболее промышленных губерниях Европейской России» (СПб., 1896). Вторая часть этого издания представляет «Таблицы продолжительности работы механизмов в течение суток на бумаго-, шерсто- и льнопрядильных и ткацких фабриках», составленные по сведениям анкеты 1895 г.⁸⁸ Данные приводятся по тем губерниям, где зафиксировано характеризующее производство. Например, табл. 1 освещает работу механизмов в бумагопрядении. В ней приводятся сведения о числе фабрик, веретен, числе часоверетен в сутки, средней продолжительности работы веретен в сутки по 15 губерниям Европейской России (включая Закавказье), сгруппированных соответственно по числу рабочих часов, по количеству смен и даны общие итоги.

Следует подчеркнуть, что информативные возможности публикаций и сохранившихся в архиве⁸⁹ первичных материалов слабо используются в литературе.

Перейдем к промышленным переписям, в ходе которых осуществлялся сбор сведений о состоянии фабрично-заводской промышленности в целом по стране.

В начале XX в. в России было проведено три таких переписи — в 1900, 1908 и 1910—1912 гг. В работах по истории российской промышленной статистики, в обзорах статистических источников периода капитализма рассматривались некоторые вопросы организации, методики проведения переписей, обработки и публика-

⁸⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 13, 16.

⁸⁸ Общее название публикации не соответствует содержанию II части (совершенно различны число и перечень губерний, неидентичны источники).

⁸⁹ В ЦГИА СССР имеются анкеты по 70 областям и губерниям России (без польских губерний).

ции их материалов⁹⁰. В исследованиях по истории промышленных переписей подчеркивается, что при организации переписей учитывался опыт обследований промышленности в XIX в., их достижения и недостатки. Отмечается также, что на программы переписей оказало влияние обсуждение теории и практики промышленной статистики в русской статистической литературе, на международных конгрессах статистиков, на Всероссийском торгово-промышленном съезде, на II съезде естествоиспытателей и врачей. Авторы указанных работ единодушны в том, что переписи явились высшим достижением российской промышленной статистики, впервые дав систему статистических показателей промышленного производства. Именно в результате переписей был собран наиболее представительный комплекс массовых данных о промышленности России, что обусловлено самой внутренней природой и конкретной реализацией функций этой разновидности статистических источников.

Основной задачей переписей было изучение состояния фабрично-заводской промышленности для выработки некоторых аспектов экономической политики правительства. В отчете отдела промышленности Министерства торговли и промышленности за 1910 г. указывалось: «Общие статистические данные о фабриках и заводах были собраны и разработаны Министерством финансов около десяти лет тому назад. В настоящее время данные эти являются устарелыми и не могут служить материалом для разрешения выдвигаемых промышленной жизнью вопросов.

Поэтому Министерством торговли и промышленности признано своевременным произвести новое обследование состояния русской обрабатывающей промышленности»⁹¹.

Вместе с тем можно отметить и некоторые специальные цели обследований. В ходе переписи 1900 г. важными задачами явились реализация на практике «давно задуманного отделом промышленности статистического исследования фабрично-заводской промышленности по широкой программе, выработанной при содействии значительного числа специалистов экспертов», установление «правильного метода изучения явлений потребления и производства в области обрабатывающей промышленности путем статистического наблюдения»⁹². Именно поэтому программно-методологическим вопросам, проблемам теории статистики промышленного

⁹⁰ *Розовский Л.* Из истории русской промышленной статистики. — Вестник статистики, 1953, № 5; 1955, № 2; *Он же.* Переписи русской промышленности 1900 и 1908 гг.; *Воробьев Н. Я.* Очерки по истории промышленной статистики в дореволюционной России и в СССР; *Дольников А. Я.* Очерк истории русской промышленной статистики пореформенного периода XIX века; *Шифман А. Г.* К вопросу об истории дореволюционной промышленной статистики в России; *Антонова С. И.* Статистические источники по истории СССР периода капитализма.

⁹¹ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 108, л. 91.

⁹² Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 год. СПб., 1903. Предисловие.

производства в переписи 1900 г. было уделено большое внимание. Перепись 1908 г. является важным опытом в распространении принципов статистического обследования, разработанных на примере обрабатывающих производств, на другие отрасли промышленности. В ходе переписи 1910—1912 гг. сбор данных о промышленности осуществлялся главным образом «в интересах принятого Министерством торговли и промышленности пересмотра русского таможенного тарифа»⁹³. При работе с материалами переписей следует учитывать их особенности, обусловленные спецификой программы, а также различия в плане характеристики отдельных отраслей промышленности и районов России.

Перепись 1900 г. охватила, во-первых, только губернии Европейской России и частично Кавказа, где существовал в это время надзор фабричной инспекции. Во-вторых, обследованию подлежали только производства обрабатывающей промышленности, не обложенной акцизом, и только заведения, подчиненные надзору фабричной инспекции. Если первое условие было выдержано почти полностью (исключались только такие производства, как водопроводные заведения, трамвайные депо, электростанции), то во второе были введены некоторые ограничения. Кроме указанного выше исключения ряда производств, предприятия которых подчинялись фабричной инспекции, не анкетировались заведения с годовой производительностью менее 1 тыс. руб⁹⁴. В результате число предприятий по переписи 1900 г. составило 10 390, а по данным «Свода отчетов фабричных инспекторов за 1901 г.» (СПб., 1903) — 14 987 (без польских губерний и Кавказа).

Исключение из обследования предприятий, не подчиненных надзору фабричной инспекции, означало сокращение общего числа предприятий, в основном мелких, т. е. имеющих менее 15 рабочих и без парового двигателя (см. «Статистические сведения... за 1900 год». Введение, с. I—II). Это давало, по замечанию В. Е. Варзара, несколько искаженную картину по производствам, где преобладают мелкие предприятия.

Перепись 1908 г. охватывала всю территорию России, включая Сибирь, Среднюю Азию и Кавказ. Причем сведения представлялись по всем отраслям и производствам промышленности независимо от их ведомственной принадлежности. В результате был собран материал, отражающий состояние всей промышленности России. В ходе этого обследования была преодолена несопоставимость данных о предприятиях обрабатывающей промышленности, не облагаемой акцизом, с одной стороны, и акцизными заведениями, а также горнозаводскими предприятиями — с другой. Круг предприятий, подлежащих анкетированию, был расширен также за счет казенных заведений, фабрик и заводов ведомства императорского двора и уделов, а также некоторых других категорий

⁹³ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 47, л. 3.

⁹⁴ Статистические сведения... за 1900 год. Введение, с. 1.

предприятий, не подчиненных надзору горной или фабричной инспекции⁹⁵. Однако требование о сборе сведений об этих последних группах заведений в циркуляре сформулировано было неопределенно: «... по возможности представить сведения». В результате учет не подчиненных надзору инспекции предприятий, осуществлялся неравномерно в различных губерниях.

По переписи 1910—1912 гг. обследовалась промышленность только Европейской России. Собирались данные лишь по предприятиям, подчиненным надзору фабричной и горной инспекции, при этом исключались сведения о заведениях, продукция которых не являлась предметом международной торговли⁹⁶.

Обратимся к рассмотрению вопроса о содержании важнейших методологических понятий промышленной статистики в программах переписей. Следует прежде всего признать, что кардинальных сдвигов в решении такого основного вопроса, как определение промышленного заведения, в переписях не произошло. И в предварительных записках о программах обследования, и в самих анкетах, и в циркулярах министерства по сбору данных, и, наконец, в публикациях материалов переписи мы не найдем достаточно четко сформулированного понятия промышленного заведения. При проведении переписей, по существу, руководствовались определением циркуляра 7 июня 1895 года. По-прежнему именно подчинение промышленного заведения надзору фабричной или горной инспекции, наличие не менее 15 рабочих и парового или иного механического двигателя давало основание включать его в число фабрично-заводских предприятий. Отдельные, отмеченные выше изменения признаков заведений, подлежащих анкетированию, в рамках всех трех переписей, как можно заметить, носили частный характер и нередко давали еще более расширительное толкование определению промышленного заведения.

При проведении переписей была сохранена прежняя единица счета — отдельное предприятие. Методика разграничения понятий цеха, отдела предприятия и всего заведения, а также системы предприятий одного владельца или акционерного общества вполне отвечала требованиям промышленной статистики. В результате при обследовании и подведении итогов не допускалось повторного счета, излишней дробности или укрупнения единиц счета. Учет основного и побочного производства позволил отразить в материалах переписей комбинированный характер многих предприятий России, особенно в текстильной промышленности. Переписи начала XX в. дали более точный подсчет числа рабочих по категориям, так как была разработана система учета рабочих на стороне и вспомогательных.

Переписи внесли ясность в определение таких важнейших показателей промышленного производства, как выручка по заказам и сумма производства. Так, в последнюю включалась «стоимость

⁹⁵ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 108, л. 92.

⁹⁶ Там же, д. 47, л. 3—3 об.

всех товаров, изделий, продуктов и полуфабрикатов (полуизделий), изготовленных фабрикой на продажу, т. е. предназначенных к отчуждению, или выпускаемых из заведений на рынок и производственных за свой счет, т. е. из материалов, купленных фабрикой». Выручка по заказам включала лишь стоимость выполненных работ и прибыль предпринимателя без учета стоимости сырья, поступившего от заказчика⁹⁷.

Такой метод подсчета сходен с применявшимся позднее в советской статистике подсчетом валовой продукции «по трестовскому методу»⁹⁸ и в целом давал общее представление о товарной продукции, что вполне отвечало цели учета — показу прежде всего хозяйственной, коммерческой деятельности предприятий. Правда, итоги при таком методе подсчета не отражали показателя валовой продукции — важнейшего показателя объема производства⁹⁹. Однако следует учесть, что в публикациях переписей 1900 и 1908 гг. приводились сведения об исключенной стоимости сырья, что позволяет вычислить стоимость валовой продукции.

Переписи 1900, 1908, 1910—1912 гг. уточнили классификацию и группировку производств. Данные о предприятиях собирались по 286 производствам, сведенным в 171 разряд и 12 групп. Удачно в переписях был решен сбор сведений об энергетическом оборудовании, израсходованном сырье. Наиболее слабую разработку получили вопросы учета заработной платы рабочих (не учитывались отдельные категории рабочих) и другие показатели положения рабочего класса. В переписях вовсе был обойден вопрос о прибылях владельцев предприятий.

Для более точного определения информационных возможностей каждой из переписей и оценки содержательной значимости приводимых в них массовых сведений проведем сопоставление их анкет. Отмеченная выше задача, поставленная при проведении переписи 1900 г., обусловила детальность и тщательность разработки ее анкеты. Огромная заслуга в составлении программы переписи 1900 г. принадлежала В. Е. Варзару, являвшемуся в то время фабричным ревизором Отдела промышленности Министерства финансов. Анкета состояла из бланков трех типов: «А», «Б», «В». Бланк «А» включал информацию по большинству вопросов переписи: о времени возникновения предприятия, его владельце, производственной структуре, времени работы за год и за сутки, числе рабочих и составе рабочей силы по полу, возрасту, по роли и характеру участия рабочих в производстве (рабочие в заведении, вспомогательные, на стороне), численности и мощности энергетического оборудования, составе, стоимости и происхождении производственного оборудования, потреблении топлива, расходах на заработную плату, содержание зданий, администрации, благо-

⁹⁷ Статистические сведения... за 1900 год. Введение, с. IV.

⁹⁸ Дольников А. Я. Указ. соч., с. 13.

⁹⁹ Шифман А. Г. Указ. соч., с. 26—27.

творительных учреждений при заводе, стоимости произведенных продуктов и полуфабрикатов. Бланк «Б» содержал сведения о сырых материалах (или полуфабрикатах), переработанных фабрикой. Бланк «В» был посвящен выяснению вопроса о количестве товаров, продуктов (или полуфабрикатов) и изделий, произведенных за свой счет и по заказам, а также их стоимости.

Одним из несомненных достижений переписи 1900 г. было применение подробной системы перечней во всех трех бланках. В заголовке листка «Б» указывалось: «По нижепомещенному перечню материалов надлежит ответить о сырых материалах и полуфабрикатах, которые перерабатываются в заведении. Стоимость остальных потребленных материалов, не перечисленных в списке, должна быть показана под наименованием „прочих материалов“». Сходна формулировка и в листке «В»: «По нижепомещенному перечню продуктов или полуфабрикатов надлежит ответить о тех родах перечисленных товаров, которые изготавлиются в заведении» и т. д.¹⁰⁰ Наиболее сложные вопросы анкеты тщательно пояснялись. Например, чрезвычайно трудным был учет продукции. Ряд примечаний к листку «Б» разъяснял методику оценки стоимости товаров, изготовленных на продажу, порядок учета продукта, идущего в дальнейшую переработку на других предприятиях или в заведениях этого же владельца, и др.

Анкета переписи обеспечивала сбор подробных данных об энергетическом и производственном оборудовании. Причем учет двигателей различных категорий осуществлялся отдельно. Прогрессивным являлся и метод подсчета мощностей двигателей в индикаторных силах, что обеспечивало однородность данных. Анкета переписи 1900 г. предусматривала подробный и полный учет производственного оборудования предприятий, что позволяло выявить уровень технической вооруженности труда в промышленности.

Анкета переписи 1900 г. была составлена в целях выявления прежде всего структуры затрат в промышленности, итогов промышленного производства и давала возможность получить полные и достоверные сведения именно по этим вопросам. Проблема достоверности сведений в переписи 1900 г. так же, как и в последующих, решалась, главным образом применением системы перечней и контролем, осуществляемым посредством перекрестных, взаимосвязанных вопросов. Анкета переписи 1908 г., в своих основных методологических принципах повторяя анкету 1900 г., была составлена в более кратком виде. В проекте В. Е. Варзара об организации переписи речь шла только об обследовании предприятий обрабатывающей (в том числе подакцизных отраслей) промышленности и горнозаводских предприятий в губерниях Европей-

¹⁰⁰ Варзар В. Е. Очерки основ промышленной статистики, ч. 1, с. 148—149, 150—151. Здесь же см. образцы бланков.

ской России и Кавказа, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции¹⁰¹. Однако затем отдел промышленности расширил территорию, на которой производилась перепись, и круг обследуемых предприятий.

В записке В. Е. Варзара говорилось, что значительность расходов не позволяет в полном объеме повторить анкету 1900 г.¹⁰² Однако на сокращение программы, возможно, повлияла и позиция фабрикантов, на совещаниях с которыми представители Министерства торговли и промышленности обсуждали содержание анкеты предстоящей переписи. Точка зрения буржуазии в этом вопросе была вполне определена. Она, например, выражена в упоминавшейся уже записке Общества фабрикантов и заводчиков. Там, в частности, говорилось, что в программе обследований промышленности «следует ограничиться только самыми общими, наиболее существенными сведениями и избегать подробностей... Все вопросы, затрагивающие техническую или коммерческую тайну отдельных предприятий, должны быть исключены из программы безусловно»¹⁰³. В отчете отдела промышленности сокращение анкеты объяснялось стремлением «сделать менее сложными как само производство и разработку обследования, так и пользование им, а в то же время уменьшить несколько и стоимость всей работы»¹⁰⁴.

Из анкеты 1908 г. были исключены вопросы о количестве и стоимости сырых материалов и подробные данные о техническом оборудовании заведений. Но в большинстве разделов она все же совпадала с программой переписи 1900 г. В ходе переписи 1908 г. собирались сведения о «принадлежности, местонахождении, роде производства, продолжительности действия заведения, числе и составе рабочих, о двигателях, количестве и роде потребляемого топлива, об издержках производства (в том числе и об общей сумме выданной за год рабочей платы), о количестве и стоимости всех произведенных товаров и продуктов для продажи и полуфабрикатов для дальнейшей переработки». Анкета предусматривала получение сведений «о главных орудиях — показателях производств, каковы: веретена и ткацкие станки в текстильном производстве, печи в металлургии и т. д.»¹⁰⁵ Всего перечень оборудования содержал 60 наименований вместо 500 в 1900 г.¹⁰⁶ Что касается методики исчисления основных показателей, то перепись 1908 г. основывалась на принципах, разработанных в 1900 г. Сохранение основных вопросов анкеты 1900 г. в переписи 1908 г. обеспечивает сопоставимость их данных.

¹⁰¹ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 38, л. 226—227.

¹⁰² Там же, л. 226 об.

¹⁰³ Цит. по статье: *Розовский Л.* Переписи русской промышленности 1900 и 1908 гг., с. 81.

¹⁰⁴ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 108, л. 91 об.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ *Розовский Л.* Переписи русской промышленности 1900 и 1908 гг., с. 82.

Итак, сравнивая анкеты и материалы переписей 1900 и 1908 гг., можно отметить различие в массовости обследуемых объектов и основных сведений о них. Перепись 1908 г. дает возможность получить информацию о большем числе промышленных предприятий России, т. е. более представительна с точки зрения массовости объекта наблюдения. Однако перепись 1900 г. имеет несомненное преимущество по разнообразию информации о состоянии промышленных заведений, поскольку ее анкета была более детальной.

Большое своеобразие присуще переписи 1910—1912 гг., преследовавшей, как уже отмечалось, специальные цели обследования. Анкета переписи включала общие для всех обследований вопросы о принадлежности, местонахождении заведения, роде производства. Сведения о стоимости произведенной продукции давались в форме валового дохода по всем отделам. Данные о рабочих включали только показание среднесуточного числа занятых в производстве рабочих, т. е. исключались вспомогательные рабочие. Основное содержание анкеты составляли таблицы с данными о количестве и продажной стоимости добытых и произведенных продуктов. Таблицы имели два основных раздела: первый раздел включал все добытые продукты с указанием их количества, второй — реализованные продукты также с указанием количества и на какую сумму. Все сведения анкеты сообщались на три даты: 1910, 1911, 1912 гг. Таблицы содержали подробнейшие перечни продукции, производимой в той или иной отрасли: например, 10 наименований чугуна, 25 основных видов машиностроительной продукции и т. д.¹⁰⁷ Однако материалы переписи 1910—1912 гг. уступают двум предшествующим с точки зрения массовости объектов наблюдениям и разносторонности представленной о них информации.

При оценке степени полноты и достоверности материалов переписей особого рассмотрения требует вопрос об организации сбора данных, оказывавшей существенное влияние на точность получаемых сведений¹⁰⁸. Это тем более необходимо, что в ряде работ, исходя только из предварительных указаний о проведении переписей, дается явно преувеличенная оценка роли фабричной инспекции в сборе данных¹⁰⁹. Между тем фабричная инспекция, а также горная и штат областных механиков в ходе переписи выполняли лишь посреднические функции¹¹⁰. Заполнение же анкет производилось исключительно владельцами предприятий. От их воли и желания зависела во многом и достоверность сообщаемой инфор-

¹⁰⁷ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 191, л. 45—46 об., 52—53.

¹⁰⁸ Общее руководство сбором сведений и их обработкой в ходе переписей 1900 и 1908 гг. осуществлял Отдел промышленности, а переписи 1910—1912 гг. — Таможенно-тарифное отделение Министерства торговли и промышленности (там же, л. 159).

¹⁰⁹ См.: *Розовский Л.* Перепись русской промышленности 1900 и 1908 гг., с. 63; *Антонова С. И.* Указ. соч., с. 45.

¹¹⁰ *Воробьев Н. Я.* Указ. соч., с. 47.

маций и даже сам факт представления заполненной анкеты. Фабричные инспектора и другие государственные чиновники были ограничены в праве контроля данных и даже не могли обеспечить представления заполненных анкет в срок и всеми владельцами. Практически деятельность фабричных инспекторов, кроме разъяснения отдельных сложных вопросов, свелась к сбору анкет и устранению явных ошибок и пропусков путем обращения к владельцам с просьбой об уточнении данных¹¹¹.

Сложности, которые возникали при сборе данных из-за бесконтрольности владельцев предприятий, показывают материалы по проведению переписи 1908 г. Например, в записке старшего фабричного инспектора Донской области, направленной 21 февраля 1910 г. в Отдел промышленности Министерства торговли и промышленности, сообщалось следующее: «а) относительно заведений, освобожденных от надзора... оказалось, что не все владельцы этих мастерских согласились давать сведения; б) в отношении тех из владельцев, промышленные предприятия которых состоят в ведении инспекции, но которые отказывались сообщить сведения на высланных им бланках, в некоторых случаях были принимаемы даже и репрессии, они привлекались к ответственности у мировых судей»¹¹². Сходная информация о сложностях сбора сведений шла от фабричных инспекторов Екатеринославской, Казанской, Киевской и других губерний¹¹³. Все это приводило к тому, что в ряде случаев анкеты заполнялись фабричными инспекторами на основе приблизительных сведений. Такой порядок, кстати, санкционировался Отделом промышленности. В одном из его циркулярных писем указывалось: «В случае уклонения владельца от сообщения необходимых данных для заполнения бланка Отдел промышленности просит проставить данные по имеющимся у инспекции сведениям»¹¹⁴.

Большие трудности встретились при сборе данных о предприятиях Сибири и Средней Азии и некоторых областей Кавказа, где практика представления статистических сведений предприятиями еще не укоренилась, да и сам уровень промышленного производства был очень низок. В письме енисейского губернского механика в Отдел промышленности от 26 февраля 1910 г. сообщалось: «Некоторые лесопильные заводы и паровые мельницы листки не возвратили, а почему, не получил от них объяснений; это я могу выяснить отделу только после мая, когда поеду осматривать все паровые заведения по губернии»¹¹⁵. Как показывают архивные материалы, именно мелкие предприятия чаще всего задерживали подачу сведений и именно по ним прибегали к заполнению сведений на основе данных государственных учреждений.

¹¹¹ См.: Статистические сведения... за 1900 год. Введение, с. 1.

¹¹² ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 38, л. 14.

¹¹³ Там же, д. 38, 39.

¹¹⁴ Там же, д. 39, л. 17.

¹¹⁵ Там же, л. 54 об.

В своем обращении к забайкальскому областному механику от 14 сентября 1909 г. Отдел промышленности просил сообщить «сведения о более крупных заводах, относительно мелких и ручных; ввиду отказа в заполнении листков надлежит руководствоваться последним абзацем циркуляра 30 апреля с. г. № 7651 и доставить сведения по имеющимся у инспекции данным»¹¹⁶. Необходимо отметить большую работу, проделанную на местах, для обеспечения сопоставимости результатов переписей 1900 и 1908 гг. В ходе последней были составлены списки предприятий, включенных в материалы переписи 1900 г. и закрывшихся к 1908 г., и по данным инспекции о них были заполнены анкеты или сводные ведомости.

Итак, в итоге проведения промышленных переписей 1900, 1908 и 1910—1912 гг. был собран обширный материал, освещающий с большей или меньшей полнотой и с достаточной степенью достоверности (учитывая массовость данных) основные черты промышленного развития России в начале XX в. К сожалению, первичные материалы переписей, по-видимому, утрачены. В распоряжении исследователей имеются лишь публикации данных этих переписей.

Материалы переписи 1900 г. опубликованы в двух изданиях: «Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 год» (СПб., 1903) и «Список фабрик и заводов Европейской России» (СПб., 1903). Оба издания осуществлены по инициативе Отдела промышленности Министерства финансов под редакцией В. Е. Варзара. Первое издание включает публикацию сведений по 12 группам производств (их состав см. на с. 44 настоящей главы), подразделяемых на 171 разряд. По каждому отдельному производству данные приведены по губерниям и в большинстве случаев по 10 экономическим районам¹¹⁷. Итоговых данных по группам производств в каждой губернии нет. Сведения сосредоточены в таблицах четырех типов.

Таблица А «Общие экономические и технические сведения о заведениях» включает большую часть показателей анкеты: число предприятий; сумма производства; выручка по заказам; состав рабочих по полу и возрасту; их общее число в заведении и на стороне; число и мощность различных категорий двигателей; отдельно стоимость оборудования русского и заграничного происхождения; расходы на сырье, топливо; отдельные виды заработной платы; расходы на содержание зданий, администрации и некоторые другие расходы. Таблица Б «О количестве и стоимости

¹¹⁶ Там же, л. 72.

¹¹⁷ I — Северный, II — Восточный, III — Прибалтийский, IV — Центрально-промышленный, V — Центрально-черноземный и Малороссийский, VI — Северо-Западный, VII — Юго-Западный, VIII — Южный, IX — Привислинский, X — Кавказский.

переработанных и потребленных материалов» содержит подробный перечень использованного сырья в каждом производстве. Таблица В «О количестве и стоимости продуктов, изделий и полуфабрикатов, изготовленных на продажу», рисует детальную картину результатов производства. Данные таблиц А, Б и В полностью сопоставимы, так как в них основной счетной единицей было предприятие (в дополнительных таблицах к ним даны характеристики комбинированных предприятий). Таблица Г «Число рабочих, число часов, главных орудий, аппаратов, приборов и механизмов» построена по другому принципу: основной счетной единицей здесь является каждое отдельное производство в различных губерниях. Ее данные позволяют судить о техническом уровне и комбинировании производства. В таблице приводятся также дополнительные сведения для пересчетов по смешанным производствам.

Основными недостатками этой публикации являются неполнота разработки вопросов анкеты, отсутствие необходимого числа итоговых показателей, групповых и комбинационных таблиц, что требует проведения дополнительной обработки данных.

Общие итоги по 14 показателям подведены только в отношении 12 групп производств. Интерес представляет попытка оценки репрезентативности сведений переписи в отношении всей промышленности России. Для этого В. Е. Варзаром в предисловии к публикации приведена таблица с такими сведениями: число предприятий, рабочих и стоимость производства в заведениях, в том числе: А — зарегистрированных переписью, Б — в Сибири и Средней Азии, В — в отраслях, облагаемых акцизом, Г — горнозаводской промышленности. Произведенные подсчеты показали, что перепись охватила больше половины российских предприятий, на которых было занято более 50% всех рабочих, производивших около 68% стоимости продукции.¹¹⁸

«Список фабрик и заводов Европейской России» является именным перечнем фабрик и заводов, распределенных соответственно по 12 отраслям¹¹⁹, а внутри них по губерниям. Хотя в предисловии указывалось, что «Список» продолжает издания «Указателей» и «Перечня», однако он имеет существенные отличия, выразившиеся в резком ограничении количества показателей. «Список» содержит следующие основные производственные характеристики заведения: число рабочих, количество и стоимость производственной продукции, выручка по заказам. В основе публикации «Списка» лежали, кроме данных переписи, сведения, представленные частью фабрикантов по вопросным листкам

¹¹⁸ Два последних показателя мало изменяются, даже если учесть огромное число мелких кустарных предприятий (см. с. 48 настоящей главы).

¹¹⁹ По группе XI (обработка питательных веществ) также дан перечень предприятий, облагаемых акцизом.

1901 г.¹²⁰ Данные приведены в динамике по каждому предприятию.

Материалы переписи 1908 г. положены в основу двух изданий: «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год» (СПб., 1912) и «Список фабрик и заводов Российской империи» (СПб., 1912). Как и предыдущие публикации, они вышли под редакцией В. Е. Варзара. Сокращение программы обследования не могло не сказаться на содержании публикации. Таблицы переписи 1908 г. не были разработаны столь детально, как в издании материалов переписи 1900 г.¹²¹ Сократилось, конечно, и само число показателей в связи с уменьшением вопросов в анкете. Основной особенностью публикации переписи 1908 г. является предпринятая В. Е. Варзаром попытка статистического анализа материалов переписи 1908 г. в обширном введении. Это нашло отражение в разработке итоговых таблиц, составлении диаграмм, схем, карт с характеристикой, в частности, отраслевой структуры российской промышленности, доли отдельных производств в общем объеме продукции, группировкой губерний по отдельным признакам, определении динамики развития.

При издании материалов переписи 1908 г. придерживались основных принципов публикации 1900 г.: сведения представлялись по группам производств, по каждому отдельному производству в рамках губернии и района¹²².

«Список фабрик и заводов... за 1908 год» был выполнен также по несколько иной программе, чем издание 1903 г. Карточные сведения о предприятиях включали такой набор показателей: наименование, местонахождение, род и мощность двигателей, общее число рабочих и годовая производительность.

При некоторых различиях изданий материалов переписей 1900 и 1908 гг. сохраняется большая близость формуляров публикаций как сводных, так и с карточными сведениями, что обеспечивает сопоставимость данных двух этих обследований.

Материалы переписи 1910—1912 гг. были опубликованы в виде XII выпусков (по числу групп производств) и специального выпуска «Общие итоги» под общим названием «Фабрично-заводская промышленность Европейской России в 1910—1912 гг.».

¹²⁰ Обработка данных производилась редакцией «Вестника финансов, торговли и промышленности», которая осуществила и издание «Списка».

¹²¹ По имеющимся подсчетам публикация переписи 1900 г. включает более 3 тыс. показателей (см.: *Розовский Л.* Переписи русской промышленности 1900 и 1908 гг., с. 77).

¹²² В связи с расширением рамок обследования общее число групп было увеличено до 13 (XIII. — Разные непоименованные выше производства) и введены подгруппы: VIII.Б. Горнозаводская обработка металлов; XI.Б. Обработка цитательных веществ (производства, облагаемые акцизом); XII.2). Нефтяные промыслы Баку. Следует заметить, что предприятия горно- и нефтедобывающей (за исключением бакинских) отраслей не вошли в обследование.

Издание было осуществлено в 1914—1915 гг. Каждый выпуск включал краткий обзор данных, приведенных в таблицах, пояснения к подсчетам, указания на степень полноты сведений. Например, в выпуске VI «Добыча руд, выплавка и обработка металлов, производство машин и изделий из металлов» сообщалось по одному из производств: «По сведениям фабричной инспекции, при производстве настоящего обследования не были доставлены сведения по 117 промышленным заведениям этой группы, вошедших в список фабрик и заводов в 1908 г. и существовавших во время производства обследования в 1913 г. Во всех этих промышленных заведениях в 1908 г. насчитывалось 10 418 рабочих»¹²³. В выпусках были представлены таблицы двух типов: 1) «Количество изготовленных и проданных продуктов и изделий и их средние цены в 1910—1912 гг.»; 2) «Число заведений и рабочих по группам производств в 1910—1912 гг.» Таблицы содержали подробный перечень продуктов, позволяющий судить о характере промышленного производства России.

Содержание выпусков должно было помочь, по мнению составителей, дать оценку «мощности русской промышленности в отношении конкуренции ее с привозом иностранных произведений»¹²⁴. Этой цели служило и издание выпуска «Общие итоги» с извлечениями из всех XII выпусков. Здесь уже не было детальной номенклатуры производств, а сведения приводились суммарно по производствам и группе в целом. Сообщалось при этом число предприятий и рабочих и на какую сумму продано изделий в 1910, 1911 и 1912 гг.

В советское время была предпринята работа по переизданию материалов всех трех переписей с их частичной переработкой¹²⁵. Были подсчитаны итоги по некоторым показателям, проведен пересчет валовой продукции предприятий, для 1900 г. сделано исчисление данных о горнозаводской и акцизной промышленности. Однако издание сравнительно мало используется в литературе, что объясняется, очевидно, систематизацией группировки итоговых данных по чрезмерно большому территориальному единичам, подчиненностью издания конкретным задачам оценки экономического развития страны во второй половине 20-х годов. Это сказалось в группировке данных по новой классификации производств в границах экономических районов и губерний на 1926 г.

Из общего обзора программ переписей и публикаций их материалов видно, что собранные в ходе обследований 1900, 1908 и 1910—1912 гг. массовые статистические сведения позволяют бо-

¹²³ Фабрично-заводская промышленность Европейской России в 1910—1912 гг., вып. VI, с. V, Примечание.

¹²⁴ ЦГИА ССРС, ф. 23, оп. 16, д. 47, л. 3.

¹²⁵ Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет: Материалы переписи 1900 г. М.; Л., 1929, т. 1, ч. 1; Материалы переписи 1908 г. М.; Л., 1929, т. 1, ч. 2; Материалы переписи 1910—1912 гг. М.; Л., 1930, т. 1, ч. 3.

лее углубленно изучать важнейшие стороны развития промышленности России: отраслевую структуру промышленного производства и уровень технического и энергетического его вооружения, географическое размещение промышленности и процессы концентрации производства, структуру промышленной продукции и многие другие вопросы.

4. НЕКОТОРЫЕ МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ СТАТИСТИКИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Прежде чем рассмотреть некоторые направления разработки данных о промышленном производстве, необходимо остановиться на оценке существующего опыта использования статистических материалов в литературе.

Широкое обращение к массовым статистическим источникам при изучении процессов промышленного развития России в эпоху капитализма характерно для всей советской историко-экономической литературы, и в имеющихся работах можно выделить некоторые общие черты использования промышленно-статистических источников. Во-первых, абсолютно преобладает обращение только к сведениям публикаций, а первичные, архивные материалы практически не привлекаются, в том числе даже для оценки достоверности, представительности опубликованных статистических данных. Во-вторых, в публикациях исследователей интересуют главным образом итоговые цифры. Но именно последним, даже в сравнительно хорошо выполненных изданиях, свойственны существенные недостатки. В-третьих, следует отметить зачастую всякое отсутствие в исследованиях критики как источника в целом, так и отдельных его показателей, привлекаемых для обоснования тех или иных выводов.

Такая методика использования материалов промышленной статистики особенно характерна для трудов, посвященных проблемам общего экономического развития России в эпоху капитализма¹²⁶. Конечно, сама широта поставленных в этих работах вопросов требует анализа именно общих, итоговых показателей статистических материалов. Но это не исключает критической оценки достоверности и представительности имеющихся данных, их корректировки и проведения в связи с этим в необходимых пределах собственных подсчетов и вычислений. Так, при выявлении динамики развития промышленности России в указанных работах не всегда учитывалась сопоставимость сведений

¹²⁶ Ляценок П. И. Указ. соч., т. II. Капитализм; Хромов П. А. Экономика России периода промышленного капитализма. М., 1963; Он же. Экономическое развитие России. М., 1967; Розенфельд Я. С., Клименко К. И. История машиностроения СССР. М., 1961; Пажитнов К. А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России, и др.

источников. Например, в таблицах об итогах промышленного подъема 90-х годов XIX в. П. И. Лященко целиком доверяется сведениям из «Свода данных о фабрично-заводской промышленности России за 1897 год» и публикациям материалов переписи 1900 г.¹²⁷ Между тем на их основе определение динамики роста числа предприятий чрезвычайно затруднено, так как в общий итог в отдельные годы включалось различное число мелких предприятий.

Не случайно В. И. Ленин именно общее количество предприятий считал наиболее несовершенным показателем российской фабрично-заводской статистики: «Цифры „фабрик и заводов“ наименее достоверны и ни в каком случае не могут быть употребляемы без тщательной предварительной обработки (выделения более крупных заведений и пр.)»¹²⁸ Поэтому, выявляя динамику развития, В. И. Ленин наряду с подсчетом общих итогов особо группировал сведения о числе более крупных предприятий. Именно так составлена им в работе «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике» таблица, в которой В. И. Ленин специально выделил заведения с числом рабочих более 100 и показал динамику их развития, причем по таким более достоверным показателям, как число рабочих и сумма производства¹²⁹.

Такой строгий отбор материала для сопоставления и выведения общих итогов динамики как количества предприятий, так и числа рабочих далеко не всегда соблюдается в историко-экономической литературе. В результате иногда это приводит к тому, что прелатная работа по обработке массы различных показателей практически не имеет научного значения и в последующей литературе не используется. В качестве примера можно сослаться на статью Л. Е. Минца¹³⁰. Автор использует в ней чрезвычайно разнородный статистический материал за большой отрезок времени¹³¹, но никак не объясняет корректировку сведений этих источников с учетом их несопоставимости. В итоге, например, сделанные им подсчеты общего числа рабочих в России за 1887—1913 гг. почти полностью не совпадают ни с данными обобщающих публикаций, ни с подсчетами других авторов. В этой статье Минц останавливается также на вопросах концентрации и размещения промышленности. Но выбор и обоснование группировочных признаков в его анализе этих процессов остается неясным.

¹²⁷ Лященко П. И. Указ. соч., с. 142, 144.

¹²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 32.

¹²⁹ Там же, с. 16. К таблицам даны специальные примечания о сопоставимости данных, о формах сравнения результатов (абсолютная или процентная). См. там же, с. 13, таблицу и примечания к ней.

¹³⁰ Минц Л. Е. Очерки развития статистики численности и состава промышленного пролетариата в России. — В кн.: Очерки по истории статистики СССР. М., 1957, вып. II.

¹³¹ Им использованы «Своды данных о фабрично-заводской статистике», «Перечень фабрик и заводов», «Своды отчетов фабричных инспекторов», материалы переписи 1900 г., статистика несчастных случаев и т. д.

Автор оперирует, в частности, двумя категориями предприятий цензовой промышленности: предприятия с числом рабочих более 16 и с двигателем и с числом рабочих более 30, но без двигателя. Это один принцип группировки. Но Минц применяет и другой принцип, выделяя предприятия с числом рабочих до 21, 21—50, 51—100, 101—500, 501—1000, свыше 1000. Как сопоставимы результаты этих группировок, в работе не объясняется. Совершенно недопустимым представляется при выявлении размещения промышленных заведений в 1894—1895 гг. исходить, как делает автор, из административного деления СССР на 1926—1927 гг., так как это искажает действительную картину территориального распределения промышленных предприятий в конце XIX в.

В своих работах, связанных с привлечением материалов промышленной статистики, В. И. Ленин обращал внимание на необходимость проведения различных дополнительных подсчетов и особенно группировки данных публикаций, содержащих карточные сведения. Удачным примером разработки статистических источников в этом направлении является монография В. И. Бовыкина «Зарождение финансового капитала в России» (М., 1967). Автором была осуществлена группировка фабрично-заводских предприятий в зависимости от числа рабочих, наличия парового двигателя и суммы производства по данным «Указателей фабрик и заводов». Произведенные им подсчеты важны прежде всего в конкретно-историческом плане, поскольку позволили выявить более детально процессы концентрации производства в отдельных отраслях российской промышленности и на различных фазах капиталистического цикла. Они имеют большое значение и с точки зрения методики обработки подобных сведений, так как в работе устанавливается зависимость суммы производства от числа рабочих и наличия парового двигателя. Автор приходит к выводу, что число промышленных заведений с суммой производства свыше 2 тыс. руб. и даже свыше 10 тыс. руб. превышает число предприятий, имеющих более 15 рабочих или при меньшем числе рабочих паровой двигатель¹³². Представляются вполне обоснованными в связи с этим предложенные в работе принципы группировки предприятий по сумме производства: 1) заведения с годовым производством от 2 тыс. руб. и более; 2) от 10 тыс. руб. и более; 3) от 100 тыс. руб. и выше¹³³. Данный метод группировки может быть применен и при обработке материалов обследования 1895 г. и переписей 1900 и 1908 гг.

Наиболее часто к дополнительным подсчетам и особенно к группировке данных публикаций по промышленности прибе-

¹³² Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России, с. 53—56.

¹³³ В изданиях «Указателя фабрик и заводов» разделение предприятий проводилось только по одному признаку: годовая производительность свыше 2 тыс. руб. По подсчетам В. И. Бовыкина, лишь заведения с производством от 100 тыс. руб. и более насчитывали, как правило, не менее 50 рабочих.

гают исследователи, занимающиеся изучением истории рабочего класса. Например, в статье И. Ф. Угарова «Положение рабочего класса Москвы накануне первой русской революции»¹³⁴ произведена обработка данных, относящихся к Москве, по «Списку фабрик и заводов Европейской России» (СПб., 1903). Автором составлено несколько таблиц с группировкой предприятий в зависимости от числа рабочих и с вычислением таких показателей, как количество фабрик и заводов в каждой группе, число рабочих в них и сумма годового производства. Таблицы охватывают данные по всем производствам в целом и по отдельным его отраслям. Проведение подобной работы требует некоторого уточнения группировочных признаков. Например, первая группа, выделенная И. Ф. Угаровым, включает предприятия с числом рабочих до 50 человек, но при этом из группы исключены предприятия с числом рабочих менее 15. Автор аргументирует это тем, что в данной категории предприятий было много заведений без парового двигателя. Поскольку наличие двигателей в публикации не отмечено, то Угаров предпочел просто отказаться от подсчета подобных заведений. Такое решение едва ли обоснованно. Во-первых, в группе предприятий от 15 до 50 и особенно до 30 рабочих процент предприятий без двигателя был также велик. Во-вторых, в интересах более объективного дифференцирования предприятий можно было учесть показатель, содержащийся в публикации, — сумму производства. Необходимо заметить, что в работе не всегда объясняется методика вычисления показателей. Например, неясно, как производился подсчет суммы годового производства и учитывалась ли в итогах выручка по заказам.

С точки зрения методики обработки данных промышленной статистики представляет интерес статья Б. Н. Васильева¹³⁵. Автором предпринята попытка уточнения сопоставимости сведений нескольких публикаций: «Перечень фабрик и заводов», «Список фабрик и заводов... за 1900 г.», «Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России» под редакцией А. В. Погожева (СПб., 1905) и некоторые другие. Им, в частности, выявлены пропуски в указанных публикациях крупных фабричных заведений, предложена методика определения промышленного предприятия в свеклосахарном и кирпичном производствах с учетом длительности рабочего года и годовой стоимости произведенной продукции. В статье поставлен и разработан вопрос о проверке достоверности и представительности

¹³⁴ Труды МГИАИ, 1957, т. 9. См. также: Угаров И. Ф. Численность и отраслевой состав пролетариата России в 1900 и 1908 гг.: (Сравнительный анализ данных переписей). — В кн.: Вопросы источниковедения истории первой русской революции. М., 1977.

¹³⁵ Васильев Б. Н. Численность, состав и территориальное размещение фабрично-заводского пролетариата Европейской России в конце XIX — начале XX в. — История СССР, 1976 г., № 1.

данных не только по отдельным отраслям, но и губерниям, сделаны интересные выводы об исчислении различных категорий рабочих (основных, вспомогательных, сезонных) в некоторых отраслях промышленности. Однако сама таблица «Промышленность Европейской России и Закавказья в 1900—1901 гг. с распределением по группам промышленных заведений по числу рабочих», где содержатся итоговые подсчеты автора, вызывает определенные возражения с точки зрения использованного статистического материала. На протяжении всей статьи исследователь оперирует данными нескольких публикаций, выявляя их расхождения, но как, в каком соотношении они представлены в таблице, не указано. Простым же включением пропущенных в «Перечне...» предприятий ограничиться нельзя, так как требуется корректировка данных с учетом увеличения численности рабочих и суммы производства за 1895—1900 гг. Если в основе таблицы лежат «Сведения об обрабатывающей фабрично-заводской промышленности за 1900 год», то тогда неясно, как вообще производились подсчеты, поскольку данные этой публикации не содержат карточных сведений о предприятиях. Если исходными данными явились сведения «Списка фабрик и заводов», то необходимо было пояснить, как производилось вычисление мощности двигателей, поскольку в этой публикации нет указания на наличие двигателей на предприятии.

В литературе пока эпизодически используются первичные материалы различных обследований промышленности и текущей промышленной статистики. Лишь в немногих работах по истории промышленности России второй половины XIX—начала XX в. имеет место обращение исследователей к этим источникам. Между тем, даже учитывая неполную сохранность ведомостей, различных вопросных листков, анкет, имеющийся опыт изучения этих источников показывает целесообразность более широкого введения их в научный оборот.

Во-первых, первичный материал статистики промышленного производства должен более широко привлекаться для раскрытия информационных возможностей и проверки данных публикаций. Знакомство с ведомостями, вопросными листками, анкетами поможет исследователю в выявлении методики представления сведений, исчисления показателей, что важно для оценки достоверности издания. Именно в этом состоит важное значение, например, изучения анкеты 1895 г., которая позволяет оценить достоверность и качество собранного материала и расширяет возможности использования сведений «Перечня фабрик и заводов». Это направление исследования первичных материалов необходимо, потому что в публикациях статистики промышленного производства обычно отсутствовали сведения о программах и методике организации статистического наблюдения. Во-вторых, не исчерпаны возможности первичных материалов как самостоятельного источника. Напомним, что публикации, как правило, не отражали

всего богатства информации собранных данных. Кроме того, в публикациях, особенно содержащих лишь итоговую сводку материала, трудно преодолеть недостатки обработки. Обращение же к первичному материалу дает возможность не только выявить дополнительную информацию, но и обработать ее в соответствии с потребностями и задачами современного уровня исследования проблем промышленного развития России.

Первичный материал, в частности ведомостной статистики, позволяет также отбросить явно недостоверные данные. Например, появляется возможность отделить действительно фабрично-заводские предприятия от мелких, кустарных заведений, регистрация которых и особенно учет в итоговых показателях резко нарушали картину развития российской промышленности. Выше отмечалось, что мелкие ремесленные предприятия учитывались неравномерно в различных районах и по отдельным отраслям. При обращении к публикациям отчетливо прослеживаются такие тенденции: широкий учет мелких предприятий осуществлялся, во-первых, в менее развитых в промышленном отношении губерниях и, во-вторых, в отраслях, наиболее близко стоящих к сельскохозяйственному производству. Надо заметить, что оба эти момента были характерны прежде всего для окраин и национальных районов России. В связи с этим подчеркнем важность использования первичного материала, особенно в работах, посвященных изучению именно этих районов.

Привлекает внимание исследование Г. К. Бакрадзе, в котором автор обращается к сведениям ведомостей для корректировки опубликованных материалов. Им были привлечены ведомости фабрик и заводов, находящиеся как в ЦГИА СССР, так и в местных архивах. Это позволило более точно учесть предприятия мануфактурного и фабричного типа, выявить их количество в Грузии во второй половине XIX в. В конце 90-х—начале 900-х годов в Грузии, по подсчетам автора, насчитывалось 1532 заведения с числом рабочих от 15 и менее, на которых было занято 7052 рабочих, и всего 148 крупных мануфактур и фабрик, концентрировавшие, однако, 11 356 рабочих¹³⁶. Этот пример наглядно показывает, насколько важен отдельный учет именно фабрично-заводских предприятий. Произведенные на основании первичного статистического материала подсчеты позволяют решить вопрос о действительном соотношении крупных и мелких предприятий в Грузии в указанный период¹³⁷.

К первичному статистическому материалу обращается в своей работе З. Е. Абезгауз, не раскрывая, однако, методики использо-

¹³⁶ Бакрадзе Г. К. Возникновение и развитие капиталистической промышленности в Грузии в XIX в. Тбилиси, 1958, с. 77—81.

¹³⁷ В литературе, как отмечает Г. К. Бакрадзе, существуют прямо противоположные точки зрения: одни авторы явно преувеличивают число крупнокапиталистических предприятий в этот период, другие считают, что все они относились к ремесленного типа производствам.

вания ни карточных сведений публикаций, ни данных ведомостей. В связи с этим вызывают серьезные возражения некоторые итоговые подсчеты автора, в которых представляется завышенным число фабричных заведений в Белоруссии в последние десятилетия XIX в. По подсчетам автора, число фабрично-заводских предприятий в Белоруссии в 1900 г. составляло 750, хотя на них имелось всего 527 двигателей и только на 50 предприятиях число рабочих превышало 100 человек¹³⁸. По данным же переписи 1900 г., учитывавшей в массе более крупные предприятия и не обследовавшей промышленность, облагаемую акцизом, в Минской, Витебской, Могилевской губерниях насчитывалось всего 385 предприятий с годовой производительностью 14 001 тыс. руб., на которых было занято 12 821 рабочий, и имелось всего 244 паровых двигателя мощностью 8871 л. с. Уже это заставляет предположить необходимость корректировки имеющихся в работе подсчетов количества фабрик и заводов. Возражения вызывает не сам факт учета всех предприятий, в том числе и кустарных заведений, поскольку это необходимо для показа особенностей распространения тех или иных форм промышленных заведений в отдельных районах и для более точного отражения структуры их производства, а отсутствие более дифференцированных подсчетов предприятий в зависимости от числа рабочих и наличия парового двигателя.

При обработке и использовании первичного материала ведомостной статистики представляется перспективной методика, предложенная Ю. Я. Рыбаковым¹³⁹. Исследователь выделяет два основных направления, два приема исторической критики этого вида источника: 1) метод сравнительного и комплексного изучения различных групп промышленной статистики; 2) сопоставление основных показателей ведомости между собой.

Использование первичного материала в виде ведомостей, анкет, вопросных листков ставит перед исследователями большие трудности. Одной из самых значительных является сравнительная неполнота первичного материала. Причин тому несколько. Во-первых, в ходе сбора данных не все предприятия представляли сведения. Во-вторых, к настоящему времени некоторые материалы утрачены или находятся в плохом состоянии. Наконец, в-третьих, часть сохранившихся документов содержит информацию не о фабрично-заводских предприятиях, а о мелких кустарных заведениях.

Эти обстоятельства диктуют необходимость применения выборочного метода исследования, основанного на принципах математической статистики. Первым и необходимым условием для этого должна стать оценка представительности сохранившегося

¹³⁸ *Абезгауз З. Е.* Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1971, с. 38—40.

¹³⁹ Подробнее ее оценку см.: *История СССР*, 1977, № 4, с. 185—188.

комплекса первичных материалов по ряду признаков: полнота представительности основных категорий предприятий (крупных, средних, мелких, с паровым двигателем), отражение отраслевой структуры промышленности всей страны и отдельных губерний, репрезентативность районов и губерний различного уровня промышленного развития¹⁴⁰.

Рассмотрим применение данных принципов на примере анкет 1895 г. о предприятиях по обработке хлопка Москвы и уезда. Очевидно и хорошо известно значение этого производства для Московской губернии и Центрального промышленного района, что свидетельствует о важности рассматриваемых материалов при изучении промышленности данного региона. Источниковая ценность этих сведений возрастает, если учесть долю предприятий по обработке хлопка Московской губернии и в общероссийском производстве¹⁴¹. Сохранность анкет и их представительность отражены в табл. 1, где число предприятий по данным «Перечня фабрик и заводов» приняты за генеральную совокупность (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение анкет 1895 г. по группам предприятий в зависимости от числа рабочих и наличия парового двигателя

Группа предприятий по числу рабочих и наличию парового двигателя	Число предприятий по «Перечню»	Наличие анкет	% представительности анкет
До 50 (без двигателя)	19	9 *	42
До 50 (с двигателем)	8	2	25
51—100 (без двигателя)	7	6	85
51—100 (с двигателем)	5	2	40
101—500 (без двигателя)	6	4	66
101—500 (с двигателем)	13	6	46
Свыше 500 (с двигателем)	9	9	100
В с е г о	67	38	55

* В подсчетах процентов не учитывалась одна почти незаполненная анкета.

Данные табл. 1 говорят о высокой репрезентативности первичного материала о предприятиях отрасли в этом районе. Знакомство с делами, в которых содержатся анкеты по Московской

¹⁴⁰ На основе сходной методики Ю. Я. Рыбаковым была проведена оценка репрезентативности сохранившихся вопросных листков промышленной выставки 1882 г. по губерниям Центрально-Промышленного района. См.: Рыбаков Ю. Я. Промышленная статистика России XIX в., с. 141—171.

¹⁴¹ Так, по переписи 1900 г. на долю предприятий по обработке хлопка в Московской губернии приходилось 8% стоимости промышленной продукции и 9% рабочих, зарегистрированных в 57 губерниях Европейской России.

губернии¹⁴², а также с описями дел по другим губерниям, позволяет предположить сохранность большого числа анкет 1895 г. Поэтому необходимо произвести оценку представительности сохранившихся анкет, что даст возможность разработать конкретные признаки выборки и ввести весь комплект анкет в научный оборот.

В плане дальнейшего расширения источниковой базы по истории российской промышленности в XIX—начале XX в. далеко не исчерпаны возможности и статистических публикаций. Следует отметить, что методика разработки статистики промышленного производства обусловлена выбором и постановкой соответствующей исследовательской задачи. Предлагаемые далее направления обработки массовых статистических источников по истории промышленности подчинены освещению таких вопросов, как размещение промышленности, уровень развития отдельных регионов, динамика роста промышленного производства в ведущих отраслях, процессы концентрации производства, особенности развития различных типов российских предприятий, определение внутренней взаимосвязи показателей промышленного производства по отдельным группам предприятий и т. д. С учетом этих проблем проводилась в значительной степени оценка сравнительной достоверности, полноты и представительности анализируемых материалов.

Расширению информативных возможностей материалов российской промышленной статистики может служить дополнительная обработка данных. Постановка и решение подобной задачи обусловлено общим невысоким уровнем обработки данных в до-революционной статистике, зачастую отсутствием итоговых показателей или наличием их по весьма ограниченному числу признаков.

Рассмотрим в качестве примера материалы публикации переписи 1900 г. Как уже отмечалось выше, «Статистические сведения... за 1900 год» включали разработку итогов только в отраслевом разрезе. Для более полной характеристики состояния российской промышленности в этот период важно иметь и общие погубернские итоги, учитывая прежде всего неравномерность промышленного развития отдельных районов и губерний. Наличие погубернских итогов дает возможность также проводить сопоставления с другими публикациями.

Для реализации этой задачи по данным переписи 1900 г. была составлена таблица¹⁴³ показателей промышленного развития

¹⁴² ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, д. 125—126а, 394—395.

¹⁴³ Таблица опубликована в «Вестнике Московского ун-та» (сер. история, 1977, № 1). Подобная разработка данных была осуществлена в III выпуске «Статистического справочника», составленного А. Дядиченко и Л. Чермак и выпущенного в Петербурге в 1908 г. книгоиздательством «Земля и Воля». Издание это было, очевидно, малоизвестно. Во всяком случае даже В. Е. Варзар в предисловии к публикации материалов

57 губерний и областей Европейской России (исключая польские губернии) с подведением итогов по районам и в целом по стране. В таблице выделено 15 экономических районов, как это принято в современной исторической географии¹⁴⁴, что позволяет учитывать в комплексе промышленное и сельскохозяйственное развитие, а также особенности исторического прошлого того или иного региона. При отдельных попытках обработки данных этой переписи и других промышленно-статистических публикаций, которые предпринимались в последнее время в литературе, авторы нередко прибегают к собственным, не всегда обоснованным принципам районирования. Трудно согласиться, например, с предложениями, выдвинутыми в работах Б. Н. Васильева и Э. Э. Крузе¹⁴⁵. Вряд ли оправдана их попытка чрезмерно укрупнить районы, что в конечном счете затушевывает неравномерность развития отдельных губерний. Так, Б. Н. Васильев, выделяя район Прибалтики, Белоруссии и северо-западных губерний, включает в его состав 13 губерний (Петербургскую, Лифляндскую, Новгородскую, Эстляндскую, Гродненскую, Курляндскую, Виленскую, Могилевскую, Минскую, Псковскую, Ковенскую, Ломжинскую). Еще более укрупнены некоторые районы в исследовании Э. Э. Крузе: в состав Харьковского района вошли 19 губерний, в Петербургский — 10 губерний (Архангельская, Витебская, Курляндская, Лифляндская, Новгородская, Олонецкая, Петербургская, Псковская, Тверская, Эстляндская). Вызывают возражения и нарушения границ традиционных, общепринятых районов. Например, Васильевым в состав Центрального промышленного района включены Московская, Владимирская, Костромская, Ярославская, Тверская, Рязанская, Калужская, Тульская, Смоленская губернии. У Крузе он представлен Владимирской, Вологодской, Костромской, Московской, Рязанской, Смоленской, Ярославской губерниями. Как видим, в том и другом случае резко изменен установившийся в литературе состав района. Нам кажется, что нет оснований отказываться от принципов районирования, выработанных в начале XX в. в экономической и статистической литературе, необходимые же поправки и коррективы следует вносить с большой осторожностью. По сравнению с районированием, предложенным в публикации В. Е. Варзара, нами было проведено разукрупнение ряда районов, в частности выделены Белорусский, Литовский, Центрально-черноземный, Закавказский и Предкавказский районы. Это позволяет более дифференцированно подойти к оценке уровня промышленного развития отдельных областей.

переписи 1908 г. выражал сожаление по поводу отсутствия в литературе того времени каких-либо разработок данных переписи 1900 г.

¹⁴⁴ См.: Дробижев В. Э., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география. М., 1973, с. 248.

¹⁴⁵ Васильев Б. Н. Указ. соч., с. 402—403; Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976, с. 47—48.

Подсчеты производились по ряду основных признаков: число предприятий, сумма производства, выручка по заказам, число рабочих мужчин и женщин в заведении, общее число рабочих в заведении, на стороне, всего рабочих, количество паровых и электрических двигателей, их мощность, стоимость оборудования русского и заграничного производства, общая стоимость оборудования, расходы на сырье, топливо, заработную плату рабочих (в заведении и на стороне), на выдачи натурою, общая заработная плата и общие расходы на сырье, топливо, заработную плату. При этом учитывались содержание, полнота и достоверность признаков. К числу наименее точных относится количество предприятий. Публикация «Статистические сведения...» не позволяет выделить мелкие заведения, и их подсчет возможен только по «Списку фабрик и заводов». Однако корректировку можно производить лишь по четырем показателям: сумма производства, выручка по заказам, число рабочих в заведении и на стороне, т. е., по существу, приходится отказываться от использования других показателей публикации. При выяснении общей картины развития губерний в масштабах всей Европейской России искажение действительного положения не будет существенным при включении небольших заведений, учитывая незначительность стоимости их производства и небольшую численность занятых на них рабочих. Это подтверждают выборочные подсчеты по губерниям различных регионов (см. табл. 2). Вместе с тем мы не сочли возможным исключить из итогов эти предприятия, так как во всех случаях это укрупнит, а по отдельным губерниям и исказит результаты.

Таблица 2

Количество предприятий с числом рабочих до 15, зарегистрированных по переписи 1900 г.

Губерния	Предприятия с числом рабочих до 15		Занято рабочих на этих предприятиях	
	Число	% к общему числу предприятий в губернии	Число	% к общему числу рабочих в губернии
Владимирская	51	11	449	0,3
Вяленская	112	60,2	641	8,4
Рязанская	46	35	441	0,3
Тифлисская	63	53	488	14,5
Самарская	5	6	60	1,0
Херсонская	124	29	1197	5,0

В подсчеты количества и мощности двигателей были включены сведения только о паровых и электрических машинах как наиболее показательном факторе энерговооруженности промышленности. Остальные виды двигателей (ветряные, конные, топчак-овые и др.), значительно увеличивая их общее число, почти не

меняют показания мощности, что в целом затрудняет оценку уровня развития. В итоговой таблице, помещенной в предисловии к публикации «Статистические сведения...» (с. IX), сведения даны суммарно о всех видах двигателей по каждой отрасли. Показатели получились такие: в группе предприятий по обработке хлопка использовалось 1912 двигателей различных типов мощностью в 279—590 л. с., а в группе предприятий по обработке питательных веществ — 3834 различных двигателя, но мощностью только в 123 847 л. с.

Произведенные подсчеты показывают резкое различие в объеме промышленного производства отдельных губерний. Они — основа для дальнейшего анализа и обработки данных. Так, итоги позволяют произвести группировку губерний по ряду признаков, характеризующих промышленное производство. В качестве основных группировочных признаков взяты 5 показателей: стоимость производства, число рабочих, мощность двигателей, стоимость оборудования и расходы на топливо¹⁴⁶ — в принятых для них пределах (см. табл. 3).

Таблица 3

Показатели и их интервальные значения

Группа губерний	Стоимость производства, млн. руб.	Число рабочих, тыс.	Мощность двигателей, тыс. л. с.	Стоимость оборудования, млн. руб.	Расходы на топливо, млн. руб.
I	Свыше 180	Свыше 100	Свыше 50	Свыше 90	Свыше 7,5
II	От 85—30	От 60—24	От 35—13	От 34—14	От 5—1,6
III	От 25—19	От 20—13,5	От 10—5,5	От 13,5—6	От 1,6—0,9
IV	От 17,4—10	От 13,5—8,7	От 5,5—4	От 5—3,6	От 0,8—0,5
V	От 10—2,5	От 8—2,5	От 3,5—0,8	От 3,5—0,5	От 0,5—0,08
VI	Ниже 2	Ниже 2,5	Ниже 0,8	Ниже 0,5	Ниже 0,08

Губернии включались в ту или иную группу, если большинство признаков отвечало установленным для них пределам. В итоге губернии распределились следующим образом. В I группу вошло 3 губернии: Московская, С.-Петербургская, Владимирская; во II — 7 губерний: Лифляндская, Нижегородская, Костромская, Ярославская, Тверская, Херсонская, Екатеринославская; в III — 8 губерний: Харьковская, Курляндская, Эстляндская, Саратовская, Рязанская, Киевская, Донская, Пермская; в IV — 12 губерний: Новгородская, Гродненская, Калужская, Казанская, Симбирская, Орловская, Тульская, Тамбовская, Смоленская, Полтавская, Самарская, Вятская; в V — 24 губернии: Виленская, Архан-

¹⁴⁶ Производились также подсчеты по числу предприятий и двигателей, но они не учитывались при группировке. Здесь и далее стоимость производства включает сумму производства и выручку по заказам, т. е. приближается к показателю валовой продукции.

гельская, Таврическая, Оренбургская, Кубанская, Бакинская, Курская, Черниговская, Пензенская, Волынская, Астраханская, Ковенская, Минская, Витебская, Могилевская, Подольская, Бессарабская, Тифлисская, Вологодская, Псковская, Воронежская, Уфимская, Черноморская, Кутаисская; и, наконец, в VI группу вошло 3 губернии — Олонецкая, Эриванская, Елизаветпольская. Основные итоговые показатели промышленного производства указанных групп представлены в табл. 4.

Следует отметить большой разрыв между пределами I и II и частично II и III групп. В последующих группах границы отдельных признаков не всегда столь определены. Произведенная группировка показывает необычайно высокую концентрацию промышленного производства в немногих губерниях. На долю Московской, Петербургской и Владимирской губерний приходится около половины всей стоимости промышленного производства России, числа всех рабочих, мощности двигателей, стоимости оборудования и расходов на топливо. Абсолютное большинство промышленного производства (свыше 90%) было сосредоточено в 30 губерниях I—IV групп, что позволяет судить о степени их промышленного развития. На долю 24 губерний V группы приходилось около 10% промышленного производства и производственных мощностей — явное свидетельство слабости их промышленного развития. Что касается трех губерний VI группы, то в отношении них вообще трудно говорить о сколько-нибудь заметном промышленном их развитии.

Группировка губерний произведена только по данным обрабатывающей промышленности, обследованной по переписи 1900 г. Учет других отраслей и прежде всего горнозаводской промышленности отразится на положении очень немногих губерний. Можно уверенно предположить переход в другую группу только Бакинской губернии.

Не останавливаясь на конкретно-исторических выводах произведенной группировки, хотелось бы обратить внимание на некоторые стороны методики изучения промышленного развития России и обработки промышленно-статистических данных.

Высокий уровень концентрации производства в губерниях I и II группы (свыше 60%) позволяет осуществлять детальное исследование ведущих процессов промышленного развития именно в этом регионе, определявшем общее экономическое развитие страны. Именно на материалах этих губерний должна отработаться методика источниковедческого анализа и использования статистических источников. Вместе с тем произведенная группировка дает основание для применения выборочного метода исследования. Выделение групп губерний по общности черт их промышленного развития позволит в дальнейшем устанавливать репрезентативность и значимость отобранного или сохранившегося статистического материала. Бесспорно, что группировка только по абсолютным показателям не может быть единственной

Таблица 4

Показатели промышленного производства по группам губерний (данные переписи 1900 г.)

Группа губерний	Количество предприятий		Стоимость производства, тыс. руб.		Число рабочих		Количество двигателей	Мощность двигателей, л. с.		Стоимость оборудования, тыс. руб.		Расходы на топливо, тыс. руб.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%		абс.	%	абс.	%	абс.	%
	I — 3 губернии	2493	23,0	784 193	45,9	540 975	47,2	3603	279 574	42,83	284 482	48,0	39 024
II — 7 губерний	2019	19,0	367 136	21,5	243 062	21,2	1751	165 939	25,4	127 457	21,5	18 894	22,0
III — 8 губерний	1430	13,4	210 293	12,3	117 856	10,2	1212	84 892	13,0	77 508	13,1	11 081	13,0
IV — 12 губерний	1956	18,3	167 776	10,0	123 710	11,0	1104	60 736	9,3	54 928	9,3	8 473	10,0
Итого по 30 губерниям		74,0		89,7		89,6			90,53		91,9		90,8
V — 24 губерний	2667	25,0	173 137	10,1	115 213	10,0	1700	61 001	9,4	47 608	8,0	7 566	9,0
VI — 3 губернии	105	1,0	3968	0,2	4364	0,4	32	484	0,07	799	0,1	109	0,2
Всего по 57 губерниям	10 670	100	1 706 503	100	1 145 181	100	9402	652 626	100	592 782	100	85 147	100

и окончательной. Для всестороннего и точного определения уровня промышленного развития губерний необходимо учитывать и данные других показателей: стоимость производства на единицу мощности и на одного рабочего, стоимость оборудования на одного рабочего, число крупных (свыше 500 рабочих) и мелких (до 30 рабочих) предприятий, темпы развития отдельных губерний и т. д.

Научная значимость статистических источников возрастает, если на их основе можно не только охарактеризовать состояние промышленности России на тот или иной момент, но и показать динамику развития. Для этого необходимо прежде всего определить сопоставимость различных статистических материалов, особенно учитывая характерные для российской промышленной статистики изменения в программах промышленных обследований.

При разработке этого вопроса и некоторых других методических примеров были использованы материалы анкеты 1895 г. и переписи 1900 г. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, наличием публикаций с карточными сведениями о каждом отдельном предприятии, что представляет возможность оценки итоговых данных и проведения дополнительной их обработки. Публикации подобного типа позволяют решить основную задачу предварительной обработки: «отделение сравнительно годного материала от негодного»¹⁴⁷, определить сопоставимость данных. Во-вторых, первичные материалы этих двух обследований содержат много показателей (сумма производства, число рабочих, мощность двигателей и т. д.), в основе исчисления которых лежат сходные принципы. В-третьих, оба обследования проводили систематизацию предприятий по одним и тем же отраслям промышленности и в большинстве случаев по одинаковым разрядам производства. И все же, учитывая определенные отличия в отборе сведений в различных губерниях по отдельным отраслям, материал для методических разработок ограничен в территориальном и отраслевом отношении.

По данным обследования 1895 г. и переписи 1900 г. мы попытались определить динамику развития такой ведущей отрасли промышленности Московской губернии, как обработка хлопка. На долю предприятий этой отрасли в 1900 г. приходилось 40,6% всей стоимости производства в губернии и 43% всех рабочих губерний. При проведении подсчетов были исключены раздаточные конторы, действовавшие как самостоятельные предприятия. Сопоставление карточных сведений показало существенные различия в учете этой категории при обследовании 1895 г. и переписи 1900 г. В последнем случае их было зарегистрировано намного больше. Причем, как показывает «Список фабрик и заводов», большинство их возникло до 1895 г. Дробность показателей публикации «Статистические сведения...» позво-

¹⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 32.

лила исключить эту группу предприятий из соответствующего разряда производства. Итак, сопоставление данных обследований, даже имеющих сходные черты, показывает прежде всего необходимость проверки карточных сведений для получения более однородного материала. Подобная работа должна тем более производиться, когда речь идет о статистических материалах, собиравшихся на основе существенно различавшихся программ.

Динамика развития предприятий по обработке хлопка Московской губернии в 1895—1900 гг. представлена в табл. 5, содержащей общие итоги, и в табл. 6, показывающей результаты развития отдельных групп предприятий. Данные табл. 5 показывают существенный рост этой отрасли по всем показателям, в том числе и опережающий рост числа рабочих по сравнению с такими показателями, как мощность двигателей и стоимость производства. Очень интересна динамика отдельных групп предприятий. Так, характерен резкий рост крупнейших предприятий: число заведений увеличилось на 42%, рабочих в них — на 49%, а стоимость производства — на 53%. Значительная часть возникших после 1895 г. предприятий принадлежала к группе заведений, на которых было занято от 50 до 100 рабочих.

Таблица 5

Динамика развития предприятия по обработке хлопка в Московской губернии с 1895 по 1900 г.

Показатель	1895 г.	1900 г.	1900 г. (в % к 1895 г.)
Число предприятий (без раздаточных контор)	178	186	104
Число рабочих			
а) в заведениях	75 069	104 432	
б) на стороне	2607	2148	
Всего рабочих	77 676	106 580	137
Число двигателей *	806	707	87
Мощность двигателей, л. с.	49 219	65 713	133
Расходы на топливо, тыс. руб.	5111	7426	145
Общая стоимость производства, тыс. руб.	109 066	146 833	135

* В подсчет включены только паровые и электродвигатели.

В. И. Ленин в своих работах, посвященных российской фабрично-заводской статистике, неоднократно говорил о необходимости группировки предприятий по числу рабочих, наличию парового двигателя и сумме производства. Им было показано значение подобных статистических работ как для выявления наиболее достоверных данных, так и для историко-экономического анализа явлений: «Эта группировка особенно необходима и с чисто теоретической точки зрения, для изучения состояния и развития промышленности, и для выделения в наличном материале сравни-

Таблица 6

Динамика развития отдельных групп предприятий
по обработке хлопка в Московской губернии с 1895 по 1900 г.

Группа предприятий с числом рабочих	1895 г.			1900 г.		
	Число предприятий	Число рабочих	Стоимость производства, руб.	Число предприятий	Число рабочих	Стоимость производства, руб.
До 30	56	1960	1 180 068	39	921	650 400
От 31—до 49	19	892	464 516	22 *	904	647 500
От 50 до 99	30	1327	1 623 328	40 **	3319	2 949 900
От 100 до 499	40	10 864	11 058 175	41	9324	11 101 422
От 500 до 999	14	9 967	19 162 190	15 ***	10 139	19 123 400
Свыше 1000	19	51 666	73 773 163	27	77 105	112 959 200

* Три предприятия возникли после 1895 г.

** После 1895 г. возникло около 10 предприятий.

*** Имеются неучтенные предприятия.

тельно годных и негодных данных»¹⁴⁸. В. И. Лениным было отмечено, что подобная обработка данных позволит анализировать не «„средние числа“, сплошь и рядом совершенно фиктивные и ведущие к грубым ошибкам»¹⁴⁹, а наиболее достоверные данные, позволяющие определять основные тенденции развития.

Придавая большое значение группировке по числу рабочих, В. И. Ленин писал: «Статистика должна давать не произвольные столбцы цифр, а цифровое освещение тех различных социальных типов изучаемого явления, которые вполне наметились или намечаются жизнью. Можно ли сомневаться в том, что заведения в 50 и в 500 рабочих принадлежат к существенно иным социальным типам интересующего нас явления? что все общественное развитие всех цивилизованных стран усиливает различие этих типов и ведет к вытеснению одного из них другим?»¹⁵⁰ Материалом для проведения подобной работы должны были стать публикации, содержащие карточные сведения о каждом отдельном предприятии, т. е. различного рода «Указатели фабрик и заводов», «Списки», «Перечни» и т. д.

По материалам «Перечня фабрик и заводов» нами была произведена группировка предприятий по числу рабочих в отраслях по обработке хлопка и обработке металлов в Московской и Петербургской губерниях. Для каждой группы учитывалось также наличие парового двигателя и проводились подсчеты числа рабо-

¹⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 33.

¹⁴⁹ Там же, с. 33—34.

¹⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 32.

чих в заведении, на стороне, всех рабочих, числа и мощности паровых двигателей, а также стоимости производства. Было выделено 7 групп заведений: I — менее 15 рабочих, II — от 15 до 30 рабочих, III — от 30 до 50 рабочих, IV — от 50 до 100 рабочих, V — от 100 до 500 рабочих, VI — от 500 до 1000 рабочих и VII — свыше 1000 рабочих. Введение группы от 15 до 30 рабочих обусловлено, во-первых, тем, что эта группа мало отличается от предыдущей применением в производстве паровых двигателей, т. е. более определенного признака промышленного заведения, во-вторых, было обращено внимание, что в ряде более поздних промышленно-статистических публикаций ценз фабрично-заводских предприятий нередко повышался до 20 рабочих, а на переписи 1918 г. даже до 30.

Следует заметить, что принципы группировки по числу рабочих и паровому двигателю, принятые нами для данных отраслей, не могут быть полностью распространены на другие производства. Особенно это касается пределов и признаков низших групп в таких отраслях, где, по словам В. И. Ленина, «„фабрично-заводские“ заведения сливаются с „кустарными“ или „сельскохозяйственными“ (войлочное, кирпичное, кожевенное, мукомольное, маслобойное и мн. др.)»¹⁵¹. Несколько слов об учете рабочих на стороне. В тех случаях, когда общее число рабочих на предприятии (т. е. непосредственно в заведении и на стороне) незначительно превышало пределы группы, заведение относилось к низшей группе.

Итоги проведенных вычислений представлены в табл. 7—11. Группировка статистического материала на основе указанных признаков позволяет более углубленно подойти к изучению таких процессов, как концентрация рабочей силы, концентрация основных производственных мощностей и стоимости производства (см. табл. 7—11). Данные указанных таблиц свидетельствуют об очень важном явлении в ведущих отраслях наиболее высокоразвитых в промышленном отношении губерний: в группе крупнейших предприятий концентрация производства начинает преобладать над концентрацией рабочей силы. Для рассмотренных отраслей и губерний, как это видно из таблиц, характерно сосредоточение абсолютного большинства рабочих, мощности двигателей и стоимости производства на предприятиях с числом рабочих свыше 100 человек.

Выше мы отмечали опыт В. И. Бовыкина по группировке предприятий в зависимости от суммы производства. Подобная группировка может быть произведена и по данным «Перечня 1895 г.», а также по ряду последующих публикаций, как правило содержащих показатель стоимости производства. Табл. 12, составленная по данным «Перечня» и «Списка фабрик и заводов за 1900 г.», показывает быстрое сокращение в ведущих отраслях

¹⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 31.

Таблица 7

Группы предприятий по обработке хлопка в Московской губернии в 1895 г. и показатели их промышленного производства *

Группа предприятий с числом рабочих	Количество предприятий		Число рабочих			Паровые двигатели		Стоимость производства	
	абс.	%	в заведе- нии	на сто- роне	всего	число	мощность, л. с.	тыс. руб.	%
Менее 15	19	9,1	183	934	1117	7	127	435,510	0,4
В т. ч. с двигателем	5	2,4	45	0	45	7	127	57,580	0,05
От 15 до 30	37	17,8	764	79	843	6	411	744,558	0,7
В т. ч. с двигателем	4	1,9	98	0	98	6	411	350,383	0,32
От 31 до 49	19	9,1	798	94	892	10	121	464,516	0,4
В т. ч. с двигателем	7	3,4	286	0	286	10	121	168,217	0,15
От 50 до 99	30	14,5	2076	251	2327	15	306	1 623,328	1,5
В т. ч. с двигателем	10	4,8	796	150	946	15	306	904,764	0,83
От 100 до 499	40	19,2	9786	1078	10 864	169	3329	11 058,175	10,1
В т. ч. с двигателем	33	15,9	8364	978	9342	169	3329	10 063,998	9,22
От 500 до 999	14	6,7	9829	138	9967	151	4262	19 162,190	17,6
Свыше 1000	19	9,1	51 633	33	51 666	448	40 599	73 773,168	67,6
Всего	178	85,5	75 069	2607	77 676	806	48 855	107 261,445	98,3
Раздаточные конторы	30	14,5	833	3554	4387	2	41	1 804,751	1,7
Итого	208	100	75 902	6161	82 063	808	48 896	109 066,196	100

* Процент высчитывался от общего числа предприятий данной отрасли в губернии. То же в табл. 8—10.

Таблица 8

Группы предприятий по обработке металла в Московской губернии в 1895 г. и количества их промышленного производства

Группа предприятий с числом рабочих	Количество предприятий		Число рабочих			Паровые и электро- двигатели		Стоимость производства		
	абс.	%	в заве- дения	на сто- роне	всего	%	чисто л. с.	мощность, %	тыс. руб.	%
Менее 15	35	16,5	394	0	394	2,00	1	2	297,670	1,20
В т. ч. с двигателем	1	0,5	4	0	4	0,02	1	2	40,000	0,17
От 15 до 30	74	34,7	1548	6	1554	8,00	11	123	933,307	4,00
В т. ч. с двигателем	11	5,1	248	0	248	1,23	11	123	205,071	0,85
От 31 до 49	41	19,2	1496	7	1503	7,00	6	77	1 316,939	5,50
В т. ч. с двигателем	6	2,8	179	0	179	0,9	6	77	132,206	0,55
От 50 до 99	31	14,5	2105	0	2105	10,0	14	154	2 670,149	11,10
В т. ч. с двигателем	10	4,7	796	0	796	4,0	14	154	1 073,007	4,48
От 100 до 499	26	12,2	5492	132	5624	28,0	34	876	6 510,177	27,2
В т. ч. с двигателем	17	8,0	4313	132	4445	22,0	34	876	5 605,921	23,43
От 500 до 999	4	2,0	2778	0	2778	14,0	10	522	3 130,052	13,00
Свыше 1000	2	0,9	6238	0	6238	31,0	26	1029	9 066,426	38,0
Всего	213	100	20 051	145	20196	100	102	2783	23 924,820	100

Таблица 9

Группы предприятий по обработке хлопка в Петербургской губернии в 1895 г. и показатели их промышленного производства

Группа предприятий с числом рабочих	Количество предприятий		Число рабочих			
	абс.	%	в заведе- нии	на сто- роне	всего	%
Менее 15	0	0	0	0	0	0
От 15 до 30	1	3,0	24	0	24	0,1
От 31 до 49	0	0	0	0	0	0
От 50 до 99	3	10,0	199	0	199	1,0
От 100 до 499	9	29,0	1665	0	1665	8,2
От 500 до 999	10	32,2	7468	0	7468	37,0
Свыше 1000	8	25,8	10 843	0	10 843	53,7
Всего	31	100	20 199	0	20 199	100

Группа предприятий с числом рабочих	Паровые и электродвигатели			Стоимость производства	
	число	мощность, л. с.	%	тыс. руб.	%
Менее 15	0	0	0	0	0
От 15 до 30	1	44	0,2	82,000	0,2
От 31 до 49	0	0	0	0	0
От 50 до 99	6	301	1,0	586,636	1,3
От 100 до 499	31	3186	11,3	4 690,874	10,5
От 500 до 999	130	9446	33,4	20 351,333	45,4
Свыше 1000	61	15 267	54,1	19 116,776	42,6
Всего	229	28 244	100	44 827,619	100

промышленности предприятий с суммой производства до 10 000 руб. и тем более до 2000 руб. (см. табл. 12).

Необходимо подчеркнуть, что В. И. Ленин придавал огромное значение группировке предприятий по величине производства. Он писал: «Различия по роду производства *менее* характерны и менее существенны для социально-экономической статистики, чем различия по *размерам* производств. Это не значит, конечно, чтобы первые различия можно было игнорировать. Но это значит, что абсолютно невозможно осмысленная статистика без учета вторых различий»¹⁵². В понятие размер производства В. И. Ленин, очевидно, включал и такие показатели, как число рабочих в заведении, мощность двигателей.

¹⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 38.

Таблица 10

Группы предприятий по обработке металла в Петербургской губернии в 1895 г. и показатели их промышленного производства

Группа предприятий с числом рабочих	Количество предприятий		Число рабочих			Паровые и электродви- гательные		Стоимость производства		
	абс.	%	в заведе- ниях	на сто- роне	всего	%	число	мощность, л. с.	тыс. руб.	%
Менее 15	15	8,0	139	2	141	0,7	7	61	102,468	0,3
В т. ч. с двигателем	7	3,8	76	2	78	0,4	7	61	43,621	0,1
От 15 до 30	75	40,8	1511	45	1556	7,8	17	261	1 717,156	5,0
В т. ч. с двигателем	16	8,7	349	0	349	1,7	17	261	488,213	1,4
От 31 до 49	25	13,6	917	9	926	4,6	16	138	896,680	2,6
В т. ч. с двигателем	16	8,7	591	0	591	3,0	16	138	543,055	1,6
От 50 до 99	32	17,4	2332	0	2332	11,6	26	463	2 932,402	8,4
В т. ч. с двигателем	21	11,4	1587	0	1587	8,0	26	463	2 015,664	0,6
От 100 до 499	27	14,7	4580	58	4638	23,2	35	1471	7 026,470	20,2
В т. ч. с двигателем	23	12,5	4068	55	4123	20,6	35	1471	6 458,178	18,6
От 500 до 999	6	3,3	3880	0	3880	19,4	37	3102	8 055,527	23,1
Свыше 1000	4	2,2	6545	0	6545	32,7	107	4110	14 062,986	40,4
Всего	184	100	19 904	114	20 018	100	245	9606	34 793,689	100

Таблица 11

Итоги группировки предприятий по обработке хлопка и металла в Московской и Петербургской губерниях на 1895 г. в (%)

Губерния, отрасль производства, группы предприятий с числом рабочих	Число всех предприятий	Число рабочих на них	Стоимость производства	Число предприятий с двигателями	Число рабочих на них	Мощность двигателей	Стоимость производства
<i>Московская</i>							
Обработка хлопка *							
менее 15	9,1	1,36	0,4	2,4	0,05	0,26	0,05
от 15 до 30	17,8	1,03	0,7	1,9	0,02	0,23	0,32
от 31 до 49	9,1	1,02	0,4	3,4	0,35	0,25	0,15
от 50 до 99	14,5	2,83	1,5	4,8	1,15	0,63	0,83
от 100 до 499	19,2	13,24	10,1	15,9	11,40	6,81	9,22
от 500 до 999	6,7	12,14	17,67	6,7	12,14	8,71	17,6
свыше 1000	9,1	62,96	67,6	9,1	62,96	83,03	67,6
Обработка металла							
менее 15	16,5	2,0	1,2	0,5	0,02	0,07	0,17
от 15 до 30	34,7	8,0	4,0	5,1	1,23	4,40	0,85
от 31 до 49	19,2	7,0	5,5	2,8	0,9	3,0	0,55
от 50 до 99	14,5	10,0	11,1	4,7	4,0	5,53	4,48
от 100 до 499	12,2	28,0	27,2	8,0	22,0	31,0	23,43
от 500 до 999	2,0	14,0	13,0	2,0	14,0	19,0	13,0
свыше 1000	0,9	31,0	38,0	0,9	31,0	37,0	38,0
<i>Петербургская</i>							
Обработка хлопка							
менее 15	0	0	0	0	0	0	0
от 15 до 30	3,0	0,1	0,2	3,0	0,1	0,2	0,2
от 31 до 49	0	0	0	0	0	0	0
от 50 до 99	10,0	1,0	1,3	10,0	1,0	1,0	1,3
от 100 до 499	29,0	8,2	10,5	29,0	8,2	11,3	10,5
от 500 до 999	32,2	37,0	45,4	32,2	37,0	33,4	45,4
свыше 1000	25,8	53,7	42,6	25,8	53,7	54,1	42,6
Обработка металла							
менее 15	8,0	0,7	0,3	3,8	0,4	0,7	0,1
от 15 до 30	40,8	7,8	5,0	8,7	1,7	2,7	1,4
от 31 до 49	13,6	4,6	2,6	8,7	3,0	1,4	1,6
от 50 до 99	17,4	11,6	8,4	11,4	8,0	4,8	0,6
от 100 до 499	14,7	23,2	20,2	12,5	20,6	15,3	18,6
от 500 до 999	3,3	19,4	23,1	3,3	19,4	32,3	23,1
свыше 1000	2,2	32,7	40,4	2,2	32,7	42,8	40,4

* Без раздаточных котлов.

Таблица 12

Распределение предприятий по обработке хлопка в Московской губернии в зависимости от числа рабочих и стоимости производства

Группа предприятий с числом рабочих	1895 г.			1900 г.		
	Стоимость производства, тыс. руб.			Стоимость производства, тыс. руб.		
	до 10	от 10—100	свыше 100	до 10	от 10—100	свыше 100
До 300	30 *	38	1	18 ***	16	1
От 30 до 50	5	14	0	5	17	0
От 50 до 100	6	21	5	0	28	9
От 100 до 500	0	8	32	0	6	40
Свыше 500	0	0	33 **	0	0	41 ****
Итого	41	81	71	23	67	91

* В том числе 10 предприятий со стоимостью производства менее 2 тыс. руб.

** В том числе 26 предприятий со стоимостью производства свыше 1 млн. руб.

*** В том числе 4 предприятия со стоимостью производства менее 2 тыс. руб.

**** В том числе 3 предприятия имеют стоимость производства менее 500 тыс. руб.; а 30 предприятий — свыше 1 млн. руб.

Очень важной представляется группировка предприятий по числу рабочих дней в году. На этот признак также обращал внимание В. И. Ленин¹⁵³. К сожалению, большинство публикаций не содержит этот показатель. В табл. 13 по этому признаку произведена группировка хлопкообрабатывающих предприятий в Московской губернии по данным «Перечня 1895 г.» (см. табл. 13).

Таблица 13

Распределение предприятий по обработке хлопка в Московской губернии в зависимости от числа рабочих дней в году

Группа предприятий с числом рабочих	Число рабочих дней в году		
	ниже 200	от 200 до 250	свыше 250
До 30	14	26	15
От 30 до 50	5	8	5
От 50 до 100	6	8	16
От 100 до 500	0	8	32
Свыше 500	1	1	31
Итого	26	51	99

Данные табл. 12 и 13 показывают наличие определенной зависимости в принадлежности тех или иных признаков соответст-

¹⁵³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 37.

вующим группам предприятий. Особенно ярко это видно по группе заведений с числом рабочих от 100 до 500.

Проведение дополнительной обработки данных и, в частности, их группировка ставят вопрос о взаимной обусловленности рассматриваемых признаков. Поэтому важно установить, насколько точен анализ при помощи метода группировок, выделяет ли он действительно существовавшие группы и как в них взаимосвязаны те или иные признаки. Возникает вопрос и о структурном единстве отдельных групп, т. е. насколько, например, правомерно отнесение заведений с числом рабочих от 30 до 50 к фабрично-заводским предприятиям. Для решения этих задач большие возможности открывает применение методов количественного анализа. По материалам «Перечня 1895 г.» было произведено вычисление коэффициентов корреляции. В связи с тем, что это начальная стадия применения количественных методов при обработке данных фабрично-заводской статистики, работа велась на ограниченном материале. Анализ подвергались данные только о предприятиях по переработке хлопка в Московской губернии. Учитывались предприятия следующих групп: I — заведения с числом рабочих свыше 500, II — от 100 до 500, III — от 50 до 100 и IV — от 30 до 50 рабочих. Были взяты 10 абсолютных показателей¹⁵⁴ и 19 относительных. Итоги вычислений таковы. Для всех четырех групп характерны в целом высокие уровни коэффициентов корреляции. Особенно это свойственно I и II группе (см. табл. 14). Можно отметить зависимость таких признаков, как сумма производства на 1 предприятие (6) и стоимость производства на 1 день работы (16); мощность двигателей на 1 предприятие (5) и стоимость производства на 1 предприятие (8) и т. д.

Различие в уровнях коэффициентов корреляции в отдельных группах предприятий доказывает не только правомерность выделения подобных групп, но и необходимость их специального типологического изучения.

В то же время обращает на себя внимание устойчивость взаимосвязи во всех четырех группах предприятий таких признаков, как сумма производства на 1 предприятие (6), общая стоимость производства, число рабочих дней в году, расходы на топливо. Абсолютные показатели рассчитывались на одно предприятие, затем на одного рабочего, кроме того, исчислялись общая стоимость производства и стоимость топлива на один день работы, общая стоимость производства и стоимость топлива на единицу мощности.

¹⁵⁴ Число рабочих в заведении, на стороне, всего рабочих, число двигателей, их мощность, сумма производства, выручка по заказам, общая стоимость производства, число рабочих дней в году, расходы на топливо. Абсолютные показатели рассчитывались на одно предприятие, затем на одного рабочего, кроме того, исчислялись общая стоимость производства и стоимость топлива на один день работы, общая стоимость производства и стоимость топлива на единицу мощности.

Таблица 14

Теснота взаимосвязи признаков группы предприятий по обработке хлопчатобумажных изделий с числом рабочих свыше 500 и от 100—500 человек (данные по Московской губернии на 1895 г.)

	Число рабочих в заведении	Число рабочих на стороне	Общее число рабочих	Число двигателей	Мощность двигателей	Сумма производства	Выручка по ва-казам	Общая стоимость производства	Число рабочих дней в году
	на 1 предприятие								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Группа предприятий свыше 500 рабочих									
Коэффициенты корреляции									
1	×	-0,01	1,00	0,24	0,65	0,42	-0,05	0,42	0,30
2	0,04	×	0,0	-0,10	-0,09	-0,14	-0,05	-0,14	0,13
3	0,70	0,74	×	0,24	0,65	0,42	-0,05	0,42	0,31
4	0,21	-0,13	0,05	×	0,45	0,79	0,06	0,80	-0,11
5	0,56	-0,16	0,26	0,51	×	0,62	-0,07	0,62	0,24
6	0,27	0,11	0,25	0,25	0,21	×	-0,09	1,00	-0,01
7	0,39	-0,17	0,14	0,54	0,41	-0,38	×	-0,05	-0,23
8	0,46	0,04	0,34	0,51	0,41	0,91	0,03	×	-0,01
9	0,18	-0,48	-0,22	0,13	0,10	-0,04	0,25	0,07	×
10	0,50	-0,14	0,23	0,76	0,51	0,19	0,79	0,55	0,23
11	0,19	-0,23	-0,04	0,53	0,86	0,09	0,31	0,23	0,10
12	0,11	-0,05	0,04	0,18	0,13	0,94	-0,42	0,83	0,04
13	0,05	-0,21	-0,11	0,57	0,28	-0,46	0,87	-0,12	0,23
14	0,15	-0,16	-0,01	0,49	0,29	0,86	-0,06	0,91	0,16
15	0,15	-0,25	-0,07	0,84	0,42	0,07	0,70	0,39	0,27
16	0,45	0,07	0,35	0,50	0,41	0,92	0,01	1,00	0,01
17	0,49	-0,13	0,24	0,77	0,53	0,20	0,78	0,57	0,20
18	-0,21	0,50	0,22	-0,15	-0,52	0,33	-0,31	0,23	-0,09
19	-0,12	-0,01	-0,08	0,30	-0,47	-0,20	0,41	-0,03	0,20

Коэффициенты корреляции

Группа предприятий с числом рабочих от 100—500 рабочих

Сходные результаты дало вычисление коэффициентов корреляции для отдельных групп предприятий по другим отраслям и губерниям (см. табл. 16).

Рассмотренные нами группы предприятий, составляя особые типы, вместе с тем являлись элементами единого экономического организма российской промышленности. Это убедительно показывает, что при различиях во взаимосвязи признаков в отдельных группах в них сохраняется общее качество системы.

Стоимость топлива	Мощность двигателей	Сумма производств	Вручка по заводам	Общая стоимость производства	Стоимость топлива	Общая стоимость производства	Стоимость топлива	Общая стоимость производства	Стоимость топлива
на 1 рабочего всех рабочих					на 1 день работы		на единицу мощности		
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Группа предприятий свыше 500 рабочих									
Коэффициенты корреляции									
0,79	0,10	-0,13	-0,13	-0,15	-0,09	0,40	0,77	-0,30	-0,19
-0,04	-0,18	-0,09	-0,04	-0,10	-0,16	-0,14	-0,05	0,10	-0,01
0,79	0,10	-0,13	-0,13	-0,15	-0,09	0,39	0,77	-0,30	-0,19
0,62	0,41	0,68	-0,03	0,69	0,67	0,81	0,65	0,31	0,29
0,71	0,77	0,07	-0,13	0,06	0,15	0,59	0,70	-0,35	-0,29
0,64	0,53	0,67	-0,20	0,66	0,52	1,00	0,67	0,15	0,02
0,01	-0,13	-0,21	0,97	-0,12	0,09	-0,05	0,02	-0,05	0,29
0,65	0,53	0,66	-0,16	0,65	0,53	1,00	0,67	0,15	0,03
0,20	0,13	-0,26	-0,23	-0,29	-0,21	-0,09	0,14	-0,55	-0,48
×	0,35	0,28	-0,09	0,27	0,46	0,63	1,00	-0,02	0,17
0,38	×	0,35	-0,13	0,34	0,32	0,51	0,36	-0,29	-0,31
0,12	0,06	×	-0,21	1,00	0,72	0,69	0,31	0,58	0,32
0,62	0,36	-0,51	×	-0,12	0,08	-0,16	-0,09	-0,04	0,30
0,44	0,24	0,91	-0,09	×	0,74	0,69	0,31	0,59	0,36
0,87	0,48	0,04	0,77	0,42	×	0,55	0,50	0,46	0,69
0,54	0,23	0,83	-0,13	0,90	0,37	×	0,66	0,21	0,07
1,00	0,40	0,13	0,61	0,45	0,87	0,55	×	0,02	0,20
-0,13	-0,59	0,42	-0,34	0,31	-0,17	0,23	-0,13	×	0,76
0,44	-0,50	-0,17	0,44	0,02	0,50	-0,04	0,42	0,41	×

Коэффициенты корреляции

Группа предприятий с числом рабочих от 100—500 рабочих

Проведенные предварительные опыты обработки данных фабрично-заводской статистики России, нуждаются, бесспорно, в дальнейшем уточнении и совершенствовании. Наша задача заключалась в показе тех возможностей, которые открывает метод конструктивной критики промышленной статистики России. В этой связи напомним следующие слова В. И. Ленина: «Говоря о том, что наша фабрично-заводская статистика в высшей степени неудовлетворительна, мы отнюдь не хотим сказать этим, чтобы ее

Таблица 15

Теснота взаимосвязи признаков групп предприятий по обработке хлопка в Московской губернии

Группа предприятий с числом рабочих	№ показателя	8	14	16
		коэффициент корреляции		
Свыше 500	6	1,00	0,66	1,00
	8	×	0,65	1,00
	16	1,00	0,69	×
От 100 до 500	6	0,91	0,86	0,92
	8	×	0,91	1,00
	16	1,0	0,90	×
От 50 до 100	6	0,68	0,56	0,72
	8	×	0,90	0,95
	16	0,95	0,75	×
От 30 до 50	6	0,83	0,65	0,79
	8	×	0,88	0,98
	16	0,98	0,88	×

Таблица 16

Теснота взаимосвязи признаков отдельных групп предприятий Владимирской, Петербургской и Костромской губерний

Губерния, отрасль производства, группа предприятий с числом рабочих	№ показателя	8	14	16
		коэффициент корреляции		
Владимирская Обработка хлопка свыше 500	6	1,00	0,23	1,00
	8	×	0,23	1,00
	16	1,00	0,26	×
Владимирская Обработка хлопка от 100 до 500	6	0,99	0,84	0,97
	8	×	0,85	0,98
	16	0,98	0,85	×
Владимирская Все отрасли текстильной промышленности от 30 до 50	6	0,99	0,86	0,96
	8	×	0,88	0,97
	16	0,97	0,86	×
Петербургская Обработка хлопка свыше 500	6	1,00	0,81	0,99
	8	×	0,81	1,00
	16	1,00	0,81	×
Костромская Все отрасли текстильной промышленности от 100 до 500	6	0,99	0,81	0,98
	8	×	0,83	0,98
	16	0,98	0,79	×

данные не заслуживали внимания и разработки. Совсем напротив»¹⁵⁵.

Основными направлениями в исследовании промышленной статистики должны стать обработка итоговых показателей крупнейших обследований промышленности конца XIX—начала XX в., анализ ведущих процессов промышленного развития на основе группировки предприятий по важнейшим признакам промышленного производства, а также применение методов количественного анализа для разработки данных фабрично-заводской статистики.

Глава 2

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

1. ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ, СОДЕРЖАЩИХ ИНФОРМАЦИЮ ОБ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Акционирование промышленности было закономерным следствием развития капитализма. Оно вело к концентрации производства, к его все большему обобществлению. Характеризуя процесс акционирования отечественной промышленности, В. И. Ленин подчеркивал, что в ходе его «растет власть (и доход) тузов-миллионеров над капиталом „мелкоты“»¹. При этом и «помещики экономически сами начинали превращаться в буржуазию, заводя винокуренные, свеклосахарные заводы, входя в правления акционерных обществ и т. д.»²

Таким образом, к 1917 г. сложилась ситуация, которую можно было оценить так: «Число крупнейших акционеров ничтожно; роль их, как и общая сумма богатства у них, — *громадна*»³. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал не только массовый, но и интернациональный характер акционирования отечественной промышленности. Обращаясь к рабочим, он писал в августе 1913 г.: «Посмотрите на капиталистов: они стараются разжечь национальную вражду в „простом народе“, а сами отлично обделывают свои делишки: в одном и том же акционерном обществе — и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, и немцы»⁴.

Важная роль принадлежит акционерным компаниям в деле обобществления производства и капитала, в создании в недрах

¹⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 32.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 186.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 52.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 109.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 376.

капиталистического способа производства материальных предпосылок для перехода к социализму. «Капитал, который сам по себе поконит на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочей силы, — писал К. Маркс, — получает здесь непосредственную форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это — упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства... Это — упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое, *prima facie* (прежде всего. — *Ред.*) представляется простым переходным пунктом к новой форме производства»⁵.

В разное время в России действовало более 4-х тысяч акционерных предприятий. К началу XX в. они получили широкое распространение во всех отраслях производства, в сбыте, кредите, сфере обслуживания, заняв ведущие позиции в экономике страны. К 1914 г. на долю акционерной промышленности приходилось 71,5% основных капиталов торгово-промышленных предприятий страны. К ноябрю 1917 г. фактически действовало примерно 2850 торгово-промышленных акционерных компаний с номинальным капиталом 6040 млн. руб., 51 коммерческий и 10 земельных акционерных банков с капиталами соответственно 824 и 92 млн. руб., а также 58 железнодорожных компаний с капиталом 229 млн. руб.⁶

История акционирования отечественной промышленности неоднократно привлекала внимание советских исследователей. Изучались как внешние стороны этого процесса (царское законодательство, основные этапы и темпы акционирования, размеры акционерных капиталов), так и некоторые его результаты, связи отдельных отраслей и производства с банками, роль иностранных капиталов, образование личных уний. Тем не менее предстоит еще очень много сделать в этом направлении. Одни отрасли производства просто не изучены, по другим мы знаем лишь те компании, которые вошли в состав монополистических объединений. Более того, иногда о процессах монополизации мы знаем больше, чем о предшествующих им процессах акционирования.

Изучение названных сюжетов теснейшим образом связано с постановкой и решением ряда источниковедческих задач — эвристических и методических. Во-первых, обилие и пестрота источников обуславливают необходимость установления взаимо-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 479, 481.

⁶ Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973, с. 6, 233, 235—336.

связи отдельных групп источников с точки зрения зарождения и распространения заключенной в них информации. Это относится и к делопроизводственным материалам (управленческой документации акционерных компаний, государственных учреждений, представительных организаций буржуазии и пр.), и к акционерной статистике, и к специальным справочно-информационным изданиям, и пр. Во-вторых, комплексное использование источников, отражающих процессы акционирования, обязывает рассматривать отдельные документы и даже группы документов не как уникальные самодовлеющие источники информации, а как составные части комплексов массовой единообразной документации.

Прежде всего речь должна идти об управленческой документации самих акционерных компаний. В настоящее время мы можем судить о степени сохранности архивных фондов свыше тысячи торгово-промышленных компаний (см. табл. 1), которые представляют все основные отрасли промышленности дореволюционной России.

Всего в государственных архивах СССР в составе самостоятельных архивных фондов хранятся материалы 1032 торгово-промышленных компаний, причем архивы ряда обществ распределены между несколькими фондами. Объем фондов различен: 395 фондов насчитывают от 1 до 10 ед. хр., 445 фондов — от 10 до 100, 406 фондов — от 100 до 1000, 129 фондов — свыше 1000 ед. хр.

При этом важно, что именно по ведущим и в наибольшей степени акционированным отраслям промышленности дореволюционной России общая сохранность фондов акционерных компаний достаточно высока. Фонды крупнейших капиталистических предприятий, действовавших в металлообрабатывающей, горнодобывающей, нефтяной, электротехнической, резиновой, текстильной промышленности, сохранились лучше других. Об этом убедительно свидетельствует состав акционерных компаний, образовавших архивные фонды объемом свыше 1000 ед. хр.

Из 42 фондов объемом свыше 1000 ед. хр., образованных документальными материалами 34 металлообрабатывающих компаний, лишь 1 фонд компании с основным капиталом менее 1 млн. руб., 32 фонда — 5 млн. руб. и выше, в том числе 20 фондов компаний с 10 млн. руб. и выше. Среди них 3 фонда акционерного общества Путиловских заводов (осн. кап. 25 млн. руб.), по 2 фонда: общества Коломенского машиностроительного завода (25 млн. руб.), акционерного общества железодельных, сталелитейных и механических заводов «Сормово» (25 млн. руб.), акционерного общества Мальцевских заводов (16 млн. руб.), Товарищества латунного и меднопрокатного заводов Кольчугина (10 млн. руб.), акционерного общества Северных заводов Н. П. Пастухова (9 млн. руб.), акционерного общества Николаевских заводов и верфей (7 млн. руб.).

Таблица 1

Акционерные компании и их современные архивные фонды
(по отраслям промышленности)

Отрасль промышленности	Количество акционерных компаний (по справочнику «Акционерно-паевые предприятия России». М., 1917)	% к общему числу	Количество акционерных компаний, архивы, которых сохранились	% к общему числу
1. Свеклосахарная	144	7,2	77	7,5
2. Винокуренная, водочная, спиртоочистительная, пивоваренная	62	3	19	1,8
3. Кондитерские и другие пищевые фабрики	39	1,9	16	1,5
4. Мельничные и хлебные предприятия	55	2,8	16	1,5
5. Табачные фабрики	23	1,2	20	1,9
6. Писчебумажные и целлюлозные фабрики, издательства, типографии	84	4,2	27	2,8
7. Предприятия по обработке животных продуктов	33	1,7	23	2,2
8. Лесопромышленные предприятия	83	4	25	2,4
9. Текстильные предприятия	309	15,2	208	20,2
10. Горнодобывающие предприятия	182	9,5	94	9,1
11. Нефтепромышленные предприятия	140	6,9	130	12,6
12. Электротехнические предприятия	54	2,7	34	3,4
13. Металлообрабатывающая промышленность	209	10,4	129	12,5
14. Сельскохозяйственное машиностроение	22	1,2	14	1,3
15. Химическая (спичечная, парфюмерная, фармацевтическая)	97	4,8	39	3,8
16. Маслобойные и мыловаренные фабрики	32	1,6	17	1,7
17. Резиновые фабрики	4	0,2	4	0,3
18. Стекольные, бетонные, кирпичные, асбестовые фабрики	57	2,9	20	2
19. Портланд-цементные фабрики	31	1,5	18	1,7
20. Торговые предприятия	175	8,6	21	2
21. Прочие	193	9,4	81	7,8
Всего	2028	100%	1032	100%

Из 11 фондов горнопромышленных компаний объемом свыше 1000 ед. хр. — 7 фондов компаний с основным капиталом 5 млн. руб. и выше, в том числе 5 фондов компаний с основным капиталом 10 млн. руб. и выше.

Все 3 фонда в графе «Фонды нефтепромышленных компаний» объемом свыше 1000 ед. хр. образовала одна компания — Товари-

щество нефтяного производства «Братья Нобель» (45 млн. руб.). Из 9 фондов электротехнических компаний объемом свыше 1000 ед. хр. — 7 фондов компаний с основным капиталом 5 млн. руб. и выше, в том числе 5 фондов компаний с основным капиталом 10 млн. руб. и выше.

Лучше всего, очевидно, сохранились материалы предприятий резиновой промышленности. Две компании (из четырех): Товарищество Российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник» (осн. кап. 21 млн. руб.) и Товарищество русско-французских заводов резинового, гуттаперчевого и телеграфного производств «Проводник» (18 млн. руб.) оставили фонды объемом свыше 1000 ед. хр. (причем Товарищество «Проводник» — 2 фонда). Другие 2 компании, действовавшие в этой отрасли: Общество производства и торговли резиновыми изделиями «Богатырь» (около 10 млн. руб.) и акционерное общество «Каучук» (5 млн. руб.) образовали фонды объемом в несколько сот ед. хр.

Наибольшее число сохранившихся архивных фондов объемом свыше 1000 ед. хр. (более $\frac{1}{3}$ их общего количества) приходится на долю предприятий текстильной промышленности. Как правило, предприятия легкой промышленности имели меньший акционерный капитал, чем предприятия, действовавшие в тяжелой промышленности. Тем не менее из 47 фондов текстильных компаний объемом свыше 1000 ед. хр. только 3 фонда компаний с основным капиталом менее 1 млн. руб., 21 фонд компаний с 5 млн. руб. и выше, в том числе 4 фонда с 10 млн. руб. и выше.

Видимо, более совершенная организация делопроизводства фондообразователя и его архива в крупных фирмах, особое внимание к их материалам ввиду их практической значимости в первые послереволюционные годы в период между национализацией предприятий компаний и поступлением их материалов на хранение в государственные архивы и обусловили в итоге лучшую сохранность архивных фондов крупнейших российских акционерных торгово-промышленных предприятий.

Материалы акционерных компаний позволяют изучить широкий круг вопросов социально-экономической истории России периода капитализма. В составе архивных фондов правлений, филиалов (местных контор) производственных подразделений компаний отложились источники, характеризующие организацию и обеспечение процесса производства в предприятиях компаний, численность, состав и положение рабочих, управление делами компании, место последней в системе капиталистических предприятий дореволюционной России.

Документы по истории акционирования входят в состав архивных фондов правлений компаний. Это материалы об учреждении компании и ее устав; документы, связанные с созывом и проведением общего собрания акционеров — высшего органа компаний и, наконец, документация правления — органа, руководящего делами компаний в период между собраниями акционеров.

В силу действовавшего в дореволюционной России законодательства учреждение каждой акционерной компании было связано с необходимостью получения специального разрешения, выражавшегося в утверждении ее устава⁷. В законе было прямо указано на то, «что ни одна компания на акциях не может быть учреждаема без особого разрешения правительства»⁸. Специальная статья⁹ подробно перечисляла вопросы, ответы на которые должен был содержать устав каждой вновь учреждавшейся компании: цель образования компании, ее точное наименование и местонахождение правления; капитал компании, количество и номинальная цена акций; порядок сбора капитала, распределения и раздачи акций; обязанности, права и ответственность компании и акционеров; порядок отчетности компании; порядок распределения дивиденда и составления запасного капитала; порядок управления делами компании, организация, функции и права правления и общего собрания акционеров, вознаграждение директорам; порядок разбора споров, закрытия компании и ее ликвидации, а также «все прочие условия, которые по особому свойству предприятия будут нужны».

Хотя законом не был установлен формуляр устава, практика акционерного учредительства выработала единую его форму. Обычно параграфы уставов акционерных предприятий группировались в следующие 6 разделов: 1) цель учреждения общества, права и обязанности его (здесь обычно указывались и учредители компании); 2) основной капитал компании, акции, права и обязанности их владельцев, облигации; 3) правление общества, права и обязанности его; 4) отчетность по делам общества, распределение прибыли и выдача дивиденда; 5) общие собрания акционеров; 6) разбор споров по делам общества, ответственность и прекращение его действий.

Дата утверждения устава компании считалась официальной датой ее основания. Однако практически компания могла быть

---

⁷ До марта 1917 г. — царем, с марта 1917 г. — Временным правительством. Для иностранных компаний, допущенных к ведению операций в России, актом, заменяющим устав, являлись «Условия деятельности».

⁸ Свод законов Российской империи (т. X, ч. 1. Свод законов гражданских, ст. 2140 (далее — СЗ). Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции общий порядок учреждения и деятельности акционерных предприятий определялся законом 6 декабря 1836 г. «О товариществах по участкам или компаниях на акциях» (СЗ, т. X, ч. 1, ст. 2139—2198). Последний раз этот том «Свода законов» был переиздан в 1914 г.

⁹ СЗ, т. X, ч. 1, ст. 2191. «Условия деятельности» иностранных компаний имели более краткий формуляр в сравнении с уставами (точное название и цель учреждения компании; капитал, выделенный для операций в России (в обязательном порядке он стал указываться с 1905 г.); система управления предприятиями компании в России; отчеты, которые должны были представляться в соответствующие государственные учреждения; порядок и условия подчинения компании действовавшему в России законодательству и приобретения ей недвижимости).

признана состоявшейся после сбора всего основного или складочного ее капитала¹⁰. Только после этого компания могла открыть свои действия. По оценке Л. Е. Шепелева, лишь около 60% учреджавшихся акционерных предприятий реализовали свои капиталы и открывали действия¹¹.

Высшим органом акционерной компании являлось общее собрание ее акционеров, порядок созыва и организация ведения которого определялись законом 6 декабря 1836 г. В начале XX в. законодательная регламентация этих вопросов получила дальнейшее развитие в принятых 21 декабря 1901 г. в виде приложения к ст. 2158 (прим. 1)¹² «Временных правилах» о созыве общих собраний и деятельности ревизионных комиссий. В них подробно перечислялись также обязательные документы этих органов компаний, важнейшими среди которых являлись:

1) Список акционеров, представивших акции к собранию (с указанием померов представленных акций). Аналогичным образом составлялся список акционеров, присутствовавших на собрании; 2) Протокол собрания. В нем должны были содержаться сведения о времени собрания, его председателе и избранном для ведения протокола секретаре, о количестве явившихся в собрание акционеров, числе представленных ими акций (лично и по доверенности) и полученных в соответствии с этим голосов в собрании, обсуждавшихся вопросах и результатах голосования по каждому из них, а также об особых мнениях, высказанных отдельными акционерами. Протокол заверялся председателем собрания и не менее чем тремя акционерами; 3) Доклад правления собранию. Как правило, доклад правления к обыкновенному общему собранию акционеров включал основные сведения о деятельности предприятия за истекший операционный год: общий отпуск изделий, отпуск изделий по отделам и прибыль (в сравнении с предыдущим операционным годом), анализ произошедших в них изменений, дивиденд, оценку состояния предприятия на данный момент, прогнозы на текущий год (характеристика имеющихся заказов и обоснование предполагающихся расходов), сведения о выбывающих по истечению срока избрания директорах и кандидатах в директора правления и т. д.; 4) Отчет об операциях общества и баланс его оборотов. Отчеты должны были содержать сведения о состоянии капиталов компании (акционерного, запасного, на погашение стоимости имущества, облигационного), общем приходе и расходе за отчетный период, издержках на жалование служащим и других расходах по управлению, наличном имуществе компании и принадлежащих ей запасах, долгах и убытках компании, чистой прибыли и ее примерном распределе-

¹⁰ СЗ, т. X, ч. 1, ст. 2154.

¹¹ Шепелев Л. Е. Акционерная статистика в дореволюционной России. — В кн.: Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л., 1962, с. 173.

¹² СЗ, т. X, ч. 1.

щество. Хотя эту роль в отношении ряда компаний (железнодорожных, сельскохозяйственных, кредитных, страховых) выполняли министерства внутренних дел, путей сообщения, земледелия и государственных имуществ, в основном она принадлежала последовательно Министерству финансов и Министерству торговли и промышленности. Точнее, до 1864 г. — Департаменту мануфактур и внутренней торговли; с 1864 г. — Департаменту торговли и мануфактур; с 1900 — Отделу торговли и промышленности, перешедшему в 1905 г. из ведения Министерства финансов в состав вновь созданного Министерства торговли и промышленности (МТ и Пр.). Надзор за деятельностью горнодобывающих и горнообрабатывающих предприятий осуществлял Горный департамент (образован в 1807 г. в составе Министерства финансов под названием Департамента горных и соляных дел, с 1861 г. — просто Горный департамент; с 1874 г. по 1905 г. находился в ведении Министерства государственных имуществ, а с 1905 г. — Министерства торговли и промышленности). По существу, исследователям, поставившим перед собой цель изучить и проанализировать досье акционерных компаний, действовавших в промышленности и торговле, необходимо обратиться к фондам перечисленных учреждений, хранящимся в ЦГИА СССР (20, 22, 23 и 37).

Наибольший интерес представляют для нас акционерные досье ведомств, не только принимавших участие в утверждении уставов компаний, но и осуществлявших регулярное наблюдение за их деятельностью. Акционерные досье содержат серию обязательных для всех обществ и товариществ документов. Это уставы, в том числе проекты уставов и все изменения к ним. К уставам же примыкают прошения учредителей, сопровождающиеся иногда справками и разъяснениями. Эти документы заключают дополнительную мотивировку создания компании, разъясняют предмет ее занятий. Сюда же попадали извещения о взносах по акциям и об открытии действий компаний. В контролировавшее компанию ведомство ежегодно поступали отчеты. В досье находим и протоколы общих собраний акционеров (в том числе и первого), а также доклады правлений. Эти документы были связаны с открытием и закрытием действий обществ, с изменениями условий их деятельности. Поскольку утверждение уставов и всех изменений к ним осуществлялось через Совет (Комитет) министров, а также Государственный совет, в досье компаний находятся соответствующие представления и изложения дел (воспроизведенные типографским способом), повторяющие содержание всех перечисленных документов.

Акционерные досье Министерства торговли и промышленности по своей структуре идеичны. В совокупности они содержат данные о динамике процесса акционирования во всех отраслях производства. В них представлена также отчетная документация о финансовом состоянии и результатах деятельности компаний.

Для каждого конкретного общества и товарищества материалы досье характеризуют весь период деятельности с момента утверждения устава и вплоть до ликвидации дел. В таком полном развороте сведения по компаниям представлены еще только в сохранившихся архивах акционерных компаний. Естественно, что для изучения ряда обществ, управленческая документация которых утрачена, материалы досье имеют первостепенное значение. Не менее значительна их роль и для исследования процессов, протекавших в отдельных отраслях промышленности, особенно тех, где преобладали небольшие акционерные предприятия, архивы которых утрачены.

Основываясь на материалах досье, трудно выявить общества, уставы которых утверждены не были по каким-либо причинам, и общества, не открывшие свою деятельность, несмотря на утверждение устава.

Общая картина акционерного дела, возникающая в результате просмотра акционерных досье, дополняется и другими комплексами первичной массовой делопроизводственной документации из фондов центральных правительственных ведомств.

В связи с обследованием в годы войны ряда акционерных обществ с целью определения национальной принадлежности их акционеров при МТ и Пр. был создан «Комитет обязательной продажи неприятельских акций». В результате в фонде МТ и Пр., кроме охарактеризованных досье, сформировались однотипные дела по установлению национальности акционеров и продаже части акций обществ. Они содержат списки акционеров обществ, членов правлений и ревизионных комиссий, балансы, уставы, перечень казенных заказов, связанных с обороной государства. Эти документы сопровождались письмами и справками о национальной принадлежности акционеров, связях компаний с банками и другими кредитными учреждениями.

К числу первичной массовой документации о деятельности акционерных обществ, сохранившейся в архивах государственных ведомств, относятся и материалы казенных палат. Каждое общество обязано было платить государственные налоги с основного капитала и прибыли; в число основных и дополнительных промысловых налогов входил и промысловый налог со служащих. Как правило, компании вступали в контакт с налоговыми органами по месту нахождения правлений, уплата налогов филиальными учреждениями осуществлялась через казначейства. В результате на протяжении всего периода функционирования любой компании в архивах казенных палат методично откладывались документы, ежегодно фиксировавшие финансовое состояние компании, личный состав ее управленческого аппарата.

Несмотря на сравнительную лаконичность делопроизводства налоговых органов, материалы досье акционерных компаний представляют интерес. Обязательными документами, представляемыми в налоговые органы, были: уставы и данные об их изме-

нении; ежегодные отчеты и балансы; протоколы общих собраний, на которых утверждались отчеты; материалы по личному составу служащих (списки членов правлений и ревизионных комиссий, директоров); в отдельных случаях списки служащих по представительствам. Специально для казенных палат составлялись расчеты процентного сбора с прибыли, а также присылались промысловые свидетельства, их списки, квитанции казначейств об уплате налогов. Возобновление действий уже объявленных к ликвидации обществ, неясности в отчетах и пр. вынуждали налоговые органы запрашивать выписки из бухгалтерских книг, дополнительные справки и пр.

Еще одним звеном в системе государственного контроля за деятельностью акционерных компаний был Государственный банк и его отделения. Чтобы считаться состоявшейся, акционерная компания должна была заявить о себе взносом по акциям. Государственный банк через отделение денежных вкладов и перевода сумм (дела по бессрочным вкладам) следил за выполнением этой операции. Общество вносило деньги в то губернское отделение банка, в сфере территориального влияния которого оно находилось. В роли вкладчика мог выступать частный коммерческий банк — патрон компании. В банк предоставлялись уже известные нам документы, образовавшие досье компаний: устав; нотариальная копия протокола учредительного собрания; иногда копия протокола первого заседания правления; нотариальная копия письма или удостоверения МТ и Пр. об утверждении устава. Кроме того, предоставлялись специально для банка составленные прошения учредителей о принятии взноса, заявления с просьбой выдать взнос в соответствии с банковской расчетной книжкой.

Изучая акционирование отечественной промышленности во второй половине XIX—начале XX в., невозможно абстрагироваться от процессов слияния промышленного и банковского капитала. Ведущие частные коммерческие банки были причастны к акционированию многих отраслей промышленности. В результате в архивах банков отложились комплексы единообразной для кредитовавшихся и финансирувавшихся обществ документации: уставы, отчеты, подробные балансы, справки об их финансовом положении, переписка по кредитам, различные денежные обязательства, проекты заключенных обществом соглашений и пр., а также переписка, связанная с организацией и деятельностью банковского консорциума, гарантировавшего размещение выпускаемых акций. Осуществление банком учредительно-эмиссионных операций вело к тому, что приток информации о деятельности соответствующих компаний приобретал регулярный характер (это, например, протоколы общих собраний акционеров и заседаний правлений многих акционерных компаний)¹⁵.

¹⁵ Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967, с. 43—44.

Многочисленные дела «об открытии кредита» (более полутора тысяч дел) отложились и в составе архива Государственного банка. Каждое такое дело содержит наборы документов, связанные с предоставлением кредита: прошение о кредите, содержащее изложение желательных условий кредита; справки и записки о состоянии дел компании, ее доходах: ведомости уплаты долга.

Достаточно познакомиться с охарактеризованными досье акционерных компаний, чтобы убедиться, что современные исследователи располагают широким кругом массовых делопроизводственных материалов по истории акционирования отечественной промышленности и управленческой документацией самих компаний. Охарактеризованные материалы различны по форме, по степени обобщенности зафиксированной в них информации, многие из документов дублируют друг друга (в первую очередь это относится к досье об учреждениях компаний). Но информация не только повторяется от документа к документу, но и суммируется и даже выражается в форме выводов и обобщений.

Исследование процесса акционирования отечественной промышленности и в том числе его результатов для каждой отдельной отрасли производства в целом заставляет по-новому посмотреть на уже известные источники. Такой целостный подход предполагает извлечение единообразной, типичной для всех акционерных компаний информации из доступных нам источников, что исключает иллюстративность и позволяет создать достаточно обоснованную общую картину. При этом на второй план отходят документы, характеризующие детали и единичные явления.

2. СВЕДЕНИЯ ОБ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ, ПУБЛИКОВАВШИЕСЯ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ И СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЯХ

В силу норм действовавшего в дореволюционной России законодательства ряд документов компаний подлежал обязательной публикации. Законом были определены состав, место и сроки (или периодичность) этих публикаций. Обязательно публиковались: уставы акционерных предприятий и все последующие изменения в них, извлечения из отчетов компаний за операционный год и заключительные балансы, а также объявления об открытии действий компании, о сроках и порядке сбора ее капитала и распределении акций, о всех изменениях в составе правления, о времени и повестке дня общих собраний, о ликвидации дел компании¹⁶.

Уставы вновь учрежденных компаний публиковались полностью, включая и те их части, которые являлись стандартными и повторяющимися. Публикация уставов осуществлялась до 1865 г. в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях», с 1865 г.

¹⁶ СЗ, т. X, ч. 1, ст. 2166, 2178, 2182, 2188.

по ноябрь 1917 г. в издававшемся Сенатом «Собрании узаконений и распоряжений правительства» (с 1 января 1902 г. — во втором его разделе).

После публикации в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» уставы включались в Полное собрание законов Российской империи. С 1881 г. уставы русских акционерных компаний и законоположения об их изменениях, а с 1912 г. и «условия деятельности» иностранных компаний стали печататься в Полном собрании законов лишь в виде заголовков со ссылкой на их полную публикацию в Собрании узаконений.

Получила распространение также практика размножения уставов акционерных компаний в виде отдельных брошюр. В начале брошюр указывались даты всех предшествующих изменений уставов.

Благодаря обязательной публикации уставов современные исследователи располагают полным комплектом уставов всех учрежденных в России акционерных компаний.

С середины 80-х годов XIX в. была установлена обязательная публикация в журнале Министерства фипапсов «Вестник фипапсов, промышленности и торговли» (с 1 января 1886 г. в двух специальных приложениях к этому изданию: «Балансы кредитных учреждений» для банков и «Отчеты предприятий, обязанных публичной отчетностью», для остальных акционерных предприятий) заключительных балансов и извлечений из годовых отчетов акционерных предприятий. Публикуемое извлечение из отчета должно было содержать следующие сведения: сумму основного (акционерного), запасного, резервного и прочих капиталов, счет прибылей и убытков за отчетный год, распределение чистой прибыли с указанием дивиденда, причитающегося на одну акцию. Контроль за осуществлением публикации возлагался на местную казенную палату¹⁷. По оценке Л. Е. Шепелева, ежегодно публиковали балансы 97,5—99% всех действовавших компаний¹⁸.

Уставы называют те органы печати, в которых данная компания делала обязательные объявления. В начале XX в. для большинства компаний такими органами являлись: «Правительственный вестник», «Вестник финансов, промышленности и торговли», столичные и губернские «Ведомости».

По мере того как акционирование производства, сбыта и кредита стало массовым явлением, все острее вставала задача систематизации и регулярной публикации данных о возникновении и общих финансовых результатах деятельности акционерных обществ. С середины XIX в. эту обязанность взяли на себя пра-

¹⁷ СЗ, т. V, ст. 471—473.

¹⁸ Шепелев Л. Е. Акционерная статистика в дореволюционной России, с. 180.

вительственные ведомства. Создание в 1865 г. редакции периодических изданий Министерства финансов ознаменовало возникновение акционерной статистики в России¹⁹. С конца XIX в. в сборе и публикации акционерной статистики стали принимать участие представительные организации буржуазии (Совет съездов представителей промышленности и торговли (ССП и Т), Совет съездов горнопромышленников Юга России (ССГЮР), Комитет съездов представителей акционерных коммерческих банков) и др.

Статистические данные об акционерных компаниях начиная с 1869 по 1917 г. помещались на страницах «Ежегодника Министерства финансов» (в 1889—1898 гг. он не издавался), с 1894 по 1904 г. — в статистическом ежемесячнике Министерства финансов (МФ) для иностранных читателей («Бюллетень русской финансовой статистики и законодательства»), с начала 1893 г. на страницах «Торгово-промышленной газеты» в разделе «Акционерные компании и кооперативные товарищества» — списки всех отчетных предприятий, в разделе «Хроника акционерного дела» — отчеты об общих собраниях акционеров, итоги операций. Практику публикации итоговых данных об акционерных компаниях заимствовал и ССП и Т, помещая их в журнале «Промышленность и торговля» в разделе «Акционерная статистика».

Наряду с перечисленными публикациями развивается и иная форма обобщения данных об акционерном деле — справочно-информационные издания. В них, как правило, в карточной форме, иногда в форме таблиц сообщаются соответствующие сведения обо всех действовавших в учетном году акционерных предприятиях, в том числе банках и иностранных обществах²⁰. Известно несколько десятков таких изданий²¹. Следует также иметь в виду, что данные об акционерных компаниях содержатся и в спра-

¹⁹ Подробно об этом см.: *Шепелев Л. Е. Акционерная статистика в дореволюционной России.*

²⁰ Аналогичные справочно-информационные издания существовали и для торговых домов (см.: Сведения о торговых домах, действовавших в России в 1892 г.: Указатель торговых домов. По официальным данным учреждений МВД/ Под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1907; Сборник сведений о действующих в России торговых домах. СПб., 1912).

²¹ Назовем наиболее значительные: *Пушкин Н. Е. Статистика акционерного дела в России.* СПб., 1897—1901, вып. 1—4; *Акционерное дело в России.* СПб., 1897—1900, т. II. Статистика акционерных предприятий, вып. 1—7; *Банки и акционерные торгово-промышленные предприятия, оперирующие в России за последний отчетный год (1898—1899, 1899—1900, 1900—1901): Справочная книга.* СПб., 1901—1902; *Статистика акционерного дела в России/ Под ред. фон Дитмара.* Харьков, 1900—1907, вып. 1—3; 1907—1908, вып. 1—2; *Указатель действующих в империи акционерных предприятий/ Под общей ред. В. А. Дмитриева-Мамонова.* СПб., 1903 (еще было три издания, изд. 1907 г. — стереотипное); *Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на пах.* СПб., 1911; 2-е изд. СПб., 1914; *Акционерно-лаевые предприятия России.* М., 1912—1917 (издавалось ежегодно); *Статистика акционерного дела России.* СПб., 1913—1914.

вочно-информационных изданиях со смешанным формуляром, в которых учитываются также и производственные подразделения²².

В справочно-информационных изданиях суммировались данные об акционерных компаниях, содержащиеся в разобранном виде в обязательных публикациях уставов, отчетов и балансов, объявлений обществ, товариществ, акционерных банков. В тех случаях, когда к составлению справочника имели отношение какие-либо ведомства, в нем могли сообщаться и данные, извлеченные из управленческой документации тех или иных правительственных учреждений.

В подготовке и публикации справочно-информационных изданий также принимали участие правительственные учреждения, общественные организации промышленников и частные лица. При этом большинство составителей имело в виду в перспективе превратить тот или иной справочник в периодическое издание, рассчитанное на широкие коммерческие и общественные круги.

Справочник под редакцией В. А. Дмитриева-Мамонова выходил, например, под грифом Министерства финансов и вопреки желанию составителей так и не стал периодическим. Под сенью МТ и Пр. (Отдела торговли) был подготовлен «Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях».

Из перечисленных указателей наиболее широко известен справочник В. А. Дмитриева-Мамонова, выдержавший 4 издания. Первое издание готовилось к 100-летию Министерства финансов по его заданию. Причем помещенные в нем информация о биржевой цене акций и облигаций, сведения об облигациях были извлечены из материалов особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов. Составители использовали управленческую документацию регистрационных учреждений правительства.

Весь материал в 1-м издании (1903 г.) сгруппирован по отраслевому принципу, в том числе особо выделены банки, ломбарды, страховые общества, транспорт. В дальнейшем составители отошли от этого принципа. Так, в издании 1905 г. в самостоятельном разделе помещены иностранные общества (расположены в соответствии с их национальной принадлежностью). Формуляр справочника менялся от издания к изданию. Известные различия имеются и в наборах карточных сведений. Например, в издании 1903 г. был несколько иной набор сведений, извлеченных из отчетов и балансов (об общих оборотах, о дивиденде, главных операциях, чистой прибыли за ряд лет, о распределении прибыли).

---

²² См.: Фабрично-заводские предприятия Российской империи/ Сост. Л. К. Елизоранский. СПб., 1906; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914.

Симптоматичен тот факт, что с 90-х годов XIX в. активными «собираателями» статистических материалов о развитии отечественной торговли, производства, кредита становятся представительные организации буржуазии. Внесли они свой вклад и в развитие акционерной статистики, свидетельством чего служат и такие справочно-информационные издания, как сборник под редакцией фон-Дитмара, справочник со смешанным формуляром под редакцией Л. К. Езиоранского. В его подготовке принимали участие ССПП и Т, ССГЮР, Совет съездов нефтепромышленников, постоянное бюро свеклозаводчиков, Русско-немецкая палата в России.

Что касается справочника под редакцией фон-Дитмара, то первоначально планировалось регулярное издание указателя дважды в год по программе: учет прироста основного капитала акционерных предприятий России; перечни акционерных компаний, об утверждении или изменении устава которых было сообщено в течение учетного периода; доходность компаний за этот же период; данные о колебании биржевых цен государственной ренты, акций акционерных компаний, вексельного курса. Причем составители намечали привлечь данные других справочно-информационных изданий. По существу, справочник фон-Дитмара был издан два раза (Харьков, 1900—1901; там же 1907—1908). Чем привлекает исследователей этот указатель? В нем очевидно стремление обработать информацию о состоянии компаний с учетом изменений в состоянии их капиталов, котировке ценных бумаг, доходности, условиях деятельности. Попытка дать читателям представление об эволюции промышленности и, в частности, юга страны имело следствием составление комментариев к таблицам. Интересна группировка данных о доходности горных, горнозаводских и механических акционерных компаний Российской империи по промышленным районам.

Справочник Л. К. Езиоранского учитывает не только акционерно-паевые компании, но и их производственные единицы. Он имеет отраслевую структуру. Внутри отраслей материал сгруппирован по губерниям. Самостоятельные карточки получили и акционерные компании и их производственные единицы. В итоге о каждом торгово-промышленном обществе даны следующие сведения: полное название, год основания, местонахождение заводов, адрес правления, директор, директор-распорядитель, заведующий технической частью, члены правления, годовая производительность в рублях, склады, представительства. Полная информация о производственных подразделениях акционерных компаний является основой для изучения порядка акционирования отдельных производств, статистический учет которых был налажен и зафиксирован в специальных статистических изданиях. Работу с изданием облегчает наличие ряда вспомогательных указателей (изделий, фирм и фамилий владельцев, роспись всех производств по губерниям, уездам, городам).

В 90-х годах XIX в. справочники по акционерному делу стали составляться по частной инициативе. В результате мы располагаем такими сводками, как указатель Н. Е. Пушкина, «Банки и акционерные торгово-промышленные предприятия...», «Акционерное дело в России», «Акционерно-паевые предприятия России» и др.

Каждый из 4-х выпусков справочника Н. Е. Пушкина имел свои особенности. Так, например, 2-й выпуск содержал указатель правительственных распоряжений об акционерных компаниях с 1827 по 1896 г. Соответственно для компаний, расположенных по отраслям, указывались время учреждения общества, статьи собрания узаконений, где идет речь о соответствующей компании. Формуляр 3-го выпуска был уже шире. Самым же ценным является 4-й выпуск. И не только из-за состава опубликованных данных, но и благодаря той большой работе, которая была проведена его составителями.

Подзаголовок этого выпуска «Личный состав всех Правлений и ответственных агентств. Очерки деятельности крупных и выдающихся предприятий». Издатели планировали суммировать информацию 3-х предыдущих выпусков, проверив сведения о ликвидации обществ по ПСЗ и Собранию узаконений; выявить и обработать уставы иностранных обществ; из уставов отечественных компаний извлечь необходимые данные о цели учреждения предприятий, размерах основного капитала, порядке распределения прибыли и пр.; определить размеры выплачиваемых обществами дивидендов и т. д. Большие надежды возлагали составители и на рассылавшуюся ими анкету с вопросами об адресе компании, именах членов правлений и советов, директоров правлений, директоров-распорядителей и пр.

На основании собранного материала были составлены подробные карточки для действовавших в стране акционерных компаний. Но эти сведения были опубликованы лишь для 164 предприятий. Их формуляр включает название, адрес, место публикации соответствующего правительственного распоряжения и дату утверждения устава, данные о членах правления и директорах, основном капитале, количестве и нарицательной стоимости акций, прибыли и дивидендах за 30 лет, сведения о представительствах и агентствах. Для остальных компаний давалась краткая справка, аналогичная материалам других указателей. 4-й выпуск имеет очень дробную общую отраслевую структуру (железнодорожные компании, телефонные, страховые, золотые и платинопромышленные и проч.). Иностранные общества характеризуются наряду с прочими по отраслям, а банки (коммерческие и земельные) вынесены в отдельную рубрику.

Справочная форма учета акционерного дела развивалась вплоть до 1917 г. В распоряжении исследователей находятся такого рода издания, выходившие и в годы войны. Назовем, к примеру, указатель «Акционерно-паевые предприятия России»,

издававшийся частным образом в Москве в течение ряда лет начиная с 1912 г. В нем находим сведения о бапках, торгово-промышленных предприятиях, в том числе иностранных компаниях. Из года в год справочник несколько менялся структурно, расширялся его формуляр (это касается состава правлений, данных, извлеченных из балансов).

Справочники по акционерному делу содержат, таким образом, краткие сведения о всех действовавших в России акционерных компаниях, будь то банки, железные дороги, коммунальные хозяйства, торгово-промышленные предприятия и монополии²³. Выбор единицы учета диктовался в данном случае юридической формой организации капитала. Иногда наряду с акционерными компаниями в справочниках учитывались торговые дома и производственные единицы.

Группировка материалов в справочниках производилась по одному из признаков: территориальному, отраслевому, по алфавиту. Традиционно в самостоятельный раздел выносятся банки. Для ряда изданий характерен особый интерес к компаниям, действовавшим на основании иностранных уставов. Их зачастую также выделяют в общем тексте справочника. Иногда особые разделы указателей составляли материалы о компаниях в Царстве Польском и в Финляндии²⁴.

Несмотря на известные отступления, в основе справочно-информационных изданий лежали единые принципы сбора информации об акционерных компаниях: просмотр соответствующих публикаций правительственных учреждений и самих компаний. Анкетирование и привлечение внутриведомственных материалов вели к расширению традиционного формуляра указателей, а также были средством дополнительной корректировки собранных сведений. Это является дополнительным свидетельством заинтересованности составителей в максимальной достоверности приводимых данных. Известны и случаи стереотипного переиздания справочников. Частное издание могло заимствовать также информацию из предшествовавшего ему указателя, подготовленного правительственным учреждением.

²³ В справочниках сохранились сведения о тех монополистических союзах, которые юридически были акционерными компаниями. Среди них можно назвать «Продамет», «Продуголь», о-во «Кровля», «Медь», Русское общество спичечной торговли (РОСТ), Русское товарищество торговли цементом (РТТЦ), «Гвоздь», о-во «Проволока», Формуляр для монополий обычно аналогичен формуляру обычных акционерных компаний. А вот в указателе «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» монополии фигурируют как представители тех или иных акционерных компаний. О них сообщается весьма ограниченный круг сведений (место нахождения общества; название; адрес; изделия, продаваемые через общество; иногда отделения и агенты). Для изучения монополизации отечественной промышленности указатели имеют сугубо вспомогательное значение.

²⁴ Необходимо иметь в виду, что по Царству Польскому существует серия аналогичных специальных указателей.

Естественно, что справочные издания, суммирующие разрозненную, зафиксированную в различных первоисточниках информацию, выработали и определенный формуляр, характеризовавший акционерные компании. Во всех указателях единицей учета является акционерная компания — необходимое условие сводимости и сопоставимости их данных. Далее следует отметить, что составителей указателей интересовали сведения об учреждении компании, соответствующих правительственных актах, в том числе связанных с изменением условий деятельности компаний и их ликвидацией, а также личный состав правлений, руководители фирм и, наконец, результаты деятельности компаний, выявившиеся по отчетам и балансам. Формуляр карточек торгово-промышленных компаний был следующим: наименование компаний; дата утверждения устава, открытия действий или год основания (в ряде справочников указываются одновременно даты утверждения уставов и открытия действий, так как эти даты зачастую не совпадали); место нахождения правления, почтовый и телеграфный адрес; члены правлений, директора; род деятельности или, иными словами, цель учреждения компании. Формуляры содержат ряд показателей, характеризующих финансовую сторону деятельности обществ: размер основного капитала (в нескольких случаях одновременно указываются размеры запасного капитала, капитала погашения, облигационные капиталы); извлечения из последнего баланса; количество и нарицательная цена акций или паев; прибыль и дивиденд. Лишь в нескольких справочниках встречаются такие пункты: операционный год; дата созыва общих собраний акционеров; правительственные распоряжения и постановления, касающиеся каждого конкретного общества; район операций компании; местонахождение и состав производственных подразделений; отделения и склады обществ²⁵.

Существенно различались в разных справочниках карточки иностранных компаний, притом, однако, что и для них можно выделить ядро обязательных сведений. Одним из наиболее полных является формуляр справочника под редакцией В. А. Дмитриева-Мамонова (СПб., 1905): дата, когда общество было допущено к деятельности в России; когда оно открыло действия; сколько лет существует компания; местонахождение правления; личный состав правления или совета за границей; ответственное агентство и его местонахождение; цель учреждения общества; правительственные распоряжения о нем; основной капитал; весь капитал, выделенный для операций в России; число и стоимость акций; обычное время созыва общих собраний; состав предприятий в России; последний баланс. Значительно уже набор соот-

²⁵ См.: *Пушкин Н. Е.* Статистика акционерного дела в России (расширенный формуляр для ряда обществ); Указатель действующих в империи акционерных предприятий/ Под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова; Акционерно-паевые предприятия России. М., 1912—1917.

ветствующих данных в справочнике «Акционерно-паевые предприятия России»: дата открытия действий в России, состав правления, ответственное агентство, основной капитал, дивиденд, баланс, операции. В этих пределах и колеблются сведения справочников об иностранных компаниях в России.

Формуляр справочников об акционерных банках аналогичен формуляру справочников о торгово-промышленных компаниях. Здесь приводятся данные о местонахождении правления и агентств, составе советов и правлений, о соответствующих правительственных распоряжениях, размерах основного капитала, дивиденде, стоимости акций, распределении прибыли.

Благодаря справочно-информационным изданиям по акционерному делу мы располагаем доступными для исследователей массовыми данными об акционерных компаниях. Данные эти сведены по общим принципам в ряде указателей и отличаются известной широтой и обобщенным характером. Они дают картину акционирования всех отраслей экономики. Кроме того, взятые в совокупности справочно-информационные издания позволяют увидеть динамику интересующего нас явления.

3. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ

Исследование материалов по истории акционерных обществ в России выдвинуло целый ряд эвристических и чисто источниковедческих задач.

Первые шаги на этом пути сделаны архивистами. Мы имеем в виду их работы об истории формирования архивных собраний, содержащие информацию о судьбе интересующих нас архивных фондов²⁶. Сравнительное изучение архивных фондов позволило Л. Е. Шепелеву охарактеризовать их структуру (филиал, местная контора, производственная единица), документальный состав (разновидности характерных для торгово-промышленных предприятий документов)²⁷. Следующим шагом на пути исследования делопроизводственных материалов собственно акционерных торгово-промышленных компаний стал анализ акционерного законодательства в целом, а также законодательных актов, регулировавших делопроизводство акционерных предприятий²⁸. Таким

²⁶ См.: Семенова М. С., Хомякова Г. С. Комплектование ЦГИА СССР в Ленинграде делопроизводственными материалами по истории финансов, промышленности и торговли. — Информационный бюллетень Главного архивного управления МВД СССР, 1958, № 10.

²⁷ Шепелев Л. Е. Частнокапиталистические торгово-промышленные предприятия России конца XIX—начала XX в. и их архивные фонды. — Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР, 1958, № 10.

²⁸ Голиков А. Г. Регулирование делопроизводства российских акционерно-паевых торгово-промышленных предприятий (общее законодательство). — Вестник Московского ун-та. История, 1972, № 4; Шепелев Л. Е. Законо-

образом, были очерчены общие рамки, в которых действовали акционерные компании, а также выявлены нормативно обязательные для всех акционерных предприятий разновидности управленческой документации и зафиксированный в нормативах порядок ведения делопроизводства.

За этим последовало специальное источниковедческое изучение архивных фондов торгово-промышленных предприятий, проведенное А. Г. Голиковым²⁹. Опираясь на законодательные и нормативные документы, инструкции по делопроизводству, а также изучение традиций ведения учета и документации, Голиков определил состав идеальных архивов акционерных компаний и выявил с помощью путеводителей, картотеки ГАУ, а также через запросы в архивы все дошедшие до нас архивные фонды торгово-промышленных компаний, специально отметив объем сохранившихся документальных комплексов. Это позволило ему рассмотреть проблему поиска возможностей восполнения утраченной управленческой документации акционерных торгово-промышленных компаний. В исследованиях Шепелева и Голыкова были установлены закономерности формирования архивных фондов акционерных торгово-промышленных компаний, определены пути овладения *всей совокупностью* дошедших до нас делопроизводственных материалов акционерных обществ.

Для изучения процессов акционирования, сращивания промышленного и банковского капитала первостепенное значение имеют материалы частных коммерческих банков. Использованию их информативного богатства также предшествовал специальный источниковедческий анализ, в ходе которого были выявлены структура фондообразователя, основные группы управленческой документации, а также специфика формирования комплексов управленческой документации, связанной с участием банков в делах компании³⁰. Наряду с делопроизводственными материалами для освещения процессов акционирования важны и материалы статистического характера (статистические сводки в различных периодических изданиях, справочно-информационные издания) и публиковавшиеся материалы торгово-промышленных компаний (уставы, отчеты, объявления). Общий обзор акционерной статистики был сделан Л. Е. Шепелевым³¹.

Охарактеризованные нами группы источников уже привлекали внимание исследователей, стремившихся использовать именно массовый единообразный характер заключенной в них ин-

---

дательные акты акционерного учредительства. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1.

²⁹ Голиков А. Г. Материалы российских акционерно-паевых торгово-промышленных предприятий (Источниковедческое исследование): Канд. дис. М., 1974.

³⁰ Шепелев Л. Е. Архивные фонды акционерных коммерческих банков. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1959, т. 7.

³¹ См.: Шепелев Л. Е. Акционерная статистика в дореволюционной России.

формации. Это данные, содержащиеся в справочно-информационных изданиях, уставах, объявлениях. Основываясь на них, Шепелев показал динамику акционирования отечественной промышленности, причем в ряде случаев наряду с простым подсчетом числа учрежденных, открытых и ликвидированных компаний он выявляет и движение капиталов, их сокращение или увеличение, непременно связанное с учреждением и ликвидацией компаний³². Рассматривая процесс акционирования в целом, учитывая его зависимость от законодательства, исследователь рисует, таким образом, общую картину явления. Предстоит еще много сделать для ее детализации, выяснения отраслевых особенностей и отдельных периодов акционирования, межотраслевого перелива капиталов, результатов производственной и финансовой деятельности акционерных компаний, их воздействия на развитие промышленности и пр.

В. И. Бovyкин и К. Ф. Шаццлло обратили внимание на данные справочно-информационных изданий о составе правлений акционерных компаний, действовавших в тяжелой промышленности России, на конец 1914 г.³³ ими был использован справочник «Акционерно-паевые предприятия России». Суммирование и группировка соответствующих данных позволили авторам представить личные унии между отдельными компаниями отрасли, а также банками. Полученные результаты сгруппированы в таблицы, наглядно иллюстрирующие личные унии ряда частных коммерческих банков (т. е. связи руководителей банков с отдельными обществами, в состав правлений которых они входили), а также в металлообрабатывающей, электротехнической и медно-прокатной, горно-металлургической и нефтяной отраслях промышленности. Внутриотраслевые личные унии исследователи выявили путем сопоставления данных об участии членов руководящих органов и служащих администрации банков в правлениях наиболее значительных предприятий отраслей. Так разрозненные данные сложились в выразительную картину реальных процессов, протекавших в промышленности России накануне первой мировой войны.

Для изучения результатов финансовой деятельности акционерных компаний важны регулярно публиковавшиеся материалы отчетности обществ. Известный опыт по обработке и использованию данных отчетов и балансов в литературе уже имеется. В 1912—1915 гг. П. В. Оль, чтобы получить вполне пригодный статистический материал, пытался выработать «„нормальный“ баланс с „нормальной“ прибылью и „нормальным“ убытком,

³² Шепелев Л. Е. Акционерное учредительство в России (историко-статистический очерк). — В кн.: Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л. 1960; *Он же*. Акционерные компании в России.

³³ Бovyкин В. И., Шаццлло К. Ф. Личные унии в тяжелой промышленности России накануне первой мировой войны. — Вестник МГУ. 1962. Сер. IX. История, № 1.

с распределением „нормальной“ прибыли по отдельным статьям, в рамках которых улеглись бы, после некоторой бухгалтерской переработки, если не все, то большинство публикуемых в „Вестнике финансов“ балансов предприятий, обязанных публичной отчетностью»³⁴. Выработать такой «нормальный» баланс ему удалось. Он содержал 12 граф актива и 9 граф пассива. В работе дана также детальная расшифровка распределения годовой прибыли компании. Результатом исследования явилась сводная таблица балансовых данных всех русских и иностранных компаний и их сводные балансы по итогам 1911/12 операционного года. В таблице применена группировка компаний по роду и отраслям производства (16 групп и 150 подгрупп) и по 10 географическим районам.

Однако, как справедливо отмечалось в литературе, «даже при условии проведения громадной работы по приведению опубликованных балансов акционерных компаний к единой форме, подбивка итогов по всем или даже отдельным однородным группам может дать лишь крайне примерные, так сказать, формально верные данные»³⁵. Это связано с вопросом о степени достоверности тех сведений, которые включались в опубликованные отчетные документы акционерных компаний.

Обязанность публиковать отчетные документы была возложена на акционерные предприятия в связи с обложением их дополнительным налогом с капитала (15 коп. с каждой сотни рублей акционерного капитала предприятия) и процентным сбором с прибыли (по прогрессивной шкале процентный сбор с прибыли должны были уплачивать предприятия, показанная чистая прибыль которых превышала 3% к акционерному капиталу)³⁶. Очевидно, что в публикуемом акционерным предприятием балансе сведения рубрик, характеризующих доходы компании (если это не вызывалось соображениями сокрытия убытков), не были завышены. Нижняя грань возможных манипуляций с величиной показываемой прибыли определялась необходимостью выдать акционерам достаточно высокий дивиденд, поскольку акционерами, биржей, правительственными органами баланс рассматривался как показатель экономического состояния предприятия и его прибыльности. Поэтому при использовании конкретных данных балансов акционерных компаний обязательна их проверка и корректировка с помощью других источников. В то же время сопо-

³⁴ *Оль П. В.* Статистика акционерных обществ и паевых товариществ, обязанных публичной отчетностью за 1911/12 год. Пг., 1915, с. 1. Потребность в выработке «нормального» баланса была обусловлена отсутствием необходимой унификации данных, содержащихся в балансах различных компаний.

³⁵ *Шепелев Л. Е.* Акционерная статистика в дореволюционной России, с. 184.

³⁶ *Просьбин С. А.* Торгово-промышленный сборник: Свод действующих узаконений по части промышленности и торговли. СПб., 1907, с. 37 54—55.

ставление балансовых сведений за ряд лет позволяет выявить, независимо от желания составителей балансов, действительные тенденции развития предприятий.

Российская акционерная статистика была теснейшим образом связана с практическими интересами правительства и буржуазии. Для правительства она была инструментом налогообложения акционерных компаний. Буржуазия и ее организации видели в статистических данных оружие для защиты своих интересов.

В этом смысле показательна история изучения прибыльности российских акционерных предприятий статистическим отделом всероссийской предпринимательской организации — Совета съездов представителей промышленности и торговли³⁷. В основу разработки статистического отдела Совета съездов положены сведения, помещенные в «Вестнике финансов промышленности и торговли». Для каждого предприятия, опубликовавшего свой годовой отчет (кроме обществ взаимного кредита, потребительских обществ, ссудо-сберегательных товариществ и железнодорожных предприятий), в специальной книге заводился особый лист, в который вносились следующие данные из отчетов: когда оканчивается отчетный год, срок существования предприятия, капиталы (акционерный, облигационный, запасной, погашения, оборотный, разные), кредиторы, прочие статьи пассива, дебиторы, имущество, товары и материалы, наличность в кассах и на текущих счетах, прочие статьи, валовая прибыль, вычеты из валовой прибыли, прибыль, остаток прибыли прежних лет, вычеты из прибыли (вообще, на уплату промыслового налога), чистая прибыль, выданные в дивиденд суммы и проценты на акционерный капитал, убытки (текущего года, прежних лет)³⁸.

Затем эти погодные росписи балансовых данных по той же программе переносились в отраслевые ведомости, где предприятия отрасли распределялись по принципу «доходности» в следующие группы: прибыльные, непостоянной доходности, бездоходные и убыточные, новые (т. е. возникшие после 1901 г.), перешедшие в администрацию, ликвидировавшиеся. В каждую ведомость вносились сведения за 1901—1910 (часто 1911) гг. В начале ведомости в специальных таблицах сделаны сводки данных (за те же годы) по отдельным районам и стране в целом³⁹.

³⁷ Итоги этого исследования по данным балансов компаний за 1901—1909 гг. были опубликованы в 1912 г. в журнале Совета съездов «Промышленность и торговля».

³⁸ Промышленность и торговля, 1912, № 2, с. 68—69. Как показывает сопоставление этих материалов с некоторыми балансами, представленными общим собранием акционеров, величина «валовой прибыли» в ведомости статистического отдела Совета съездов соответствует «чистой прибыли» по балансу компании. Сумма же «чистой прибыли», как правило, совпала у статистиков Совета съездов с суммой, выданной в дивиденд.

³⁹ Частично эти материалы введены в научный оборот И. Ф. Гиндиным (Гиндин И. Ф. Балансы акционерных предприятий как исторический источник. — В кн.: Малоисследованные источники по истории СССР

Однако поскольку статистическим отделом Совета съездов балансовые данные акционерных компаний систематизировались в том виде, в каком они были опубликованы компанией, то, естественно, ввиду отсутствия единой обязательной формы баланса не все рубрики этой программы могли быть заполнены.

Эти пробелы не могли не влиять на представительность сводных данных, суммирующих сведения, показанные по отдельным предприятиям: количество рубрик в сводных таблицах значительно меньше, чем в программе для отдельных компаний. Для компаний, объединенных в группы «прибыльные предприятия», «предприятия нестойкой доходности», «бездоходные и убыточные предприятия», «новые предприятия», были выделены следующие рубрики: количество предприятий, акционерный капитал, облигационный капитал, запасной капитал, капитал погашения, выдано в дивиденд, % дивиденда, понесено убытков, % убытков.

По группе «предприятия, перешедшие в администрацию», учитывались: количество предприятий, акционерный капитал, облигационный капитал, запасной капитал, капитал погашения.

Графа «предприятия всех групп» самая большая. В дополнение к рубрикам, введенным для предприятий первых четырех групп, добавлены еще две — чистая прибыль и % чистой прибыли.

Наконец, по группе «предприятия ликвидировавшиеся» имеются лишь две рубрики: количество предприятий и акционерный капитал.

В опубликованной в 1912 г. итоговой таблице сведений о финансовых результатах деятельности российских акционерных предприятий за 1901—1909 гг. суммированы балансовые данные только об акционерном капитале и «чистой прибыли» (приравненной к величине суммы, выданной в дивиденд) в процентах к нему за указанные годы по 15 группам компаний и по всей акционерной промышленности в целом (с указанием числа предприятий по каждой группе)⁴⁰. Общий вывод, который был сде-

XIX—XX вв. М., 1964, с. 137—139; *Он же*. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX века. — История СССР, 1966, № 3, с. 48—66). См. также: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968, т. VI, с. 294. В настоящее время ведомости хранятся в ЦГИА СССР в составе фонда Совета съездов представителей промышленности и торговли (ф. 32, оп. 1, д. 1293—1419). Сохранились 83 отраслевые ведомости (№ 5—87). Как показывает сопоставление со сведениями, опубликованными в журнале «Промышленность и торговля» (1912, № 2, с. 69—73), утрачены ведомости отчетных данных коммерческих и земельных банков, ломбардов и страховых компаний.

⁴⁰ Промышленность и торговля, 1912, № 2, с. 72—73. Выделены следующие группы: 1) кредитная; 2) страховая и транспортная; 3) по обработке волокнистых веществ; 4) бумагомастная; 5) лесопромышленная; 6) горнопромышленная; 7) металлургическая; 8) минеральная; 9) по обработке животных продуктов; 10) по обработке питательных продуктов; 11) хи-

лан статистиками Совета съездов, сводился к тому, что «дивиденд на капитал, вложенный в предприятия, обязанные публичной отчетностью, за весь рассматриваемый период (в данном случае 1901—1909 гг. — *Авт.*) был значительно ниже учетного процента»⁴¹.

Представляет интерес методика, позволившая получить этот вывод. Редакция «Торговли и промышленности» разъясняла ее следующим образом: «Взята сумма дивиденда, выданного акционерам данной группы, и вычтена из нее сумма убытков предприятий той же группы; полученный остаток и составляет чистый дивиденд на весь акционерный капитал группы»⁴². Затем аналогичным образом был подсчитан «средний процент дивидендности» всей акционерной промышленности. Подобная методика, приводящая к занижению прибыльности и преувеличению удельного веса убыточных предприятий, не может быть принята.

Сведения о дивиденде в рублях на акцию и в процентах к акционерному капиталу обычно фигурировали в отчете компании общему собранию акционеров. Они показывали рядовому акционеру величину его дохода. Подсчет среднего дивиденда, а не прибыли в масштабах всей акционерной промышленности (свыше 1000 компаний) имел абстрактный интерес, так как известно, что были предприятия с высокой и устойчивой прибылью, малодоходные и, наконец, систематически убыточные. Более того, статистики Совета съездов в своих подсчетах учитывали дивиденд и капиталы предприятий, находившихся в администрации и даже ликвидированных. «Чистый дивиденд» — категория уже совсем мистическая, поскольку убыточные предприятия дивиденд не выдавали, а в компаниях, показавших прибыль, дивиденд выдавался уже после вычета из нее всех издержек.

Что касается непосредственно вывода о низкой доходности акционерных компаний, то подсчеты, сделанные С. Г. Струмилиным в начале 20-х годов XX в., показали, что величина отношения прибыли к акционерному капиталу была, как минимум, вдвое выше, чем «средний процент дивидендности», исчисленный для того же периода статистиками Совета съездов⁴³.

мическая; 12) сельскохозяйственная; 13) перевозочная; 14) по благоустройству городов; 15) торговая. В расшифровке этих групп по отраслям опущены синдикаты по торговле изделиями (вед. № 86).

⁴¹ Промышленность и торговля, 1912, № 2, с. 74.

⁴² Там же, с. 69.

⁴³ Струмилин С. Г. Проблема промышленного капитала в СССР. М., 1925, с. 14—18. Автор подчеркивал, что, «копечно, ругаться головой за точность данных о прибылях и оборотах, показанных промышленниками налоговой инспекции в целях обложения их промысловыми сборами, мы ни за что бы не стали. Но если в них и есть неточности, то, во всяком случае, не в сторону преувеличения». Поэтому «в качестве первого приближения к искомым величинам» сделанные в работе расчеты капиталов и прибыльности капиталистических предприятий дореволюционной России «можно признать вполне достоверными» (там же).

Практические задачи социалистического строительства, вставшие перед страной после победы Великой Октябрьской социалистической революции, делали настоятельно необходимым учет дореволюционных промышленных фондов.

Основываясь главным образом на данных балансовой статистики⁴⁴, Струмилин исследовал капиталы и прибыли отечественной промышленности, проследив их величину и динамику роста с 1885 по 1914 г. Для этого периода им сделаны расчеты темпа накопления промышленного капитала в дореволюционной России, прослежено соотношение между капиталом компаний, оборотом и прибылью, рассмотрена общая картина изменений в структуре капитала компаний. Самостоятельное значение имеют составленные Струмилиным по сведениям, опубликованным в «Ежегоднике Министерства финансов», сводные балансы акционерной промышленности России за 1890—1914 гг. (данные приводятся по 9 отраслевым группам компаний и по акционерной промышленности в целом), а также рассмотрение элементов сводного баланса (за 1912 г.) с группировкой компаний по величине их акционерного капитала в абсолютных (млн. руб.) и относительных (в % к акционерному капиталу) цифрах.

Исследование Струмилина «наглядно показало возможность и плодотворность использования балансов для широкого изучения экономики периода капитализма». Однако, как вынужден был констатировать сорок лет спустя И. Ф. Гиндин, «эта работа не привлекла к себе внимания историков»⁴⁵.

Причину недооценки балансов как источника Гиндин справедливо усматривал не столько в специфичности балансов, сколько в распространенном среди исследователей представлении о балансе «как документе узкого значения и настолько запутанном, что он поддается лишь ограниченной и неточной расшифровке»⁴⁶. Специально рассмотрев балансы акционерных компаний как исторический источник, Гиндин показал, что балансы являются основным источником сведений о капиталах и доходах акционерных компаний (их общей величине, структуре, соотношении между различными составными частями). Изучение по балансам в разных аспектах в обобщенном виде и в движении во времени капиталов и прибылей компаний «позволяет с достаточной приближенностью улавливать основные процессы, которые отражают балансовые показатели»⁴⁷.

---

⁴⁴ С. Г. Струмилин основывался на данных балансов, опубликованных в «Ежегоднике министерства финансов». Для их корректировки им были привлечены сведения налоговой статистики и страховых обществ, опубликованные материалы промышленных обследований и переписи 1918 г.

⁴⁵ Гиндин И. Ф. Балансы акционерных предприятий как исторический источник, с. 83.

⁴⁶ Там же, с. 74.

⁴⁷ Там же, с. 131.

Какие же процессы и как отражают показатели балансов акционерных предприятий?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к отчетным материалам конкретной компании (или нескольких компаний). Возьмем в качестве примера балансы акционерного общества «Сормово» за 1900—1916 гг. Выбор общества «Сормово» в качестве такого примера обуславливается следующими причинами: 1) «Сормово» относилось к числу крупнейших капиталистических предприятий дореволюционной России. В начале XX в. общество являлось участником монополистических соглашений паровозо-, вагоно- и мостостроительных заводов, входило в артиллерийский и обозный синдикаты. В годы предвоенного промышленного подъема начинает складываться Коломенско-Сормовское монополистическое объединение, превратившееся в годы войны в ядро трестовской группы машиностроительных и металлургических заводов, подконтрольных Международному и Учетному и Ссудному банкам. Накануне Первой мировой войны на заводах общества трудилось свыше десяти тысяч рабочих; 2) история этой компании достаточно хорошо изучена и, таким образом, мы имеем возможность сопоставить выводы, полученные на основании анализа балансов общества, с тем, что нам уже известно; 3) сохранились балансы за весь период существования общества⁴⁸.

Элементы балансов акционерного общества «Сормово» за 1900—1916 гг., представленные правлением компании на рассмотрение общего собрания ее акционеров и утвержденные последним, видим из табл. 2. Наряду со сведениями об акционерном (в балансах компаний он фигурировал как «основной»), облигационном, запасных и резервных капиталах, кредиторах, дебиторах, имуществе, товарах и материалах, «чистой» прибыли (баланс «Сормово» за 1907/8 операционный год показал убыток), дивиденде (5 раз на протяжении первых 16-ти лет XX в. он не был выдан) в таблице представлены данные о «собственных» и заемных капиталах компании⁴⁹.

Обычно при рассмотрении статей баланса внимание исследователей прежде всего привлекают данные о величине акционерного капитала компании (и ее изменениях) и о динамике движения дивиденда. Как видно из табл. 2, в рассматриваемый период акционерный капитал «Сормово» был увеличен дважды: по итогам 1904/5 и 1913 операционных годов (оба раза в два приема). В обоих случаях увеличение акционерного капитала начинается

⁴⁸ Они опубликованы в приложении к «Вестнику финансов» за соответствующие годы. Кроме того, они сохранились (за исключением одного баланса — с 1 июля 1911 г. по 1 января 1913 г.) в фонде правления общества «Сормово» (ЦГИА г. Москвы, ф. 323, оп. 1, д. 55).

⁴⁹ Они подсчитаны по материалам балансов на основании методики, предложенной И. Ф. Гнядиным (*Гиндин И. Ф.* Балансы акционерных предприятий как исторический источник, с. 78—79).

Таблица 2

Акционерное общество «Сормово» — элементы баланса, в руб.

Операционный год	Акционерный капитал	Облигационный капитал	Запасной и резервный капитал	Кредиторы	Дебиторы
1900/01	7 500 000	4 251 000	1 748 376	6 466 212	3 641 559
1901/2	7 500 000	4 192 000	1 772 798	6 326 610	4 060 479
1902/3	7 500 000	4 130 000	1 818 367	5 905 574	4 499 434
1903/4	7 500 000	4 065 000	1 880 670	5 826 872	4 805 837
1904/5	7 500 000	3 997 000	1 955 051	8 369 694	5 217 405
1905/6	9 000 000	3 068 000	2 819 582	5 799 863	4 920 494
1906/7	10 000 000	3 021 000	3 230 553	3 692 707	5 379 987
1907/8	10 000 000	2 971 750	3 249 853	4 754 351	5 857 902
1908/9	10 000 000	2 919 750	3 249 853	3 171 338	5 238 550
1909/10	10 000 000	2 865 500	3 261 563	3 263 975	5 801 193
1910/11	10 000 000	2 808 250	3 283 189	4 925 103	7 444 517
1911/12—13/14	10 000 000	2 685 500	3 283 883	12 488 400	7 247 451
1913	10 000 000	2 619 270	3 283 883	13 670 957	9 828 378
1914	13 000 000	2 549 750	3 333 333	18 610 732	13 237 636
1915	13 000 000	2 477 000	3 516 331	34 585 202	25 318 317
1916	15 000 000	2 400 500	3 821 898	55 072 954	33 511 149

* Убыток.

в момент, когда все прочие показатели баланса отражают благоприятное положение дел компании. Увеличение акционерного капитала компании почти всегда связано с активизацией ее деятельности, его уменьшение — верный показатель кризисного положения дел. Однако то обстоятельство, что величина акционерного капитала компании служила в известном смысле визитной карточкой ее могущества, а изменения суммы акционерного капитала могло быть произведено лишь каждый раз с особого разрешения правительства, лишало этот показатель гибкости.

Более чувствительным барометром состояния дел компании являются сведения о величине полученной «чистой» прибыли и дивиденда, выданного акционерам. Еще большую подвижность обнаруживают такие показатели балансов, которые характеризуют оборотные капиталы и кредит компании. В кризисные для «Сормово» годы падение их величины начинается годом раньше уменьшения величины показанной компанией («чистой») прибыли. Раньше начинается и подъем. Выдача же дивиденда возобновляется уже тогда, когда вполне отчетливо обозначается тенденция роста не только оборотных капиталов и кредита, но и «чистой» прибыли компании.

Имущество (за вычетом износа)	Товары и материалы	«Чистая» прибыль	Выдано в дивиденд	«Собствен- ные» капи- талы	Заемные капиталы
10 183 355	5 880 351	1 170 366	454 733	10 418 742	7 075 653
9 896 108	6 567 324	1 733 005	600 000	11 005 803	6 458 131
9 218 035	6 905 575	2 209 035	750 000	11 527 402	5 536 140
8 699 222	7 789 628	2 480 831	1 050 000	11 861 501	5 086 035
8 818 424	9 965 305	2 540 719	1 087 500	11 995 770	7 149 289
9 974 031	8 929 234	2 834 093	1 305 000	14 653 675	3 947 369
10 014 042	6 318 646	897 947	Дивиденд не выдан	14 128 500	1 333 720
9 683 460	5 848 622	—291 494 *	» »	12 958 359	1 868 199
9 793 584	5 171 755	584 210	» »	13 834 063	852 538
9 551 023	4 728 480	801 363	400 000	14 062 926	328 282
9 395 706	6 411 889	283 879	Дивиденд не выдан	13 567 068	288 836
9 798 403	11 107 973	740 965	» »	14 024 840	7 926 449
9 793 516	9 514 224	2 166 791	750 000	15 450 674	6 461 829
9 917 729	14 778 220	3 793 139	1 300 000	20 126 472	7 922 846
10 207 088	21 170 331	6 449 978	1 950 000	22 966 309	11 743 885
9 321 436	39 441 319	10 550 666	2 625 000	29 372 564	23 962 305

Обращает на себя внимание изменение в структуре капиталов «Сормово», наметившееся накануне войны и явно проявившееся в годы войны: величина оборотного капитала обгоняет сумму основного капитала. За счет величины «кредиторы — дебиторы» растет заемный капитал компании, хотя рост акционерного капитала и особенно прибыли дают превышение над ним «собственных» капиталов. По-видимому, эти изменения в структуре капиталов компании явились следствием прежде всего тех гигантских прибылей, которые приносили «Сормово» заказы военного ведомства. Однако по мере роста величины показавшей в балансе «чистой» прибыли ее доля, выдававшаяся в виде дивиденда акционерам, неуклонно сокращалась.

Отмеченные тенденции еще более явно выступают при переводе абсолютных показателей баланса в относительные величины (см. табл. 3).

Наблюдения, сделанные нами на основании сведений баланса акционерного общества «Сормово» за 1900—1916 гг., подтверждаются в целом аналогичными материалами других компаний. При этом, однако, необходимо иметь в виду, что необязательно все показатели балансов всегда будут однозначно характеризовать положение дел компании. Так, сведения балансов общества

Таблица 3

Капиталы и доходы акционерного общества «Сормово»
(в % к акционерному капиталу)

Операционный год	Основной капитал	Оборотный капитал	«Собственный» капитал		Заемный капитал			«Чистая» прибыль	Дивиденд
			весь	запасной и резервный	весь	облигационный	кредиторы — дебиторы		
1900/01	135,77	78,4	138,91	23,31	94,34	56,68	37,66	15,6	6,1
1901/2	131,94	87,56	146,74	23,63	86,10	55,89	30,21	23,6	8,0
1902/3	122,9	92,07	153,69	24,24	73,81	55,06	18,74	29,2	10,0
1903/4	115,98	103,86	158,15	25,07	67,81	54,20	13,61	31,7	13,0
1904/5	117,57	132,87	159,94	26,06	95,32	53,29	42,03	33,9	14,0
1905/6	110,82	99,21	162,81	31,32	43,85	34,08	9,77	31,5	8,0
1906/7	100,14	63,86	141,28	32,31	13,33	30,21	-16,87	8,9	—
1907/8	96,83	58,49	129,58	32,50	18,68	29,72	-11,03	Убыток	—
1908/9	97,94	51,72	138,34	32,50	8,52	29,20	-20,67	5,8	—
1909/10	95,51	47,28	140,63	32,62	3,28	28,65	-25,37	8,0	4,0
1910/11	93,96	64,12	135,67	32,83	2,89	28,08	-25,19	2,8	—
1 июля 1911— 1 янв. 1913	97,98	111,08	140,25	32,83	79,26	26,85	52,40	7,4	—
1913	97,93	95,14	154,51	32,83	64,61	26,19	38,42	21,6	7,5
1914	76,29	113,67	154,81	25,64	60,94	19,59	41,33	29,2	10,0
1915	78,51	162,84	176,66	27,04	90,33	19,00	71,28	49,6	15,0
1916	62,14	262,94	195,81	25,47	159,74	16,00	143,0	70,3	17,5

«Коломенского машиностроительного завода» говорят о том, что данные графа «кредиторы» (равным образом «кредиторы—дебиторы») и «чистая прибыль» (а соответственно и «дивиденд») могут существенно расходиться (см. табл. 4).

Как видно из табл. 4, в 1903—1907 гг. Коломенское общество при отрицательной величине «кредиторы—дебиторы», более того, при отрицательной величине вообще заемного капитала компании в 1904 г., показывало значительную (и постоянно возрастающую по 1906 г. включительно) прибыль. И наоборот, наименьшая величина прибыли была показана компанией в 1908 г. (в этом году не был выдан дивиденд), когда впервые после пяти лет сумма в графе «кредиторы» превысила сумму в графе «дебиторы». В первом случае падение кредита Коломенского общества может быть, по-видимому, объяснено происходившей в указанные годы финансовой реорганизацией компании. Ее завершение совпало хронологически с началом общероссийского кризиса паровозо- и вагоностроения, составлявших основу производства общества, что не могло не отразиться на величине показанной компанией прибыли и дивиденде компании. Приведенный пример свидетельствует, что лишь анализ всех показателей баланса на про-

Таблица 4

Акционерное общество Коломенского машиностроительного завода — элементъ баланса

Операционный год	Акционерный капитал	Заемный капитал	Кредиторы	Дебиторы	«Чистая» прибыль	Выдано в дивиденд	Заемный капитал	Кредиторы — дебиторы	«Чистая» прибыль	Дивиденд	
											в % к акционерному капиталу
в рублях											
1901	6 500 000	2 657 279	6 030 158	5 611 579	887 910	520 000	40,88	6,43	13,7	8,0	
1902	6 500 000	2 939 072	6 304 524	5 526 252	997 333	598 000	45,21	11,97	17,2	9,2	
1903	6 500 000	1 335 716	5 423 843	6 166 627	834 430	598 000	20,54	—11,42	12,8	9,2	
1904	6 500 000	—222 217	4 921 838	7 135 755	1 238 382	728 000	—3,41	—34,06	19,0	11,2	
1905	7 500 000	918 815	2 269 541	3 250 726	1 758 744	990 000	12,25	—13,08	23,3	13,2	
1906	7 500 000	558 065	2 847 740	4 092 371	2 015 447	1 050 000	7,44	—16,59	26,9	14,0	
1907	10 000 000	1 176 470	4 822 548	5 346 978	1 217 836	960 000	11,76	—5,24	12,2	9,6	
1908	10 000 000	3 710 563	8 376 282	6 258 719	356 431	не выдан	37,11	21,18	3,6	—	
1909	10 000 000	2 891 604	5 640 118	4 227 614	1 058 681	520 000	28,92	14,12	10,6	5,2	
1910	12 000 000	2 583 728	6 701 761	5 475 033	1 088 404	880 000	21,53	10,22	15,1	8,8	
1911	12 000 000	4 866 019	11 414 834	7 779 615	1 189 349	624 000	40,55	30,29	9,1	5,2	
1912	15 000 000	4 185 597	12 699 931	9 611 134	1 473 578	840 000	27,9	20,59	9,8	5,6	
1913	15 000 000	Данные не обнаружены					Данные не обнаружены				
1914	15 000 000	8 948 370	19 970 561	11 829 091	3 632 411	1 500 000	59,65	54,27	24,2	10,0	
1915	15 000 000	Данные не обнаружены					Данные не обнаружены				
1916	15 000 000	40 136 952	69 858 045	30 203 593	7 482 832	2 100 000	267,57	264,0	49,9	14,0	

тяжении ряда лет вскрывает истинные тенденции развития предприятия.

Балансы могут изучаться исследователями в самых разных сочетаниях: по величине капиталов предприятий, по отраслям производства, по географическим районам или другим признакам. Возможно также исследование капиталов и прибылей акционерной промышленности в целом.

Вопреки мнению П. В. Оли об абсолютной недопустимости использования для такого изучения сводных данных статистики Министерства финансов⁵⁰, С. Г. Струмилин доказал, что если иметь в виду не исчисление величин конкретных капиталов, а выяснение тенденций развития последних, то они могут быть установлены на основе этих статистических данных с достаточной определенностью⁵¹. Особенно широкие возможности открывает для этого применение методов количественного анализа. Тем более что, как было показано выше, отсутствуют принципиальные различия между основными отчетными материалами акционерных предприятий и источниками, для которых методика такого анализа уже разработана.

Глава 3

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МОНОПОЛИЙ И ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА

1. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СБЫТОВЫХ МОНОПОЛИЙ

Происходившие на рубеже XIX и XX вв. процессы монополизации промышленности и ее сращивания с банками выражали собой коренные качественные изменения капитализма, свидетельствовавшие о его вступлении в высшую, империалистическую стадию развития. Как и все новые общественные явления, они не сразу обрели четкие формы. Рождение монополий из свободной капиталистической конкуренции, превращение их из едва заметных зародышей в одну из основ всей хозяйственной жизни заняло немало времени: с 60-х годов XIX в. до начала XX в.¹

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс обратили внимание на то, что распространение акционерных компаний исторически предшест-

⁵⁰ Оли П. В. Указ. соч., с. 1.

⁵¹ Струмилин С. Г. Указ. соч., с. 5, 9.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 317.

вовало монополиям и подготовило их появление. В. И. Ленин показал в своих трудах, что акционерные компании обеспечили возможность такой концентрации производства и капитала, при которой возникновение монополий стало закономерным и неизбежным².

Благодаря акционерной форме организации капиталистических предприятий они могли достичь настолько крупных размеров, что соглашение между несколькими такими предприятиями, производящими одинаковую продукцию, относительно условий ее сбыта вело к установлению монополии на рынке.

Деятельность российских монополий, занявших в начале XX в. стержневые позиции в народном хозяйстве страны и потому игравших важную роль в ее общественной жизни, получила широкое и многоплановое отражение в источниках. Представляя собой аппараты управления либо отдельными отраслями, либо крупными комплексами промышленного производства, монополистические объединения в ходе своей деятельности создавали значительную по объему и разнообразную по форме документацию, в которой фиксировалась перерабатываемая ими информация. Вместе с тем воздействие монополий на окружающую их общественную среду порождало обильную отраженную информацию, содержащуюся в различных по своей природе документах, которые выражали отношение к монополиям со стороны их контрагентов и аутсайдеров, потребителей продукции монополизируемых отраслей производства и общественных организаций, правительственных и законодательных учреждений.

В основе простейших *сбытовых* монополистических объединений — картелей лежало обычно соглашение о совместном решении их участниками отдельных вопросов реализации монополизируемой продукции: о ценах, рынках, условиях платежа и т. п. По мере их развития и утверждения такие монополистические объединения постепенно расширяли круг вопросов, которыми они занимались, регламентируя коммерческие отношения своих участников с покупателями. В конечном итоге все сбытовые функции переходили к монополистическому объединению. Вместе с тем формировался и аппарат, необходимый для их выполнения, так называемая контора по продаже. Ее наличие свидетельствовало о принадлежности монополии к более зрелому типу сбытовых монополистических объединений — синдикатам.

Утверждаясь в народном хозяйстве России и обретая определенные организационные формы, монополии приспособлялись к исторически сложившимся коммерческим традициям и правовым пормам. Наиболее удобной формой организационного устройства сбытовых монополий оказалась в конечном итоге форма

---

² Анализ высказываний К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина по этому вопросу см.: *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973, с. 7—17.

акционерной компании, вполне отвечавшая достигнутому уровню обобществления производства и вместе с тем получившая признание в российском законодательстве. Система документирования деятельности сбытовых монополистических объединений вырабатывалась одновременно со складыванием их организационных форм. Естественно, что она стала принимать привычные формы делопроизводства акционерных обществ³. Но, поскольку само существование сбытовых монополистических объединений противоречило закону, вследствие чего они находились на негласном положении, документирование их деятельности не могло полностью уложиться в законодательно установленные рамки акционерного делопроизводства. Противоречие между негласным характером деятельности сбытовых монополий и необходимостью публично-правовой ее организации и документирования наложило свой отпечаток на формирование их делопроизводства.

Самые примитивные сбытовые объединения, ограничивавшиеся простым разделом рынка, или преследовавшие цель проведения на рынке отдельных кратковременных выступлений (таких, как устранение конкуренции на торгах при получении заказов, поддержание высоких цен во время ярмарок и т. п.), не нуждались в собственном делопроизводстве. Единственным документом, который можно рассматривать как функциональное выражение действия подобного объединения, было соглашение между его участниками (если оно фиксировалось письменно). Но тексты этого соглашения откладывались в делопроизводстве предприятий, входивших в объединение.

Сбытовые монополии, ставившие перед собой более сложные и долговременные задачи, порождали более разнообразную документацию. Они нуждались в постоянно действующем руководящем органе, который мог бы решать текущие вопросы. С созданием такого органа стали вестись протоколы его заседаний. Возникла также необходимость в аппарате для контроля за исполнением условий соглашения его участниками, учета их операций по продаже монополизированной продукции и распределения между ними принятых заказов на ее производство. Документирование выполнения всех этих функций получило выражение в различных учетно-статистических материалах и переписке с предприятиями, входящими в объединение. Таким образом, с формированием управленческого аппарата сбытовых монополий появилась и необходимость в автономном их делопроизводстве.

По мере того как сбытовые объединения сосредоточивали у себя связи с рынком, лишая своих участников коммерческой самостоятельности, их управленческий аппарат, первоначально выполнявший преимущественно контрольные и учетно-распределительные функции, все больше превращался в «контору по продаже», играющую роль посредника между отдельными участни-

³ См. об этом подробно в главе 2 настоящей книги.

ками объединения и клиентурой. Легализация таких «контор по продаже» в виде представительных организаций («союзов» или «обществ» фабрикантов), а также в качестве различного рода предпринимательских контор облегчала возможности документирования их деятельности, в частности ведения систематического учета и деловой переписки. Но, чтобы «контора по продаже» могла не только вести переговоры с клиентами, но и заключать с ними сделки, она должна была обладать правами юридического лица. Иначе говоря, требовалась ее организация на законном основании. Способы такой организации хотя и не сразу, но были найдены. Суть их заключалась в том, что исполнение функций «контор по продаже» незаконно существовавших бытовых монополий их участники передавали официально учрежденному и действующему в полном соответствии с законом торговому предприятию. В начале XX в. для этой цели стали учреждаться участниками монополистических объединений специальные акционерные общества «для продажи» («для торговли»): «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов», «Общество для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна», «Общество для торговли изделиями русских вагоностроительных заводов» и др. Под такими вывесками действовали многие российские синдикаты.

Легализация в качестве акционерных обществ «контор по продаже» негласных бытовых монополий позволила им, в частности, максимально использовать для своих нужд выработанные российской акционерной практикой формы организационного устройства коммерческих предприятий и их делопроизводства.

К сожалению, делопроизводственные комплексы документации российских бытовых монополий в том виде, в каком они существовали на момент ликвидации этих монополий, как правило, не сохранились. Бесследно исчезли архивы и материалы текущего делопроизводства синдиката «Продуголь» и некоторых других монополистических объединений, действовавших под вывеской акционерных обществ («Продаруд», «Электропровод», «Урожай», «Дрожжи»). И, хотя делопроизводственная документация целого ряда российских синдикатов, в том числе таких крупнейших, как «Продамета», «Кровля», «Гвоздь», «Проволока», «Медь», «Продвагон», в той или иной своей части дошла до нас, все же ее исходная организация в большинстве случаев оказалась нарушена. Тем не менее в отношении монополистических объединений, функционировавших в качестве акционерно-паевых предприятий, в нашем распоряжении есть достаточный документальный материал для суждений о структуре их делопроизводства.

Хуже обстоит дело с монополистическими объединениями, действовавшими под видом всякого рода «союзов», предпринимательских обществ или посреднических контор, не обладавших правами юридического лица. Хотя их было не меньше, а, по всей вероятности, значительно больше, чем синдикатов, зарегистри-

рованных как акционерно-лаевые предприятия, лишь от одного из них — «Совета представителей паровозостроительных заводов» — сохранились остатки делопроизводства, составляющие в настоящее время отдельный архивный фонд.

Эти потери в немалой степени компенсируются за счет документов, возникших в процессе функционирования монополистических объединений, но отложившихся в других делопроизводственных системах. К числу последних относятся прежде всего архивы предприятий — участников монополистических объединений, которым направлялась значительная часть исходящей корреспонденции этих объединений. К тому же только здесь мы можем обнаружить материалы, документировавшие деятельность простейших сбытовых монополий, не имевших собственного делопроизводства.

Кроме того, документы, возникавшие в аппарате сбытовых монополистических объединений, попадали по каналам корреспондентских связей в делопроизводственные системы торгово-промышленных предприятий, имевших те или иные коммерческие отношения с этими объединениями, банков, предоставлявшим им кредиты, правительственных учреждений, контролировавших их деятельность, и т. д.

В общей сложности до нас дошли хотя и разобщенные, но значительные по объему и чрезвычайно разнообразные по составу остатки делопроизводственной документации российских сбытовых монополий, которые вполне позволяют установить основные формы документирования их деятельности.

Основу всякого сбытового монополистического объединения, каким бы оно ни было по своему устройству, составляло соглашение между его участниками. Исследователями российских монополий были обнаружены в архивах десятки таких соглашений. Многие из них опубликованы⁴.

Тексты монополистических соглашений, вернее, их формуляры, зависели от типа и уровня объединения. В нашем распоряжении есть тексты договоров различных сбытовых монополий: от картелей до синдикатов. Уже в 80-х годах XIX в. начинают складываться стандартные формулы картельных договоров нескольких типов. Объективную основу процесса стандартизации монополистических соглашений составляло выполнение ими одинаковых функций. Установлению определенных стандартов в формулирова-

⁴ См.: *Лященко П. И.* Из истории монополий в России. — Исторические записки, 1950, т. 20; *Бовыкин В. И.* Красный договор «Продугля». — Там же, 1965, т. 78; *Цукерник А. Л.* Из истории цементного синдиката Южной России. — Там же. Целый ряд монополистических договоров был опубликован в сборниках документов: *Материалы по истории СССР: Документы по истории монополистического капитализма в России*. М., 1959, т. VI; *Монополии в металлургической промышленности России (1900—1917)*. М.; Л., 1963; *Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. (1883—1914)*. М.; Л., 1961; (1914—1917). М.; Л., 1973.

нии условий таких соглашений на практике способствовало как использование иностранного опыта, так и участие в их выработке одних и тех же лиц, в течение ряда лет вершивших судьбами отдельных отраслей производства.

В том случае, когда картельное соглашение не предполагало существования «конторы по продаже» и основные вопросы регулирования цен решались на общих собраниях договаривающихся сторон, текст договора был довольно лаконичен⁵. Он содержал такие необходимые параграфы: объект картелирования, цель соглашения, доли участия, формирование и структура расчетного фонда, расчеты по транспортировке, штрафы за «незаконно» полученные заказы, порядок вывода средних цен, хранение залогов, учет заказов, полученных до подписания соглашения.

Следующий уровень картелирования — создание объединения переходного типа, имеющего руководящий и учетно-распределительный аппарат, который выполняет функции «конторы по продаже», но не является юридическим лицом⁶. Договор, лежащий в основе таких объединений в структурном отношении, был уже гораздо сложнее. Наряду с характерными для рассмотренного выше договора параграфами он содержит дополнительные условия, регламентирующие порядок управления делами картеля: роль, состав, функции и местонахождение совета, технику получения и распределения аппаратом союза заказов, содержание и распределение фондов картеля.

Что касается синдикатов, действовавших в форме акционерно-паевых предприятий, то условия соглашения между участниками такого монополистического объединения фиксировались не в одном, а в нескольких документах: в уставе акционерного общества, под вывеской которого скрывался синдикат, в протоколе учредительного собрания акционеров этого общества и в контрагентских договорах, заключавшихся между этим обществом и каждым из участников синдиката. В результате незаконное по своей сути монополистическое соглашение принимало установленные законом формы.

---

⁵ Примером картелей этого типа может служить соглашение 1884 г. о распределении заказов и ценах на мосты и мостовые части (Материалы по истории СССР: Документы по истории монополистического капитализма. М., 1959, т. VI, с. 28—31 (далее — Материалы по истории СССР).

⁶ Формы таких объединений были разнообразны. К их числу относятся и «союзы» 80-х годов XIX в. (см.: Материалы по истории СССР, т. VI, с. 18—24, 32—38) и действовавшие в начале XX в.: «Совет представителей паровозостроительных заводов» («Продпаровоз»), «Союз рафинеров», «Объединение трубопрокатных и железоделательных заводов», «Представительство русских медногубных заводов», Соглашение меднопрокатных заводов и др. (см.: Монополии в металлургической промышленности России. 1900—1917. М., 1963, с. 344—365, 374—396). Некоторые из них, например, «Продпаровоз», имели контору по своему организационному устройству, аналогичную соответствующим звеньям аппарата синдикатов, выступавших в форме акционерно-паевых предприятий.

Перечисленные документы содержали в себе все необходимые элементы монополистического соглашения, лежащего в основе сбытового объединения со сформировавшейся «конторой по продаже». Но, кроме того, они определяли правовые условия функционирования такого объединения в виде акционерного общества.

Уставы акционерных обществ, под видом которых выступали синдикаты, составляли нормативную основу легального существования их «контор по продаже» в качестве юридического лица. Они регламентировали официальную сторону жизни таких обществ: сферу их действий, размер складочного капитала, организационное устройство и т. п.

Протокол учредительного собрания подобного «Общества для продажи» являл собой акт открытия действий легализованной «конторы по продаже» синдиката.

Если устав и протокол учредительного собрания характеризуют преимущественно внешнюю форму, в которой действовал тот или иной синдикат, то контрагентские договоры в большей мере раскрывают содержание его деятельности. Вот почему при изучении монополий им уделяется обычно особое внимание.

Контрагентские договоры регламентировали отношения легализованной «конторы по продаже» синдиката с его участниками. В них определялись: условия передачи «Обществу для продажи» его контрагентами права на продажу производимой ими продукции, качественные характеристики этой продукции, взаимные обязательства «Общества» и контрагента, доля участия контрагента в поставках «Обществу» монополизуемой продукции и условия их осуществления, порядок взаимных расчетов и решения спорных вопросов, характер последующих отношений контрагента с клиентами, формы контроля «Общества» за операциями контрагента, срок действия соглашения, порядок его расторжения или продления.

Поскольку контрагентские договоры носили двусторонний характер, то формально лишь все они, вместе взятые, могут дать полное представление об обязательствах участников соглашения. их квотах и т. п. Но фактически тексты контрагентских договоров, заключенных тем или иным «Обществом для продажи» со своими контрагентами, были по большей части идентичны, что и породило распространенную практику изготовления типовых типографских бланков контрагентских договоров, в которых оставались свободные места лишь для внесения названия контрагента, долей его участия и некоторых иных индивидуальных условий. Эти индивидуальные условия, содержащиеся во всех контрагентских договорах того или иного «Общества для продажи», приводились в специальном дополнении, прилагавшемся к каждому из таких договоров. Поэтому если исследователю удастся обнаружить не только контрагентский договор, но и дополнение к нему, то этого достаточно для суждения об условиях монополистического объединения в целом.

Исследуя историю образования синдикатов следует иметь в виду возможность наличия документов, связанных с процедурой выработки условий соглашения. Это — проекты и черновики контрагентских договоров, материалы, отражающие работу над ними. Заключению монополистического договора, как правило, предшествовала переписка между будущими союзниками, заседания специальных комиссий и групп по выработке условий соглашений. Как правило, соответствующие материалы (записки, справки, письма, протоколы) входят в состав управленческой документации обществ-учредителей, но в ряде случаев они отложились и в архивах монополий.

Процедура официального утверждения проектов уставов порождала специальные прошения учредителей в Министерство торговли и промышленности (МТ и Пр.), а также в ряде случаев записки и справки о целях создаваемого общества. Состав и структура таких документов в общем соответствуют аналогичным документам простых акционерных компаний.

Особое значение монополистических договоров, как «союзных», так и «контрагентских», заключается в том, что, будучи важнейшим функциональным выражением существования бытовых монополистических объединений, они являются бесспорным свидетельством факта такого существования. Если исследователь имеет в своем распоряжении подлинный акт или его заверенную копию, он может быть уверен в самом факте соглашения⁷. Зачастую мы располагаем только типографскими бланками договоров, лишенными индивидуальных особенностей подлинников (в них не назван контрагент, доля участия, дата подписания), вместе с тем вполне пригодными для некоторых сопоставлений. Определенные возможности таит в себе использование черновики и проектов договоров. Они содержат промежуточные, не зафиксированные в заключительных документах данные о возможных изменениях долей участия, условий продаж, отработке окончательных условий через различные варианты.

Вместе с тем монополистическим договорам как источникам нормативного характера присуща следующая особенность, которую нужно учитывать исследователю. Регламентируя основные структурные подразделения монополий, их делопроизводство, взаимоотношения между объединением и его участниками, права и обязанности последних, ассортимент монополизированных изделий и т. п., они определяют порядок функционирования монополистического объединения на тот или иной срок. Но эти договоры не отражают реальный процесс функционирования. Они не дают, на-

---

⁷ О том, что договоры были подписаны, можно узнать не только ознакомившись с подлинным актом, но и из циркулярных писем синдикатов участникам. Если же договор не подвергался переработке, участники просто присылали в правление монополии письмо о согласии участвовать в союзе на новый срок и на прежних основаниях.

пример, информации о действительной картине соблюдения условий соглашения, изменении состава его участников, сроков действия и многих других принципиально важных сторонах жизни монополистических союзов. Вот почему для исследования их истории недостаточно привлечение лишь одних монополистических договоров.

Важную группу делопроизводственной документации сбытовых монополий составляют протоколы заседаний их руководящих органов.

Содержание таких протоколов в каждом конкретном случае зависит от полномочий соответствующих органов, от круга проблем, возникавших в ходе будничной деятельности монополий. К заседаниям руководящих органов сбытовых объединений синдикатского типа обычно готовились материалы по вопросам, ставившимся на обсуждение (таблицы, справки, записки управляющего хозяйством, специальные доклады). Эти материалы иногда прилагались к протоколам.

Структура собственно протоколов традиционна и включает дату заседаний и собраний, перечень присутствующих лиц и изложение решений по вопросам повестки дня. Если протоколы заседаний правлений и общих собраний акционеров характерны для любых акционерных компаний, то протоколы совещаний контрагентов и заседаний советов синдикатов — документы, типичные именно для материалов синдикатов. В заседаниях советов и совещаний контрагентов не было строгой периодичности. Они решали наиболее важные вопросы текущей сбытовой политики (уступка и переуступка заказов, нарушение правил приема заказов, урегулирование взаимоотношений между участниками и пр.). До сих пор не было предпринято попытки суммированной оценки, зафиксированной в протоколах информации, хотя они представлены достаточно полно в составе фондов участников отдельных синдикатов.

Управленческая документация монополий-фондообразователей включает и их переписку. Через переписку осуществлялись связи между отдельными звеньями аппарата монополий, между продажным бюро, с одной стороны, и обществами-участниками, покупателями, поставщиками сырья, правительственными учреждениями, общественными организациями, банками — с другой. В каждом конкретном случае письма имели различную форму и содержание. Это циркуляры покупателям и контрагентам, предписания, запросы и ходатайства в правительственные ведомства, препроводительные письма, заявления, развернутые ответы на запросы. Особенно важное место занимала переписка по заказам. Она касалась цен, условий заказов, в том числе премий, приплат и сроков выполнения, качества заказываемых изделий, причин задержек в их исполнении. Непосредственный ход переписки по заказам в деталях различался у синдикатов. Но содержание переписки при этом было одинаково.

Ни одно промышленное капиталистическое предприятие не могло существовать без регулярного бухгалтерского и статистического учета его оперативной деятельности. Не случайно к концу XIX в. функция учета производственных мощностей, количества произведенной продукции, состояния производств, сбыта и пр. все чаще переключается с плеч государства, аппарат которого был уже не в состоянии осуществлять действительный контроль за промышленным развитием страны, на плечи частных торгово-промышленных предприятий и общественных (представительных) организаций промышленников.

Пример монополий в этом смысле особенно показателен. Централизуя получение и распределение заказов, регулируя сбыт изделий монополизированных предприятий, синдикаты, например, вели тщательный учет всех операций, систематически составляя соответствующие статистические сводки о полученных заказах, ходе их исполнения, долях участия контрагентов, комиссионных отчислениях и т. д. Данные о состоянии производства, внутреннего рынка, положении целых отраслей отечественной промышленности, обеспеченности заводов сырьем прямо предназначались для представительных организаций промышленников и заинтересованных государственных учреждений. Особенно заметной стала эта роль монополистических союзов в годы войны.

Среди делопроизводственных материалов монополий и обществ-участников можно найти уникальные таблицы и справки, но вместе с тем наиболее массовый характер сохраняют те материалы (ведомости, таблицы), которые обеспечивали непосредственную оперативную деятельность монополистических союзов. Это, например, документация, возникавшая в результате деятельности торгового и статистического отделов синдикатов. Учет операций синдикатов велся во всех союзах через статистические сводки, собиравшиеся и суммировавшиеся в статистических отделах. Соответствующую документацию мы обнаруживаем среди сохранившихся материалов всех сбытовых монополий.

Потребность контроля за соблюдением норм участия отдельных контрагентов определила такое направление в делопроизводстве сбытовых монополий, как общий статистический учет полученных и исполненных заказов и переборов и недоборов по ним для каждого участника. В основе общего статистического учета лежат первичные данные о полученных, исполненных и сданных контрагентами заказах за определенный отрезок времени (как правило, месяц). Суммированные данные по всем участникам составляли общие ведомости полученных и исполненных заказов. Через сравнение реального исполнения заказов с долевым участием, зафиксированным в контрагентском договоре, выводились переборы заказов по каждому контрагенту, а таким образом выяснялось состояние долей участия. Последнее слово в утверждении ведомостей состояния долевого участия принадлежало участникам соглашения. В случае несогласия с данными ведомости

контрагент посылал в управление письмо с требованием исключить тот или иной заказ из учета. Кроме ежемесячных, регулярных подведений итогов по продажам и долям в синдикатах, составлялись сводки за год и на определенные даты. Статистический учет не сводился только к названным выше показателям, являвшимся необходимым минимумом. Возникали дополнительные промежуточные таблицы, ведомости неоконченных заказов, подлежащих получению, данные об отдельных заказчиках и др.

На базе общего статистического учета продаж и долей участия велось планирование и прогнозирование будущих заказов с учетом заводов-исполнителей. Это характерно, например, для «Продпаровоза» и «Продвагона», монополизировавших продажу вагонов, паровозов и других изделий, требовавших длительного срока для изготовления. Крупнейшим покупателем продукции вагоно- и паровозостроительных заводов было Управление железных дорог Министерства путей сообщения (МПС). Распределение заказов осуществлялось через Комитет по распределению заказов МПС. К материалам, которые призваны были ориентировать Комитет при распределении заказов на вагоны, относятся программы распределения заказов, специальные таблицы типа «Учет переборов и недоборов отдельных заводов для руководства при распределении казенного заказа на 1910 год» или справки, например «Сопоставление времени распределения заказов Комитета и фактического выдачею таковых хозяйственным отделом Управления железных дорог»⁸.

Следует иметь в виду, что материалы общего статистического учета сбытовых монополий обычно размножались типографским или гектографическим способом с тем, чтобы ими могли быть снабжены все контрагенты и соответствующие подразделения аппарата объединения. Поэтому среди сохранившейся делопроизводственной документации сбытовых монополий они представлены в большом количестве. Тем не менее полные их комплекты за сколько-нибудь продолжительный период встречаются редко.

К материалам общего статистического учета операций синдикатов, характерным для любой монополии этого типа, примыкают материалы специального бухгалтерского учета, зависевшие от норм акционерного и торгового законодательства. Бухгалтерский учет велся не только на уровне центральных контор обществ, монополий, но и в их филиалах.

Документы специального бухгалтерского учета носят, таким образом, двоякий характер. Это традиционные материалы, характерные и обязательные для любого акционерного общества или товарищества, и особые книги, в которых фиксировались связи и операции специфические, характерные именно для монополий — сбытовых контор. Данные бухгалтерского учета синдикатов отражают деятельность как центральных, так и местных звеньев их

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1517, оп. 1, д. 330, л. 12; д. 353, л. 15.

аппарата. В отдельных монополиях имело, по-видимому, место преимущественное развитие специального бухгалтерского учета за счет ведомостей общего синдикатского статистического учета, когда в книгах фиксировались данные, характерные именно для ведомостей общего учета. Следует иметь в виду, что активное привлечение материалов бухгалтерского учета требует проведения предварительной разработки методики на основании глубокого знания бухгалтерии и методов обобщения ее данных.

В целом делопроизводственная документация сбытовых монополистических объединений, будучи выражением реализации их основных функций, имеет относительно четкую структуру, что дает основание надеяться на возможность разработки единой программы ее обработки и использования.

Естественно, что любой исследователь, использующий делопроизводственную документацию сбытовых монополий, обращается прежде всего к ныне существующим их архивным фондам. Таких фондов в настоящее время всего одиннадцать. Это фонды акционерных обществ «Продамета», «Продвагон», «Гвоздь», «Проволока», «Кровля» и «Медь», Русского товарищества торговли цементом (РТТЦ), Совета представителей паровозостроительных заводов («Продпаровоз») — в ЦГИА СССР. Русского акционерного льнопромышленного общества (РАЛО) — в ЦГА г. Москвы, Русского общества спичечной торговли (РОСТ) — в ГИА Ленинградской области и Нижегородской конторы «Продаметы» — в ГА Горьковской области. Перечисленные архивные фонды и по их происхождению, и по составу документации далеко не одинаковы. К сожалению, исторические судьбы архивов и комплексов текущей делопроизводственной документации российских сбытовых монополий после национализации последних, а также обстоятельства поступления тех или иных их остатков в государственные архивы СССР почти не привлекали к себе внимания ни архивистов, ни источниковедов. Не была объектом серьезного изучения и история ныне существующих архивных фондов российских сбытовых монополий, их возникновения, последующего формирования, организации.

Мы можем лишь догадываться теперь о том, что после прекращения существования сбытовых монополий та часть их документации, которая имела практическое значение, перешла в делопроизводственные системы вновь созданных советских органов руководства народным хозяйством. Остальные материалы, предоставленные на какое-то время воле случая, видимо, лишь в небольшой своей части поступили на архивное хранение.

Таким образом, уже на этом этапе первоначальная организация исходных делопроизводственных комплексов была в той или иной степени нарушена. В результате материалы одних и тех же монополий оказались в ряде случаев в разных архивах. Процесс поступления остатков делопроизводственных материалов российских сбытовых монополистических объединений на архивное хра-

нение, последующей их концентрации и систематизации продолжался с конца 20-х до начала 60-х годов XX в. Главным центром сосредоточения этих материалов стал Центральный государственный исторический архив (ЦГИА СССР). В 1946 г. сюда были переданы поступившие в начале 30-х годов в Московский архив народного хозяйства из соответствующих советских учреждений оказавшиеся там материалы некоторых синдикатов. После ликвидации Московского архива народного хозяйства они попали в Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), профилю которого совершенно не соответствовали, что и предопределило их последующую передачу в ЦГИА СССР. С этого времени в архиве развернулась целенаправленная работа по сосредоточению материалов монополий и формированию на этой основе их архивных фондов. В 1956 г. сюда поступили из Государственного исторического архива Ленинградской области (ГИАЛО) хранившиеся там материалы ряда синдикатов, в том числе фонд акционерного общества «Продвагон», который был объединен с фондом «Продвагона», полученным в свое время из ЦГАДА. Фонды синдикатов «Медь» и «Кровля» были образованы в ЦГИА СССР еще в конце 20-х годов XX в. из документов, обнаруженных в Ленинграде при обследовании помещений, в которых хранились бумаги прекративших свое существование дореволюционных учреждений и коммерческих предприятий.

Оказавшиеся в ЦГИА СССР остатки архивов и текущего делопроизводства сбытовых монополий были пополнены материалами из новых поступлений и обрабатываемых россыпью дублетами, выявленными в других фондах, размноженными типографским способом текстами уставов, отчетов и протоколов заседаний руководящих органов, обнаруженными в коллекции печатных материалов, и прочими документами, которые, судя по их характеру, должны были находиться в делопроизводстве фондообразователя. В результате всей этой работы образованные в архиве фонды сбытовых монополий приняли настоящий вид. Таким образом, все они в той или иной степени несут характер реконструкции делопроизводственных комплексов.

Что касается фондов сбытовых монополий, оставшихся в некоторых других архивах — ЦГА г. Москвы, ГИА Ленинградской области и ГА Горьковской области, то их документальный состав не претерпел столь серьезных изменений.

Несмотря на усилия, предпринимавшиеся в целях концентрации делопроизводственных материалов сбытовых монополий, их архивные фонды относительно невелики по своему объему. Самый крупный из них фонд «Продвагона» насчитывает 827 ед. хр. Остальные — значительно меньше⁹.

---

⁹ «Продамета» — 101 ед. хр. Нижегородская контора «Продаметы» — 326, «Продпаровоз» — 361, «Проволока» — 250, «Гвоздь» — 141, РАЛО — 127, «Медь» — 83, «Кровля» — 52, РТТЦ — 52, РОСТ — 42.

Так как фонд «Продвагона» явно выделяется лучшей сохранностью исходного делопроизводственного комплекса и поэтому может служить своего рода эталоном документального состава делопроизводства сбытового монополистического объединения, выступающего в форме акционерного общества, мы остановимся на нем более подробно.

Прежде всего в нем достаточно полно представлены акты и нормативные материалы: устав общества и его контрагентские договоры.

Следующую группу материалов составляет отчетная и текущая документация руководящих органов общества: ежегодные отчеты и материалы общих собраний акционеров, протоколы заседаний совета и журналы технического совещания совета.

Весьма значительна по объему содержащаяся в фонде корреспонденция. Это прежде всего переписка общества с контрагентами. Ее темы: о заказах, конструкциях вагонов, ценах на вагоны, уравнивании средних цен, состоянии долевых счетов, условиях перезаключения контрагентских договоров, затем — переписка с Управлением железных дорог МПС и Комитетом по распределению железнодорожных заказов. И наконец, переписка со «смежным» монополистическим объединением — «Продпаровозом» и предпринимательскими организациями.

Но наибольшее место — примерно 70% объема фонда — занимает в нем учетная документация, главным образом различного рода ведомости: общего статистического учета производительности заводов, распределения заказов, состояния долевых счетов, стоимости изделий, их расценок, уравнивания средних цен и т. д. Другой формой учетной документации, представленной в фонде «Продвагона», являются книги регистрации (договоров общества, полученных им заказов и пр.). Здесь содержатся и различные материалы специального бухгалтерского учета. Наряду с главной и кассовой книгами в фонде «Продвагона» есть, например, «Расчетные книги с контрагентами».

Те же основные группы материалов представлены и в большинстве остальных фондов сбытовых монополий, но значительно менее комплексно. При этом наблюдается определенная закономерность: наиболее полно и систематично сохранились акты и нормативные материалы, а также отчетная документация. И напротив, хуже всего сохранилась переписка. Практически ее нет в фондах «Кровли», «Проволоки» и «Продаметы». Отсутствие переписки в последнем фонде лишь отчасти компенсируется наличием коллекции циркулярных писем в фонде Нижегородской конторы «Продаметы». Очень мало переписки в фондах «Меди», «Гвоздя», РТЦ и др. Исключение в этом отношении, кроме фонда «Продвагона», представляет только фонд «Продпаровоза».

Кстати сказать, наличие в фонде той или иной сбытовой монополии пресс-копий исходящих писем фондообразователя и адресованных ему подлинных писем его корреспондентов является

лучшим показателем того, что исследователь имеет дело с остатками реального делопроизводственного комплекса, а не с созданной в архиве коллекцией документов.

Остальные группы материалов лучше представлены в одних фондах, хуже — в других. Так, в фондах «Продпаровоза», «Продаметы», «Гвоздя», «Проволоки» содержатся комплекты протоколов руководящих органов этих обществ почти за все время их существования. В других фондах аналогичная документация носит гораздо менее систематический характер. Фонды «Меди» и РТТЦ бедны учетной документацией. Но и в тех фондах, где она имеется в обилии, сохранились лишь отдельные фрагменты некогда существовавших ее комплексов.

В результате систематический характер данных общего статистического учета оказался существенно нарушен. Поэтому далеко не всегда есть реальная возможность в полном объеме оценить движение заказов, состояние долей участия контрагентов. Но зачастую и тех данных, которые мы находим в отдельных таблицах, достаточно для установления объема распределявшихся синдикатами заказов, срочности их исполнения, соотношения сил между контрагентами.

Более или менее систематический характер носят представленные в фондах синдикатов ведомости вывода средних цен и комиссионного вознаграждения. Обязательные элементы таблиц средних цен были зафиксированы в ряде контрагентских договоров. Такова, например, программа таблицы из фонда «Продаметы» «Выводы средних цен на сортовое железо всех категорий за 1912 год»: завод-изготовитель, вес, общая сумма счетов, сумма провоза, скидки¹⁰. Периодичность подведения итогов по комиссионным расчетам была различная у синдикатов. Содержание ведомостей комиссионных отчислений сводилось к выявлению продаж каждого участника и расчету процентного отчисления и вознаграждения синдикату. При этом отдельные монополии могли иметь особенности, связанные с положением на рынке, организационной структурой. В синдикате «Продамета» комиссия рассчитывалась отдельно по каждому подсиндикату, а в обществе «Медь», например, расчеты усложнялись необходимостью выплаты вознаграждения за продажу торговому дому Voгау и К^о.

Кроме регламентированных контрагентским договором, в синдикатах составлялись для внутреннего пользования и для справок статистические сводки различного содержания. Для «Меди» это, например, сведения о производстве меди в России, сведения о поступлении заграничной меди, сравнения цен на медь, данные о реализации меди синдикатом¹¹, для «Проволоки» — премии покупателям, расчеты премий, выборки кредитованных премий¹², для РТТЦ — перечни обязательных к исполнению догово-

¹⁰ ЦГА СССР. ф. 1581, оп. 1, д. 51. Раскладка помесечная.

¹¹ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 53, 54.

¹² Там же, ф. 1564, оп. 1, д. 179.

ров с покупателями. Значительное число статистических данных сохранилось в фонде «Продаметы»: ведомости сроков исполнения заказов, сведения о заводах, входивших в общество, долях участия контрагентов за 1902—1915 гг., таблицы размеров вознаграждений за переборы и недоборы¹³.

Выступавшие довольно часто совместно по таким вопросам как казенные заказы, цены на вагоны и паровозы, монополистические союзы «Продвагон» и «Продпаровоз», составляли особые таблицы, предназначавшиеся для государственных ведомств. Это например, таблицы общей производительности вагоно- и паровозостроительных отделов заводов, ведомости общей стоимости изделий, итоговые данные по фактическому производству вагонов паровозов. Регулярно подводились итоги по поступлению заказов на вагоны, позволявшие следить за состоянием рынка. В условиях сырьевого и топливного кризиса в годы войны синдикаты «Продвагон» и «Продпаровоз» сконцентрировали в своих руках контроль за потребностью заводов в металле и необходимых изделиях. Это нашло, например, выражение в таблицах потребности заводов в соответствующем сырье, металле и в том числе в ведомостях заказов, переданных «Продамете»¹⁴.

Неудовлетворительная сохранность делопроизводственных материалов сбытовых монополий существенно влияет на расположение статистических данных относительно прочих документов фондов. Часть таблиц оказалась оторванной от писем, справок объяснявших их происхождение и предназначение.

В отличие от документов общего статистического учета материалы специального бухгалтерского учета представлены в фондах сбытовых монополий, как правило, гораздо хуже. Отрывочно сохранились книги специального бухгалтерского учета «Продаметы», «Меди», «Кровли». Зато в фонде «Гвоздя» на долю книг специального учета приходится около $\frac{1}{3}$ бумаг. Причем здесь сохранились не только книги правления, но и отделений общества. Целый ряд материалов связан с учетом счетов контрагентов, состоянием долевых счетов, расчетами по каждому контрагенту. Богат материалами бухгалтерского учета и фонд «Проволоки». При этом особое внимание обращает на себя книга личных счетов контрагентов, содержащая информацию о составе участников и кредите, предоставляемом им.

Наряду с имеющимися архивными фондами российских сбытовых монополий для их изучения имеют большое значение фонды предприятий-участников этих монополий. Перспективность привлечения таких фондов для исследования процессов монополизации народного хозяйства России уже доказана. Так, при изучении дея-

¹³ Там же, ф. 1581, оп. 1, д. 4. Значительное число статистических данных из ф. «Продаметы» опубликовано в сб.: Монополии в металлургической промышленности России (1900—1917 гг.).

¹⁴ Таблицы находятся в ЦГИА СССР (ф. 1517, оп. 1, д. 62, 113, 318; ф. 120, оп. 1, д. 323).

тельности синдиката «Продамета» были использованы соответствующие документы из фондов Товарищества ММЗ, обществ Коломенского завода, Богословского, Урало-Волжского, Сулинского, Таганрогского, Новороссийского, Брянского, Выксунских заводов и ряда других. Наряду с архивом «Меди» для исследования процессов синдицирования медной промышленности широко привлекались архивные фонды ряда обществ — участников различных монополистических объединений, в том числе общества Розенкранца, Богословского, Кыштымских заводов. Воссоздать картину картелирования ситцевых фабрик Москвы и Иваново-Вознесенска удалось на основе материалов товарищества Э. Циндель, Сампсоньевской мануфактуры, Куваевской, Александро-Невской, Тверской и других обществ.

Залогом успешности дальнейшего комплексного использования управленческой документации обществ-участников служит богатство целого ряда фондов акционерно-паевых обществ и товариществ, вочинных архивов с точки зрения документирования деятельности монополий. Обратимся к одному только фонду акционерного общества Коломенского завода, содержащему серию дел по синдикатам «Продамета», «Продвагон», «Продпаровоз», РОСТ, переписку с торговым домом «Трубопродажа», документацию о соглашениях заводов, изготовляющих дизельмоторы, материалы Совета мостостроительных заводов. Всего в фонде имеется около 70 объемных досье с прекрасно сохранившейся делопроизводственной документацией, отражающей деятельность российских бытовых монополий.

Значение документации обществ-участников для исследования процессов картелирования и синдицирования отечественной промышленности определяется положением контрагентов в системе бытовых монополий.

Участники картеля признавали права союзов лишь в вопросах назначения продажных цен и распределения рынков сбыта. Объем документов, отложившихся в их архивах и дающих возможность ознакомиться с деятельностью картеля или хотя бы свидетельствующих о его существовании, как правило, невелик. Это договоры, протоколы совещаний союзных обществ, таблицы выработанных цен.

Контрагент синдиката, сохраняя производственную самостоятельность, терял таковую в сфере сбыта синдицированных изделий вплоть до полной подконтрольности операций по продаже. С этим связана дублетность и синхронность управленческой документации обществ-участников, выражающей сбытовые операции, и соответствующей документации синдикатов.

Чтобы разобраться в составе и оценить информативные возможности документации синдикатов, сохранившейся в фондах их контрагентов, необходимо опираться на нормативы, лежавшие в основе деятельности соответствующих монополий. В архивах участников синдикатов откладывались следующие материалы: пе-

реписка по заказам (включая письма — запросы покупателей, ответы покупателям с рекомендацией непосредственно обратиться в сбытовое общество, наряды на исполнение заказов, запросы контрагентов в продажные бюро о ценах и сроках заказов, ответы синдикатов); материалы общего статистического учета (в том числе копии отправленных в бюро ведомостей поступивших, исполненных, сданных заказов, ведомостей нарядов и отпусков изделий, сведения обо всех сделанных отправлениях и таблицы ведомости, полученные от общества-монополии за соответствующими подписями, а также выписки из долевых счетов участников, ведомости общих количеств полученных заказов); документ и переписка об уплате штрафов и неустоек; переписка по заключению договоров; нотариальные копии контрагентских договоров; копии протоколов заседаний руководящих органов союзов, а также совещаний контрагентов. Если общество было контрагентом монополии, являвшейся акционерным обществом или паевым товариществом, оно автоматически становилось акционером или пайщиком синдиката и как таковое имело долю в основном капитале монополии, присутствовало на общих собраниях, получало из правления монополии соответствующую отчетную документацию, участвовало в ревизии отчетов и балансов. Такой участник приглашался в общее собрание синдиката по весткам, получал доклады, готовившиеся к собраниям, имел право на копию списка участников собрания и заверенную копию протокола общего собрания.

В ряде случаев досье, содержащие названные документы, выдвигались в архивах обществ структурно¹⁵, но далеко не всегда¹⁶. Материалы сбытовых союзов могли сохраняться и среди других документов архивов обществ-участников, например под рубрикой «Разная переписка». В кофирных книгах также обнаруживаются копии писем в управления, филиалы синдикатов, союзникам и пр. В одном из таких дел фонда товарищества Московского металлургического завода находятся, например, письма о переуступке акций «Гвоздя», по урегулированию переборов и недоборов в этом же синдикате¹⁷. А в кофирной книге товарищества сохранились отпуски писем в Московское, Бакинское, Ростовское отделения общества «Продамета», препроводительных к запросам клиентов, запросы об условиях и ценах заказов¹⁸.

Существование регулярных консультативных контактов между правлением участника и его заводской конторой оказывало некоторое влияние на состав досье синдикатов. Оно выражалось в до-

¹⁵ См., например, в фонде правления Коломенского завода (ЦГА г. Москвы ф. 318) «Дело с обществом „Продвагон“», «Дело с Советом паровозостроительных заводов», или «Паровозный совет», или «Совет мостостроительных заводов».

¹⁶ См. там же, ф. 318, оп. 1, д. 1463 («Дело с Управлением железных дорог»), д. 1740 («Семиреченская железная дорога») и т. д.

¹⁷ Там же, ф. 498, оп. 1, д. 559, л. 227.

¹⁸ Там же, д. 701, л. 51, 99, 103, 190.

полнительной переписке по запросам монополий. Проследить его можно на примере взаимоотношений между Правлением общества Коломенского завода и конторами Коломенского и Кулебакского заводов. Непосредственно с синдикатами переписывалось правление, но данные о расценках производимых изделий, их ценах, сроках исполнения, ходе выполнения заказов поступали из контор. Ведомости о состоянии заказов, бывшие элементарным звеном учетно-статистических операций синдикатов, составлялись на местах в конторах заводов. Правление, в свою очередь, информировало конторы об аннулировании заказов, о полученных ведомостях состояния долевых счетов (ведомости отсылались в конторы для проверки), о вопросах, обсуждавшихся в заседаниях советов монополий. Судя по отпускам препроводительных писем, копии протоколов заседаний руководящих органов синдикатов иногда отсылались в конторы.

Реальный состав бумаг синдикатов в фондах обществ-участников зависит от индивидуальных особенностей той или иной монополии, роли контрагента-участника в монополистическом союзе, точности следования инструкциям по делопроизводству и, наконец, от сохранности соответствующих архивов.

Основная часть интересующих нас документов идентична для всех участников одного синдиката. Это контрагентские или союзные договоры, протоколы общих собраний, заседаний советов, журналы правлений, доклады правлений, советов, протоколы собраний контрагентов, представителей заводов-участников, циркулярные письма, общие ведомости расчета комиссии и сводные ведомости состояния долевых счетов и некоторые другие, менее типичные документы. Из перечисленных материалов некоторыми индивидуальными чертами обладают контрагентские договоры, учитывавшие в своем тексте конкретные особенности соглашения с каждым участником.

Правильное понимание места материалов архивов обществ-участников в системе документирования деятельности сбытовых монополий и, в частности, синдикатов позволяет реконструировать частично утраченную управленческую документацию ряда монополистических союзов. Вместе с тем необходимо комплексное использование всего объема сохранившихся материалов с учетом их внутренней взаимосвязи.

В числе учреждений, с которыми монополистические союзы поддерживали регулярные деловые контакты, были прежде всего частные коммерческие банки. Не случайно именно в фондах частных коммерческих банков, оказывавших активную финансовую поддержку ряду монополистических объединений, участвовавших в делах этих союзов, была обнаружена управленческая документация ряда рапных монополистических объединений: союза рельсовых фабрикантов, соглашения мостостроительных заводов, союза фабрикантов рельсовых скреплений, союза заводов, изготовляющих железнодорожные принадлежности. Управленческая

документация монополий оказывалась в банках и благодаря посредничеству обществ-участников, имевших деловые контакты с банками. Именно через контрагента — Алексеевское горнопромышленное общество — попал в фонд Волжско-Камского банка так называемый красный договор «Продугля».

Делопроизводственная документация коммерческих банков, отражающая процессы монополизации, включает текущую управленческую документацию обществ-участников и монополий-фондообразователей (отчеты, уставы, справки о финансовом положении общества, протоколы руководящих органов, договоры, переписка); текущие делопроизводственные материалы правительственных учреждений; документы, представляющие собой результат деловых контактов между банками и промышленными обществами и в том числе монополиями; материалы, выражающие связи между банками (личная переписка руководителей банков, соглашения и др.). Необходимо подчеркнуть особое значение архивов коммерческих банков как центров хранения специфической банковской документации, отражающей их влияние на ход монополизации промышленности.

Широкие возможности для исследования монополизации промышленности открываются при обращении к управленческой документации государственных учреждений (центральных и местных) дореволюционной России. При этом необходимо учитывать существенное влияние юридического статуса монополистических союзов на характер и направления их связей с правительственными учреждениями. Целая система контактов была обязательна для синдикатов, легализовавшихся в форме акционерно-паевых предприятий. Неудивительно поэтому, что информация об их деятельности представлена в архивах соответствующих ведомств гораздо шире, чем о деятельности нелегальных монополий. Фонды учреждений являются одновременно хранилищами управленческой документации многих сбытовых союзов.

В фондах МТ и Пр. наряду с акционерными досье простых акционерных обществ¹⁹ отложились досье монополистических объединений, легализовавшихся в форме акционерных компаний. Причем здесь имеются досье и монополистических союзов, которым не удалось утвердиться в этой форме. Управленческая документация монополий в этих делах аналогична соответствующей документации простых акционерных компаний.

Среди материалов министерства находятся как досье синдикатов, архивные фонды которых сохранились, так и досье монополий, архивы которых утрачены. К последним относятся, например, Главное общество для продажи изделий русских зеркальных заводов, синдикаты «Жесть» и «Дрожжи», общества для продажи изделий русских трубопрокатных заводов и для продажи земледельческих машин и орудий («Урожай») и др.

¹⁹ См. об этом подробно главу 2 настоящей книги.

Значительные объемы управленческой документации синдикатов оказались в составе архивов правительственных учреждений в результате выяснения в годы войны национальной принадлежности акционеров, расследования монополистической деятельности союзов как следствие деловых связей между обществами и ведомствами. Особо выделяются материалы сенаторских ревизий. Ревизоры имели право копировать и изымать в управлениях обществ и синдикатов любые документы. Так, в ходе ревизии А. Б. Нейдгарта была собрана документация мостостроительных, вагоностроительных, паровозостроительных монополий, артиллерийского, судостроительного, стрелочного синдикатов. При этом материалы были в большинстве своем изъяты из архивов акционерно-паевых компаний — контрагентов монополистических союзов: обществ «Сормово», Коломенского завода, заводов Лильцон, Рау и Левенштейн, правления Брянского, Николаевского заводов и др. Некоторые документы, например, по соглашению мостостроительных заводов были конфискованы непосредственно в архивах монополий. В фонде ревизии отложилась такая управленческая документация синдикатов, как переписка по заключению и перезаключению соглашений, переписка по заказам, ведомости общего статистического учета поступивших и подлежащих получению заказов, протоколы заседаний правлений и советов синдикатов, проекты и тексты союзных и контрагентских договоров.

Управленческая документация синдикатов — «обществ для торговли» — регулярно откладывалась в архивах налоговых учреждений — казенных палат. В качестве примера можно назвать досье РОСТА из фонда Московской палаты, досье «Кровли», «Продугля», «Зеркального синдиката», «Меди», РТТЦ из фонда Петербургской казенной палаты.

Все многообразие документов, отложившихся в архивах высших, центральных и местных органов власти и отражающих историю синдицирования и картелирования отечественной промышленности, складывается из документов монополий-фондообразователей, предназначенных для правительственных учреждений или оказавшихся там случайно; делопроизводственных документов обществ-участников аналогичного происхождения; справок, ходатайств, жалоб обществ, частных лиц, покупателей, оценивающих или разоблачающих действия союзов монополистов, влияние монополий на рынок и цены; справок, отношений запросов с мест в центральные ведомства о монополиях; текущих документов государственных учреждений различного происхождения и состава (журналы, доклады, справки, взаимные запросы, анкеты, переписка, отчеты, торговая документация). Материалы текущего делопроизводства правительственных ведомств по содержанию зачастую перекрывают и дублируют друг друга, основываясь на информации, заложенной во входящих документах других фондообразователей.

Деловые контакты существовали между монополистическими

союзами и общественными организациями промышленников. Синдикаты были регулярными информаторами для Советов съездов, обществ заводчиков и пр. Они поставляли первичную информацию о состоянии производства в соответствующей отрасли производства, эволюции внутреннего рынка. Управленческая документация представительных организаций буржуазии содержит информацию об учреждении союзов, о планах создания монополий, о ценах на монополизированную продукцию, положении с сырьем и пр. Особое внимание привлекают материалы о конкурентной борьбе между отдельными группами промышленников и монополиями. Общественные организации буржуазии были той трибуной, на которой шла откровенная борьба между Югом и Уралом, привилегированными заводами и «обиженными», между монополиями за новых участников.

Определенная информация о деятельности монополий фиксировалась и в личных бумагах отдельных промышленников, осведомленных функционеров, чиновников и пр. Обращение к материалам личных архивов показало, что их особое значение для изучения процессов монополизации связано с характерным набором входящих бумаг различных корреспондентов и с частной документацией самого фондообразователя. Так, отложившаяся в них управленческая документация монополий в высшей степени избирательна и отражает такие коренные вопросы жизни обществ, как положение на рынке, политика цен, изменение состава участников. Личные документы фондообразователя фиксируют внимание на сюжетах, нехарактерных для делопроизводственных документов: личные связи и контакты, закулисная борьба между союзниками за влияние в монополии, тайные стороны соглашений, злоупотребления должностных лиц, состояние производства и его связь с политикой цен, вопросы частного кредита, личные увии и пр.

2. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВЫСШИХ ФОРМ МОНОПОЛИЙ И СРАЩИВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ С БАНКАМИ

Возникновение и развитие бытовых монополистических объединений — картелей и синдикатов — представляло собой лишь один из путей монополизации промышленности. Другой вел к образованию монополий иного типа: трестов и концернов. Монопольные позиции на рынке могли быть обеспечены не только посредством соглашения между конкурирующими предприятиями о сбыте производимой ими продукции, но также в результате вытеснения сильнейшим из них своих конкурентов или слияния нескольких предприятий в одно. Этот путь не обеспечивал столь полного охвата сбыта монополизуемой продукции, какой достигался обычно в России бытовыми объединениями, но в этом случае монополиям не грозили противоречия и раздоры между их участниками. К тому же, если картели и синди-

каты ограничивались устранением конкуренции лишь в области сбыта монополизированной продукции, оставляя своим участникам полную свободу в отношении условий ее производства, то тресты и концерны могли извлекать максимальные прибыли как за счет установления монопольно высоких цен, так и благодаря снижению издержек производства вследствие его комбинирования, т. е. соединения «в одном предприятии разных отраслей промышленности, представляющих собой либо последовательные ступени обработки сырья (например, выплавка чугуна из руды и переделка чугуна в сталь, а далее, может быть, производство тех или иных готовых продуктов из стали), — либо играющих вспомогательную роль одна по отношению к другой (например, обработка отходов или побочных продуктов; производство предметов упаковки и т. п.)»²⁰.

Простейшим примером монополии этого типа может служить акционерное общество, действовавшее под названием «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель». Еще в конце XIX в. эта фирма, сосредоточившая в своих руках добычу нефти, ее переработку, а также транспортировку, хранение и сбыт нефтепродуктов, заняла монопольные позиции в российской нефтепромышленности. Она представляла собой не что иное, как трест, организованный в виде акционерного общества²¹.

По такому пути, сочетавшему горизонтальное расширение производства с вертикальным его комбинированием, шло развитие и многих других предприятий. Так, основанное в 1873 г. Общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода первоначально владело одним заводом — Бежицким, занимавшимся преимущественно производством рельсов. В 1886 г. оно приступило к постройке металлургического завода на Юге России в Александровске. С пуском его в ход Бежицкий завод стал переходить на металлообработку и машиностроение. В первой половине 90-х годов Брянское общество приобрело собственные угольные шахты и права на разработку железных руд в районе Керчи, где вскоре оно начало строительство нового металлургического завода.

Однако рамки одного акционерного общества оказывались, как правило, слишком узкими для образования и дальнейшего развития таких крупных предприятий, которые могли бы претендовать на роль монополии. Выход был найден в так называемой системе участков, при которой фактическое слияние акционерных компаний достигалось посредством покупки одной компанией контрольного пакета акций другой, взаимного их обмена

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 312.

²¹ О Нобелевской монополии см.: *Бовыкин В. И.* Зарождение финансового капитала. М., 1967, с. 153—165, 196—199; *Нардова В. А.* Начало монополизации нефтяной промышленности России. Л., 1974, с. 18—42; *Дьяконова И. А.* За кулисами Нобелевской монополии. — Вопросы истории, 1977, № 9.

такими пакетами или в результате приобретения контрольных пакетов акций обеих компаний какой-либо третьей компанией. Открыв новые организационные формы обобществления капитала, «система участия» способствовала, по словам В. И. Ленина, «гигантскому увеличению власти монополистов»²². Она позволила создавать такие капиталистические предприятия, составные звенья которых действовали под вывеской независимых акционерных обществ. Благодаря ей стало возможно слияние акционерных обществ при сохранении их внешней самостоятельности, а расширение предприятия могло быть осуществлено при помощи создания юридически независимых дочерних обществ.

К учреждению за границей именно таких обществ прибегла, в частности, упоминавшаяся выше фирма Нобелей, вступив в конце XIX в. в борьбу за рынки Западной Европы. В дальнейшем она стала принимать участие и в российских акционерных компаниях.

Общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода к концу XIX в. также создало два дочерних общества, которым были переданы принадлежавшие ему угольные шахты и начатое им строительство Керченского металлургического завода.

В начале XX в. монополистические объединения, основанные на системе участия, заняли прочные позиции в ряде отраслей российской промышленности. Важную роль в этом сыграл предвоенный промышленный подъем, в ходе которого усилилась тенденция к комбинированию производства²³. О распространении системы участия накануне первой мировой войны свидетельствовало резкое увеличение числа компаний, получивших в 1910—1913 гг. разрешение приобретать акции других предприятий²⁴.

Организационные формы монополистических объединений, возникавших на основе системы участия, были различны.

Взаимное участие (путем обмена контрольными пакетами акций) практиковалось обычно при объединении однопрофильных и примерно равноценных предприятий. Оно сопровождалось установлением личной унии членов правлений и дирекций этих предприятий, в результате чего достигалось их подчинение единому финансовому и техническому руководству. Таково было происхождение трестов «Наваль-Руссуд», «Коломна-Сормово»²⁵ и некоторых других.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 346.

²³ Бовыкин В. И., Гарновский К. Н. Концентрация производства и развитие монополий в металлообрабатывающей промышленности в России. — Вопросы истории, 1957, № 2.

²⁴ Шенелев Л. Е. Акционерные компании в России, с. 281—284.

²⁵ Бовыкин В. И., Гарновский К. Н. Указ. соч.; Бовыкин В. И. Банки и военная промышленность России накануне первой мировой войны. — Исторические записки, 1959, т. 64; Шацлло К. Ф. Формирование финансового капитала в судостроительной промышленности Юга России. — В кн.: Из истории империализма в России. М.—Л., 1959; Он же. Русский

Но чаще объединения такого рода складывались вокруг одного предприятия, которое либо подчиняло себе ранее независимые общества, либо создавало внешне самостоятельные дочерние предприятия, либо сочетало и то и другое. В качестве примера можно указать на промышленные группы во главе с Обществом Путиловского завода (трест «Путилов-Невский») ²⁶, Товариществом нефтяного производства «Г. М. Лианозов и сыновья» (Лианозовский «концерн») ²⁷, Товариществом Невской ниточной мануфактуры (Ниточный трест) ²⁸ и многие другие.

В начале XX в. в России утвердилась и наиболее сложная форма монополистического объединения, основанного на системе участия, связующим звеном которого являлась так называемая «холдинг компани» — держательская (или контрольная) компания, специально создаваемая для сосредоточения контрольных пакетов акций объединяемых предприятий. Попытки создания подобных объединений предпринимались еще в конце 90-х годов XIX в. Но лишь в канун первой мировой войны была найдена наиболее отвечающая российским условиям форма их организации. Ее особенностью заключалась в том, что роль «холдинг компани» российских объединений играли общества, учрежденные за границей. Крупнейшими из организованных таким образом монополий были созданные в 1912 г. нефтяной трест «Рапен дженерал ойл корпорейшен» и в 1913 г. табачный трест «Рапен табакко компани» ²⁹.

Следует подчеркнуть, что монополистические объединения, основанные на системе участия, не могли бы возникнуть без активного содействия банков. Распространение таких объединений являлось проявлением процесса сращивания банков с промышленностью и образования финансового капитала.

Поскольку основу организационного устройства трестов и концернов составляла акционерная форма организации капиталистических предприятий, документирование их деятельности велось в полном соответствии с рассмотренными выше нормами акционерного делопроизводства. Однако, сохраняя прежнюю, сложившуюся еще в домонополистическую эпоху форму, делопроизводственные материалы акционерных обществ, представлявших

империализм и развитие флота. М., 1968, с. 226—265; *Эпштейн Н. П.* К истории концерна «Коломна—Сормово». — Учен. зап. Горьковского пед. ин-та им. Горького, 1966, вып. 61; *Голиков А. Г.* Образование монополистического объединения «Коломна—Сормово». — Вестник Московского ун-та, 1971. Сер. IX. История, № 5.

²⁶ *Бовыкин В. И.* Банки и военная промышленность России.

²⁷ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883—1914. М.; Л., 1961, с. 727—728.

²⁸ *Крузе Э. Э.* Табачный и ниточный тресты. — В кн.: Из истории империализма в России. М.; Л., 1959.

²⁹ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, с. 730—732; *Крузе Э. Э.* Указ. соч., с. 58—68.

собой монополистические объединения или их составные части, своим содержанием отражали качественно новый уровень обобществления производства, достигнутый в результате превращения конкуренции в монополию. Характеризуя положение, сложившееся к 1917 г. в нефтяной промышленности, где наряду со сбытовыми монополистическими объединениями наибольшее развитие получили монополии типа трестов и концернов, В. И. Ленин писал: «Возьмите нефтяное дело. Оно „обобществлено“ уже предшествующим развитием капитализма в гигантских размерах. Пара нефтяных королей — вот кто ворочает миллионами и сотнями миллионов, занимаясь стрижкой купонов, собиранием сказочных прибылей с „дела“, уже организованного фактически, технически, общественно в общегосударственных размерах, уже ведомого сотнями и тысячами служащих, инженеров и т. д.»³⁰.

Совершенно очевидно, что информация, содержащаяся в делопроизводственных материалах такого, например, акционерного общества, как Товарищество братьев Нобель, сосредоточившего в своих руках к кануну первой мировой войны более половины сбыта керосина в России, имела не локальный, а общероссийский характер. Общегосударственные масштабы деятельности этого акционерного общества, представлявшего собой фактически монополистическое объединение трестовского типа, обуславливали и соответствующую масштабность информации, документированной в его делопроизводстве.

Для господства на рынке обществу были необходимы, в частности, подробные сведения о состоянии нефтяной промышленности в России и рыночной конъюнктуре. Удовлетворению этой потребности служил специальный статистический отдел, концентрировавший и перерабатывавший такую информацию. Результаты выполнения им своих функций находили выражение в различного рода справках и обзорах, характеризующих динамику развития добычи и переработки нефти, потребления нефтепродуктов и т. д. Большое количество подобных материалов содержится в хранящихся в советских архивах остатках делопроизводственных комплексов правления общества и его отделений. Естественно, что и отчетные материалы общества, в том числе ежегодные отчеты его правления, отражали в той или иной степени положение в нефтяной промышленности в целом по стране. Это было характерно и для материалов делопроизводства других монополистических объединений типа треста или концерна.

Поскольку даже тресты, не говоря уже о концернах, действовали, как правило, в виде целых групп формально самостоятельных акционерных обществ, системы документирования деятельности таких монополистических объединений представляли собой сложные комплексы, слагавшиеся из делопроизводственных систем отдельных предприятий, входивших в эти объединения.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 169.

Вот почему путь к познанию механизма функционирования монополистического объединения, основанного на системе участия, лежит через изучение документальных материалов его составных частей, взятых в их совокупности. Именно так были выявлены и исследованы упоминавшиеся выше тресты «Путилов-Невский», «Наваль-Руссуд», «Коломна-Сормово». Удовлетворительная сохранность делопроизводственных материалов машиностроительных, нефтепромышленных, табачных, текстильных предприятий обеспечивает возможность достаточно детального изучения процессов зарождения и становления высших форм монополистических объединений в этих отраслях промышленности. Гораздо сложнее условия для их изучения применительно к предприятиям горно-металлургической промышленности Юга России, богатейшие архивные фонды которых оказались почти полностью утрачены в годы Великой Отечественной войны. В этом, в частности, причина того, что вопрос о создании металлургического треста на Юге России до сих пор остается исторической загадкой³¹.

Но у исследователя высших форм монополий остается еще один путь изучения их истории. Дело в том, что монополистические объединения, основанные на системе участия, представляли собой такую форму обобществления производства, которая сложилась в условиях начавшегося сращивания промышленного капитала с банковским. Переход банков к финансированию промышленности, выработка ими организационных форм контроля за финансируемыми предприятиями послужили необходимыми предпосылками появления монополистических объединений, основанных на системе участия. Создание подобных объединений, даже если они вырастали из крупного, доброго до монополии промышленного предприятия (такого, например, как Товарищество братьев Нобель), не обходилось без помощи банков. Чаще же они были прямым результатом их действий. Чтобы не допустить конкуренции между финансируемыми ими однородными или смежными промышленными предприятиями, банки связывали их взаимным участием, на базе которого в дальнейшем достигалось либо производственное кооперирование этих предприятий, либо разделение труда между ними. В результате внутри «сфер интересов» крупнейших банков, наиболее активно занимавшихся финансированием промышленности, стали формироваться монополистические объединения, основанные на системе участия. Таковы были трест «Наваль-Руссуд» в «сфере интересов» Международного банка, военно-промышленная группа во главе с Обществом Путиловского завода в «сфере интересов» Русско-Азиатского банка и др.

Подобные же последствия имели место и в тех случаях, когда

³¹ *Гэфтер М. Я.* Борьба вокруг создания металлургического треста в России в начале XX в. — Исторические записки, 1954, т. 47.

банки, финансировавшие конкурировавшие предприятия, договаривались между собой об их объединении на основе взаимного участия. Именно таким образом, в результате соглашения между Международным и Учетно-ссудным банками возник трест «Коллома-Сормово», о котором говорилось выше.

Если вошедших в соглашение банков было несколько и создаваемое ими объединение насчитывало большое число предприятий, то для осуществления контроля над ними создавалось специальное общество. Этот прием был применен, в частности, при создании группой российских банков накануне первой мировой войны нефтяного и табачного трестов.

Сращивание банков с промышленностью, превращение их из скромных посредников в осуществлении платежей во всеильных монополистов денежного рынка, в руках у которых сосредоточиваются рычаги финансового контроля над решающими звеньями народного хозяйства страны, обусловили первостепенную значимость материалов банковского делопроизводства для изучения процессов формирования и развития монополистического капитализма. Раскрывая новую роль банков в эпоху империализма, В. И. Ленин обращал внимание на то, «как с концентрацией капитала и ростом оборотов банков изменяется коренным образом их значение». Он писал: «Ведя текущий счет для нескольких капиталистов, банк исполняет как будто бы чисто техническую, исключительно подсобную операцию. А когда эта операция вырастает до гигантских размеров, то оказывается, что горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность — через банковские связи, через текущие счета и другие финансовые операции — сначала *точно узнавать* состояние дел у отдельных капиталистов, затем *контролировать* их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита, и наконец *всецело определять* их судьбу, определять их доходность, лишать их капитала или давать возможность быстро и в громадных размерах увеличивать их капитал и т. п.»³²

Дошедшие до нас делопроизводственные материалы крупнейших российских банков служат прекрасной иллюстрацией этих слов.

Представление банком крупных кредитов какому-либо промышленному обществу или размещение им новых выпусков его акций всегда были связаны со сбором разнообразной информации об этом обществе. В результате в архив банка попадали уставы, отчеты, балансы акционерных обществ, справки об их финансовом положении. Учреждение новых акционерных обществ производилось, как правило, лишь после изучения их перспектив путем консультации со специалистами, а иногда и посылки на место сооружения будущих промышленных предприятий компетентной

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 330—331.

комиссии. Полученные материалы также откладывались в соответствующих досье. Появление в архиве того или иного банка такого рода информационных материалов — явное свидетельство возникновения у него интереса к промышленным «делам».

От сбора информации, если она была благоприятной, банк переходил к реализации «дела». В этом случае в его архиве оставалась довольно значительная по объему переписка, связанная с организацией и деятельностью банковского консорциума, гарантирующего размещение выпускаемых акций³³. Часто из такой переписки мы можем узнать, в чьих руках оказались эти акции.

Осуществление банком учредительно-эмиссионных операций обычно вело к более или менее длительному участию банка в тех обществах, размещением акций которых он руководил. В результате приток информации о деятельности этих обществ приобретал постоянный характер. В тех случаях, когда банк вводил в управление финансируемых им предприятий своих представителей, все пересылавшиеся им материалы оседали в архиве банка. Вот почему в банковских фондах можно обнаружить целые комплекты протоколов общих собраний акционеров и заседаний правлений многих акционерных обществ.

С усилением заинтересованности банка в том или ином обществе постепенно меняется характер отложившейся в его архиве документации, относящейся к этому обществу. Чисто информационные материалы как бы отходят на второй план. Их оттесняют документы, порожденные финансовыми отношениями между банком и обществом: переписка по кредитам, различные денежные обязательства общества, сведения о его задолженности банку и т. п. В архиве банка появляются и такие документы, которые явно свидетельствуют о том, что именно здесь, в банке, решаются важнейшие вопросы деятельности общества: черновики писем, отправленных правлением общества, проекты заключенных им соглашений и т. п.

Сращивание банков с промышленностью, внедрение их в промышленное и сельскохозяйственное производство видоизменяло структуру банковских операций. Зарождение интереса российских коммерческих банков к сфере производства в 90-е годы XIX в. нашло выражение прежде всего в резком увеличении кредитования товарооборота, главным образом в форме учета векселей, наряду с которым начал получать развитие и непосредственно подтоварный кредит (ссуды под обеспечение товарами). Как известно, в той мере, в какой учет векселей и ссуды под товары служили восполнению оборотного капитала, они выполняли функции промышленного кредита. Вместе с тем развивались и специальные операции по кредитованию промышленности (корреспондентские счета «лоро» под векселя и товары). Наконец, уже в это время важное место среди активных опера-

³³ В России такие консорциумы часто назывались «синдикатами».

ций акционерных коммерческих банков заняли различные формы финансирования промышленности (покупка промышленных ценностей, предоставление онкольных ссуд под негарантированные ценные бумаги, эмиссионно-синдикатские операции, проводившиеся по корреспондентским счетам «лоро», обеспеченным негарантированными ценностями). В годы промышленного подъема накануне первой мировой войны эти операции становятся главной статьей актива акционерных коммерческих банков, оттеснив на второе место учет векселей.

Делопроизводственные материалы коммерческих банков являются источником первостепенного значения для изучения процессов сращивания промышленности с банками. Они содержат в себе такую информацию, которая позволяет увидеть важнейшие проявления формирования и функционирования монополистических объединений, основанных на системе участия.

К сожалению, дошедшие до нас делопроизводственные банковские материалы представляют собой лишь отдельные фрагменты некогда существовавших комплексов текущего делопроизводства и архивов российских коммерческих банков. Причем материалы ряда банков оказались утрачены почти полностью. Саботаж банковскими служащими мероприятий Советской власти по передаче материалов национализированных частных банков их преемнику — Народному банку, хищения и уничтожение этих материалов в первые годы после революции, в условиях гражданской войны, разрухи, нехватки топлива и «бумажного голода», их гибель в результате хранения в непригодных помещениях и наводнения 1924 г. в Ленинграде, когда были затоплены подвалы, в которых находились архивы банков, — все это привело к весьма значительным документальным потерям.

Передаче в архив Народного банка подлежали материалы ликвидированных частных банков лишь за 1907—1917 гг. Но и они не могли быть по условиям того времени сконцентрированы в одном месте и в значительной своей части хранились в прежних помещениях. Лишь в 1923 г. эти материалы, переданные Отделу международных расчетов Народного комиссариата финансов (НКФ), были сосредоточены в его архиве. С 1924 г. Центрархив начал работу по выявлению и концентрации архивных материалов частных банков, остававшихся в занимаемых ими прежде зданиях или оказавшихся в других помещениях. В 1936 г. Центральному архивному управлению были переданы и материалы, находившиеся в распоряжении у Отдела международных расчетов НКФ³⁴.

³⁴ Семенова М. С., Хомикова Г. С. Комплектование ЦГИА СССР в Ленинграде документальными материалами по истории финансов, промышленности и торговли. — Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР, 1958, № 10; Шепелев Л. Е. Архивные фонды акционерных коммерческих банков. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1959, т. VII.

Таким образом фонды российских коммерческих банков в архивах СССР были образованы из разрозненных остатков некогда существовавших документальных комплексов. Большая их часть сосредоточена в ЦГИА СССР. Это — фонды крупнейших российских коммерческих банков, правления которых находились в Петербурге: Петербургского Международного, Русско-Азиатского, Русского для внешней торговли, Азовско-Донского, Волжско-Камского, Петербургского Частного, Петербургского Учетного и ссудного, Русского Торгово-промышленного, Сибирского. Здесь же находятся фонды ликвидированных в 1910 г. Русско-Китайского и Северного банков, а также целого ряда мелких банков, возникших накануне и в годы первой мировой войны. Фонды московских банков — Московского Купеческого, Московского Учетного, Соединенного и др. — хранятся в ЦГА г. Москвы. Из столичных банков, просуществовавших до 1917 г., не оставил никаких архивных следов лишь Московский Торговый банк.

Однако многие из существующих банковских фондов не дают возможности составить сколько-нибудь всестороннее представление о деятельности соответствующих банков. Это относится не только к фондам ряда второстепенных банков, насчитывающим всего по несколько десятков единиц хранения, но также и к более значительным по объему фондам некоторых крупных банков. Так, фонд Русского для внешней торговли банка не содержит ни ежегодных отчетов, ни материалов общих собраний акционеров, ни протоколов правления или совета.

Материалы по операциям, отложившиеся в фонде, носят отрывочный характер. Почти полностью отсутствуют документы за период до 1910 г.

В фондах Петербургских Учетного и Ссудного, Русского Торгово-промышленного, Волжско-Камского и Сибирского банков содержатся достаточно полные комплекты некоторых типов делопроизводственной документации — ежегодных отчетов, списков акционеров и др. — за время существования этих банков, что позволяет извлечь систематическую информацию об их наиболее важных чертах и результатах деятельности. Что же касается материалов по операциям и другим документам, то они и здесь представлены весьма фрагментарно.

Исключительный интерес представляют фонды Петербургского Международного, Русско-Азиатского, Азовско-Донского, Северного и Петербургского Частного банка. Первый из них содержит уникальную коллекцию переписки дирекции банка по основным направлениям его деятельности за 90-е годы XIX в. Хорошо сохранились и материалы по операциям банка за этот период. Единственный серьезный пробел в документации банка, относящийся к 90-м годам, — это отсутствие протоколов совета и правления. К сожалению, материалы за другие периоды деятельности банка, в частности за 1900—1917 гг., оказались почти полностью утрачены.

Другая исключительная по своей сохранности коллекция банковской документации — это фонд Русско-Азиатского банка за период с 1910 по 1917 г. Основную ее ценность составляют материалы по операциям банка, сохранившиеся почти без пробелов. Хуже представлена здесь переписка дирекции. Совсем отсутствуют протоколы руководящих органов банка.

В фонде Петербургского Частного банка материалы по операциям представлены преимущественно с 1910 г. Но зато в этом фонде сохранились протоколы правления банка за весь период его существования.

Для изучения периода кризиса и депрессии особую ценность представляют материалы фондов Азовско-Донского и Северного банков, лучше сохранившиеся в отличие от других банковских фондов именно за этот период.

Из фондов московских банков отличается наибольшей систематичностью отложившейся документации фонд Московского Купеческого банка.

Фрагментарный характер дошедших до нас остатков делопроизводственных комплексов российских коммерческих банков обуславливает невозможность воссоздания общей картины процесса их сращивания с промышленностью путем изучения его конкретных проявлений. В связи с этим особое значение среди банковских материалов³⁵ имеют те, в которых документируются не единичные факты деятельности банка, а их суммарные результаты. Такова прежде всего отчетная документация.

Представляя собой по своей организации акционерные компании, крупнейшие российские банки были обязаны соблюдать установленные законом правила о публичной отчетности акционерно-паевых предприятий. Это проявлялось, в частности, в процедуре ежегодного утверждения на общих собраниях акционеров банков их отчетов за истекший операционный год. Подготовленные правлением банка тексты таких отчетов обычно печатались типографским способом (в виде брошюр) тиражом, определявшимся, вероятно, числом акционеров, которые являлись на общие собрания. В результате они сохранились лучше, чем другая банковская документация. Их комплекты отложились не только в архивах, но и в некоторых библиотеках³⁶. В значительно сокращенном виде материалы этих отчетов публиковались затем в «Вестнике финансов».

Отчеты крупнейших российских акционерных коммерческих банков как по своей внешней форме, так и по внутренней структуре были неодинаковы. Однако общность функций этих банков в значительной мере предопределяла принципиальное единообра-

³⁵ Обстоятельное описание этих материалов см. в упомянутой статье Л. Е. Шепелева (*Шепелев Л. Е.* Архивные фонды акционерных коммерческих банков).

³⁶ В частности, во Всесоюзной Гос. б-ке им. В. И. Ленина в Москве и в Публичной гос. б-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

зие документирования выполняемых ими операций. Этому отчасти способствовало российское законодательство, регламентировавшее состав и порядок ведения основных банковских документов, а также усилия созданного в 1873 г. Комитета съезда представителей акционерных коммерческих банков, который стремился добиться устания единых форм отчетов и балансов в интересах создания общероссийской кредитной статистики. Поэтому можно говорить об общих элементах отчетов российских акционерных коммерческих банков, отражающих главные направления их деятельности.

Таким элементом был баланс, который характеризовал состояние счетов банка на момент окончания операционного года. Кроме того отчеты обязательно содержали сведения об оборотах по статьям баланса и счет прибылей и убытков за истекший год, а также перечень принадлежащих банку на конец года ценных бумаг с их оценкой по курсовой стоимости.

Еще в 70-х годах XIX в. Комитетом съезда представителей акционерных коммерческих банков была предпринята попытка издания на основе банковских отчетов сводных материалов об операциях российских акционерных коммерческих банков. В течение 1877—1886 гг. были опубликованы такие материалы за период с 1874 по 1881 г., после чего это издание прекратилось.

Лишь с середины 90-х годов Комитет вновь активизировал свою деятельность по сбору и публикации справочно-статистических сведений о российских коммерческих банках. В 1895 г. он приступил к изданию сводных балансов акционерных коммерческих банков и обществ взаимного кредита. Сводные балансы акционерных коммерческих банков издавались им ежемесячно до середины 1917 г.³⁷, а сводные балансы обществ взаимного кредита — на 1 января и 1 июля каждого года до середины 1915 г.³⁸ Сводный баланс акционерных коммерческих банков содержал подробную разработку основных статей актива. Учетная операция включала: 1) учет векселей с двумя и более подписями, 2) учет вышедших в тираж ценных бумаг и текущих купонов, 3) учет соловокселей, обеспеченных: а) ценными бумагами, товарами и товарными документами и б) недвижимым имуществом. Ссудная операция подразделялась на ссуды под залог: а) государственных и гарантированных ценных бумаг, б) негарантированных ценных бумаг, г) драгоценных металлов, а также ссуды в форме специального текущего счета с обеспечением: а) государственными и гарантированными ценными бумагами, б) негарантированными ценными бумагами, в) векселями, г) товарами и товарными документами. Корреспондентские счета «лоро»

³⁷ Сводный баланс акционерных банков коммерческого кредита, действующих в России на 1895—1916 гг. СПб. (Пг.), 1895—1916.

³⁸ Сводный баланс обществ взаимного кредита, действующих в России на 1895—1916 гг. СПб. (Пг.), 1895—1916.

также были разделены по формам их обеспечения. Все эти сведения давались по каждому банку и сводились в общий итог.

С 1898 г. началось также издание сводных балансов городских банков на 1 января каждого года³⁹.

Кроме того, в 1896 г. Комитет выпустил под редакцией своего тогдашнего секретаря А. К. Голубева справочник «Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях». Он содержал, в частности, следующие данные о каждом акционерном коммерческом банке: дата открытия действий, местонахождение, отделения, капиталы, номинальная и курсовая стоимость акций, чистая прибыль и дивиденд за последние 3 года, составы правления и совета, перечень производимых операций. В приложении к нему публиковался сводный баланс акционерных коммерческих банков на 1 января 1895 г. Это издание было задумано как ежегодное, но уже с третьим его выпуском произошла задержка: он вышел в 1899 г. А четвертый, оказавшийся последним, увидел свет только в 1908 г. В дальнейшем Комитет ограничился лишь продолжением начатого в 1907 г. издания в той же серии «Русские банки» перечня городов и селений, в которых находились те или иные кредитные учреждения⁴⁰.

Однако почин, положенный Комитетом съезда представителей акционерных коммерческих банков, был подхвачен частными издателями, выпустившими в 1896—1916 гг. целый ряд справочников, достаточно полно характеризующих российские банки⁴¹.

В середине 90-х годов Комитет начал подготовку еще одного издания, которое должно было дать картину развития операций акционерных коммерческих банков за определенный период. Первый том этого издания вышел в 1904 г. под названием «Статистика краткосрочного кредита. Операции акционерных банков коммерческого кредита». Он содержал сведения за 1894—1900 гг. и состоял как бы из двух частей. В первой части помещались погодно ежемесячные балансы акционерных коммерческих банков, их своды за год, а также своды оборотов по операциям и счета прибылей и убытков за соответствующие годы. Во второй части публиковались итоговые данные о состоянии оборотов по основ-

---

³⁹ Сводный баланс городских общественных банков на 1898—1911 гг. СПб. 1898—1911.

⁴⁰ За 1907—1912 гг. см.: Русские банки. Перечень городов и селений, в коих находятся кредитные учреждения и их филиальные отделения к... г. СПб. 1907—1912; за 1914—1916 гг.: Русские банки в... году. Полный перечень городов и селений, в коих находятся кредитные учреждения, элеваторы Государственного банка и нотариусы. Пг., 1914—1916.

⁴¹ *Варшавский Л. М.* Банки и банкирские конторы Российской империи. Одесса, 1896, ч. 1—2; 2-е изд. М., 1910; *Евзлин З. П.* Банки и банкирские конторы в России. СПб., 1904; *Макаров А. Ф.* Банки и кредитные учреждения. СПб., 1913—1915. Сведения о банках содержали также многие справочники об акционерно-паевых предприятиях.

ным операциям акционерных коммерческих банков в 1894—1900 гг., а также подсчет прибылей и убытков за этот период.

Следующий, второй том был посвящен операциям акционерных коммерческих банков в 1901—1908 гг. Но в опубликованной в 1910 г. первой его части содержались лишь ежемесячные балансы и их своды по каждому году, а вторая часть так и не увидела свет.

Не завершив это издание, Комитет дополнил его публикацией в 1912 г. результатов разработки важнейших операций акционерных коммерческих банков за 1901—1910 гг. Эта публикация была осуществлена в двух выпусках, один из которых посвящался пассивным операциям («Текущие счета, вклады и задолженность акционерных коммерческих банков за десятилетие 1901—1910 гг.»), а другой — активным операциям («Учетно-ссудные операции акционерных коммерческих банков за десятилетие 1901—1910 гг.»). Однако группировка учетно-ссудных операций по формам предоставления кредита и видам его обеспечения оказалась в ней гораздо менее детальной, чем при публикации сводных балансов.

В том же 1912 г. Комитетом было начато издание ежегодника, в котором публиковались цифровые данные о деятельности акционерных коммерческих банков в России за предшествующий год. Первый его выпуск — за 1911 г.⁴² — содержал свод оборотов по операциям, а также счет прибылей и убытков. Данные приводились по каждому банку с подведением общих итогов. Кроме того, в выпуске были опубликованы сведения о ценах на акции российских акционерных коммерческих банков на петербургской бирже в 1911 г. и балансовые данные о движении банковских операций в России с 1865 по 1912 г.

Следующие четыре выпуска⁴³ издавались по более широкой программе. Все цифры давались не на один, а на два года: тот, которому был посвящен выпуск, и предыдущий. Кроме свода оборотов по операциям и счета прибылей и убытков, эти выпуски содержали показатели, характеризующие деятельность каждого банка в данном году в сравнении с предыдущим (положительная или отрицательная разница сумм операций за два года) и сравнительно с деятельностью всех российских акционерных коммерческих банков (% от общей суммы по России). В них публиковались также сведения о ценах на акции за соответствующий год и ежегодные сводные балансы акционерных коммерческих банков начиная с 1865 г.

В итоге при крайне неудовлетворительной сохранности делопроизводственных документов российских банков в нашем рас-

⁴² Деятельность русских акционерных коммерческих банков в цифровых данных за 1911 г. СПб., 1912.

⁴³ Они были опубликованы под слегка измененным названием: Русские акционерные коммерческие банки по цифровым данным за... год. СПб. — (Пр.), 1913—1916.

поряжении имеется неплохой сводный статистический материал, позволяющий судить об основных тенденциях в развитии операций российских акционерных коммерческих банков в конце XIX—начале XX в.

3. ВЫЯВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ МОНОПОЛИЙ И ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА В РОССИИ И ИХ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА

Источниковедческая разработка материалов по истории монополизации российской промышленности и ее срачивания с банками находится еще в своей начальной стадии, когда усилия исследователей направлены главным образом на выявление таких материалов, и ими решаются преимущественно эвристические задачи.

До Великой Октябрьской социалистической революции было опубликовано немало книг и особенно журнальных и газетных статей, в которых речь шла о монополиях в России. Но, во-первых, в подавляющем большинстве они носили публицистический или теоретический характер. Во-вторых, на них явно наложился отпечаток то своеобразное положение, в котором находились российские монополии. В результате эти книги и статьи при изложении в них каких-либо фактов обычно не содержали ссылок на источники. Одно из немногих исключений составляло исследование Л. Б. Кафенгауза «Синдикаты в русской железной промышленности. К вопросу о концентрации производства в России» (М., 1910). Автор его не только использовал документы монополий, но и опубликовал некоторые из них. Однако обращает на себя внимание то, что опубликованные им документы — соглашения проволочных и гвоздильных фабрикантов 1886 и 1890 гг., а также контрагентский договор синдиката «Проволока» — представляли монополистические объединения во второстепенной отрасли промышленности. Когда же в 1914 г. был опубликован А. Э. Вормсом текст типового договора «Продаметы» с ее контрагентами, то из него оказалось выпущено несколько параграфов, «не подлежащих оглашению»⁴⁴.

Этими документами, а также уставами легализованных синдикатов и их балансами, опубликованными в «Собрании узаконений» и в «Вестнике финансов», ограничивался фонд доступных для исследования материалов монополий, унаследованных советскими историками от дореволюционной литературы и периодической печати. Он был несколько пополнен благодаря публикации А. Д. Брейтерманом в 1930 г. ряда монополистических соглашений о продаже меди в России, извлеченных им из личного архива⁴⁵. Дальнейшее расширение этого фонда было результатом

⁴⁴ Вормс А. Э. Источники торгового права. М., 1914, с. V, 386—398.

⁴⁵ Брейтерман А. Д. Медная промышленность СССР и мировой рынок. Л., 1930, ч. 3. Приложения.

архивных поисков, предпринятых советскими историками уже в послевоенное время. Начало им положил П. И. Лященко, который обнаружил и опубликовал в 1946 г. контрагентский договор «Продаметы». В дальнейшем усилиями целого ряда исследователей, занимавшихся в 50—60-х годах XX в. изучением российских монополий, было выявлено большое количество документов, возникших непосредственно в процессе деятельности монополистических объединений или явившихся результатом ее отражения в делопроизводстве взаимодействующих с ними капиталистических предприятий и государственных учреждений. Этому способствовала проведенная в архивах систематизация фондов монополистических объединений, банков и акционерных обществ. Многие из обнаруженных тогда документов опубликованы⁴⁶. Другие введены в научный оборот в исследованиях⁴⁷. Итогом специальной работы по выявлению с целью публикации документальных комплексов, раскрывающих историю монополий в России, явились два тематических сборника: «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России» (М.; Л., 1961; Л., 1973) и «Монополии в металлургической промышленности» (М.; Л., 1963).

Выявленный архивный материал, содержащий, в частности, информацию о многих неизвестных ранее монополистических объединениях, внес существенные коррективы в прежние представления об этапах становления и развития монополий в России, охвате ими отраслей народного хозяйства и их организационных формах. Благодаря ему значительно продвинулось вперед как изучение конкретных форм процесса монополизации, так и осмысление его общих закономерностей.

Главными объектами исследований первоначально были крупнейшие сбытовые монополистические объединения начала XX в. в металлургии и топливной промышленности — синдикаты «Продамета», «Продуголь» и др. Документы, извлеченные из архивов, позволили увидеть то, что раньше было скрыто под покровом тщательно оберегающейся «коммерческой» тайны: методы борьбы синдикатов за господство на рынке, применявшуюся ими при этом политику цен и производства. Они расширили также возможности изучения отношений между синдикатами и правительством. Это определило центральные проблемы литературы 50-х годов XX в., посвященной монополиям в России.

Постепенно по мере выявления документального материала, раскрывающего деятельность неизвестных или мало известных ранее монополистических объединений, внимание исследователей распространилось и на другие отрасли промышленности, в том

⁴⁶ Материалы по истории СССР, т. VI; Исторический архив, 1960, № 3, с. 126—142; Исторические записки, 1965, т. 78, с. 231—271.

⁴⁷ Их перечень см. в кн.: *Тарновский К. Н.* Советская историография российского империализма. М., 1964.

числе машиностроение и текстильное производство. Расширились также хронологические рамки исследований, включив 80—90-е годы XIX в. — период зарождения российских монополий. Вместе с тем стали возникать сомнения в справедливости господствовавшего в то время в литературе мнения Лященко о том, что монополии в России, за исключением лишь действовавших в ее нефтяной промышленности, не доросли до высших форм — трестов и концернов. С конца 50-х годов изучение высших форм монополий заняло заметное место среди исследований истории российского монополистического капитализма. В связи с этим возрос интерес к процессам сращивания промышленности с банками.

Проблема взаимоотношений банков и промышленности в России занимала одно из центральных мест в советской историографии российского империализма в 20-е годы. Хотя опубликованные тогда работы построены преимущественно на материалах периодической печати и некоторых других дореволюционных изданий, их авторы пытались привлечь и архивы. Особенно интересна в этом отношении книга И. Ф. Гиндина «Банки и промышленность в России» (М.; Л., 1927), где впервые использованы архивные документы акционерных коммерческих банков — Азовско-Донского и Петербургского учетного и ссудного. Опубликованные в этой книге таблицы, составленные на основе бухгалтерских книг, месячных сводок и деловой переписки банков, до сих пор остаются лучшим примером статистической обработки банковской документации.

Гиндину принадлежит также заслуга составления сводной статистики, характеризующей кредитную систему России в 1875—1914 гг. На основе упоминавшихся выше изданий Комитета съезда представителей акционерных коммерческих банков и некоторых других публикаций им были систематизированы ежегодные показатели основных пассивов и активов акционерных коммерческих банков и других кредитных учреждений (Государственного банка, обществ взаимного кредита, биржевых и городских банков) за весь этот период. Кроме того, Гиндиным была осуществлена более подробная разработка данных, характеризующих ресурсы и операции российских кредитных учреждений как по отдельным их видам, так и в территориальном разрезе на 1 января 1881, 1893, 1900, 1908 и 1914 гг.

Результаты этой работы опубликованы в качестве статистических приложений к монографии И. Ф. Гиндина «Русские коммерческие банки» (М., 1948).

С середины 50-х годов XX в. исследователи вновь стали обращаться к архивным фондам российских акционерных коммерческих банков. Уже первые их шаги принесли исключительно интересные находки⁴⁸. Результаты развернувшегося затем изучения

⁴⁸ См. публикации документов, обнаруженных в банковских фондах в кн.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социа-

этих фондов нашли свое выражение в документальных публикациях «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России» (1883—1914 гг. — М.; Л., 1961; 1914—1917 гг. — Л., 1973) и «Монополии в металлургической промышленности России» (М.; Л., 1963), а также в целом ряде исторических исследований.

Таковы были пути выявления документального и статистического материала, служащего исторической основой современных представлений о процессах монополизации российской промышленности и ее сращивания с банками. Активизация изучения этих процессов выдвинула и ряд источниковедческих проблем. Прежде всего она побудила архивистов ускорить работу по концентрации, систематизации и описанию отложившихся в архивах остатков делопроизводственных комплексов российских монополий и банков. Такая работа могла быть осуществлена только на основе изучения исходной структуры этих документальных комплексов, а также их истории с момента ликвидации фондообразователя и до поступления на архивное хранение. Результатом начавшейся разработки подобных вопросов явились, в частности, опубликованные в конце 50-х годов XX в. статьи Л. Е. Шепелева⁴⁹. Они послужили как бы теоретической основой проведенной в то время в ЦГИА СССР работы по формированию фондов сбытовых монополистических объединений и реорганизации фондов акционерных коммерческих банков. К сожалению, этот опыт, несомненно заслуживающий серьезного анализа, не привлек еще к себе внимания источниковедов и не получил оценки в литературе.

Однако изучение структуры архивных фондов и их исторических судеб, имевшее первоначально прикладное архивоведческое значение, стало постепенно приобретать более общий, источниковедческий характер. С одной стороны, такое изучение отдельных делопроизводственных комплексов привело к необходимости обратиться в механизме образования делопроизводственной документации вообще⁵⁰. С другой стороны, от выявления отдельных документов или их групп исследователи российских монополий и финансового капитала все чаще переходили к изучению всей совокупности документации, порожденной рассматриваемым явлением или процессом. Но для установления подобной совокупности требовалось выяснить механизм документирования и распространения информации, порождаемой деятельностью монопо-

дустической революции. М.; Л., 1957, ч. 1, с. 55—58, 81—87, 88—91, 94—155; Материалы по истории СССР, т. VI, с. 44—45, 549—574, 575—502.

⁴⁹ Шепелев Л. Е. Частнокапиталистические и торгово-промышленные предприятия России в конце XIX—начале XX в. и их архивные фонды. — Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР, 1958, № 10; *Он же*. Архивные фонды акционерных коммерческих банков.

⁵⁰ В этом отношении показателен сб. Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX—начала XX в. Л., 1967. См. также: Шепелев Л. Е. Изучение делопроизводственных документов XIX—начала XX в. — Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968.

лий и коммерческих банков, т. е. решить источниковедческие задачи.

Вот почему с конца 60-х годов XX в. история российского монополистического капитала становится объектом специальных источниковедческих исследований. Первым опытом такого рода была работа С. В. Воронковой, посвященная изучению истории и структуры материалов Особого совещания по обороне государства (1915—1917 гг.), государственно-монополистического органа, сосредоточившего в своих руках в годы первой мировой войны руководство народным хозяйством России⁵¹. Следующим шагом явилось исследование А. Г. Голикова, посвященное выяснению процессов формирования делопроизводственных комплексов акционерных торгово-промышленных предприятий и установлению местонахождения их остатков, отложившихся в архивах СССР⁵². Вслед за тем Г. Р. Наумовой было предпринято исследование всей совокупности делопроизводственной документации, порождаемой деятельностью сбытовых монополий в России. Ею были рассмотрены не только материалы самих монополий, но и формы документирования информации об их деятельности в иных делопроизводственных системах, связанных с монополиями каналами корреспондентских связей⁵³. Наконец, М. Ю. Лачаевой были изучены особенности документирования информации о деятельности в России иностранного капитала⁵⁴.

Благодаря проведенным исследованиям нам известны теперь важнейшие факторы, определявшие процесс формирования делопроизводственных комплексов крупных капиталистических предприятий, монополий и банков, а также основные принципы документирования их деятельности. На этой основе мы можем, в частности, судить о том, насколько полно представлены в дошедших до нас остатках такого рода комплексов документы, содержащие необходимую информацию.

Выяснение корреспондентских связей крупных капиталистических предприятий, монополий и банков, а также порядка ве-

⁵¹ Воронкова С. В. Материалы Особого совещания по обороне государства. Автореф. канд. дис. М., 1970; Она же. Материалы Особого совещания по обороне государства. Источниковедческое исследование. М., 1975.

⁵² Голиков А. Г. Материалы российских акционерно-паевых торгово-промышленных предприятий. Автореф. канд. дис. М., 1974; Он же. Регулирование делопроизводства российских акционерно-паевых торгово-промышленных предприятий (общее законодательство). — Вестник Московского ун-та, 1972. Сер. IX. История, № 4.

⁵³ Наумова Г. Р. Источники по истории сбытовых монополий в России (по материалам Министерства торговли и промышленности). — Вестник Московского ун-та, 1974. Сер. IX. История, № 3; Она же. Делопроизводственные документы российских синдикатов. — Вопросы истории, 1976. № 10.

⁵⁴ Лачаева М. Ю. Источниковедческие проблемы изучения иностранного капитала в России (на примере иностранного капитала в международной промышленности Урала и Сибири в начале XX в.). Автореф. канд. дис. М., 1977.

дения ими переписки позволило наметить методы восполнения информации, содержащейся в утраченных документах.

Исследование особенностей распространения информации, порождавшейся деятельностью монополий, раскрыло причины, вызывавшие ее искажения, выявило основные каналы, по которым направлялась эта информация. Тем самым определен круг архивных фондов, в которых должны содержаться те или иные сведения о монополиях.

Это лишь некоторые результаты проделанной работы. Но такого рода исследования должны быть продолжены. Их ждут прежде всего архивные фонды российских коммерческих банков. Нуждаются в дальнейшем изучении и осмыслении формы документирования деятельности иностранного капитала в России. Давно требует своего решения вопрос о путях поиска информации по истории монополий в таких отраслях промышленности, которые слабо отражены в сохранившихся архивных фондах промышленных предприятий (например, сахарная, спиртоводочная, мукомольная и др.). Не совсем еще ясны информационные возможности архивных фондов ряда правительственных учреждений и особенно Государственного банка.

Вместе с тем вполне назрела потребность в определении путей и методов разработки уже разведанных источниковых массивов.

Глава 4

ИСТОЧНИКИ О ЧИСЛЕННОСТИ, СОСТАВЕ И ПОЛОЖЕНИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

Одно из центральных мест в советской историографии истории России периода капитализма занимает изучение вопросов численности, состава и положения российского пролетариата. Круг источников, введенных в научный оборот исследователями истории российского пролетариата, необъятен. Отсутствие в дореволюционной России специальной статистики труда требует обращения к комплексу источников, в разной степени отразивших историю рабочего класса России. Источники эти различны: по охвату территории и категорий рабочих (вся страна, Европейская Россия, округ, губерния, уезд, предприятия, подчиненные надзору определенному ведомству, одно предприятие или даже отдельное его структурное подразделение, рабочие многих или одной профессии и т. д.), по происхождению (созданные в правительственных учреждениях, органах местного самоуправления, представительных

организациях буржуазии и др.), по виду (документы делопроизводства предприятий и материалы статистического учета различных ведомств и организаций), по количеству учтенных в них признаков и степени обработки материала (материалы первичные, разработанные, сводные).

Большинство массовых источников о численности, составе и положении рабочего класса созданы представителями правящих классов дореволюционной России. Это обстоятельство определило заведомую тенденциозность в сборе, обработке и публикации данных по этим вопросам, что выразилось прежде всего в существенных пробелах информации в источниках. Как правило, учитывались: число рабочих по возрастным группам и полу, продолжительность рабочего дня, сумма выдаваемого рабочим заработка и некоторые другие показатели. Такие важные вопросы, как источники формирования рабочего класса, преемственность труда в промышленных предприятиях, степень эксплуатации пролетариата, трудовой стаж, национальный состав, бюджетные расходы рабочих и т. п., при проведении разного рода переписей и обследований обычно даже не ставились, поскольку дореволюционная статистика рассматривала рабочих лишь как необходимый элемент производства, его «живые орудия».

Сбор сведений, в особенности об условиях труда и быта рабочих, был организован весьма несовершенно. Рассылавшиеся на предприятия анкеты заполнялись администрацией. По понятным мотивам сообщаемые данные о штрафах, о сверхурочных работах, о травматизме на предприятиях занижались. Действительной проверки и корректировки показанных администрацией предприятий сведений о рабочих не производилось. Не были определены и однозначно решены программно-методологические вопросы организации статистического учета наемных рабочих, а сами программы неоднократно менялись. Это привело к тому, что даже данные, собранные одним ведомством, не всегда сопоставимы. Все эти причины порождают особые трудности в работе со статистическими материалами о рабочем классе, делают необходимой тщательную и детальную их проверку. К статистике рабочего класса в полной мере относятся все замечания В. И. Ленина о недостатках вообще российской фабрично-заводской статистики.

В главе характеризуются важнейшие категории массовых источников, составляющие основу источниковой базы изучения численности, состава и экономического положения рабочего класса России в период капитализма: материалы демографического учета населения (общероссийская и городские переписи), данные фабричной инспекции, а также санитарных и бюджетных обследований положения рабочих, статистика промышленного производства (правительственная и представительных организаций буржуазии), документы первичного учета рабочих в промышленных предприятиях.

1. ДАННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ

Одним из основных вопросов изучения истории российского пролетариата является учет численности наемных рабочих.

В. И. Ленин отмечал, что вопрос о степени распространения наемного труда имеет «едва ли не наибольшее значение» при анализе процессов развития капитализма, ибо «основная тенденция капитализма состоит в том, чтобы все рабочие силы народного хозяйства применялись к производству лишь после продажи-купли их предпринимателями»¹.

Данные о численности и составе населения всей страны, а также доле в нем наемных рабочих на конец XIX в. содержат материалы первой (и единственной в дореволюционной России) всеобщей переписи населения, осуществленной 28 января 1897 г.²

Переписи подлежали все жители империи, независимо от пола, возраста, состояния, вероисповедания, национальности, подданства. Перепись производилась по отдельным хозяйствам. На фабриках и заводах сведения в переписные листы вносились администрацией (заведующими) предприятий. Перепись должна была ответить на следующие вопросы: имя, отчество и фамилия (или прозвище), семейное состояние (холост, женат, вдов, разведен), отношение к главе хозяйства (родственник, свойственник, приемный или жилец, прислуга, работник и т. п.), пол, возраст, состояние или сословие, вероисповедание, место рождения, приписки, постоянного жительства, родной язык, грамотность, занятие (основное и побочное)³.

В соответствии с программой переписи к числу наемных рабочих могли быть отнесены лица, показавшие работу по найму как свое основное занятие, дающее средства существования. Вместе с тем, как показывают многочисленные свидетельства непосредственных участников переписи, получение ответа именно на этот вопрос вызывало особые затруднения. Так, по словам счетчика Новоторжского уезда, «на все вопросы крестьяне отвечали охотно, но когда дело доходило до главных и побочных занятий, тут прямо являлась обдуманная осторожность в ответах. Род этих занятий каждый старался скрыть или сказать так, чтобы ясно было видно, что доход от промысла или ремесла самый мизерный. Все указывали на земледелие, хотя ясно было, что, помимо земле-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 581.

² Во второй половине XIX—начале XX в. учет населения в России велся путем административно-полицейских исчислений, заменивших ревизский учет. Они проводились вплоть до 1917 г. ЦСК МВД ежегодно определял примерную численность населения, исходя из данных о естественном приросте населения и частичного учета его переселений из одной губернии в другую. После 1897 г. за исходную основу исчислений принимались данные переписи 1897 г.

³ Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи. СПб., 1895, ст. 2—4, 29—30.

делия, есть и другие занятия»⁴. Проверка показываемых в ходе опроса данных программой переписи не предусматривалась.

Разработка результатов переписи была возложена на ЦСК. Первоначально предполагалось разработать материал переписи о занятиях населения дифференцированно в отношении: 1) рабочих или прислуги; 2) членов семьи рабочего или прислуги. По каждому занятию намечалось учесть отдельно: прислугу (в государственных и общественных учреждениях, домовую), поденщиков и чернорабочих без определенной специальности, а также занимаемое положение — хозяева, администрация, рабочие⁵.

Однако в 1901 г. в связи с недостатком средств программа разработки данных переписи была существенно сужена. Были определены формуляры 25 таблиц, в соответствии с которыми и завершалась общая обработка материалов переписи и осуществлялась публикация общеимперского и погубернского сводов⁶.

В дальнейшем сначала МВД, а затем Министерством финансов проводились специальные разработки о лицах наемного труда. Часть подсчетов была опубликована в особой тетради под названием «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.» (СПб., 1905). В ней помещены две таблицы: «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий (по губерниям)» и «Распределение рабочих и прислуги по месту рождения». К 1906 г. работа была завершена и итоги ее составили два тома, изданных под названием «Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.» В них вошли три таблицы: «Распределение рабочих по группам и видам занятий (по губерниям)»; «Распределение рабочих по полу, семейному состоянию и по отношению к семье (по группам занятий и по губерниям)» и «Распределение

⁴ Цит по: *Кадошцев Б. П.* Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г.: (Критико-статистический этюд). СПб., 1909, с. 12—13.

⁵ Пособия при разработке первой всеобщей переписи населения, № 1—16. СПб., 1898.

⁶ Результаты переписи опубликованы в двух томах общеимперской сводки под названием «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.» (СПб., 1905), и в 89 выпусках (119 тетрадях) по губерниям, областям, 4-м городам (Петербургу, Москве, Одессе, Варшаве) и о-ву Сахалину под названием «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.» Таблица XX «Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам» издана отдельно (СПб., 1905, т. 1—4). Все население России распределено в ней по 65 группам и 390 видам профессий. Данные табл. XX и аналогичные сведения, опубликованные в отношении Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы, не позволяют получить сведения о численности наемных рабочих. В них учтены только данные о главном занятии, выявленные в ходе переписи, без указания занимаемого в нем положения.

рабочих по видам занятий, полу, возрасту и грамотности». Последняя таблица содержит итоговые сведения по империи в целом, по Европейской России, Привисленскому краю, Кавказу, Сибири и Средней Азии, по отдельным губерниям и по 10 важнейшим промышленным центрам страны: Петербургу, Москве, Ростову-па-Дону, Одессе, Риге, Киеву, Харькову, Иваново-Вознесенску, Варшаве и Лодзи.

Всего по переписи 1897 г. общее число лиц, указавших службу и работу по найму как свое главное занятие, составило 9 156 080 человек, или 27,7% производительного населения страны⁷. Сами составители разработок признавали, что данные переписи не охватывают всего количества наемных рабочих в стране. Перепись проводилась зимой, когда некоторые предприятия в силу особенностей их производства бездействовали. В подсчет не были включены лица, для которых работа по найму и служба являлись побочным заработком.

Отметив, что «статистика эта, по всей видимости, грешит весьма значительным *преуменьшением* числа рабочих», В. И. Ленин считал, однако, возможным использовать данные переписи «для *приблизительного* определения того, на какие *основные* категории делится все население России по своему *классовому* положению, т. е. по своему положению в общественном строе производства»⁸. Такой подсчет был осуществлен им для второго издания книги «Развитие капитализма в России», вышедшего в 1908 г.⁹

При всех своих недостатках материалы переписи до сих пор сохраняют значение исходного источника, без которого не может обойтись ни одно исследование, посвященное вопросам формирования пролетариата. В работах историков широко используются данные о возрастном и половом составе рабочих, о грамотности и распределении по месту рождения. Не менее перспективным представляется сравнительно-исторический анализ погубернских данных переписи 1897 г. об удельном весе пролетариата вообще и промышленного пролетариата в особенности, о степени интенсивности формирования рабочих в сельском хозяйстве по крупным промышленным и национальным (Закавказье, Прибалтика, Средняя Азия) и другим регионам.

Данные о численности и составе лиц наемного труда в ряде крупнейших промышленных центров содержатся в материалах городских переписей населения, проводившихся во второй половине XIX—начале XX в. По подсчетам А. И. Гозулова, специально исследовавшего вопрос о местных переписях населения в дореволюционной России с 1862 по 1917 г. было проведено около

⁷ Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения... СПб., 1905, с. V.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 502, 505. Примечание.

⁹ Там же, с. 501—502.

150 переписей городов. Перепись населения городов не равнозначны по своему характеру. В то время как одни из них проводились с исключительной тщательностью, с соблюдением требований статистической науки, подвергались детальной разработке и доводились до своего логического завершения — публикации и анализа итогов, другие проводились с меньшей тщательностью, подвергались разработке лишь в части и не в полном объеме намеченной программы доводились до всеобщего сведения, наконец, о третьих известен лишь сам факт их производства, самые же результаты переписи либо совершенно потонули в делах статистических учреждений, либо сохранились в отрывках, по которым зачастую невозможно восстановить основные принципы производства переписей. «Лучшими образцами разработки местных переписей населения являются, — по мнению Гозулова, — переписи Петербурга и Москвы. Из провинциальных переписей выделяются переписи Одессы, Баку, Харькова, Киева»¹⁰. Публикации разработок материалов городских переписей населения являются важным источником для изучения истории пролетариата.

То обстоятельство, что переписи ряда городов, особенно крупнейших, проводились неоднократно, дает возможность изучить динамику численности различных категорий населения. Так, городские переписи Петербурга проводились 8 раз (с 1862 по 1910 г., причем последние 5 переписей — через примерно десятилетние перерывы), Москвы — 4 раза, Баку — 2 (в один и тот же день с интервалом в 10 лет — 22 октября 1903 г. и 1913 г.) и т. д. К сожалению, единой программы проведения городских переписей населения выработано не было. Поэтому, хотя при разработке программ переписей в их основу клали уже апробированные образцы (в частности, перепись населения Баку 1913 г. во многом следовала не только программе переписи 1903 г., но и программам переписей Москвы 1902 и 1912 гг.); сравнительно лучше сопоставимыми являются переписи по одному городу, проводившиеся, как правило, на основе единых или близких программных установок.

Инициатива организации первых городских переписей населения принадлежала центральному и местным статистическим комитетам. Но в конце XIX—начале XX в. такие переписи осуществляются, как правило, местной администрацией, либо органами городского самоуправления.

Формуляр переписного листа наряду с такими вопросами, как имя, отчество и фамилия (или прозвище), пол, возраст, место рождения и приписки, семейное состояние, сословие (для иностранцев — подданство), вероисповедание, грамотность и т. п., обя-

¹⁰ Гозулов А. И. Местные переписи населения до революции. — Учен. зап. Ростовского-на-Дону финансово-экономического ин-та, 1941, т. 1, с. 252, 255. В статье подробно рассмотрены вопросы организации, проведения, разработки и осуществления публикаций данных местных городских переписей второй половины XIX—начала XX в.

зательно включал вопрос о занятии. Причем его содержание от переписи к переписи уточнялось и конкретизировалось. Так, если в переписных листах городской переписи Петербурга 1869 г. он был сформулирован в самой общей форме: «Какое имеете занятие?», то в опросном листе переписи 1881 г. вопрос о занятиях состоял уже из двух пунктов: «Главное занятие, доставляющее средства к жизни» и «Побочные занятия, приносящие доход». В «Наставлении для счетчиков» переписи 1890 г. отмечалась необходимость «особого внимания» при заполнении ответов на вопросы о занятии с тем, чтобы определить в отношении каждого лица «не только род промысла, но и положение, занимаемое им в промысле»¹¹.

Данные городских переписей населения характеризуют численность и состав всех категорий рабочих всех предприятий того или иного промышленного центра. Итоговые таблицы переписей содержат подробный материал о профессиональном составе рабочих (что позволяет определить не только численность рабочих основных отраслей производства, но и разделение по профессиям внутри каждой отрасли, а также состав рабочих в каждой профессиональной группе по полу и возрасту). Как и всеобщая перепись 1897 г., городские переписи дают косвенные сведения об источниках формирования рабочего класса (сведения о сословной принадлежности жителей), об их национальности¹² (данные о родном языке) и др.

2. МАТЕРИАЛЫ ФАБРИЧНОЙ ИНСПЕКЦИИ, САНИТАРНЫХ И БЮДЖЕТНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧИХ

Значительно более широкий круг сведений о составе и положении различных категорий рабочих во второй половине XIX—начале XX в. содержат отчеты фабричных инспекторов, материалы санитарных, бюджетных и других обследований положения рабочих.

Фабричная инспекция, учрежденная в целях принятия мер к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими¹³, первоначально свой надзор распространяла на три губернии — Петербургскую, Московскую и Владимирскую. Затем он охватил всю Европейскую Россию. В 1884 г. были созданы 9 фабричных округов во главе с окружными фабричными инспекторами (позже число фабричных округов было сокращено до шести). Округа, в свою очередь, делились на участки.

¹¹ Семанов С. Н. Состав и положение рабочих Петербурга по данным городских переписей. — В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России (1861—1917 гг.). М., 1966, с. 395—401.

¹² Перепись в Баку — единственная из городских переписей, прямо ставившая вопрос о национальном составе населения.

¹³ См. главу 1 данной книги.

Поводом к введению фабричной инспекции послужило принятие закона 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». По мере развития фабричного законодательства расширялся круг вопросов, подлежащих ведению, а соответственно и отчетности фабричной инспекции.

Первый отчет был опубликован одним из первых фабричных инспекторов профессором И. И. Янжулом в 1884 г. Он представлял собой результат тщательной разработки большого статистического материала о положении рабочих 174 промышленных предприятий Московской губернии, собранного им за период с 22 сентября 1882 г. по 22 сентября 1883 г. Как отмечал И. И. Янжул в предисловии к отчету, «все цифровые данные... получались во время осмотров или на основании точных списков рабочих, мною всегда проверяемых, или даже там, где были неудовлетворительны или отсутствовали, на основании лично произведенной мной переписи». Весь этот материал разделен в отчете на две части: 1) сведения о малолетних рабочих — численность детей по производствам, школьное образование, особые учреждения для малолетних, время работы, праздничные дни, отзывы и заявления фабрикантов по поводу нового закона; 2) сведения, относящиеся ко всем рабочим — заработная плата, продовольствие, санитарная обстановка, условия найма и т. п.¹⁴ К отчету были приложены 24 статистические таблицы.

Главную цель отчета И. И. Янжул видел прежде всего в том, чтобы представить убедительный материал для нового фабричного законодательства, так как искренне верил в возможность изменения положения рабочих путем принятия соответствующих фабричных законов. В 1886 г. были опубликованы отчеты 9 фабричных инспекторов за предыдущий год. Они составлены по программе, разработанной отделом промышленности Министерства финансов и включают только вопросы, связанные с наблюдением за исполнением закона о труде малолетних рабочих. Но, несмотря на ограниченность программы, отчеты за 1885 г. так же, как и отчет И. И. Янжула, содержали яркий материал о тяжелом положении рабочих на фабриках и заводах Российской империи, что и было, по-видимому, главной причиной прекращения дальнейшей публикации отчетов фабричной инспекции.

Предпринимавшиеся в 90-х годах XIX в. публикации данных, собранных фабричными инспекторами, как правило, были обязаны своим появлением запросам Министерства финансов. Такой характер носила, в частности, осуществленная в 1896 г. публикация донесений старших фабричных инспекторов о производительности рабочего дня и заработной плате рабочих в 20 гу-

¹⁴ Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882—1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних Московского округа И. И. Янжула. СПб., 1884, с. VIII, XX.

берниях Европейской России¹⁵. Донесения были представлены фабричными инспекторами в соответствии с циркуляром департамента торговли и мануфактур от 12 июля 1896 г. Состав запрошенных циркуляром и опубликованных в указанном издании сведений позволяет предположить, что они были собраны в связи с подготовкой закона о продолжительности рабочего времени в заведениях фабрично-заводской и горной промышленности, принятого 2 июня 1897 г. Данные приведены в масштабе губерний, в отдельных случаях — предприятий. Указанная публикация — не свод, а сборник отчетов фабричных инспекторов, составленных в соответствии с вопросом Министерства финансов. Поэтому материал по разным губерниям не всегда сопоставим между собой (например, по одним губерниям опубликованы данные о средних месячных заработках рабочих, по другим — приведены лишь цифры высших и низших пределов заработка).

В 1894 г. на чинов фабричной инспекции были возложены «сборание, проверка и предварительная сводка статистических сведений о состоящих в районе их деятельности промышленных заведениях». 9 мая 1895 г. министром финансов были утверждены «Правила и программа отчетов фабричных инспекторов», предусматривавшие систематическую отчетность чинов фабричной инспекции по следующим вопросам: состав рабочих, преобладающие сроки найма, размеры заработной платы, жилища и бюджет рабочих, их нравственность и образование, гигиена и безопасность, организация врачебной помощи рабочим, особые учреждения «в пользу рабочих», несчастные случаи с рабочими. Кроме сводки статистического материала, отчеты должны были содержать сведения о важнейших событиях и происшествиях на предприятиях. Правила устанавливали сроки представления отчетов и их формы¹⁶. Хотя утвержденная министром финансов программа отчетов фабричных инспекторов предусматривала сбор сведений по широкому кругу вопросов положения рабочих, ряд из них не получил отражения в представленных в соответствии с программой отчетах, в частности вопрос о жилищах и бюджетах рабочих.

Первые отчеты, составленные в соответствии с этими «Правилами», не были опубликованы. Но в 1902 г. «в виде первого опыта» издается «Свод отчетов фабричных инспекторов за второе полугодие 1900 г.». В следующем году вышел «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г.». После этого издание стало ежегодным. Всего опубликовано 15 томов, охватывающих период 1900—1914 гг. (СПб., 1902—1915).

¹⁵ Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в 20 наиболее промышленных губерниях Европейской России. По донесениям старших фабричных инспекторов. СПб., 1896.

¹⁶ Алексеев Д. Наказ чинам фабричной инспекции, изданный главным по фабричным и горнозаводским делам присутствием 9-го февраля 1900 г., с относящимися к нему указаниями, правилами, инструкциями, циркулярами и распоряжениями, касающимися чинов фабричной инспекции, полиции, фабрикантов и заводчиков. СПб., 1900, с. 80—85.

Как следует из названия издания, в основе его лежали данные отчетов фабричных инспекторов. Каждый фабричный инспектор должен был¹⁷ представлять по итогам отчетного года сведения о числе промышленных заведений, состоящих под надзором фабричной инспекции на территории вверенного ему участка или округа и числе рабочих на них (всех, малолетних, подростков, взрослых — с разбивкой по полу). Поскольку состав предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, не был постоянным¹⁸, в каждом отчете следовало указать: сколько состоялось предприятий к началу отчетного года, в течение года вновь подчинено надзору инспекции, изъято из-под надзора, закрылось, осталось к началу следующего года. Число рабочих необходимо было показать по всем этим группам предприятий «в той приблизительно к действительному, в какой это может быть сделано по имеющимся у инспекции сведениям». По отношению к сезонным производствам требовались сведения, «соответствующие наибольшему числу рабочих, бывшему в данном заведении, хотя бы это наибольшее число приходилось на середину года».

В отчете предусматривалась группировка предприятий по числу рабочих на начало отчетного года. По каждой из групп (с числом рабочих свыше 1000, от 500 до 1000, от 100 до 500, от 50 до 100, от 20 до 50 и менее 20 человек)¹⁹ приводились сведения о числе предприятий и общем числе рабочих предприятий соответствующих групп.

Отчет содержал и данные о жалобах заведующих на рабочих и рабочих на заведующих (причем в последнем случае отдельно

¹⁷ Инструкция о порядке составления и предоставления отчетов чинов фабричной инспекции. Б. м. и б. г. (не ранее 1901 г.).

¹⁸ В связи с отсутствием в законе твердых признаков различия между фабрикой и ремесленным заведением одни и те же предприятия то включались в число подведомственных фабричной инспекции, то исключались. Во второй половине XIX в. к фабрикам обычно относили промышленные заведения с не менее 16 рабочими или при меньшем количестве рабочих, но с механическим двигателем. В связи с принятием закона 8 июня 1898 г. (установившего новые нормы государственного промышленного обложения) Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствии «приняло правилом соображаться с пормой в 20 рабочих, безотносительно к тому, применяется ли заведением механический двигатель или нет» (Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 год. СПб., 1903, с. 1). Эта «порма в 20 рабочих» была введена частичная со «Свода отчетов» за 1901 г. В «Своде отчетов» за вторую половину 1900 г. учитывались предприятия с 16 рабочими и выше.

¹⁹ Группировка предприятий по количеству занятых в них рабочих не была постоянной. В последующих изданиях «Сводов отчетов» она обнаруживала тенденцию к большей дробности. Степень достоверности сведений, собранных фабричными инспекторами по разным группам предприятий, неодинакова. В примечании ко второму изданию работы «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин отметил, что, «вероятно, хотя сколько-нибудь надежны» лишь данные о крупных мастерских (с числом рабочих более 20). Сведения же о «фабриках» с меньшим числом занятых в них рабочих — «явно случайны и никакуда не годны» (Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 3, с. 467. Примечание).

учитывались индивидуальные и коллективные жалобы). В специальной таблице давалась детальная статистическая картина поводов рассмотренных в течение года жалоб рабочих.

В виде статистических таблиц отчеты включали сведения о численности и составе рабочих, несчастных случаях, заработной плате, взимаемых с рабочих штрафах, состоянии и движении штрафных капиталов, а также о нарушениях фабричного законодательства и забастовках²⁰. Кроме того, старшие и окружные фабричные инспекторы имели право прилагать к отчетам различные справки, пояснительный текст, свои соображения о выдающихся и ненормальных явлениях как в общем ходе промышленной жизни, так и в деятельности инспекции и о мерах к их развитию или устранению.

Программа «Сводов отчетов» за 15 лет неоднократно подвергалась изменениям и дополнениям, но всегда включала вопросы, связанные с действиями фабричных инспекторов по наблюдению за применением фабрично-заводского законодательства, учетом стачек и посредничеством между фабрикантами и рабочими, надзором за паровыми котлами. Поэтому в «Сводах отчетов» содержатся сведения об изменениях численности промышленных заведений, подчиненных надзору фабричной инспекции и занятых на них рабочих, о труде малолетних и женщин, взимании штрафов и расходовании штрафных капиталов, рабочем дне и заработной плате, страховании рабочих и забастовках. Почти все изменения программы отчетов за 15 лет были направлены на более широкое освещение включенных в них вопросов.

Например, с 1907 г. во вступительных текстах и в таблицах освещался вопрос о применении закона 2 июня 1903 г., установившего частичную ответственность предпринимателей за несчастные случаи с рабочими²¹, а с 1913 г. — о больничных кассах в связи с применением страхового закона 23 июня 1912 г.²² С 1909 г. в «Сводах отчетов» стали публиковаться таблицы со сведениями о распределении предприятий и рабочих по группам

²⁰ До 1905 г. в «Сводах отчетов», в связи с анализом посреднической деятельности фабричной инспекции, публиковались сведения о забастовках рабочих. В «Сводах отчетов» за 1905—1908 гг. данный раздел отсутствует, так как в эти годы сведения о забастовочном движении публиковались в специальных изданиях Министерства торговли и промышленности. С 1909 г. раздел о забастовках был вновь включен в программу «Сводов отчетов», но уже в значительно расширенном виде.

²¹ В специальном отделе — «Применение закона 2 июня 1903 г.» приводились статистические данные (по стране в целом и по губерниям) о несчастных случаях, по которым были выплачены пособия. Данные о них разработаны по более широкой программе, чем сведения о всех несчастных случаях, заявленных инспекции.

²² В «Сводах отчетов» за 1913 и 1914 гг. вводится новый отдел — «Больничные кассы». Материалы отдела (краткий вступительный текст и таблицы) освещали ход создания больничных касс при фабрично-заводских предприятиях.

производства, о среднегодовой заработной плате рабочих и по некоторым другим вопросам.

Данные о заработной плате рабочих интересовали фабричных инспекторов в силу возложенной на них обязанности наблюдать за применением закона о штрафах и движении штрафных капиталов. В «Сводах отчетов» систематически помещались таблицы с данными о соотношении штрафных капиталов и заработной платы. Правда, они охватывали рабочих не всех подчиненных надзору фабричной инспекции предприятий, а лишь тех из них, в которых применялись штрафы. Показанная в «Сводах отчетов» общая среднегодовая заработная плата по губерниям и округам не позволяет установить степень различия в оплате труда в крупной и мелкой промышленности, для высоко- и низкооплачиваемых рабочих, для мужчин, женщин, подростков и детей, по отраслям производства. Тем не менее опубликованные в «Сводах отчетов» данные предоставляют возможность судить об изменениях номинальной заработной платы, происшедших за 14 лет у подавляющего большинства фабрично-заводских рабочих, в частности об изменениях, вызванных стачечной борьбой. Сравнивая данные о зарплате за 1901—1905 и 1906—1910 гг., опубликованные в «Своде отчетов» за 1911 г., В. И. Ленин отметил «поразительную разницу между *дореволюционной и послереволюционной эпохой*», так как после 1905 г. зарплата фабрично-заводских рабочих России увеличилась в среднем на 15,5%. «Пятый год, — писал он, — поднял жизненный уровень русского рабочего так, как в обыкновенное время не поднимается этот уровень за несколько десятилетий»²³.

По существу, «Своды отчетов» являются единственным источником, дающим на протяжении 15 лет единообразный, с небольшими добавлениями и изменениями в отдельные годы, статистический материал о российском пролетариате в масштабе всей промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции, фабричных округов, губерний. К сожалению, характер данных, публиковавшихся в «Сводах отчетов» и отчетах фабричных инспекторов за 80-е годы XIX в., различен. Так, если в «Сводах отчетов» приведены средние величины показателей, то в отчетах инспекторов за 80-е годы XIX в. указаны лишь минимальные и максимальные цифры, характеризующие амплитуду этих колебаний, но не позволяющие исчислить их средние величины. Это не дает возможности на основе материалов фабричной инспекции получить по ряду показателей сопоставимые данные за XIX и начало XX в.

Наряду со сведениями, представлявшимися в обязательном порядке и по единой программе, отдельные фабричные инспектора собирали материал по более широкому кругу вопросов, характеризующих положение рабочих. Так, по инициативе фабричных инспекторов Владимирской губернии в марте 1897 г. путем

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 27.

опроса рабочих администрацией предприятий были получены данные о распределении и заработках фабрично-заводских рабочих губернии по производствам, полу, возрасту и грамотности, о преемственности фабрично-заводского труда, уходе рабочих на полевые работы и т. д.²⁴

Комплекс материалов по еще более широкому кругу вопросов состава и положения рабочих был собран в начале XX в. фабричными инспекторами Московской губернии²⁵. К этим материалам непосредственно примыкают данные на конец 1908 г., полученные в результате обследования, охватившего 69 368 рабочих 47 промышленных предприятий Московской губернии. Путем опроса рабочих и на основании фабричных книг были получены следующие сведения о каждом рабочем: пол, семейное положение, местный или пришлый, звание, возраст, грамотность, профессия, форма платы (подневно, помесечно, сдельно), средний заработок в месяц, с какого возраста работает на фабрике, работал отец на фабрике или нет, уходит ли на полевые работы, занимает квартиру свою или хозяйскую (бесплатно или за плату), если ткач, то на скольких станках работает²⁶.

Существенные стороны труда и быта рабочих подробно характеризуют материалы санитарных и бюджетных обследований.

Наиболее известные санитарные обследования фабрик и заводов и условий труда и быта занятых на них рабочих были проведены в 70—90-х годах XIX в. в Петербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Тверской, Смоленской, Екатеринославской и некоторых других губерниях. В конце XIX—начале XX в. в связи с развертыванием деятельности фабричной инспекции, статистических бюро представительных организаций буржуазии санитарные обследования проводились редко. Сузились и их гео-

²⁴ Эти данные были разработаны и опубликованы в 1912 г. (*Козьминьх-Ланин И. М.* Фабрично-заводской рабочий Владимирской губернии (1897 г.): Распределение и заработки рабочих по производствам, по полу, возрасту и грамотности. Преемственность фабрично-заводского труда. Уход на полевые работы. Владимир-на-Клязьме, 1912.

²⁵ *Козьминьх-Ланин И. М.* Фабрично-заводская промышленность Московской губернии по данным на 1 января 1909 г. М., 1910; *Он же.* Продолжительность рабочего дня и рабочего года на фабриках и заводах Московской губернии. М., 1912; *Он же.* Сверхурочные работы на фабриках и заводах Московской губернии. М., 1914.

²⁶ *Козьминьх-Ланин И. М.* Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912, с. 1—2. Кроме указанной работы, содержащей сведения по группам производств, результаты обследования опубликованы в ряде других работ И. М. Козьминьх-Ланина (*Козьминьх-Ланин И. М.* Рабочие Московской губернии, занятые обработкою хлопка и обработкою металлов. Распределение и заработки рабочих в связи с отдельными профессиями, полом, возрастом, грамотностью и занимаемой квартирой (своя или хозяйская). М., 1912; *Он же.* Механическое ткачество в Московской губернии. Обработка хлопка. Распределение и заработки рабочих по полу, возрасту, грамотности и числу станков. М., 1912; *Он же.* Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912).

графические масштабы. Из локальных обследований этого периода известно лишь обследование фабрик и заводов Москвы 1908 г.

Целью врачебных обследований было выяснение влияния условий фабрично-заводского производства и быта рабочих на их физическое состояние и заболеваемость. Они касались как технико-санитарных, санитарно-гигиенических, так экономических и бытовых сторон жизни рабочих. Программа санитарных обследований, разработанная еще в 1879 г. санитарными врачами Московской губернии²⁷ и с известными изменениями и дополнениями применявшаяся и при обследованиях начала XX в., касалась самых различных сторон условий труда и быта рабочих. Наряду с общими сведениями о предприятии (название, местонахождение, владелец, время основания, постоянно ли действует, топография местности, строения, сведения о производстве) 58 вопросов предусматривали получение подробных сведений о рабочих. Относительно количественного состава рабочих на предприятии необходимо было выяснить: общее число рабочих (наличных, наибольшее и наименьшее количество, время и причины колебания численности рабочих); в возрасте: до 10 лет, от 10 до 12 лет, от 12 до 14 лет, от 14 до 18 лет, от 18 до 40 лет, от 40 до 60 лет и свыше 60 лет; работниц (замужних, незамужних, вдов); постоянных и постоянно возвращающихся рабочих, откуда (губерния, уезд) приходят рабочие. Программа включала подробную характеристику условий труда рабочих: какими работами заняты мужчины, женщины, малолетние; оплата их труда (сдельная, месячная-средняя, максимальная, минимальная); условия найма; число рабочих часов (для мужчин, женщин, подростков, детей моложе 14 лет — среднее, максимальное, минимальное); штрафы; жилищные условия рабочих, условия питания; описание одежды рабочих; есть ли школа, больница, врач или фельдшер, заболеваемость и смертность рабочих и т. д. В ходе проведенных обследований был собран огромный фактический материал. Достаточно сказать, что изучение фабрично-заводских предприятий Московской губернии продолжалось около 6 лет (1879—1885 гг.) и охватило 1080 предприятий со 114 тыс. рабочих. Описание предприятий и их общая сводка составили 20 томов общим объемом 430 печатных листов²⁸. Оценивая материалы этого обследования, В. И. Ленин назвал издание его итоговых данных лучшим «в современной литературе фабрично-заводской статистики»²⁹.

Подробные сведения о доходах и расходах рабочих, их заработной плате, питании, жилищных условиях, продолжительности рабочего времени и др. содержат материалы шести специальных бюджетных обследований, осуществленных в 1907—1913 гг. Они

²⁷ См.: Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. М., 1890, т. IV, ч. 1, с. 311—315.

²⁸ Статистика физического развития рабочего населения (г. Москва и губерния). М., 1925. Введение, с. 13.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 518. Примечание.

характеризуют положение рабочих Петербурга зимой/ 1907—1908 г. (632 анкетных листа), текстильщиков Петербурга в 1908 г. (41 анкета), рабочих одной из текстильных фабрик Богородского уезда Московской губернии за май 1908—май 1909 г. (324 бюджетных описания), рабочих-текстильщиков Серетского фабричного района Нерехтского уезда Костромской губернии (18 бюджетных описаний), бакинских рабочих в первой половине 1910 г. (более 2 тыс. регистрационных карточек) и киевских рабочих в 1913 г. (572 бюджетных описания).

Не все материалы бюджетных обследований равноценны. По ряду показателей (средний размер заработной платы, доля грамотных), некоторые обследования в качестве объекта исследования избрали недостаточно типичный контингент рабочих. К их числу относятся прежде всего петербургское (зима 1907—1908 гг.) и киевское (1913 г.). Так, средний заработок обследованных петербургских рабочих оказался «в полтора раза выше среднего заработка петербургского фабричного рабочего... Среди опрошенных рабочих неграмотные являлись редким исключением»³⁰.

Лучшим из бюджетных обследований оказалось бакинское (по широте программы, массовости, способу сбора сведений — путем заполнения анкетного листа регистраторами). Как отмечено во введении к публикации материалов обследования (и что особенно важно), «бакинское исследование рабочего бюджета, — признавал А. М. Стопани, — выполнено с соблюдением условия планомерного выбора объекта наблюдений по известным типическим признакам... При выборе рабочих для бюджетных описаний, как общее правило, исследователи руководствовались имеющимися массовыми цифровыми данными о численности, соотношения рабочих по производством, профессиям и национальностям, а также семейственности и даже отдельным фирмам. Соответствующие массовые данные, включенные в инструкцию, служили в то же время руководителю работ как бы «компасом» для усиления опроса рабочих какой-нибудь определенной профессии и национальности и ослабления опроса другой с выяснившимся в одном случае недостатком, а в другом — излишком числа опрашиваемых. Таким образом, в течение всего хода бюджетного обследования последнее направлялось в сторону той или иной средней, предпринятой для каждого из упомянутых признаков, — средней, как сказано, предварительно установленной на основании статистических данных»³¹.

Были обследованы 104 (из 160) предприятий по добыче нефти, охватывающие 94% всего местного производства нефти, 19 (из 21) нефтеперегонных заводов, 22 (из 38) предприятий подряд-

³⁰ Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих (По данным анкеты, проведенной XII (содействие труду) Отделом ИРТО). — Записки имп. Русского технического общества, 1909 февр.—апр., с. 5.

³¹ Стопани А. М. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. Баку, 1916, с. XV.

ного бурения. При этом в каждом предприятии стремились отбавить для опроса около 5—6% рабочих. Фактически по крупным предприятиям было собрано несколько большее число бюджетов.

При проведении обследования специально ставилась задача получения не только статистически представительного, но и достаточно достоверного материала о бюджетах рабочих. Добиться последнего было особенно сложно ввиду специфичных местных условий — незнание русского языка рядовой массой рабочих, их недоверия и т. п. Но в конечном счете все эти трудности были успешно преодолены³².

Программа бюджетного обследования бакинских рабочих включала 80 вопросов³³. Они выясняли происхождение рабочих, продолжительность проживания в городе, связь их с деревней, профессиональный, национальный, возрастной состав, степень грамотности самих рабочих и членов их семей, условия труда (условия найма, рабочий год, заработная плата, пособия) и жизни рабочих. Большая группа вопросов выявляла доходы и расходы рабочих. В специальной инструкции, прилагавшейся к бюджетной карточке, подчеркивалось, что «цифровые ответы должны быть, по возможности, точны... цифры прихода-расхода по каждой статье получаются составителем бюджета лишь в результате детального перечисления произведенных расходов»³⁴.

Ценность санитарных и бюджетных обследований как источника для изучения истории пролетариата состоит в том, что они содержат сведения по тем вопросам, которые лишь от случая к случаю и в гораздо менее полном объеме освещались в других видах источников. Их существенный недостаток — узость географического масштаба исследования.

3. ПРОМЫШЛЕННАЯ СТАТИСТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БУРЖУАЗИИ

Ввиду отсутствия в дореволюционной России специальной статистики труда важное значение для исследователей истории российского пролетариата имеют материалы промышленной статистики³⁵, наряду с общей характеристикой процесса производства содержащие сведения о численности, составе и положении рабочих.

Для промышленной статистики рабочие — лишь один из элементов производства, участвующих в создании продукта. Так, рабочее время рассматривается в промышленной статистике в качестве общего измерителя производительности предприятия. Заработная плата, травматизм, забастовки, страхование, смертность, заболевания рабочих и т. д. учитывались как издержки произ-

³² Там же, с. XV—XVI.

³³ Там же, с. XIX—XXII.

³⁴ Там же, с. XXIII.

³⁵ Вопросы организации статистики промышленного производства подробно изложены в главе 1 данной книги.

водства или причины, влияющие на уменьшение производимой продукции.

Вместе с тем, например, в анкете 1895 г., заполнение которой было обязательным для всех промышленных заведений, имевших не менее 15 рабочих или при меньшем числе рабочих — паровой двигатель, или паровой котел, или другой механический двигатель, владельцы или заведующие промышленными заведениями были обязаны указать число рабочих за каждый месяц отдельно: взрослых, подростков, малолетних, мужчин и женщин, работающих на предприятии и на дому; продолжительность и распределение рабочего времени по производствам; дневной заработок рабочего в связи с его профессией, полом и возрастом (отдельно для рабочих на своих и хозяйских харчах); жилищные условия рабочих (контингент лиц, проживающих в казармах при фабрике; отдельно рабочие и члены их семей, не работающие на фабрике; условия проживания в казарме — бесплатно или за плату, санитарные условия: сколько в среднем душ приходится на одно окно казарм).

Массовые данные о численности, составе и положении рабочих содержат материалы промышленных переписей 1900 и 1908 гг. Программа переписей предполагала получение по каждому предприятию сведений о числе рабочих на предприятии (ежемесячно, в среднем за год: отдельно взрослых, малолетних, всего, с разбивкой по полу, с указанием — работал ли в заведении по основному производству или вспомогательным работам, по заказам фабрики на стороне) и расходах по производству (заработная плата рабочим при заведении, на стороне; натуральные харчи, паек, дополнительные выдачи; затраты на врачебную помощь, страхование и содержание жилищ рабочих и т. д.). Кроме того, по каждому отделу предприятия следовало указать: сколько дней за отчетный год производились работы, сколько часов за отчетный год в общей сложности действовало производство, среднесуточное число рабочих в производстве³⁶.

Разработки материалов промышленных переписей 1900 и 1908 гг. были опубликованы соответственно в 1903 и 1912 гг. под редакцией В. Е. Варзара в двух изданиях: сводах статистических материалов переписи³⁷ и списках охваченных переписями предприятий³⁸.

В сводах статистических материалов промышленных переписей данные о рабочих содержатся в таблице «А» и в таблице «Г»

³⁶ Варзар В. Е. Очерки основ промышленной статистики. М.—Л., 1925, ч. 1, с. 141—146.

³⁷ Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 год. СПб., 1903; Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год. СПб., 1912.

³⁸ Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903; Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912.

издания 1903 г. (в издании 1912 г. последняя таблица отсутствует).

В таблице «А», призванной отразить главные стороны экономического и технического состояния фабрик и заводов, объединенных по группам производства, отдельным районам и губерниям, сведения об общем числе рабочих даны дифференцированно: по полу, возрасту (взрослые и малолетние), степени участия в процессе производства (работающие непосредственно на производстве или вспомогательных работах, по заказам на стороне).

Под числом рабочих подразумевалось «среднее число рабочих, употребляемых заведением в течение суток одной, двумя или тремя сменами (коллективами)». Для этого «исчислялось среднее число рабочих в сутки по месяцам и, разделив общую сумму среднего числа рабочих за период производства на число месяцев, в течение которых производилась работа заведения, получалось *среднее годовое* число рабочих данного заведения»³⁹. Это «среднее число рабочих» нивелирует колебания в численности рабочих, связанные с изменением промышленной конъюнктуры, сезонным характером отдельных производств и другими факторами.

В графе «главные расходы» таблицы «А» содержатся сведения (отдельно в отношении рабочих «при заведении» и на стороне) о расходах на заработную плату рабочим (в денежной и натуральной форме).

Поскольку организаторов переписей сведения о рабочих интересовали с точки зрения выяснения места последних в процессе производства, в таблице «Г» издания 1903 г. данные о числе рабочих разработаны не по отдельным предприятиям, а по отраслям производства. В связи с этим в число рабочих в отличие от таблицы «А» не включены рабочие, занятые во вспомогательных производствах и на стороне. В таблице «Г» приведены также сведения о затратах рабочего времени (в тыс. часов) на производство продукта.

Несмотря на ограниченность круга сведений о рабочих, опубликованных в итоговых разработках переписей 1900 и 1908 гг., они в целом позволяют исчислить среднее число рабочих, пришедших на одно предприятие (эти показатели могут быть использованы для сравнительной характеристики уровня концентрации рабочих по отраслям), степень эксплуатации рабочих и некоторые другие параметры, характеризующие положение рабочих⁴⁰. Сопоставимость данных указанных переписей позволяет изучать динамику отраженных ими показателей о рабочих.

³⁹ Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 год. Предисловие, с. IV.

⁴⁰ См. подробнее: Антонова С. И. Статистика фабричной инспекции как источник по истории пролетариата. — В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861—1917 гг. М., 1966, с. 318.

«Списки фабрик и заводов» содержат сведения о числе рабочих (среднесуточном в течение года, без разбивки на работающих непосредственно на предприятии и на стороне) по каждому предприятию. Внутри групп производств фабрики и заводы перечислены по губерниям и расположены в алфавитном порядке. То обстоятельство, что в издании характеризуется основная статистическая счетная единица — предприятие, являющееся исходным объектом переписи, дает возможность исследователям, осуществляя группировку предприятий по числу занятых в них рабочих (по отраслям производства и административно-территориальным единицам), вести многоплановое изучение процесса концентрации российского пролетариата ⁴¹.

Статистика представительных организаций буржуазии (Совета съездов представителей торговли и промышленности, обществ фабрикантов и заводчиков, биржевых комитетов и других союзов предпринимателей), как правило, учитывала сведения о предприятиях одной отрасли. Основным источником служили материалы статистических бюро представительных организаций буржуазии, получаемые главным образом путем систематического опроса владельцев предприятий. Статистические же бюро этих организаций выпускали «Труды съездов», «Статистические ежегодники», «Обзоры состояния промышленности» и другие сборники.

Так, Совет съездов горнопромышленников Юга России в Харькове издавал ежегодные сборники о металлургической, каменноугольной и железнорудной промышленности Южной России. Например, ежегодно публиковались 4 выпуска сборника «Каменноугольная промышленность России в ... году». Первые два выпуска соответственно включали ежемесячные и ежегодные сводные данные по каменноугольной промышленности Южной России, третий выпуск — по каменноугольной промышленности Уральской, Замосковской и Кавказской областей, четвертый — общие сведения о каменноугольной промышленности России. Число показателей о рабочих в изданиях предпринимательской статистики незначительно. В ежемесячных сводках сведений о каменноугольной промышленности вопрос о рабочих вообще не подвергался специальной разработке. Лишь в последней графе указывалась средняя ежемесячная численность рабочих на предприятиях. В ежегодных сводках круг сведений о рабочих значительно шире. Особые таблицы характеризовали распределение рабочих по категориям и размещение их по месту жительства (в казармах, в семейных домах, на вольных квартирах), медицинскую помощь на предприятиях. Приводились также данные о среднем числе рабочих на одно предприятие и на миллион пудов добычи угля, а также о количестве добытого угля в расчете на одного рабочего.

⁴¹ Угаров И. Ф. Численность и отраслевой состав пролетариата России в 1900 и 1908 гг.: (Сравнительный анализ данных переписей). — В кн.: Вопросы источниковедения истории первой русской революции. М., 1977, с. 174—219.

Советом съездов горнопромышленников Юга России систематически издавались статистические сборники о травматизме рабочих. В связи с этим в сборниках приведены сведения расчетного характера о заработной плате рабочих. Исчислялись они путем умножения дневного заработка на 280 дней. Такое число рабочих дней было определено законом о страховании рабочих от 2 июня 1903 г., на основе которого пострадавшим на производстве рабочим должна была выплачиваться пенсия. Фактически же рабочих дней в году было больше, вследствие чего расчетный уровень заработной платы оказывался завышенным. К тому же дневной заработок пострадавших рабочих, являвшийся дополнительным показателем для исчисления среднегодового заработка, был несколько ниже среднего, так как в большинстве случаев они принадлежали к низкооплачиваемым категориям лиц наемного труда.

Поскольку программа сбора, разработки и публикации сведений, выработанная статистическими бюро представительных организаций буржуазии, в своей основной части из года в год повторялась, полученные сведения при всех возможных неточностях в конкретных цифровых данных позволяют изучать динамику движения этих показателей.

4. ДОКУМЕНТЫ ПЕРВИЧНОГО УЧЕТА РАБОЧИХ В ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

В основе официальных статистических данных о численности, составе и положении рабочих, как известно, лежали сведения документов первичного учета рабочих на предприятиях. Законодательством были определены состав документов и правила первичного учета рабочих в фабрично-заводских предприятиях. Такого рода учет являлся обязательным и подлежал контролю со стороны местных органов фабричной инспекции. Поэтому во многих случаях мы имеем возможность проверки имеющихся экономических данных о положении рабочих путем привлечения тех первоисточников, на основании которых составлялись различные официальные отчеты. Но значение этих материалов определяется не только тем, что позволяют проверить и скорректировать данные официальной статистики, они содержат и ряд таких показателей, которые отсутствуют, как правило, в сводных статистических публикациях. Материалы первичного учета рабочих позволяют (в случае удовлетворительной их сохранности) изучать кардинальные вопросы истории пролетариата: источники формирования рабочего класса, преемственность фабрично-заводского труда, состав и положение рабочих.

Практическая значимость материалов по личному составу рабочих и служащих предприятия как источника сведений справочного характера, а также активное обращение к ним исследователей истории российского пролетариата способствовали сохранению, описанию и разработке этих документов. В настоящее

время материалы первичного учета рабочих торгово-промышленных предприятий дореволюционной России в основном находятся в составе их архивных фондов в государственных архивохранилищах, а в ряде случаев — непосредственно в архивах предприятий⁴². В них содержится информация по широкому кругу вопросов положения рабочих.

При поступлении рабочего на предприятие сведения о его имени, отчестве и фамилии (или прозвище), месте жительства, возрасте, о том, кем выдан вид на жительство, записывались в именной список или паспортную книгу рабочих предприятия. По закону не позднее 7 дней после поступления на предприятие каждому рабочему должна была быть выдана расчетная книжка утвержденного образца. В ней следовало записать: имя, отчество и фамилию (или прозвище) рабочего, условия найма (срок найма, размер заработной платы, способ ее определения, сроки платежей), условия производимых вычетов (за пользование квартирой, баней и т. д.), заработок, денежные штрафы с указанием повода к их наложению, извлечения из положений закона и правил внутреннего распорядка, определяющих права, обязанности и ответственность рабочих. Расчетная книжка хранилась у рабочего, а при увольнении оставлялась в конторе фабрики.

Одновременно администрация вела книгу счетов с рабочими (или ресконтро рабочих), в которую заносились данные о заработанных и выданных рабочим суммах.

Жизнь рабочих на фабрике строго регламентировалась правилами внутреннего распорядка. В них указывалось: расписание (отдельное для малолетних и взрослых) часов начала и окончания работ, времени окончания работ перед воскресными и праздничными днями; праздники, в которые не производились работы; порядок и продолжительность отлучек с работы; условия пользования устроенными при фабрике квартирами, банями и т. д.; время чистки машин и аппаратов, а также уборки мастерских, если по условиям найма эти обязанности лежали на рабочих; обязанности рабочих по соблюдению порядка и благочиния на фабрике; требования предосторожности при обращении с машинами, огнем и т. п.

В специальных книгах и табелях велся учет урочных и сверхурочных работ.

⁴² Так, сохранился именной список рабочих бакпских нефтепромыслов товарищества «Братья Нобель». В 50-ти томах списка содержатся сведения о примерно 20 тыс. рабочих, работавших на промыслах в 1895—1920 гг. (ЦГИА АзССР, ф. 798, оп. 3, л. 504—554). В фонде «Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов» (бывшее «Парвайнен и К^о») хранится 12 351 расчетная книжка, в фонде товарищества «Новая бумагопрядильня» — 10 666, и т. д. (Гос. исторический архив Ленинградской области. Краткий путеводитель. Л., 1960, с. 34, 44). В архиве Ярославского комбината «Красный Перекоп» имеется около 23 тыс. личных дел рабочих Ярославской Большой мануфактуры за период с середины 90-х годов XIX в. по 1917 г.

За неисправную работу, прогул и любое другое нарушение установленного распорядка администрация имела право наложить на рабочих денежное взыскание, которое (с указанием размера) фиксировалось в специальном таблице, утверждавшемся фабричной инспекцией. Одновременно взыскание записывалось в расчетную книжку рабочего с указанием повода и размера взыскания и шпуровую книгу денежных взысканий с рабочих.

По закону 2 июня 1903 г. «О вознаграждении потерпевших и их семейств за увечье и смерть в промышленных заведениях» при утрате рабочим в результате несчастного случая работоспособности более чем на три дня владелец предприятия обязан был выплачивать потерпевшему денежное вознаграждение, а в случае смерти рабочего — его родным. Все случаи смерти и травм записались в специальную книгу, где указывались также обязательства по вознаграждению потерпевших и членов их семей. Вместе с книгой хранились все необходимые документы, в том числе и подлинные протоколы и медицинские свидетельства. Книга велась по единой форме. В случае закрытия предприятия она со всеми документами передавалась фабричному инспектору. Книга состояла из двух частей. Первая часть называлась «Запись несчастных случаев и относящихся к нему документов», вторая — «Счета по уплате вознаграждений потерпевшим и членам их семейств». В первой части книги по каждому несчастному случаю указывалось: время происшествия, фамилия (или прозвище), имя, отчество, звание или сословие, должность, возраст потерпевшего, что повреждено, где и при каких обстоятельствах произошел несчастный случай и его последствия, когда и кем составлен протокол. Если между владельцем предприятия и потерпевшим или членами его семьи достигалось соглашение о виде и размере вознаграждения, то в книге указывалась суть этого соглашения со ссылкой на соответствующие документы. В книге обязательно отмечалось, застрахован ли рабочий, поскольку в этом случае не было необходимости ведения второй части книги, так как выплату денежной компенсации производило страховое общество. В конце давалась отсылка к листам второй части книги, на которых велся учет выплаты вознаграждения по несчастным случаям.

23 июня 1912 г. был подписан закон об обеспечении рабочих на случай болезни, в соответствии с которым на каждом предприятии с числом не менее 200 рабочих учреждалась больничная касса (мельшие предприятия могли создавать одну общую кассу). Порядок делопроизводства и отчетности больничных касс определялся их уставами.

Больничная касса ежегодно публиковала отчет о своей работе. Сохранилось значительное число отчетов больничных касс, характеризующих положение рабочих текстильных, металлургических, металлообрабатывающих, каменноугольных, типографских, кожевенных предприятий Петербурга, Центрального и Южного промышленных районов, Урала и Поволжья. Они содержат све-

дения о численности и составе рабочих, распределении рабочих по возрастным категориям, производственных и санитарных условиях труда, заработной плате, рабочем времени, продолжительности рабочего года, уровне травматизма, заболеваемости и смертности на предприятиях, страховании рабочих, врачебной помощи и т. д.

В совокупности комплекс документальных материалов первичного учета содержит подробную социально-демографическую и социально-экономическую характеристику рабочих. Удовлетворительная сохранность документов первичного учета рабочих на предприятиях дает возможность свести содержащуюся в них информацию (по каждому рабочему, о котором такие сведения имеются) в своего рода обобщающие справки — анкеты о прохождении рабочим службы на данном предприятии. Составленные по единой программе такие справки-анкеты позволяют производить различную группировку включенных в них данных в целях установления взаимосвязи и взаимозависимости между отдельными признаками, а также выявления тенденций развития этих признаков.

В связи с этим особый интерес представляют личные дела рабочих Ярославской Большой мануфактуры — одного из крупнейших промышленных предприятий дореволюционной России, где накануне первой мировой войны работало свыше 11 тыс. человек — четверть всех рабочих губернии. Сводка данных первичного учета рабочих на мануфактуре была осуществлена в расчетном отделе предприятия, где на основе сведений паспортных книг, списков рабочих, расчетных ведомостей, ресконтро на рабочих составлялись «Справки о прохождении службы на Ярославской Большой Мануфактуре».

Такие справки сохранились в составе личных дел 86—95% рабочих, работавших на мануфактуре в 1895—1914 гг. и 72% рабочих периода первой мировой войны. В них, как правило, содержатся сведения о фамилии, имени, отчестве, звании (сословии) рабочего, месте приписки, семейном положении, составе семьи, адресе, характере жилья, времени поступления на фабрику, изменениях в занимаемой должности, заработной плате, прогулах, взысканиях, пособиях, стаже работы на мануфактуре и др.

По вопросу об источниках пополнения фабрично-заводского пролетариата выделенные признаки позволяют рассмотреть в динамике распределение рабочих мануфактуры по месту приписки и сословной принадлежности, удельный вес рабочих семей на мануфактуре и их состав, движение рабочих кадров и преемственность фабрично-заводского труда, распределение рабочих по возрасту к моменту поступления их на мануфактуру и потомственность, удельный вес кадровых рабочих. Массовый характер данных и повторяемость основных показателей источника позволяют применить для его анализа математико-статистические методы исследования с использованием ЭВМ.

Нами было предпринято выборочное исследование данных личных дел рабочих Ярославской Большой мануфактуры с целью выяснить место пролетарских семей в пополнении рабочих кадров на предприятии. Поскольку большинство личных дел не содержит прямых сведений о потомственности, для определения этого признака они группировались по семейным гнездам, для чего выявлялись все рабочие, носившие одну фамилию. Затем по описи выбирался каждый двухсотый рабочий и все остальные рабочие с той же фамилией. Всего было отобрано 108 фамилий (12 фамилий встретились дважды), составивших серии данной выборки, внутри которых проводилось сплошное наблюдение. Механический отбор серий обеспечил соблюдение принципа случайности выборочного исследования. Необходимый объем выборки, соответствующий заданной точности и достоверности, был рассчитан предварительно в 1800 единиц. Фактически он превысил 3200 единиц, что значительно повысило репрезентативность полученных данных.

Далее была разработана анкета, показатели которой в соответствии с задачами исследования позволяли подвергнуть количественному и качественному анализу наиболее важные признаки, в том числе и такие, которые можно выяснить лишь сопоставлением данных личных дел членов одной семьи. Всего было заполнено 3178 анкет (13,6% выборки): 3047 на дореволюционных рабочих, дела которых попали в выборку, и 131 на рабочих, дополнительно учтенных по делам родителей. Для обработки на ЭВМ показатели анкеты шифровались по 40 признакам, разработанным с расчетом извлечения из анкет максимально полной информации. Они содержат следующие сведения: пол, сословие, место прописки, характер семьи и семейное положение, потомственность, год рождения и поступления на мануфактуру, должность при поступлении и основная квалификация рабочего, стаж работы на данном предприятии, характер жилья, заработная плата, пособия и награды, даты и причины увольнения и смерти. Уже сам перечень признаков, извлеченных из личных дел, свидетельствует о больших возможностях этого вида источника для изучения различных сторон социальной структуры и положения рабочего класса.

Анализ данных показал, что основным источником формирования рабочих кадров Ярославской мануфактуры в пореформенную эпоху были крестьяне, составлявшие примерно 80—85% всех работавших. Многие из них в 60—70-х годах были еще прочно связаны с землей, что особенно ярко видно на примере крестьян Ярославского уезда: в 1878 г. они составляли почти половину всех рабочих, но из тех, кто устроился на предприятие в 1858—1879 гг. и продолжал работать после 1895 г., их доля равнялась всего 13,6%. У поступивших в 1880—1894 гг. последний показатель вырос до 18,1%. В 80—90-х годах XIX в. связь большинства рабочих этой группы с крупным фабричным про-

изводством стала намного прочнее, и многие из них числились крестьянами лишь по своей сословной принадлежности.

Компактную и все увеличивающуюся группу рабочих мануфактуры составляли рабочие из Владимирской губернии, преимущественно из Юрьевского уезда. Это были «кустари» или, как называл их В. И. Ленин, «капиталистически употребляемые рабочие»⁴³, являвшиеся важным источником формирования промышленного пролетариата в пореформенную эпоху. Их связь с землей, подорванная еще раньше, ослабевала все больше, и они быстрее и прочнее оседали на фабрике, чем крестьяне из других районов.

Почти половину рабочих, зачисленных на предприятие в 60—70-х годах XIX в., составили потомки посессионных рабочих Ярославской мануфактуры, присоединенных в 1842 г. к мещанскому сословию и составивших основной костяк квалифицированных рабочих предприятия.

Подавляющее большинство обследованных лиц были рабочими в первом поколении, но роль пролетарских семей в воспроизводстве рабочего класса возрастала. Удельный вес рабочих, живших с семьями на самой мануфактуре в конце XIX в., равнялся 72,3%. Молодые рабочие, прибывшие из деревни, часто обзаводились семьями уже на фабрике: работницами были их жены, рабочими впоследствии становились и их дети. Нередко целыми семьями из поколения в поколение на мануфактуре работали ярославские мещане.

С достаточной степенью вероятности можно утверждать, что в конце XIX—начале XX в. не менее трети всех работавших на предприятии были уже потомственными рабочими. При этом следует отметить не только высокий удельный вес потомственных рабочих на мануфактуре, но и постоянный рост этого показателя, отражавший все более усиливающуюся роль рабочих семей в пополнении рядов фабрично-заводского пролетариата.

Наиболее высокий удельный вес потомственных рабочих был у выходцев из мещан, меньше из крестьян, но здесь заметны существенные колебания его в зависимости от места выхода (приписки) рабочих. По-видимому, большое влияние оказывали удаленность от фабрики места жительства рабочих из крестьян до поступления на фабрику и степень разложения крестьянства в разных районах.

Однако принадлежность к тому или иному сословию не являлась решающим фактором в изменении доли потомственных рабочих, и к 1905 г. примерно у половины рабочих крестьянского сословия, поступивших на Ярославскую мануфактуру, родители являлись уже кадровыми рабочими.

Рост удельного веса потомственных пролетариев отражает те глубокие качественные изменения, которые происходили внутри

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 450.

рабочего класса, в его социальной структуре. Кадровые рабочие с большим производственным стажем и высокой профессиональной выучкой становятся в эпоху империализма самым многочисленным отрядом на крупных предприятиях развитых отраслей промышленности. Рабочие семьи приобретают все более решающую роль в пополнении рядов пролетариата, а преемственность фабрично-заводского труда — значение важного фактора в процессе его формирования.

В совокупности данных документов первичного учета каждый рабочий предстает во всем многообразии индивидуальных признаков анкетного характера. По мере обработки извлеченных из этого источника массовых сведений последние как бы «перерождаются» в сводки, а черты «первичности» утрачиваются. В целом массовые источники первичного типа могут служить основанием для выводов общего характера, для изучения сущности явлений, имевших как общероссийский характер, так и локальные варианты и проявления. Однако наиболее полное решение все же дает совокупная обработка первичной и сводной информации по различным типам массовых источников.

5. ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ ЧИСЛЕННОСТИ, СОСТАВА И ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

Необходимость комплексного использования массовых источников о численности, составе и положении пролетариата требует определить место каждого из них в источниковой базе исследования, выяснить оптимальные возможности обработки и введения в научный оборот содержащихся в них данных.

Уже дореволюционной буржуазной историографией был накоплен определенный опыт изучения источников: поставлен вопрос о достоверности и представительности зафиксированной в них информации, дана критика средних показателей, принятых в изданиях правительственной и предпринимательской статистики (средних показателей заработной платы, сверхурочных работ и т. д.), и предложена методика их исчисления, показаны большие возможности применения статистических группировок.

Становление марксистской историографии рабочего класса России неразрывно связано с именем В. И. Ленина. В его работах заложены методологические основы изучения истории пролетариата, дана критическая оценка значительного круга источников по данной проблеме, разработаны на их основе важные вопросы истории российского пролетариата.

Основную источниковую базу для изучения В. И. Лениным численности, состава, положения рабочего класса России составили данные социально-экономической статистики, представляющей, по его словам, «одно из самых могущественных орудий со-

циального познания»⁴⁴. Особую ценность статистических источников В. И. Ленин видел в возможности выявления на их основе динамики изучаемых процессов. «Разумеется, — подчеркивал он, — при этом предполагается сравнение данных, взятых из одинаковых источников (о сравнении сведений мин-ва фин. с сведениями губернаторских отчетов или сведениями „Военно-стат. сборника“ не может быть и речи)»⁴⁵. В. И. Ленин опроверг утверждение народников о «горсти» рабочих в России и доказал быстрый рост как абсолютной, так и относительной численности пролетариата в стране в пореформенный период.

По подсчетам, произведенным В. И. Лениным⁴⁶, в конце XIX в. в стране насчитывалось около десяти миллионов рабочих: «1) сельскохозяйственные наемные рабочие. Число их — около 3¹/₂ млн. (по Евр. [ропейской] России). 2) Фабрично-заводские, горные и железнодорожные рабочие — около 1¹/₂ млн. Итого пять миллионов профессиональных наемных рабочих. Далее, 3) строительные рабочие — около 1 миллиона. 4) Рабочие, занятые в лесном деле (рубка леса и первоначальная обработка его, сплавка и т. д.), занятые земляными работами, сооружением железных дорог, работами по нагрузке и разгрузке товаров и вообще всякого рода „черными“ работами в индустриальных центрах. Их около 2 млн. 5) Рабочие, занятые капиталистами на дому, а также работающие по найму в обрабатывающей промышленности, не причисляемой к „фабрично-заводской промышленности“. Их — около 2 млн.

Итого, — заключает В. И. Ленин, — *около десяти миллионов наемных рабочих*. Исключаем из них приблизительно $\frac{1}{4}$ на женщин и детей, — остается 7¹/₂ млн. наемных рабочих из взрослых мужчин, т. е. *около половины* всего взрослого мужского населения страны, участвующего в производстве материальных ценностей»⁴⁷.

В. И. Ленин отмечал, что данный подсчет, не претендуя «на точную статистическую доказательность этих цифр», имеет своей целью «лишь примерно показать разнообразие форм наемного труда и многочисленность его представителей»⁴⁸. Однако, по-видимому, степень приближения полученных В. И. Лениным результатов была весьма высока. Его подсчеты подтвердила разработка данных переписи 1897 г. В литературе начала XX в. произ-

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 334.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 484. Примечание.

⁴⁶ В ряде случаев, в связи с отсутствием в источниках прямых данных о численности определенных отрядов рабочего класса, В. И. Ленин проводил исчисления по имевшимся в литературе косвенным данным. Так, подсчет численности железнодорожных рабочих был им осуществлен «с достаточной степенью приближения» на основе сведений о протяженности железнодорожной сети страны и числе рабочих, приходящихся на одну версту сети (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 498).

⁴⁷ Там же, с. 582—583.

⁴⁸ Там же, с. 583. Примечание.

веденный В. И. Лениным подсчет численности рабочих на конец XIX в. был признан заслуживающим «тем большего внимания, что он более соответствует действительности, ибо многие из перечисленных им промыслов не могли войти в материалы переписи, производившейся в январе 1897 г.»⁴⁹

Примененная В. И. Лениным классификация форм наемного труда легла в основу изучения советскими исследователями процессов формирования рабочего класса. В соответствии с разработанной В. И. Лениным методологией исследования проблемы осуществлены подсчеты общей численности лиц наемного труда в России на ряд конкретных дат (1913, 1917 гг.), выяснена динамика численности рабочих за весь капиталистический период⁵⁰.

Многообразие и в то же время известная ограниченность (с точки зрения количества показателей, полноты их характеристики, охвата лиц наемного труда в целом и отдельных категорий) источников о численности лиц наемного труда, их составе и экономическом положении требует от историков пролетариата разработки специальных исследовательских методик их обработки и анализа.

Так, А. Г. Рашин для того, чтобы представить динамику численности пролетариата за капиталистическую эпоху, вначале проследил ее по каждой категории рабочих по отдельным периодам, а затем уже на основании полученных показателей определил общую динамику его численности в течение всего рассматриваемого времени.

С. Г. Струмилин по данным о среднегодовых заработках рабочих, опубликованным в «Сводах отчетов» фабричных инспекторов, изучил динамику оплаты труда промышленных рабочих в России с 1900 по 1914 г.⁵¹ Стремясь к максимально полному отражению в конструируемой им количественной модели объективного содержания изучаемого явления, Струмилин провел большую источниковедческую работу по выяснению степени пригодности избранного источника для изучения поставленной проблемы, определения величин необходимых поправок к его показателям, границ возможного использования других источников для воссоздания более полной картины.

Прежде всего им были исправлены «арифметические погрешности» в источнике. Затем выяснены возможности сопоставления данных динамического ряда, приведенного в «Сводах отчетов».

⁴⁹ См. там же, с. 505; *Погожев А. В.* Учет численности и состава рабочих России. Материалы по статистике труда. СПб., 1906, с. 14.

⁵⁰ *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса в России. М., 1958; *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс в России в 1917 году. М., 1970; *Круже Э. Э.* Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976.

⁵¹ *Струмилин С. Г.* Динамика оплаты промышленного пролетариата в России за 1900—1914 гг. — Плановое хозяйство, 1926, № 9. Эта статья без переработки вошла в X раздел книги «Проблемы экономики труда» (*Струмилин С. Г.* Избранные произведения. М., 1964, т. 3).

Оказалось, что «без дальнейших уточнений» могут использоваться лишь сведения о соотношении денежной и натуральной оплаты, во все же остальные показатели должны быть внесены существенные поправки. Например, при сравнении погубернских данных о среднегодовой заработной плате, кроме различия в уровне дороговизны жизни, необходимо было учитывать различия в составе рабочих и продолжительности рабочего года. На средние показатели влиял и рост техники, поскольку при этом происходила замена труда мужчин трудом женщин и подростков.

Пользуясь данными за 1913 г. о подневных ценах на рабочие руки, Струмилин вывел индекс соотношения более дешевого труда женщин, подростков и детей и труда мужчин. Оказалось, что цена среднего рабочего составляла 80,2% цены полного работника. В результате произведенного им пересчета данных «Сводов отчетов» фабричных инспекторов абсолютное увеличение числа фабрично-заводских рабочих России с 1901 по 1914 г. в 692 тыс. человек (в переводе на «полного рабочего») составило лишь 449 тыс.⁵² А это означало, что при непрерывном (за исключением 1905 и 1909 гг.) возрастании уровня среднегодовой заработной платы рабочих постоянно росло и число низкооплачиваемых рабочих.

Поскольку данные о заработной плате публиковались в «Сводах отчетов» только по предприятиям, применявшим штрафованье рабочих, то, естественно, вставал вопрос: в какой мере подсчеты, сделанные на их основе, отражали среднюю норму оплаты для всей промышленности. Отметив, что к штрафам прибегали преимущественно крупные предприятия⁵³, Струмилин, опираясь на данные по Московской губернии, показал, что оплата труда на них мало отличалась от оплаты труда во всей фабрично-заводской промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции. Поэтому сделанные подсчеты он считал возможным распространить на всю обрабатывающую промышленность с внесением, однако, поправок (в общем по стране не выше 2%, а по отдельным группам производств — до 27%). Такой же подход к источникам был применен исследователем при рассмотрении (по данным ЦСУ и другим) динамики заработной платы промышленных рабочих в 1914—1915 гг.⁵⁴ и подневной платы сельскохозяйственных рабочих за 1882—1916 гг. (по данным Министерства земледелия и некоторых других)⁵⁵.

Сложность источниковой базы изучения численности, состава и экономического положения лиц наемного труда не могла не сказаться на результатах конкретно-исторической разработки

⁵² Струмилин С. Г. Избранные произведения, т. 3, с. 322.

⁵³ В 1914 г. таких предприятий было около 25%, а число рабочих на них составляло около 73% занятых в промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции.

⁵⁴ Струмилин С. Г. Избранные произведения, т. 3, с. 333—335.

⁵⁵ Там же, с. 270.

этих вопросов. Достаточно указать на то, что общая численность наемных рабочих накануне Великой Октябрьской социалистической революции определяется исследователями в пределах от 12 до 22 млн. человек. Разные цифры приводятся в литературе и в отношении численности различных категорий рабочих⁵⁶. Столь большое расхождение в результатах подсчетов не может быть, по-видимому, объяснено только пробелами привлекаемых источников и различной степенью тщательности анализа содержащихся в них сведений. Очевидно, необходимо уточнить сам термин «наемный рабочий» и допустимые диапазоны его применения.

Актуальной остается задача расширения источниковой базы для изучения проблем численности, состава и положения рабочего класса, занятого в водном транспорте, строительстве, мелкой промышленности, торговых предприятиях и др. Только на основе комплексной разработки этих вопросов относительно всех категорий лиц наемного труда дореволюционной России возможно получение сводной картины численности, состава и положения российского пролетариата в эпоху капитализма.

Выявившиеся в процессе исследовательской разработки конкретно-исторических сюжетов расхождения в источниках ясно показывают необходимость специальных источниковедческих трудов, посвященных важнейшим документальным комплексам. Значительный интерес представляет в этом плане предпринятое И. Ф. Угаровым изучение численности и отраслевого состава пролетариата России по данным промышленных переписей 1900 и 1908 гг., опубликованных в издании «Список фабрик и заводов»⁵⁷. Группируя предприятия по числу рабочих на них (что позволило выделить специальные типы предприятий и определить степень концентрации в них рабочих), Угаров провел статистический анализ содержащихся в материалах переписей данных как в целом по всей фабрично-заводской промышленности, так и по каждой отдельной отрасли производства, убедительно показав широкие возможности этого источника.

Современный этап изучения вопросов численности, состава, положения российского пролетариата характеризуется чрезвычайной широтой проблематики исследований, стремлением дать обобщенную картину этих процессов, о чем свидетельствует подготовка многотомного издания «История рабочего класса СССР». Постановка такой задачи требует, в свою очередь, мобилизации всего комплекса источников, и прежде всего источников массового характера, которые позволяют получить такие данные как в отношении всех наемных рабочих дореволюционной России, так и отдельных их категорий (в целом и дифференцированно — по периодам, регионам, группам, отраслям производства и т. п.).

⁵⁶ Гапоненко Л. С. Указ соч., с. 41.

⁵⁷ Угаров И. Ф. Указ соч.

Далеко не исчерпаны и возможности архивного поиска таких источников. Наряду с выявлением статистических сводок данных о рабочих, собранных разного рода учреждениями и организациями в дореволюционный период, представляются перспективными розыск и повторная обработка (хотя бы частичная) тех первичных материалов, которые лежали в основе сводных данных. В этом смысле, безусловно, большего внимания исследователей заслуживают материалы первичного учета рабочих на предприятиях — основа правительственной и предпринимательской официальной статистики. Возможности обработки и анализа этих материалов, которые открывают современные математические методы, должны способствовать более активному использованию первичных источников в исследовательской практике.

Представляется перспективным также привлечение в качестве источника для изучения истории пролетариата предреволюционного периода материалов промышленных и профессиональных обследований, проведенных в первые годы Советской власти. Имеются в виду прежде всего данные промышленной переписи 1918 г. Успехи, достигнутые в разработке материалов этих переписей применительно к советской эпохе, показывают, как широко информативные возможности этого источника, содержащего сведения за 1913—1918 гг.

Введение в научный оборот новых, неизвестных источников, нахождение путей к извлечению из них косвенной информации, специальное источниковедческое изучение важнейших массовых документов с целью установления достоверности, полноты, представительности и возможностей сопоставления заключенной в них информации, дальнейшее совершенствование методов их обработки и анализа — таковы, на наш взгляд, важнейшие задачи, которые стоят перед исследователями истории российского пролетариата.

Часть вторая

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМА

ВВЕДЕНИЕ

В течение всей эпохи капитализма в России сельскохозяйственное производство оставалось ведущей отраслью народного хозяйства, в которой была занята подавляющая часть производительного населения страны. Основной чертой аграрного развития была буржуазная аграрная эволюция, охватившая все отрасли сельскохозяйственного производства и все формы хозяйства. С момента отмены крепостного права в 1861 г. и до Октябрьской социалистической революции буржуазное аграрное развитие прошло ряд этапов, начиная с постепенной перестройки феодально-крепостнических отношений в буржуазные в первые два пореформенных десятилетия и кончая утверждением более развитых форм аграрного капитализма в конце XIX—начале XX в.

Буржуазное аграрное развитие России имело ряд отличительных черт. Прежде всего, — это сохранение в течение всей эпохи капитализма многочисленных крепостнических пережитков, основой которых были привилегированное дворянское землевладение и засилие в нем дворянских латифундий. Это тормозило буржуазный аграрный прогресс и приводило к тому, что буржуазно-капиталистические по своей сути отношения были опутаны феодальными пережитками и нередко еще не обрели соответствующих им форм выражения.

С другой стороны, буржуазная аграрная эволюция в России шла по двум путям: буржуазно-крестьянскому, «американскому», и буржуазно-помещичьему, «прусскому». Вся эпоха капитализма характеризовалась обостряющейся борьбой демократических и консервативно-реакционных классовых и общественно-политических сил за победу того или иного из этих путей. Все это делало аграрно-крестьянский вопрос основной социально-экономической проблемой буржуазно-демократической революции в России.

Указанные особенности аграрного развития усложняют изучение его характера и хода. Трудности усугубляются тем, что сохранившийся комплекс источников часто не содержит непосредственно выраженных данных, необходимых для раскрытия сущности и внутреннего механизма аграрного развития. Тем самым повышаются требования к источниковой основе исследований, к методам обработки и анализа конкретно-исторических данных.

В целом исследователи располагают огромным комплексом источников по аграрной истории периода капитализма. Основным ядром этого комплекса являются массовые исторические источники. Эпоха капитализма, естественно, имела свои особенности в формировании корпуса массовых исторических источников, характеризующих ход и характер аграрного развития.

Взросшая потребность в полноте и точности информации о землевладении и землепользовании, сельскохозяйственном производстве, крестьянском и помещичьем хозяйстве привела к тому, что в период капитализма и прежде всего со времени утверждения в аграрной сфере буржуазно-капиталистических отношений (т. е. примерно с рубежа 70—80-х годов XIX в.) стали интенсивно накапливаться разного рода массовые данные об аграрном развитии и появились новые сравнительно с феодальной эпохой массовые исторические источники.

В силу того что в России не существовало единой системы статистического учета, сбором данных об аграрном развитии занимались различные ведомства и организации. Это неизбежно приводило к отличиям в программах и методах сбора данных, что затрудняет их обработку и анализ. Вместе с тем эпоха капитализма характеризуется постепенным совершенствованием программ, методов сбора, обработки и публикации массовых данных об аграрном развитии. Так, по началу XX в. такие данные более разнообразны, представительны и точны, чем по первым пореформенным десятилетиям или даже концу XIX в.

О том, в какой мере обширен по объему и разнообразен по содержанию корпус массовых источников по аграрной истории периода капитализма, ярко свидетельствует простой перечень основных из этих источников.

Уже в период подготовки и реализации крестьянской реформы 1861 г. и других аграрных реформ был накоплен огромный по объему, уникальный по полноте охвата крестьянского и помещичьего хозяйства и ценнейший по содержанию комплекс данных. Речь идет прежде всего об описаниях помещичьих имений, собранных в период подготовки реформы 1861 г., уставных грамотах и выкупных актах (владенных записях), возникших в процессе проведения реформ в жизнь. Поскольку первичной единицей учета было отдельное помещичье имение и крестьянское общество, постольку полнота охвата совокупности характеризуемых объектов была фактически беспрецедентной в пред-

шествующей истории сбора массовых сведений о крестьянском и помещичьем хозяйстве. Зафиксированы и сохранились сведения о десятках тысяч поместий и крестьянских общин. При этом достоверность таких документов, как уставные грамоты и выкупные акты, в целом является очень высокой.

Центральным звеном аграрных отношений были отношения земельные. Сложный характер их в период капитализма, когда происходили ломка феодальных и интенсивное развитие буржуазных форм землевладения и землепользования, потребовал периодического учета размеров и сословной структуры землевладения. В итоге в России были проведены четыре земельные переписи — 1877, 1887, 1905 и 1917 гг., в результате которых были собраны обширные сведения, характеризующие важнейшие аспекты земельных отношений. Имеются и другие массовые данные о землевладении и землепользовании. В частности, сохранились ценнейшие данные о сделках по купле-продаже земли почти за всю эпоху капитализма.

Утверждение в аграрном строе буржуазно-капиталистических отношений повысило требования к статистике сельскохозяйственного производства. Следствием этого было возникновение новой системы статистики урожая и учета рабочего и продуктивного скота. Некоторые виды такого учета, как, например, военно-конские переписи, достигли весьма высокого уровня совершенства. Впервые был проведен массовый учет обеспеченности сельского хозяйства орудиями и машинами, а также собраны данные об издержках производства и доходности возделывания различных культур и другие сведения о сельскохозяйственном производстве.

В эпоху капитализма (особенно в конце XIX—начале XX в.) возник огромный корпус массовых сведений о крестьянском и помещичьем хозяйстве. Прежде всего здесь обращают на себя внимание материалы земской статистики. Разнообразные данные о крестьянском и частновладельческом хозяйстве, собранные земскими статистиками на основе самых совершенных для того времени методов и даже в сводном виде составляющие многие сотни томов, представляют собой уникальное явление в мировой статистической практике конца XIX — начала XX в.¹

За три периода, на которые делится история земской статистики (до 1893 г., 1893—1905 гг., 1906—1913 гг.), были проведены подворные переписи крестьянских хозяйств 311 уездов 35 губерний (до 1893 г. — в 178, в 1893—1905 гг. — в 123 и в 1906—1913 гг. — в 82 уездах). При этом в 58 уездах переписи проводились дважды, а в 17 уездах — по три раза. Кроме того, во многих десятках уездов были обследованы все основные типы

¹ Григорьев Н. В. Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 год. М., 1926, вып. 1-2; Савицкий Н. А. Земские подворные переписи. М., 1961. В работе дана библиография о земской статистике.

частновладельческих хозяйств (дворянские, купеческие, мещанские) и крестьянских. Описания крестьянских и частновладельческих хозяйств основывались на обширных программах, включавших десятки показателей, дающих комплексную характеристику этих хозяйств.

Наряду с основной земской статистикой, к которой относилось проведение подворных переписей крестьянских и описание частновладельческих хозяйств, большой объем данных о земледелии, скотоводстве и других отраслях и сторонах сельскохозяйственного производства был накоплен текущей земской статистикой.

Другой комплекс массовых данных о крестьянском и помещичьем хозяйстве составляют описания частновладельческих и крестьянских хозяйств, обращавшихся за ссудами в земельные банки. При решении вопроса о выдаче ссуды банки, естественно, интересовались состоянием хозяйства своих заемщиков и составляли для этого их описания. В архивах земельных банков и прежде всего двух крупнейших из них — Государственного Крестьянского земельного банка и Государственного Дворянского земельного банка — отложились десятки тысяч ссудных дел, содержащих описания частновладельческих и крестьянских хозяйств.

Наконец, как бы финалом в интенсивном процессе накопления массовых сведений об аграрном развитии в эпоху капитализма явились сельскохозяйственная перепись 1916 г. и сельскохозяйственная и земельная перепись 1917 г.

Проведение первой в России сельскохозяйственной переписи 1916 г. связано с деятельностью созданного в 1915 г. Особого совещания по продовольственному делу. Перепись, проведенная летом 1916 г., имела своей главной целью учет продовольственных и сырьевых ресурсов в стране, что обусловило сравнительную несложность ее программы (учет населения, посевных площадей, рабочего и продуктивного скота). Правда, наряду со сплошной проводилась и выборочная перепись по более широкой программе (учет продовольственных ресурсов, размеры посевов и количество скота в 1915 г. и др.). Перепись охватила почти всю территорию страны.

Однако относительная ограниченность программы переписи и обострение борьбы по аграрно-крестьянскому вопросу потребовали проведения второй переписи. Временное правительство вынуждено было значительно расширить программу переписи. Перепись 1917 г. была не только сельскохозяйственной, но и земельной. Кроме того, и разделы по сельскому хозяйству были расширены.

В результате переписей по единым и обширным (особенно в 1917 г.) программам и в один период времени были описаны крестьянские и помещичьи хозяйства почти всей страны и получены ценнейшие массовые данные о сельскохозяйственном производстве, землевладении и землепользовании, крестьянском

и помещицьем хозяйстве накануне Октябрьской социалистической революции. Таков круг самых основных и хорошо известных, непосредственно «аграрных» массовых источников эпохи капитализма. Наряду с этим огромный объем различных сведений о крестьянском и помещицьем хозяйстве сохранился в делопроизводительной документации вотчинных контор, волостных управлений и других органов местного управления.

Данные этих источников являются не только представительными, но и обладают достаточно высокой достоверностью и точностью. Они обеспечивались разнообразными и в целом ряде случаев весьма эффективными методами сбора данных. Так, широко применялся сбор различных данных через сеть добровольных корреспондентов («урожайная» статистика Центрального статистического комитета МВД, Министерства земледелия и земств).

Надежным и эффективным был экспедиционный метод сбора данных, применявшийся земствами при подворных описаниях крестьянских хозяйств, когда специально подготовленные лица обследовали каждое хозяйство. Интересным оказался прием опроса дворохозяев на крестьянском сходе и др.

Таким образом, историки располагают огромным корпусом ценнейших массовых источников об аграрном развитии страны в эпоху капитализма. Содержащиеся в них данные являются базой для исследования всех основных социально-экономических явлений аграрного развития.

В плане общих задач предпринятого исследования в главах настоящего раздела даются обзор и источниковедческая характеристика основных типов массовых источников по аграрной истории периода капитализма. Анализ источников ведется, как и в томе в целом, по тематическо-содержательному, а не видовому принципу. Этим обусловлено то, что ряд источников (земская статистика, материалы земельных банков, переписи 1916 и 1917 гг.) рассматриваются в разных главах, что нарушает цельность их источниковедческой характеристики. Но вместе с тем это позволяет более детально и целенаправленно рассмотреть весь круг источниковедческих и методических проблем, возникающих в связи с использованием этих источников для изучения тех или иных аспектов аграрного развития (землеустройство и землепользование, крестьянское и помещицье хозяйство и т. д.).

При подведении итогов источниковедческого изучения массовых источников по аграрной истории и их использования в исследовательской практике при освещении различных явлений и процессов аграрного развития ставилась задача, с одной стороны, обобщения всего того позитивного, что было накоплено в области источниковедческой критики и в методах обработки и анализа этих источников, а с другой — выявления возможностей и путей повышения их информативной отдачи. В этом плане авторы, во-первых, стремились подчеркнуть необходимость исполь-

зования имеющихся данных как массовых комплексов и преодоления еще нередко встречающегося иллюстративного подхода к ним.

Во-вторых, ставилась задача показать, что путем совершенствования методов обработки и анализа данных, содержащихся в массовых источниках по аграрной истории, можно значительно увеличить объем извлекаемой из них информации. Тем самым могут быть устранены причины, в силу которых многие обширнейшие комплексы массовых данных (например, материалы земской статистики, сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. и др.) до сих пор слабо или вовсе не вовлечены в научный оборот. Одна из них состоит в том, что многие источники не содержат непосредственно выраженных данных, наличие которых признается необходимым для раскрытия тех или иных явлений и черт аграрного развития. Например, одним из прямых показателей степени развития капитализма в крестьянском хозяйстве может быть соотношение в этом хозяйстве собственного и наемного труда. Таких данных в сколько-нибудь значительном объеме в источниках нет. Или другой пример. Показателем соотношения в помещичьем хозяйстве развитых и примитивных форм буржуазных отношений являются данные об удельном весе свободных и полукабальных форм эксплуатации рабочей силы. Источники дают здесь также скудные сведения.

Другой причиной скептического отношения исследователей ко многим массовым источникам служит то, что публикации этих данных являются обобщенными и не содержат группировок крестьянских и помещичьих хозяйств. Так, подавляющая часть земских статистических подворных описаний крестьянского хозяйства опубликована в так называемых пообщинных («поселенных») сводках, которые не содержат группировки дворов по их хозяйственной состоятельности. В силу этого огромный массив разнообразных данных о крестьянском хозяйстве остается почти не использованным.

Разумеется, авторы глав настоящего раздела далеки от мысли, что им удалось разрешить сложнейшие проблемы, связанные с повышением информативной отдачи источников, и в частности, важнейшую из них — извлечение информации об исследуемых явлениях из источников, в которых она не выражена непосредственно. Они видели свою задачу в том, чтобы привлечь внимание исследователей к необходимости решения этой коренной проблемы современного источниковедения массовых источников. Со своей стороны авторы раздела применительно к ряду источников и определенному кругу проблем аграрной истории эпохи капитализма стремились на конкретных примерах показать, что имеются широкие возможности повышения информативной отдачи источников, извлечения из них «скрытой», внешне не выраженной информации как путем совершенствования традиционных для историков, так и в особенности путем приме-

нения новейших (математических и машинных) методов обработки и анализа данных массовых источников.

Совершенно очевидно, что рассматриваемые в разделе конкретные пути и методы совершенствования обработки и анализа и первичных и сводных массовых данных по аграрной истории далеко не исчерпывают имеющихся в этом отношении возможностей. Но уже и то, что в этом отношении достигнуто в современных исследованиях, может быть широко и эффективно использовано при обработке и анализе многих массовых данных как по аграрной истории, так и по другим аспектам социально-экономического развития.

В целом главы настоящего раздела монографии дают достаточно ясное представление об основном комплексе массовых источников по аграрной истории нашей страны эпохи капитализма, о степени их источниковедческой изученности и использования в исследовательской практике, возможных путях более широкого вовлечения этих источников в научный оборот и современных методах совершенствования обработки и анализа массовых данных об аграрном развитии.

Глава 5

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

Поворотное событие в истории России XIX в. — реформа 19 февраля 1861 г. — породило ряд массовых источников, значение которых гораздо шире, чем собственно свидетельства по истории реформы. Возникшие в ходе подготовки и проведения реформы, эти источники не только фиксируют условия выхода крестьян из крепостной зависимости, но отражают многие существенные стороны социально-экономического состояния помещичьей деревни в пред- и пореформенное время. Имеются в виду описания помещичьих имений, уставные грамоты и выкупные акты со всей сопровождающей их документацией. Именно этот комплекс источников и будет нами рассмотрен¹. По каждому из названных разновидностей источников мы установим важнейшие моменты истории их возникновения, которые так или иначе влияли на их содержание и форму; уделим определенное внимание их формуляру в пределах, необходимых для уяснения его

¹ Другой комплекс — источники, отражающие внутриклассовую борьбу вокруг реформы и степени уступок (например, проекты губернских комитетов дворян и другие материалы аналогичного порядка), — здесь не анализируется.

влияния на достоверность сведений и удобство их анализа; попытаемся обобщить опыт источниковедческого изучения этих источников и наметить пути и перспективы их дальнейшего использования.

1. ОПИСАНИЕ ПОМЕЩИЧЬИХ ИМЕНИЙ

В ходе работ губернских дворянских комитетов, которые по официальной версии должны были подготовить проекты «улучшения быта крестьян», а на самом деле определить цену, за которую помещики готовы расстаться с крепостным правом, было предпринято описание помещичьих имений по программе, предложенной Министерством внутренних дел в циркуляре от 21 апреля 1858 г.² Циркулярная программа, состоявшая из 16 пунктов (с разделением на ряд подпунктов), формулировкой своих вопросов поддерживала помещиков в их субъективной оценке своего имения. Пункты 8 — «ценность усадеб: строений и земли» и 9 — «ценность поземельных угодий разных наименований: а) ходячая цена, б) наемная плата с десятины, в) стоимость обработки, г) средний валовой доход с десятины» — прямо ориентировали на помещичью оценку. Но вместе с тем по ряду вопросов программы требовалась фиксация объективного положения вещей (количество земли в имении, число крестьян и т. д.). Согласно циркуляру все полученные сведения должны были обобщаться в пределах уезда и поуездные ведомости следовало передать в губернский комитет. Отметим, что требования даже этой официальной программы, которая была куда менее подробной, чем предлагавшиеся до нее программы, опубликованные в ряде журналов³, не выполнялись, потому что часть консервативно настроенных помещиков вообще считала программу недопустимой попыткой выведать секреты владельца.

Другая же часть помещиков пыталась воспользоваться разрешением дополнить программу сведениями о местных особенностях для подкрепления своих проектов «улучшения быта крестьян». Характерно, что один из составителей официальной программы, полтавский латифундист М. П. Позен, почти одновременно с выходом инструкции Министерства внутренних дел напечатал в «Сельском благоустройстве» статью, в которой он формально признавал целесообразность выдвинутых циркуляром вопросов программы, но ратовал только за табличную форму ответов на них. В своих комментариях к предлагаемым образцам таблиц он требовал особенно точной и подробной фиксации та-

² Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости: В 13-ти т. СПб., 1861—1876. Т 1, с. 157—159 (далее — Сборник распоряжений...).

³ Например, в журнале «Сельское благоустройство» (1858, кн. 1, с. 47—50).

ких данных, которые находились в прямой связи с его тезисом о необязательности наделения крестьян полевым наделом. Желая наделить крестьян только усадьбой, Позен особенно внимательно относился к сведениям о ней, чтобы определить возможные потери помещиков. Отметим, кстати, что в Московском комитете, который хотел лишить крестьян усадебной земли или во всяком случае дорого за нее взять, была выработана анкета, содержавшая, кроме таблиц, 17 пунктов дополнительных сведений, среди них следующие: «Какая приблизительно средняя цена жилому и хозяйственному строению крестьян?», «Какую ценность составляет усадебная земля?». Позен подчеркивал также важность сведений о грамотности крестьян, которые нужны были этому стороннику сохранения вотчинной власти помещика для доказательства «незрелости» и «неподготовленности» крестьян к самоуправлению. Зато он начисто обходил вопросы о формах и видах барщинных работ и других феодальных повинностей. Но не только консервативно настроенные губернские дворянские комитеты по-своему видоизменяли официальную программу. Тверской комитет, позиции которого отличались радикализмом, разработал формуляр программы, содержавший около 200 граф. В данном случае подробность сведений нужна была для определения цены немедленного выкупа, за который выступало большинство комитета.

Так или иначе, но губернские комитеты, приспособившая официальную программу к своим «нуждам», невероятно задержали сбор сведений, что вызвало соответствующую реакцию Министерства внутренних дел. 29 декабря 1858 г. оно предложило губернским комитетам представить к 1 апреля 1859 г. сводные данные по губерниям по форме, из которой под предлогом срочности были изъяты те немногие вопросы, позволявшие в какой-то мере получить объективное представление об экономическом состоянии имения. Все требуемые сведения сводились к средним цифрам: «обыкновенный поземельный надел», «ценность земельных угодий по средним выводам», «обыкновенный размер повинностей» и т. д. Но и по этой упрощенной форме сведения представлялись комитетами весьма неохотно, а поступавшие содержали существенные неточности: занижался размер падела, указывались повышенные наемные цены на угодья и т. д.⁴ Это обстоятельство вынудило Министерство внутренних дел потребовать от губернских комитетов выслать в Петербург «подлинные сведения, доставленные из помещичьих имений, и выводы из них, если они сделаны, в том самом виде, в каком те и другие находятся при делах дворянских комитетов»⁵. Все указанные материалы и послужили основой для издания шести

⁴ Сборник распоряжений... т. 1, с. 225—226.

⁵ Там же, с. 226.

томов сведений по помещичьим имениям⁶. Сенатор Я. А. Соловьев, автор книги «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии», получившей высокую оценку Н. Г. Чернышевского, свидетельствует о том, что приглашенный в комиссию статистик К. И. Домонтович провел всю работу по разборке сведений и своду их в «общие однообразной формы ведомости», а поскольку по его, Домонтовича, расчетам для публикации всего материала потребовалось бы 700 печ. листов, «значительные издержки и весьма много времени... положено было сделать извлечения только из сведений об именах с населением в 100 и более душ»⁷. Таким образом, подготовка к печати извлечений из сведений описаний, хотя и проводилась в спешке, по сути дела означала формализацию материала для «ведомости» с целенаправленным отбором наиболее существенного. То обстоятельство, что Домонтович стремился по возможности сохранить подробности первичного описания, привело к складыванию своеобразного формуляра «ведомости», в котором многие графы как бы конспектируют «Описания». В графах «ведомостей» угадываются некоторые пункты программы циркуляра 21 апреля 1858 г., в целом же «ведомости» не могли полностью отразить ответы на вопросы программы. Отсюда следует, что нужно различать два комплекса интересующего нас источника: первичный материал, т. е. сами «описания помещичьих имений», и свод Домонтовича, опубликованный в шести томах.

Каждый из указанных комплексов также неоднороден, так как «описания» в разных губерниях по-разному составлялись, выделяя те сведения, которые казались наиболее важными губернским комитетам. Если к этому добавить, что помещик представлял «Описания» в разгар подготовки реформы, а для проверки сообщаемых сведений не было ни времени, ни сил, то его естественным порывом было на всякий случай корректировать конкретные данные в свою пользу. Следовательно, первичный комплекс, послуживший для свода, был далеко не однороден, даже если бы он состоял из одних «описаний». Но, возможно, он включал в себя и сокращенные сведения по программе 29 декабря 1858 г., и специально затребованные данные о землевладении помещиков из комитетов земских повинностей⁸. Все это

⁶ Приложения к трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости: Сведения по помещичьим имениям. СПб., 1860, т. 1—6.

⁷ Соловьев Я. А. Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянском деле. — Русская старина, 1880, № 2 (т. 27, ч. II), с. 351.

⁸ 24 июня 1859 г. Министерство внутренних дел потребовало от губернских комитетов до 15 июля представить из комитетов земских повинностей «возможно верные сведения об общем количестве земель в помещичьих именах» по следующей форме: число душ по 10-й ревизии, количество земли: угодий, леса, всего на душу как в населенных, так и непаселенных именах» (Сборник распоряжений..., т. 1, с. 245).

предопределило неоднородность данных свода, хотя Домонтович проделал большую работу, чтобы смягчить ее отрицательные стороны единообразием подачи отобранных для публикации сведений. Поскольку работа Домонтовича носила сугубо прикладной характер — нужно было как можно скорее дать Редакционным комиссиям материал, необходимый для решения непосредственных задач по подготовке проекта «Положения», — то ряд важных с точки зрения статистической методик требований к своду вообще не учитывался. К ним в первую очередь относится требование полноты. Уже в момент выхода шеститомника был обнаружен ряд пропусков крупных владений. Но эти изъяны вполне терпимы. Более существенны органические недостатки свода, идущие от неоднородности первичного источника. Н. А. Милютин, один из самых деятельных чиновников Редакционных комиссий, не говоря уже о Н. Г. Чернышевском, видел эти слабые стороны свода Домонтовича. Скалдин отмечал произвольность и недостоверность «подлинных сведений помещиков, их управляющих и старост» о размерах оброка⁹.

Но эти справедливые оценки «Сведений по помещичьим имениям» по мере ослабления злостного интереса к тем или иным сторонам реформы постепенно забывались. Когда же реформа стала объектом исторического исследования, то сводный характер и единообразие подачи фактического материала в них способствовали тому, что они стали важнейшим источником для изучения предреформенной помещичьей деревни. На их базе была написана еще в дореволюционное время известная работа И. И. Игнатович «Помещичьи крестьяне накануне освобождения» (СПб., 1902), которая со своей стороны способствовала популяризации указанного источника в исследовательской среде. «Удобство» источника было настолько очевидным, что большинство исследователей принимали на веру сообщаемые им данные. Кроме того, следует учесть, что долгое время не вводились в научный оборот в массовом масштабе другие источники, которые отражали бы предреформенное положение помещичьей деревни, и таким образом «Сведения...» занимали монопольное место. Когда же началось интенсивное изучение уставных грамот, выявилась необходимость в детальном источниковедческом анализе «Сведений...».

К настоящему времени можно подвести итоги дискуссии, развернувшейся вокруг оценки достоверности «Сведений...»¹⁰. Следует считать доказанным, что в них преобладает тенденция преуменьшения размера крестьянского надела и преувеличения раз-

⁹ Чернышевский Н. Г. Сочинения, М., 1960, т. 5, с. 206, 505 и след.; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1960, с. 236; Скалдин [Еленев Ф. П.] В захолустье и в столице. СПб., 1870, с. 255.

¹⁰ Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967, с. 24—25.

мера повинностей¹¹. Однако далеко не оправдано нигилистическое отношение в целом к данному источнику. Содержащиеся в нем систематические сведения о помещичьем землевладении (по угодьям) делают этот источник уникальным, позволяющим изучать эволюцию помещичьего землевладения с момента Генерального межевания до падения крепостного права. Уникальны в нем и сведения о предреформенном крестьянском наделе в тех поселениях, которые в момент реформы выпали на дарственный надел. «Сведения...» — единственный источник, позволяющий в общих чертах реконструировать размер имения помещиков средней руки (от 100 до 300 душ крепостных), которые не оставили после себя вотчинной документации, заглянуть во внутренний мир этих хозяйственных организаций (формы эксплуатации крестьян, наличие сервитутов, особые выгоды и т. п.). Отмеченные ценные качества источника нужно использовать, а это требует дальнейшего совершенствования методики его изучения. Поскольку «Сведения...» не охватывают всех описаний помещичьих имений, естествен интерес к этим первичным материалам. За последние годы усилиями Г. Т. Рябкова, В. И. Крутикова, Е. К. Розова и других историков выявлены комплексы описаний, сохранившиеся в фондах Калининского, Смоленского и Тульского областных архивов. По данным Е. К. Розова описана только половина описаний имений Тверской губернии. Причем в некоторых уездах описывались почти все имения (Ржевский у.), в других — только часть. Но в 1801 описании равномерно представлены мелкопоместные имения до 21 м. д., с 21—100 и свыше ста ревизских душ¹². Если при этом напомнить, что программа описаний Тверского комитета содержала до 200 показателей, то станет ясной широта возможностей в использовании «Описаний...». В качестве примера приведем только две группы вопросов, получивших отражение в описаниях Тверской губернии. Первая группа касается имущества крестьян: требовалось сообщить о количестве крестьянской купленной земли, скота; подробно охарактеризовать крестьянские строения, промыслы. Вторая — помещичьего хозяйства: следовало указать способы ведения хозяйства, число полей, наличие машин, применение вольнонаемного труда, количество скота у помещика, урожайность на помещичьих и крестьянских полях.

Как известно, такого рода данные не получили отражения в опубликованных «Сведениях...». Рябков выявил ряд описаний

¹¹ Литвак Б. Г. О некоторых спорных вопросах реализации реформы 1861 г. — Исторические записки, 1961, т. 68; *Он же*. Русская деревня в реформе 1861 года. М., 1972; Тезисы докладов и сообщений XII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Октябрь 1970 г. Кишинев, 1971 (работы В. А. Федорова и В. И. Крутикова, Е. К. Розова и др.).

¹² Данные неопубликованной работы Е. К. Розова «Описание помещичьих имений 1859 г. Тверской губернии».

по Смоленской губернии также с довольно широким объемом информации. Однако в общем изучение первичного массива описаний едва начато, между тем оно нужно не только и не столько для проверки данных «Сведений...». Изучение описаний, содержащих неизмеримо больший круг показателей, чем «Сведения...», расширит наши представления о предреформенном состоянии помещичьего хозяйства, а, главное, описания могут послужить «точкой отсчета» для изучения пореформенной эволюции помещичьего хозяйства. Предреформенные описания, описания, сохранившиеся в фондах Государственного дворянского земельного банка, и земские описания частновладельческих имений — вот цепочка источников, которая должна быть систематически изучена в целях фундаментального решения спорных вопросов истории капиталистической эволюции помещичьего хозяйства¹³.

С другой стороны, изучение описаний в пределах уезда и губернии позволит уточнить степень адекватности их данных с данными «Сведений...» и позволит установить более точные пределы доверия к публикации Домонтовича.

Информационные возможности описаний и «Сведений...» еще далеко не исчерпаны для выяснения существенных вопросов истории дореформенной деревни, таких, например, как распространение грамотности в помещичьем селе, влияние размера земельной собственности помещика на выбор форм эксплуатации, соотношение угодий, влияние близости торговых и промышленных центров на структуру угодий и т. д.

Использованный в сопоставлении с другими источниками названный массив документации, порожденный реформой, чрезвычайно важен для исторического краеведения. Одним из источников, позволяющих корректировать и уточнять «Сведения...», является уставная грамота, к характеристике которой мы и переходим.

2. УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ И ВЫКУПНЫЕ АКТЫ

Уставные грамоты и выкупные акты представляют собой документы специального, «разового» назначения и связаны с крупнейшим переворотом в жизни страны в XIX в. — отменой крепостного права.

Уставная грамота и выкупной акт представляют собой классические разновидности массовой документации: на их примере

¹³ В этом направлении даже одно только сравнение программ описания помещичьих имений, начиная с программы, разработанной в конце 40-х годов XIX в. учеными Киевского университета при участии Д. П. Журавского, программы, опубликованных в периодической печати в 1858—1859 гг., и до земских и банковских (см.: *Велецкий С. Н.* Земская статистика. М., 1900, ч. II. Программы исследований), было бы весьма полезно в плане выяснения изменений в помещичьем хозяйстве за период с конца 40-х годов до конца XIX в.

с особой отчетливостью видны все ее характерные признаки. Их возникновение — прямое следствие начала капиталистической формации в России, и вместе с тем они неотъемлемая часть эволюционного перехода России на рельсы капитализма. Их комплексность («Уставная грамота» это — «дело») обеспечивает сохранение и изучение сопутствующих первичных документов — протокола мирового посредника, приговоров сельских сходов, жалоб, решений мирового съезда и т. д. Они позволяют проникнуть в атмосферу заключения «сделки», т. е. обязательно сохраняют такие следы повседневности, которые редко присутствуют в сделочных актах.

Обратимся к анализу уставных грамот и выкупных актов и начнем с истории их формуляра.

В материалах губернских комитетов «по улучшению быта крестьян» и редакционных комиссий, готовивших законодательный акт об отмене крепостного права и ее условиях, сохранились важные свидетельства о выработке формуляра уставной грамоты. Ю. Ф. Самарин, который, по всей вероятности, был его автором, тогда писал: «... как бы ни было полно и ясно новое положение, применение его к местным условиям, т. е. введение, — сложная и нелегкая работа... ибо от нее зависит окончательный успех преобразований». Он это правильно объяснял тем обстоятельством, что «надежды крестьян идут очень далеко и что новое положение, как бы оно ни было для них выгодно, останется ниже их ожиданий»^{13а}. Отсюда Самарин делал вывод о необходимости создания такой обстановки объявления отмены крепостного права и такого документа конкретной фиксации условий этой «царской милости», чтобы крестьяне увидели ее воочию.

«Программа действий губернских дворянских комитетов», давшая проект-план будущего положения, наметила вопросы для десятой главы «Порядок и способы исполнения нового положения». В ней указывалось, что помещик составлял для своего имени письменный акт, «определяющий подробности перехода крестьян из крепостного состояния в срочно-обязанные на точном основании положения, для каждой губернии высочайше утвержденного. Составление для подобных актов общей формы»¹⁴. Как видим, программа, исходящая из той установки, что реформа будет добровольным актом помещиков, и ориентировала создание документа в этом духе. Название «Уставная грамота» еще не присутствует, как в документации дворянских комитетов, так и Редакционных комиссий вплоть до завершающего периода их работы. Исключением являются положения Самарского и Рязанского комитетов, а также меньшинства Тульского комитета. В их документах фигурирует термин «Уставная грамота».

^{13а} Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1885, т. 3, с. 469—470.

¹⁴ Первое издание материалов Редакционных комиссий. СПб., 1860. Третий период, ч. X, с. 45.

Эта очень важная деталь позволяет наметить основные этапы рождения формуляра и самого названия основного документа реформы и определить его автора.

Ю. Ф. Самарин писал впоследствии: «... мы сочли необходимым... возложить на помещиков составление уставных грамот наподобие инвентарей западных губерний или остзейских вакенбухов, в которых бы все подробности хозяйственного положения крестьян были определены с точностью и, по возможности, предусмотрены все вопросы, недоумения, домогательства и споры, впоследствии могущие возникнуть»¹⁵. В этом свидетельстве существенна ссылка на инвентари и вакенбухи, лучше, чем все публицистические статьи Самарина, вскрывающая его понимание реформы.

Если вакенбухи были предусмотрены законом 1804 г., предоставившим личную свободу эстонским и латышским крестьянам, то инвентари 40-х годов XIX в. никакого отношения к освобождению крестьян не имели. Это были документы, определявшие обязанности крестьян по отношению к поместью, т. е. в какой-то степени регулировали эти отношения. Упоминание об инвентарях и вакенбухах не только свидетельствует о том, что Самарин, принимавший участие в деятельности инвентарных комиссий 40—50-х годов, стремился использовать их опыт в разрабатываемой реформе, а и о том, что само «улучшение быта крестьян» в его представлении имело весьма определенные рамки. Сравнение формуляра уставной грамоты Самарского комитета и инвентари 40-х годов показывает их близость, хотя последний содержал сведения о климате, водных путях и ресурсах, состоянии крестьянского хозяйства, отсутствующие в первой. Остальные части их формуляров совпадают. К ним относятся данные об угодьях и качестве земли, урожайности и крестьянских повинностях. Окончательный формуляр уставной грамоты, помещенный в качестве приложения к высочайше утвержденному «Положению» от 19 февраля 1861 г., менее подробен, что отражает общее ухудшение условий реформы, проведенное на заключительном этапе ее подготовки.

Из материалов Редакционных комиссий видно, что первоначально предполагалось разработку формуляра Уставной грамоты (название это было все же заимствовано из проектов губернских комитетов) поручить губернским властям, для которых «общим правилом для составления уставных грамот должно быть признано то, чтобы они обнимали все взаимные обязательные хозяйственные отношения владельца с крестьянами»¹⁶. Затем это предложение было отвергнуто и решено подготовить один общий формуляр. Возможно, важным доводом в пользу такого решения было опасение, что если уставная грамота будет губерни-

¹⁵ Самарин Ю. Ф. Сочинения, т. 3, с. 470.

¹⁶ Первое издание материалов Редакционных комиссий, ч. X, с. 83.

ским творением, то ее авторитет у крестьян будет подорван. Ведь недаром даже первоначальное предложение содержало указание, чтобы формуляр грамоты был печатным, дабы придать «уставным грамотам в глазах крестьян наглядно официальный характер»¹⁷.

«Проект правил о порядке приведения в действие положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» и высочайше утвержденные правила¹⁸ имеют существенные различия, дающие возможность проследить изменение не только формуляра уставной грамоты, но и порядка их введения. Все поправки и исключения статей проекта в окончательном тексте «Правил» меняли первоначальный замысел и намерения Редакционных комиссий, которые, оставаясь в пределах классовых интересов дворянства, все же пытались придать им видимость защиты прав крестьян, декларированных «Положением». Это наложило отпечаток на окончательный формуляр уставной грамоты.

О подходе Главного комитета красноречиво свидетельствует П. П. Семенов: «... содержание уставной грамоты ограничено означением самых необходимых условий, без коих невозможно было бы определить поземельные отношения помещиков и крестьян»¹⁹. Все доводы противников подробного формуляра уставной грамоты, будто они стремятся к облегчению их составления, на самом деле прикрывали желание Главного комитета предоставлять помещикам право вольной трактовки «Положений». Эти доводы были бы разумными, если бы речь шла о полном разрыве помещиков со своими крестьянами (как это предполагали члены Тверского комитета), но Главный комитет, ориентируясь на длительный период временнообязанного положения крестьян, действовал точно как помещики крепостной поры, считавшие незаконным любое регулирование их отношений с крестьянами.

Недаром в практике реализации «Положений» мы встречаемся с фактом полного игнорирования формуляра уставной грамоты, утвержденного царем, под предлогом ускорения их ввода в действие. Так, циркуляр Министерства внутренних дел от 10 июля 1861 г. фактически поощрял изготовление бланков уставных грамот с одним только гербом и заглавием без перепечатки самого формуляра²⁰. В результате во многих губерниях опускались при заполнении этих бланков существенные пункты утвержденного формуляра, такие, например, как сообщение о размере повинностей до реформы, что особенно вредило крестья-

¹⁷ *Скребицкий А.* Крестьянское дело в царствование имп. Александра II: Материалы для истории освобождения крестьян. Бонн-на-Рейне, 1862—1868, т. 4, с. 516.

¹⁸ ПСЗ-II, т. XXXVI, отд. 1, № 38661.

¹⁹ *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Эпоха освобождения крестьян в России (1857—1861 гг.). Пг., 1916, с. 599.

²⁰ Сборник распоряжений... СПб., 1862, т. 2, ч. 2, с. 102—103.

нам, бывшим помещикам на смешанной повинности, так как давало возможность обойти требование о неповышении размера оброка. В других случаях не указывалась усадебная земля, что тоже облегчало помещиков.

Итак, подлинная концентрация в руках помещиков. И думан с учетом сказанного. Формуляр уставной грамоты зателем той частью формуляра инвентаря и разработан представительности в днн части дворянства, которая проявляла заинтересованности. Но составление временнообязанного состояния крестьян не был приемлемым даже на этих весьма умеренных основах, он ственного апа землем для реакционной верхушки царского государства прав крестьян и изменен в сторону дальнейшего ущемления, которые крестьян. В результате возник формуляр уставной грамоты, который в результате возник формуляр уставной грамоты по закреплению гораздо меньше ограничивал помещиков в их действиях. В формуляре 40-х годов XIX в. выделите своих экономических интересов, чем формуляр

Но все же формуляр в утвержденной редакции содержал с 1858 г. по сведения о помещике, населении и его движении наделе крестьян в до- и пореформенное время, отрезке и прирезке земли, повинностях до и после составления уставной грамоты. Кроме того, формуляр включал и другие сведения: о количестве усадеб, их разряде, числе перенесенных на другое место, фиксировались и особые преимущества имения, оговариваемые помещиком права на сервитуты, сумма выкупа за усадебный и полевой надел, оговаривался порядок исполнения повинностей.

В конце грамоты указывалась дата ее подписания, утверждением или ее введения в действие. Грамота подписывалась помещиком или его доверенным лицом и крестьянами, что создавало юридически узаконенной сделки двух равных сторон²¹.

Как правило, каждая уставная грамота содержала и документы-приложения: сельские приговоры, акты и протоколы действий мирового посредника, постановления мирового съезда, иногда планы разверстки, переписки, постановления угодий и т. п. Они во многом дополняли живыми деталями сухой формуляр уставной грамоты, что повышало ее информативную ценность.

История формуляра выкупного акта, как производного от формуляра уставной грамоты, менее поучительна и поэтому нецелесообразно специально на ней останавливаться. Следует только отметить одну важную особенность акта, вытекающую из его расчетно-финансовой функции. В этом документе все цифровые показатели юридически признаны окончательными, что дает основания для их привлечения в качестве корректирующих данные

²¹ Подробнее см.: Литвак В. Г. К истории формуляра уставной грамоты 1861 г. — В кн.: Археографический ежегодник. 1957. М., 1958. Приложен образец уставной грамоты.

уставных грамот. Такую точность требовали интересы казны, которая через Главное выкупное учреждение определяла размер выкупной ссуды, а следовательно, и крестьянских платежей, и денежных выплат помещикам.

* * *

Еще в 20-х годах XX в. делались попытки привлечь материал уставных грамот для характеристики положения крестьян. Первым, кто специально занялся углубленным изучением уставных грамот, был И. И. Полосин, возглавивший с этой целью группу преподавателей Ярославского педагогического института. С самого начала исследователь, видевший в уставной грамоте «внешне единообразный, соизмеримый по существу, вполне пригодный для статистической обработки материал»²², считал необходимым сплошное изучение грамот, а это было под силу только коллективу.

В течение 1927 г. изучены уставные грамоты Ярославского, Рыбинского, Ростовского и Пошехонского уездов Ярославской губернии, Ржевского, Старицкого, Зубцовского и Новоторжского уездов Тверской губернии. Такая же работа проводилась во Владимире и Нижнем Новгороде, но реальные результаты в историографическом смысле оказались минимальными: появились лишь статьи И. И. Полосина, в основе которых лежали данные уставных грамот Вышгородской волости Московской губернии, Н. П. Синотова (Бурмакинской волости Ярославской губ.) и А. Н. Вершинского (Салтыковской вотчины в Калязинском у. Тверской губ.). Это далеко не соответствовало размаху аналитической работы над уставными грамотами, зато методика их изучения продвинулась вперед, так как группа Полосина выработала приемы выборки данных из уставных грамот и наметила их поволостную группировку при статистической обработке. Н. П. Синотов разработал бланк для выборки данных, который состоял из семи разделов, включавших 48 граф. Он был компактнее бланка, предложенного в 1926 г. И. И. Полосиным и В. Н. Бочкаревым, но все же оставался достаточно громоздким и по сути дела ориентировал на копирование уставной грамоты. Оба варианта бланков игнорировали приложения к уставной грамоте, т. е. понимали последнюю не как комплекс документов. Правда, Н. П. Синотов, стремясь вложить в статистические рамки и то, что не поддается подсчету, пытался в 48-м пункте бланка, названном «настроение крестьян», охватить приложения. Но этот пункт сформулирован очень невыразительно, а выделенные в печатном бланке две строчки заставляли быть предельно кратким, что лишало сообщаемый факт кон-

²² Полосин И. И. Шуваловщина в 1858—1878 гг.: (Из истории аграрной реформы в Верейском уезде Московской губ.). Очерк первый. — В кн.: Московский край в его прошлом. М., 1930, ч. 2, с. 11.

кретного звучания. Кроме того, Синотов включил в бланк вопросы, ответы на которые должны были отразить все изменения в уставной грамоте, последовавшие в период между ее введением и выходом крестьян на выкуп. Эти сведения, сами по себе очень важные для изучения послереформенной эволюции в крестьянском землепользовании, будучи поставлены в один ряд с неизменившимися данными уставной грамоты, вносили путаницу в определение первоначального надела крестьян и других условий, которые действовали в момент ее введения. Недаром И. И. Полосин, опубликовавший в 1930 г. упоминавшуюся ранее работу, отошел от бланка Синотова, хотя и считал его в целом удачным. Но так или иначе, указанные бланки и практика их заполнения установили рациональные приемы первичной подготовки материала уставных грамот к статистической обработке. Заметим, что на данной стадии их изучения априорно предполагалось, что эта разнородность источников не требует тщательной проверки на достоверность содержащихся в нем сведений, цифры завораживали своей кажущейся точностью фиксации жизненных реальностей. Уставная грамота рассматривалась как вместилище этих цифр, а другие информативные возможности ее как юридического документа исследователей не интересовали. Поэтому анализ каждой в отдельности уставной грамоты заменялся совокупной выборкой ее данных, что в условиях введения в научный оборот источника имело скорее положительное, чем отрицательное, значение: ведь вся дореволюционная историография знает только три случая обращения к уставным грамотам²³. Нужно было раскрыть дорогу этому источнику, столь важному для историографии реформы 1861 г. и крестьянства.

Значение работы И. И. Полосина и его коллег состоит не только в том, что они ввели в научный оборот этот источник, но и в том (здесь вклад Полосина особенно ощутим), что была предложена группировка первичных данных. Полосин остановился на поволостной группировке, но не считал ее единственно возможной. Однако исследуемая Полосиным волость была особой: она объединяла в себе и понятие «волость», и понятие «вотчина», так как вся «Шуваловщина», как думал Полосин, вошла в одну волость. «В нашем случае, — писал он, — контроверза „волоости“ и „вотчины“ отпала»²⁴. Тем самым он снял вопрос, следует ли при группировке уставных грамот исходить из той внутренней связи, которая существовала между селениями, входившими в одну феодальную вотчину, или, наоборот, в целях лучшей соизмеримости со статистическими данными последующего периода

²³ Ю. Ф. Самарин изучил еще в 60-х годах XIX в. несколько таких грамот, В. И. Орлов опирался уже сведениями уставных грамот Московского уезда, и только В. Серебряков в 1903 г. обработал уставные грамоты 1395 общин Саратовской губернии (подробнее см.: *Литвак Б. Г.* О некоторых спорных вопросах реализации реформы 1861 г., с. 81—119).

²⁴ *Полосин И. И.* Шуваловщина в 1858—1878 гг., с. 15.

группировать по волости? Между тем это далеко не праздный вопрос, так как крестьяне «были резко отделены... различиями в тех условиях, на которых произошла их эмансипация (а эти условия определялись иногда просто личными свойствами помещиков и их прихотью)»²⁵, а вновь образованные волости ничего не меняли в экономической структуре крестьянского и помещичьего хозяйства. Но удобства поволостной группировки, указанные Полосиным, веско защищали избранную им единицу для группировки. Он использовал экономические таблицы В. И. Орлова и Н. А. Каблукова по Московской губернии, отказавшись от предложенного Синотовым сравнения с выкупным листом. Новым явилось и то, что к работе были приложены сведения «Извлечений из описаний помещичьих имений свыше ста душ».

Таким образом, Полосин привлек сведения 1858 г., уставные грамоты и сведения 1878 г. и показал возможность их сравнения, организовав в однородные таблицы. Однако самого сравнения он не сделал. Работа Полосина создала объективную возможность изучения конкретных условий осуществления реформы в более широких масштабах, чем это делалось до него.

Однако только в 1947 г. появились исследования о реформе 1861 г., в которых отразился материал статистической обработки уставных грамот уезда и крупной вотчины. До этого он фигурировал лишь в качестве иллюстраций. Конечно, этот иллюстративный метод был шагом назад по сравнению с методикой, разработанной Полосиным.

Примерно четвертая часть работы В. С. Орлова²⁶ посвящена анализу данных уставных грамот 140 селений Краснинского уезда. Автор приводит общие итоговые данные отрезков по уезду, таблицу наиболее высокого процента отрезков по разным имениям, широко оперирует фактами, не поддающимися статистической обработке. Однако попытка раскрыть закономерности реформы в Смоленской губернии на примере одного уезда по сути дела являлась своеобразным применением иллюстративного метода.

В отличие от В. С. Орлова К. М. Щепетов изучил данные уставных грамот селений, принадлежавших Шереметеву и разбросанных по всей территории России, независимо от их экономико-географического положения. Объектом анализа стала не компактная и микроскопическая «Шуваловщина», а одна из крупнейших вотчин²⁷. Это, безусловно, был дальнейший шаг в практике введения в научный оборот уставных грамот.

В последующие годы изучение уставных грамот вступило в ту

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 313.

²⁶ Орлов В. С. Отмена крепостного права в Смоленской губернии. Смоленск, 1947.

²⁷ Щепетов К. М. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885). М., 1947. Процент отрезки Щепетов рассчитывал по данным отчета управляющего Касаткина за 1866 г. и иллюстрировал данными уставных грамот пяти сел (там же, с. 238).

стадию, когда объектом исследования становится губерния и экономический район²⁸. Если к этому добавить, что П. А. Зайончковский предпринял первую попытку свести воедино накопленный материал, полученный в результате анализа данных уставных грамот рядом исследователей, в масштабах всей страны²⁹, то совершенно очевидно, что дальнейшая массовая их обработка и строго научная группировка данных приобрели особое значение. Было начато специальное источниковедческое изучение уставных грамот, при котором главное внимание сосредоточивалось на вопросах выяснения достоверности сведений уставных грамот и установления принципов их группировки³⁰.

Критика достоверности данных уставных грамот и выкупных актов как определенной разновидности массовой документации в отличие от источников уникального характера имеет два аспекта. Первый связан с выявлением степени достоверности информации каждой данной уставной грамоты (выкупного акта). В этом случае приемы критики не отличаются от принятых при работе с уникальными источниками. Если в последних доказана достоверность каких-либо сведений, то это имеет неограниченное значение. Установление же достоверности сведений уставной грамоты по данному селению или даже группе селений представляет ограниченный интерес, ибо в силу самого характера источника не может служить прецедентом даже для уставной грамоты по другому селению или имению того же самого помещика. Поэтому чем больше уставных грамот проверено на достоверность сообщаемых ими сведений, тем больше уверенность в достоверности их совокупности. Данное обстоятельство, при котором достоверность обязательно включает признак представительности, вызывает дополнительную необходимость в выработке приемов применения представительной выборки, если изучение всей совокупности не представляется возможным.

Эта особенность характера для источниковедения массовой документации вообще, но изучение уставных грамот доказало это с убедительной наглядностью.

²⁸ Горовой Ф. С. Отмена крепостного права на Урале (по материалам Пермской губернии): Докт. дис. М., 1955. Автор установил процент отрезков в Пермской губернии по данным уставных грамот. Хотя общее количество обработанных Горовым грамот невелико (всего 303), сам факт получения уточненного процента отрезков в масштабе губернии знаменателен. См.: Литвак Б. Г. Итоги изучения уставных грамот Московской губернии (данные о крестьянском наделе). — История СССР, 1958, № 6, с. 145—158; Будаев Д. И. Изменения в землепользовании крестьян Смоленской губернии в результате проведения реформы 1861 года. — Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1959, № 4, с. 48—65.

²⁹ Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958.

³⁰ Литвак Б. Г. Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений» 19 февраля 1861 г.: Канд. дис. М., 1956.

Указанные два аспекта установления достоверности уставных грамот и выкупных актов определились в результате последовательного расширения территории, охваченной изучением. Так, при обработке 18 тыс. уставных грамот и выкупных актов Черноземного центра эти два направления реализовывались путем последовательного сопоставления сведений уставной грамоты и выкупного акта, так как в последнем, как уже говорилось, они тщательно проверены. Например, в отличие от выкупных документов в уставных грамотах часты случаи, когда количество земли в дореформенном наделе указывалось приблизительно («около», «до», «не менее», «не более», «свыше», «в пределах», «почти» и т. д.). Поскольку такие факты наблюдались более чем в одной пятой всех уставных грамот (точнее в 23%), необходимо было найти способы установления точных цифр. Для этого прежде всего были выделены те из грамот, в которых размер дореформенного надела оставался неизменным вплоть до выхода на выкуп. В выкупном документе по причинам, указанным выше, фиксировались выверенные цифры, что давало основание принимать их как наиболее соответствующие реальному положению вещей, так как на них основывались выкупные платежи крестьян. Таким путем точность показателей устанавливалась в 51,7% уставных грамот, содержащих оговорки о приблизительности размера дореформенного надела. В 8,2% грамот цифры уточнены при помощи суммирования указанного количества земли по отдельным угодьям. Сложнее было с теми грамотами, в которых дореформенный надел указывался приблизительно, распределение по угодьям не фиксировалось и производилась отрезка или прирезка. Тогда данные выкупного акта сравнивались с цифрой надела, определенного по уставной грамоте. Если они не совпадали, то по всем документам дела (планы, протоколы введения уставной грамоты, данные измерений и пр.) устанавливался точный размер отрезки или прирезки. Если он совпадал с цифрой, указанной в самой уставной грамоте, то размер дореформенного надела принимался как точный. Так было с 32,3% из общего количества грамот с приблизительно указанным размером дореформенного надела.

Для установления достоверности других данных уставных грамот решающую роль играет хорошо известный прием сопоставления источников. Конечно, лучшим контрагентом уставной грамоте мог бы быть материал вотчинных архивов. Но архивы большинства помещичьих имений не сохранились, а в имеющихся, как показало наблюдение над рядом фондов ЦГАДА, ЦГИА СССР и ГИМ, нет массовой документации за 1858—1861 гг., пригодной для сравнения с данными уставных грамот. На помощь исследователю приходят «Списки населенных мест Российской империи», по которым такие сведения, как точность наименования и расположения населенных пунктов, количество жителей в них, принадлежность к владельцу или казне, могли служить для сверки с данными грамот. Эти «Списки...» позволили выявить и сохранность

фонда уставных грамот. Целесообразно также сопоставление показателей уставных грамот о дореформенном положении крестьян с материалами «Сведений по помещичьим имениям»³¹.

Такова в целом устоявшаяся методика критики достоверности уставных грамот. Приложение — бланк для выборки сведений из уставной грамоты и выкупного акта — отражает сложившуюся методику первичной подготовки данных уставной грамоты, выкупного акта и приложений к ним к статистической обработке. Первоначальное назначение бланка состояло в том, что он должен был помочь подготовить публикацию сведений из уставных грамот и выкупных актов³². Однако это не исключало возможности статистической обработки первичного материала. Здесь мы подходим к вопросу о принципах группировки этих данных. Как мы видели, И. И. Полосин начинал с поволостной группировки, где «волость» и «вотчина» совпадали, К. М. Щепетов, исходя из целей своей работы, изучал «вотчину Шереметевых». Опыт Щепетова оправдан, когда исследователя интересует история крупной вотчины. В силу этого он применим в редких случаях и не соответствует тому переломному моменту, который знаменовал собой введение уставных грамот. Поволостная группировка, наоборот, обращена к 70—80-м годам XIX в., когда введенные (в 1861 г.) новые административные единицы — волости для бывших помещичьих селений — оказывали большее влияние на жизнь крестьян, чем это было в момент разверстания волостей, когда границы их определялись больше фискальными и религиозными интересами, чем экономической однородностью территории. С этой точки зрения группировки по «вотчине» и «волости» противоположны: одна исходит из интересов изучения дореформенного периода русской деревни, а другая — пореформенного. Уставные грамоты же фиксируют момент перелома, когда в деревне сохранялись черты дореформенной экономики, но зарождались новые — вот этот диалектический переход самой жизненной ситуации требует адекватного выражения в принципах группировки. Кроме того, поволостная группировка (как и поуездная, и в еще большей мере погубернская) нивелирует условия, на которых крестьяне разных помещиков вышли из крепостной зависимости, и не раскрывает различия интересов разных слоев помещичьего класса. Насколько обманчивы средние поволостные данные, можно убедиться, рассмотрев следующую таблицу (табл. 1).

Нелишне привести здесь симптоматическое признание Ю. Ф. Самарина. «Я боялся, — писал он А. И. Кошелеву 29 июня 1861 г., — что административная искусственная единица заест бытовую, хозяйственную единицу — сельское общество, и предлагал отсрочить учреждение волостей до слияния всего крестьянства

³¹ Литвак В. Г. Русская деревня в реформе 1861 года, с. 30—43.

³² Литвак В. Г. О некоторых приемах публикации источников статистического характера. — Исторический архив, 1957, № 2.

Таблица 1

Размеры отрезков в Волоколамском уезде Московской губернии
(в % к площади дореформенного крестьянского надела)

Волость	Имена менее 100 душ				Имена свыше 100 душ				Всего по волости
	оброчные	на смешанной повинности	барщинные	итого	оброчные	на смешанной повинности	барщинные	итого	
Аннинская	0,5	51,9	30,0	20,2	28,2	0,6	—	19,9	20,1
Буйгородская	6,2	—	—	—	—	—	—	—	—
Бухоловская	23,1	37,8	6,1	16,7	10,8	14,5	16,3	13,7	14,1
Кульпинская	10,7	—	1,5	3,7	—	14,7	37,0	25,2	23,6
Муриковская	50,0	—	—	50,0	40,6	16,7	8,2	24,1	25,6
Опейкинская	15,1	—	12,5	14,8	—	—	36,5	24,2	23,4
Плосковская	25,4	—	—	25,4	21,9	25,9	—	25,4	25,4
Середанская	—	—	15,0	15,0	—	16,9	16,7	15,3	15,2
Тимошевская	17,1	—	13,8	9,0	28,7	26,1	—	28,3	26,0
Яропольская	—	—	—	—	3,4	—	—	—	—
Итого по уезду	17,4	35,6	8,1	17,4	27,9	13,7	27,2	19,8	19,5

(казенных, удельных, помещичьих) в одно сословие. Каюсь в грубой ошибке. Опыт убедил меня, что в тесных пределах сельского общества не улеглось бы брожение умов, что для беспристрастного разрешения хозяйственных вопросов нужно открыть высшую общественную крестьянскую среду, в которой по равнопоместности ее состава сглаживались бы резкие противоположности частных, хозяйственных интересов»³³.

Смысл этого рассуждения Ю. Ф. Самарина состоит в том, что в рамках волости крестьянский «мир» включал крестьянские общества с различными конкретными хозяйственными интересами, что было немаловажным фактором в приглушении чувства общности в борьбе против помещика. Таким образом, мы установили и вторую отрицательную сторону доволостной группировки. Третья состоит в том, что при данной группировке почти невозможно выявить зависимость размера и характера отрезков от характера дореформенного ведения хозяйства помещиками и форм эксплуатации крестьян. Однако вообще отбросить доволостную группировку нельзя, хотя бы только потому, что в 70—80-х годах XIX в. и позже она явилась основной единицей группировки в большинстве земских статистических сборников.

Рассмотрим принцип группировки по экономической мощи помещичьего хозяйства, показателем которой служит количество

³³ РО ГПБ им. В. И. Ленина, ф. Самариных, И. 38, л. 169—170. Цит. по кн.: Соловьева Н. Н. Либеральное дворянство в период подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г. (Ю. Самарин): Канд. дис. М., 1951.

крепостных. Группировка помещичьих хозяйств по числу ревизских душ (до 21, с 21 до 100, свыше 100) может на первый взгляд показаться чисто формальной, некритически заимствованной из дореформенной статистики. Но это не так. В течение десятилетий сложилась определенная пропорция между количеством душ и количеством земли у помещика. Названным группам соответствовало примерно земельное владение от 100 до 500 и свыше 500 дес. Существенным удобством такой группировки является возможность сравнения группы «свыше 100 душ» с данными «Сведений...».

Но указанные показатели не вскрывают экономическую мощь поместья, если не учитывать и другой очень важный фактор, нашедший отражение в уставной грамоте, — форму эксплуатации крестьян.

С другой стороны, эти показатели сигнализируют об определенных параметрах крестьянского хозяйства, ибо известно, что на него непосредственно влияли размер помещичьего имения и форма эксплуатации крестьян. К сожалению, экономико-географические и климатическо-почвенные особенности, которые также сказывались на хозяйстве помещиков и крестьян, включить в группировку нельзя, ибо слишком несистематически они отражались в документации, но по мере возможности учитывать их необходимо.

Изложенный принцип в сочетании с поволостной группировкой был применен при обработке уставных грамот Московской губернии. Но он в дальнейшей исследовательской практике не укрепился. Основной причиной отказа от него является исключительная его трудоемкость, не оправдывающая те исследовательские результаты, которые при этом достигаются. В настоящее время утвердился принцип группировки данных по показателям количества ревизских душ и форм эксплуатации в пределах уездов. Но имеется и другой подход к группировке, при которой таблицы соизмеримых сведений по уезду заменяются изложением последних в описательной форме, таблицы же применяются только в двух случаях: 1) при подсчете числа уставных грамот, фиксирующих сокращение или увеличение надела и числа уставных грамот с неизменными наделами в момент их введения; 2) при установлении процента отрезки или прирезки по отдельным грамотам.

Различие в принципах группировки привело к печальному парадоксу: невозможности сводки полученных данных. Правда, и в данном случае поуездные сведения о результатах отрезки и прирезки, размерах душевого надела и оброка можно обобщить, но выявить существенные связи между показателями, т. е. установить какие-либо закономерности, невозможно. На стадии «проб», когда происходило становление отдельных методик, такое положение неизбежно и даже желательно, так как создает условия для свободного соревнования этих методик. В настоящее время задача состоит в унификации методики. Именно в этом на-

правления при учете накопленного опыта должно идти дальнейшее совершенствование методики изучения уставных грамот и выкупных актов. Прежде всего далеко не исчерпала себя методика, основанная на традиционных приемах. В истории ее складывания с особой убедительностью проявляется активная роль источниковеда в познании источника, в выявлении его информативных возможностей. Начав свое развитие с ограниченной цели выяснения изменений в крестьянском землепользовании (уточнение процента отрезки), методика, развиваясь, «заставила» уставную грамоту и выкупной акт давать показания, помогающие исследовать ряд фундаментальных вопросов: масштабы дореформенного обезземливания, характер «дворового состояния», предреформенную миграцию крепостного населения, степень распространенности товарно-денежных отношений в предреформенной деревне, характер дворянской задолженности, комплекс проблем, связанных с повинностями крестьян; возникновение и развитие земельной собственности крепостных и пр. Однако до сих пор исследователи обходят массовый материал уставных грамот об общественном капитале и наличии хлеба в общественных магазинах, о рекрутских квитанциях и другие сведения, разработка которых обогатила бы наши знания о «продовольственном попечительстве», размерах общинных денежных накоплений и т. п. Настоятельно необходимо расширить границы группировки помещичьих имений по количеству душ, выделив группы имений до 500 душ, до 1000 душ и т. д. Здесь на помощь могут прийти современные вычислительные средства. Но еще более перспективно развитие методики на базе математической статистики, что позволит решить ряд общетеоретических вопросов. В частности, большой интерес представляет разработка нормативов репрезентативности выборки уставных грамот и выкупных актов для изучения реализации «Положений».

Включение в инструментарий изучения уставных грамот и выкупных актов методов математической статистики расширяет возможности более точного определения факторов, влиявших на размер отрезки и прирезки, что остается до сих пор спорным вопросом. Возможно, удастся выявить причинные связи и в других сторонах реализации реформы, которые едва улавливаются, а порой и вовсе не обнаруживаются традиционными методами. Например, можно будет точнее определить причины сравнительно слабого распространения практики наделения дарственным наделом и концентрации дарственного землевладения в определенных районах. Будет облегчен сравнительный анализ влияния условий выхода из крепостной зависимости на последующую эволюцию крестьянского хозяйства, так как представится возможность сопоставить материал уставных грамот и выкупных актов с результатами земских обследований 70—80-х годов XIX в. Одно только это позволит с большей точностью, чем мы можем сейчас, проследить за быстротой исчезновения родимых пятен крепостного строя

в крестьянском хозяйстве и показать на массовом статистическом материале теоретическую глубину известной ленинской формулы: «... чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире и свободнее шло бы развитие капитализма в России»³⁴. Для данной цели полосинская поволостная группировка непригодна. Сравнение должно идти на уровне селения, а это потребует сопоставления бланка для выборки сведений из уставной грамоты и поселенного бланка, чтобы выяснить точки их соприкосновения (см. прил. к гл. 5). Затем необходимо будет все сведения из уставной грамоты, резонирующие с данными этого бланка, группировать с учетом временных показателей (момента обследования и момента выхода на выкуп или перехода на оброк или изменения надела во временнообязанном состоянии). Методы математической статистики позволяют резко увеличить возможности группировки материала. Здесь могут быть группировки селений с учетом и без учета степени развития товарно-денежных отношений в дореформенное время, что определит влияние этого фактора на пореформенную эволюцию крестьянского хозяйства. Возможной станет и группировка по критерию дореформенной формы эксплуатации крестьян, ибо выкупные платежи, как правило, были выше у бывших барщинных крестьян. Сравнительная группировка селений по признаку времени выхода на выкуп выявила бы влияние этого фактора на крестьянское хозяйство. Представила бы специальный интерес группировка селений, находившихся на барщине вплоть до указа об обязательном переходе на выкуп. В общем математические методы открывают практически неозримые горизонты совершенствования методики изучения уставных грамот и выкупных актов, что позволит расширить их информативную отдачу и уловить такие причинно-следственные связи и явления в капиталистической эволюции российской деревни, которые не могут быть выявлены традиционными методами.

Таковы общие итоги развития приемов изучения документации периода реформы 1861 г., которые, безусловно, доказывают неизбежность разработки общепринятой методики по всем разновидностям массовой документации. Без такой методики невозможно внедрение количественных методов в источниковедение массовой документации. Боязнь «декретирования», являющаяся психологическим барьером для принятия этой точки зрения, идет от традиционного представления, возникшего и укрепившегося в результате работы с источниками уникального характера. Индивидуальность историка, имеющего дело с данными массовой документации, будет проявляться не столько на стадии источниковедческой «подготовки» фактов прошлого, сколько на стадии их селекции для исторического построения.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 628.

Приложение

Бланк для выборки сведений из уставной грамоты

Арх. шифр.	(губерния)	Классификационный шифр
оп.	(уезд и волость)	Форма эксплуатации
д.	(селение)	Хозяйственная мощность
л.	(владелец)	Разряд усадеб
		Подписана ли грамота?

I	Население	Дворовые	Крестьяне
1	По ревизии 1858 г.		
2	Отпущено после ревизии на волю		
3	Переведено: в другие селения из других селений		
4	Подлежат наделу по ст. 6		
5	Не подлежат наделу по ст. 8		
6	Отказались от надела		
7	Получили надел		

II	Земля у крестьян	Десятин	Кв. саж.
8	До обнаружения «Положения», всего в том числе усадебной: из нее выгона:		
9	Высший размер душевого надела по «Поло- жению»		
10	Получено по уставной грамоте		
11	Отрезано		
12	Прирезано		
13	Передано безвозмездно		

III	Повинности
14	1858 г. 1) Оброк с тягла — руб. — коп., Всего — руб. — коп. 2) Смешанные: а) денежная часть б) натуральная часть 3) Барщина тягол

15	По уставной грамоте 1) Оброк с души — руб. — коп., всего — руб. — коп. 2) Количество дней: муж. лет. — жен. лет. — муж. зим. — жен. зим. —
16	Всего усадеб _____ из них перенесено _____

IV	Выкупной лист
17	Число наделов _____
18	Количество земли _____
19	Выкупная ссуда _____ погашение долга _____ Всего _____
20	Дата выхода на выкуп _____

Наименование угодий	По уставной грамоте		По выкупному листу	
	дес.	саж.	дес.	саж.
Пахотная земля Усадебная * Выгон Луг Кустарник				

Глава 6

СТАТИСТИКА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

1. ОБЗОР И ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

При изучении землевладения и землепользования в пореформенной России историкам приходится обращаться прежде всего к статистическим публикациям, во-первых, потому, что данные статистического учета в них уже обработаны, приведены в определенную систему, а во-вторых, вследствие того, что большая часть первичных материалов либо не сохранилась, либо еще не

обнаружена. С конца XIX в. в России существовало несколько видов статистического учета землевладения и землепользования. В правительственной статистике выделялись учет, непосредственно подчиненный Центральному статистическому комитету МВД (ЦСК), и учет, проводившийся отдельными министерствами и ведомствами для их собственных нужд. Кроме того, большой объем данных о землевладении и землепользовании был накоплен земской статистикой.

Сведения о землевладении, собранные и опубликованные ЦСК, являются наиболее массовыми как по составу сведений, так и по широте охвата исследуемого явления. Речь идет о публикациях материалов земельных переписей.

Для того чтобы восполнить отсутствие земельного кадастра и получить представление об изменениях, происшедших в поземельной собственности, правительство периодически прибегало к переписям поземельной собственности Европейской России. По первоначальному плану они должны были проводиться через каждые 5 лет, но было организовано всего три переписи — в 1877, 1887 и 1905 гг. Публикации их материалов и являются наиболее известными изданиями ЦСК по статистике землевладения.

Источниковедческий анализ материалов переписей предполагает изучение программ, техники сбора и проверки сведений, а также сравнение последних между собой и с данными других источников в целях установления степени их представительности, достоверности и точности.

Лучшей из всех переписей, несомненно, является первая перепись. Руководил ею известный русский географ и статистик П. П. Семенов (впоследствии Семенов-Тянь-Шанский), возглавлявший ЦСК. 4 мая 1877 г. последовал циркуляр Министерства внутренних дел губернаторам о проведении обследования. Сведения собирались по формулярам, составленным ЦСК. Заполнение опросных бланков было поручено для крестьянских земель волостным правлениям, а для других — землевладельцам. Программа обследования была относительно несложной. Кроме фамилии землевладельца и количества принадлежавшей ему земли требовалось указать сословие или звание, для крестьянских обществ — число дворов, число душ (ревизских — мужских, по семейным спискам — мужских и женских) и способы пользования пахотной землей (общинный или подворный).

Рассылку бланков, сбор листов с ответами и первоначальную проверку их возложили на чинов местной уездной полиции, которые были обязаны, сверив листки с данными уездных земских управ (по окладным книгам) и отметив те, которые разнились от показаний землевладельцев, передать материалы в губернские статистические комитеты. Комитетам принадлежали окончательная проверка материалов с возвращением неправильно заполненных листов на места для поправки, составление списков населенных мест и землевладений по уездам. Далее все эти данные

передавались в ЦСК, где была произведена разработка всего материала. Первоначально срок представления материалов в Санкт-Петербург был назначен к декабрю 1877 г., но по ходатайству губернаторов ввиду сложности операции и условий военного времени продлен до начала 1880 г.

Наиболее существенным препятствием к статистической точности проводимой переписи явилась неупорядоченность земельного учета на местах. Зачастую ни сами владельцы, ни волостные правления, ни казенные палаты и земства не знали точного количества имевшейся в данной местности земли.

К недостаткам переписи следует отнести также ненадежность контроля данных. Средством такого контроля служили земские окладные книги, документы фискального назначения, в которые происшедшие изменения вносились не всегда своевременно. Кроме того, чины уездной полиции не прошли специальной подготовки для проведения сложной и ответственной операции, какой являлся контроль собранных в ходе переписи сведений.

Текущие сведения казенных палат и земств были нередко несравнимы между собой, а иногда и заведомо неполны. Кроме того, из-за отсутствия на местах списков владений 7% владений вообще не были зарегистрированы¹. Перепись не коснулась области Войска Донского и Измайльского уезда Бессарабской губернии, отошедшего к России в 1878 г.

Сведения собирались как об удобных, так и неудобных землях². Однако выявленные сведения о неудобных землях оказались настолько неудовлетворительными, что ЦСК пришлось отказать от первоначальной мысли указать площади удобных и неудобных земель для всех категорий землевладения и довольствоваться помещением сведений лишь о наделных землях, для которых эти категории земель удалось разграничить.

Основные принципы, которыми руководствовались сотрудники ЦСК при сводке собранного в ходе переписи статистического материала по личной земельной собственности, были следующие³:

¹ Святловский В. В. Мобилизация земельной собственности в России. СПб., 1911, с. 29.

² Понятие «удобные» не всегда совпадает с понятием «облагаемые». Свободными от обложения были земли главным образом лишь неудобные. Но и они могли облагаться, если приносили доход. С другой стороны, и удобные земли не все подлежали обложению. Так, свободными от него были земли казны, дворцовые, кабинетные, монастырские, архиерейских домов, богоугодных и учебных заведений, земли, отведенные под железные дороги при их устройстве, городские выгонные, выделенные под водопроводы, защитные леса и лесонасаждения. В немагом числе уездов данные ЦСК об удобных землях сравнивать с показателями других источников довольно рискованно, а в губерниях с громадными неурожайными в межвом отношении пространствами (на Севере, Северо-Востоке и Востоке) вообще невозможно. Необходимо, однако, иметь в виду, что необлагаемые налогом удобные или неудобные, но облагаемые земли составляли в большинстве губерний незначительное количество.

³ Подробнее о личном землевладении и других категориях владений см.:

землевладения в $\frac{1}{2}$ дес. и менее в расчет не принимались во избежание дробей в таблице, но владельцы их включались в общее число. Землевладения свыше $\frac{1}{2}$ и мене 1 дес. считались за целую десятину, совладельцы — за одного владельца, за исключением товариществ, которые создавали крестьяне для приобретения земли в личную собственность (все члены товарищества учитывались как отдельные владельцы).

Крестьяне, имевшие личные участки, часто не отмежевывали их от общинных полей, и они включались в общую площадь общинной земли. Такие крестьяне личными собственниками не считались. Если эти участки переходили в руки представителей иных сословий или крестьян других сельских обществ, то они рассматривались как личная собственность владельцев и из общинных земель исключались.

Имения одного собственника, находившиеся в нескольких местах уезда, рассматривались как одно землевладение, т. е. считались за одну поземельную собственность. В результате публикации итогов переписи, положивших начало статистике землевладения в России, дают завышенное число собственников в общем итоге (по губерниям, районам Европейской России), суммирующее количество поземельных собственников по уездам⁴. Такой прием не позволял точно судить о концентрации земли в руках крупных собственников, так как одному собственнику нередко принадлежало по нескольку имений, располагавшихся в разных уездах одной губернии или в разных губерниях.

Положение 19 февраля 1861 г., как известно, разрешало выделять крестьянам неудобную землю лишь сверх установленного надела. А так как сведения о землях бывших помещичьих крестьян ЦСК брал из уставных грамот, то, следовательно, в этой публикации в общее количество надельной земли вошла только удобная земля. Однако следует иметь в виду как условность термина «неудобная земля», так и трудность ее учета. Дело в том, что неудобная земля иногда включалась в опросные листы (чаще всего приблизительно), но в каких случаях это делалось, установить нельзя. Это является одним из существенных недостатков переписи 1877—1878 гг., сказавшимся и на качестве статистической публикации. По заявлению составителей публикации, количество неудобных земель в собственности и пользовании крестьян было незначительным⁵. У бывших государственных крестьян неудобных земель было больше, и учтены они лучше, чем у бывших помещичьих, но эти земли не принимались в расчет во избежание

✓ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1880, вып. 1, с. I—VIII.

⁴ Итоги переписи 1877—1878 гг. публиковались ЦСК с 1880 по 1886 г. Сводный материал обследования составил 8 томов (там же, СПб., 1880—1885, вып. 1—8).

⁵ Там же, вып. 1, с. 5.

разнобоя и несравнимости данных. Участки же, которые представлялись государственным крестьянам для обеспечения топливом и строительным материалом и за которые они уплачивали особый налог, составители включили в удобные земли.

По поступавшим в ЦСК материалам иногда трудно было провести грань между наделными землями и землями, приобретенными покупкой или другими способами. В рубрику земель, «прикупленных целными обществами», могли попасть угодья, находившиеся во владении целого сельского общества или волости, не размежеванные по деревням. Правда, случаев таких, по свидетельству составителей публикации, было немного, и они не могли повлиять существенным образом на общую картину крестьянского землевладения.

В общий итог наделных земель крестьянских общин помимо собственно земель бывших владельческих, удельных и государственных крестьян включены также общинные земли башкир и тептерей, поселян-собственников, бывших колонистов разных национальностей, евреев-земледельцев, резешей Бессарабской губернии, казаков Оренбургского и Астраханского войска, а также крестьянские земли прибалтийских губерний, состоявшие в пользовании сельских общин.

Следует иметь в виду, что в рубрике «бывшие владельческие» кроме бывших помещичьих крестьян учитывались крестьяне, принадлежавшие разного рода учреждениям, городам (в западных губерниях), приписанные к частным заводам и фабрикам. В разряд бывших государственных вошли крестьяне всех наименований этого разряда, в том числе казаки украинские, однодворцы, на правах поселян и свободные хлебопашцы, крестьяне казенных заводов и фабрик. Исключением составляли крестьяне мелкопоместных владельцев, переданные в казну после обнаружения Положений 19 февраля 1861 г. — они учитывались вместе с бывшими владельческими.

В «Статистике поземельной собственности» заключаются данные о числе и размерах земельных владений по сословиям и категориям владельцев по 49 губерниям и уездам Европейской России.

Все выпуски этого издания построены в основном по единому плану. Вслед за кратким предисловием составителей помещена таблица процентных отношений категорий земельных владений, изображенных графически на десяти картограммах. Затем следуют шесть таблиц, в которых были разработаны отдельно по каждой губернии следующие сведения: в таблице 1 — данные об общем количестве поземельной собственности с распределением по главным категориям (частная собственность, собственность крестьянских общин, казны и разных учреждений); в таблице 2 — о землях частной личной собственности с распределением по размерам землевладений; в таблице 3 — то же, по сословиям владельцев; в таблице 4 — подробные сведения о наделных землях;

в таблице 5 — о числе населенных мест по категориям и в таблице 6 — о числе жилых строений во всех селениях вместе и крестьянских селениях отдельно.

К четырем выпускам «Статистики» П. П. Семенов предпослал обширные введения, содержащие подробную экономико-географическую и статистическую характеристику центральной земледельческой, московской промышленной, нижеволжской, литовской и белорусской групп губерний и имеющие самостоятельное значение важных исторических источников. Помимо разнообразных сведений географического, экономического, этнографического характера в них имеется много дополнительных вторичных таблиц, составленных по данным основных таблиц выпусков.

Осенью 1881 г. ЦСК произвел новое, дополнительное обследование распределения земель по угодьям. Материалы обследования, согласованные с данными 1877—1878 гг., были опубликованы в 1884 г. в специальном издании, составившем как бы девятый том «Статистики поземельной собственности...»⁶ Наконец, в 1886 г. ЦСК публикуются в сжатом сводном виде общие результаты переписи 1877—1878 гг. Этот новый, десятый по счету том включает в себе те поправки и дополнения, которые комитет сделал на основании осеннего обследования 1881 г., а также «некоторые поправки вследствие обнаружившихся ошибок в обследованиях 1877 и 1881 гг.»⁷

В последней публикации по 49 губерниям (в губерниях по уездам) представлены данные о землевладении по следующим категориям: 1) земли частновладельческие, 2) наделные, 3) казенные, удельные и остальных владельцев (церквей, монастырей, городов, посадов). Первая категория подразделяется на земли личные и собственность обществ и товариществ. Сведения о личных землях указаны по сословиям, а в каждом сословии по группам: до 10 дес., 11—100, 101—500, 501—1000, 1001—5000, 5001—10 000, свыше 10 000 дес.

Категория наделных земель включает земли: а) удобные, б) неудобные, в) прикупленные целыми общинами. В третью категорию выделены земли казенные, удельные и остальных владельцев.

Нельзя не согласиться с составителями переписи, считавшими, что «собранные сведения, будучи совершенно удовлетворительны вообще, заслуживают самой подробной разработки по всем предметам»⁸. Проведенная ЦСК в 1877—1878 гг. перепись по-

⁶ Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 г. — В кн.: Статистический временник Российской империи. СПб., 1884, сер. III, вып. 4.

⁷ Поземельная собственность Европейской России 1877—1878 гг. — В кн.: Статистический временник Российской империи. СПб., 1886, сер. III, вып. 10.

⁸ Там же, с. 2.

земельной собственности и населенных мест представляла для того времени выдающееся мероприятие, вполне соответствовавшее европейскому уровню статистической науки и практики. Несмотря на отдельные недостатки, являющиеся результатом как ограниченности методологии и неразработанности отдельных вопросов статистической науки, так и чисто организационных трудностей, перепись тем не менее дает исследователю в целом добротный цифровой материал, подробно характеризующий состояние землевладения в пореформенный период и позволяющий представить сравнительно полную картину землевладения конца 70-х годов XIX в. в России.

По материалам первой переписи ЦСК было издано еще несколько статистических сборников, которые касаются либо отдельных вопросов землевладения, либо определенной территории⁹. Наибольший интерес представляет публикация «Волости и важнейшие селения Европейской России» в 8 томах. До последнего времени это издание почти не использовалось исследователями при изучении истории аграрных отношений в России¹⁰. А между тем в нем помимо поуездных списков селений содержатся статистические таблицы о волостных территориях и распределении в них поземельной собственности. Эти данные имеют большое значение прежде всего для проведения локальных исследований, детального изучения земельных отношений в пореформенный период.

Спустя 10 лет после первой переписи было проведено второе обследование землевладения. Целью переписи было наряду с «изображением состояния землевладения выяснение земельной статистики сельского хозяйства», а именно распределение земли на угодья (пашня, лес, выгон и пр.), распределение пашни по сельскохозяйственным культурам (посевная площадь, пар и пр.), распределение отдельных сельскохозяйственных культур (пшеница, рожь, овес и пр.). Предпринимая новое обследование в 1887 г., ЦСК стремился проводить его по программе, в значительной степени совпадающей с первой переписью, с тем чтобы «путем сравнительного анализа показаний прийти к более точным результатам»¹¹. Однако следует подчеркнуть, что вторая перепись прошла менее организованно, по значительно сокращенному плану, разработка собранного материала была ограничена более узким кругом вопросов. При ее проведении особенно наглядно проявилась ве-

⁹ Волости и важнейшие селения Европейской России. СПб., 1880—1886, вып. 1—8; Волости и гмины 1890 г. СПб., 1892; Еврейское население и землевладение в Юго-Западных губерниях Европейской России, входящих в черту еврейской оседлости. — В кн.: Статистический временник Российской империи. СПб., 1884, сер. III, вып. 2; Сведения о землевладении в Привислипских губерниях. — Там же, СПб., 1886, сер. III, вып. 14.

¹⁰ Тарасюк Д. А. Волости и важнейшие селения Европейской России как исторический источник. — История СССР, 1973, № 5.

¹¹ Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. — В кн.: Статистика Российской империи. СПб., 1892, т. 22, вып. 1. Архангельская губерния, с. 1.

домственная разобщенность в организации российской статистики. В 1887 г., когда почти при всех земских управах были созданы статистические бюро, укомплектованные квалифицированными сотрудниками, когда были уже проведены подворные обследования во многих уездах, ЦСК, как и во время первой переписи, по-прежнему опирался только на органы полиции.

Материал очередной переписи разрабатывался около пяти лет, и лишь в середине 1892 г. приступили к его публикации. Выпуски выходили по мере окончания разработки по каждой губернии в отдельности. Всего за 17 лет было издано 46 выпусков¹². По области Войска Донского сведения не поступили, а по Астраханской, Лифляндской и Пензенской губерниям материал оказался настолько недоброкачественным, что его решили не печатать. Из опасения задержки и без того затянувшейся публикации ЦСК отказался от первоначального плана разработки материала по образцу первой переписи и ограничился разработкой лишь общих сведений о поземельной собственности, органически связанных с данными о распределении земель по угодьям, собранными в 1881 г.

Отказ от первоначального плана предопределил низкое качество этой публикации. Изданные выпуски, каждый из которых содержит пять таблиц, кроме сведений об угодьях, дают лишь суммарные данные о распределении земли по категориям владельцев, совершенно не касаясь распределения владений по размерам, что было бы важно для сравнения с данными предыдущего обследования.

При распределении земель по угодьям указывалось количество земли (пахотной, сенокосной, пастбищной, лесной, остальной удобной и неудобной) по трем главным категориям — частновладельческие, казенные, наделные. Частные земли даны по сословиям владельцев (дворян, купцов, мещан, крестьян).

Данные первого и второго обследования практически несопоставимы между собой. Во-первых, перепись 1887 г. обнимает как удобные, так и неудобные земли, а обследование 1877 г. не содержит сведений о неудобных землях крестьянского надела — они не только исключены из наделных земель, но и из общей площади всех земель вообще. Кроме того, прикупленные крестьянами земли за 1877 г. указаны то в наделе, то в землях частновладельческих, а иногда и вовсе не учитываются (Калужская губерния), тогда как в 1887 г. они отнесены только к частному владению. Во-вторых, данные о числе владений по обследованию 1887 г. и 1877 г. не всегда сравнимы между собой. По переписи 1887 г. были учтены владения определенной местности независимо от того, состояло ли несколько владений в собственности одного лица или одно владение в собственности нескольких лиц. При обследовании же 1877 г. была сделана попытка исчисления действительного числа владельцев в уезде. Каждый из участников товари-

¹² Статистика Российской империи. СПб., 1892—1909, т. 22—23, вып. 1—46.

ществ, которые крестьяне создавали для покупки земель, принимался за одного владельца, вследствие чего число частных владельцев-крестьян должно значительно превышать указанное в публикации переписи 1887 г. число владений крестьян.

Третья земельная перепись проводилась ЦСК в разгар революции 1905 г. (лето 1905—начало 1906 г.).

Сбор необходимого статистического материала был поручен губернским статистическим комитетам без каких-либо подробных пояснений и почти без всякой финансовой помощи. Для подачи необходимых сведений определили жесткий срок — 1 января 1906 г. Вместе с циркулярным приказом высылались указания о категориях владений, подлежащих обследованию, и примерные образцы списков землевладельцев. Комитетам предписывалось составить по прилагаемым образцам списки всех землевладельцев по уездам и отдельным группам, принятым при первой переписи 1877 г.

Способ собирания сведений в значительной мере предоставлялся на усмотрение губернаторов. Рекомендовалось лишь обратиться к содействию казенных палат и проверить все списки по окладным книгам. Такая «демократическая» рекомендация привела к тому, что на местах довольствовались сообщением в ЦСК в основном сведений окладных книг, что обусловило ряд серьезных дефектов. Так, например, сведения о казенных и удельных землях ограничивались данными об урочных статьях и не совпадали со сведениями центральных учреждений, ведавших указанными землями. В площадь городских земель включалась лишь облагаемая их часть, т. е. заселенные (застроенные) земли и т. д.

В 1906—1907 гг. были изданы погубернские сводки и отдельно общая сводка¹³.

Составителям при сводке данных пришлось провести существенную доработку поступивших первичных материалов. «Огромное большинство их, как исправимые, тотчас по мере обнаруживания их при разработке, отправлялись на места для исправления». Другие материалы исправили на «основании иных данных», те же погрешности, которые сочли «несущественной важности», оставили без изменения¹⁴. В целом же соглашаясь с составителями «Статистики землевладения 1905 г.», можно признать ее данные вполне удовлетворительными.

К материалам переписи 1905 г. неоднократно обращался В. И. Ленин (в работах «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции» и др.), полагая, что при правильном объективном анализе они позволяют раскрыть суть аграрного вопроса в России¹⁵. Но при этом В. И. Ленин отмечал и ее недостатки

¹³ Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губ. Европейской России. СПб., 1907.

¹⁴ Там же, с. 3.

¹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 135.

(например, группировку сведений по крестьянскому надельному землевладению он считал неполной и неясной)¹⁶.

В «Статистике землевладения 1905 г.» содержатся сведения о землевладении 50 губ. Европейской России, распределенные по трем главным категориям: 1) владения частных собственников, 2) надельные земли, 3) земли государства, церкви и учреждений.

Первая категория подразделяется на личную частную собственность и собственность обществ и товариществ. Личное землевладение представлено по сословиям владельцев и группам:

Менее 10 дес.

10—20	100—200	1000—2000
20—30	200—300	2000—3000
30—40	300—400	3000—4000
40—50	400—500	4000—5000
50—100	500—1000	5000—10000
		свыше 10 000

Итого: до 100   Итого: до 1000   Итого: свыше 1000

По надельным землям дается для каждого из уездов и рядов крестьян (бывшие владельческие, государственные, удельные) число дворов, количество земли вообще и па один крестьянский двор (до 5 дес., от 5 до 10 дес., свыше 10 дес.).

В третью категорию входят земли казны, уделов, церкви, монастырей, городов и иных учреждений (вместе).

Данные переписи 1905 г. сравниваются с соответствующими данными обследования 1877 г., взятыми из «Статистики поземельной собственности».

Как видно, «Статистика землевладения 1905 г.» оперирует почти теми же категориями и группами землевладения, что и «Статистика поземельной собственности». Разные подгруппы выделены в крестьянском надельном землевладении, но здесь вполне сопоставимы удобные земли крестьянских общин. Лишь группировка дворянского землевладения по размерам для получения сравнимых данных требует дополнительного пересчета.

Подводя итоги, можно отметить большое значение материалов земельных переписей 1877, 1887, 1905 гг. для исследования особенностей землевладения пореформенной России. Широта охвата исследуемого явления, одновременность описания землевладения по всем районам Европейской России, сравнимость материалов обследований по различным категориям и группам владений (имеются в виду данные 1877 и 1905 гг.) придают опубликованным материалам переписей уникальный характер и делают их практически единственным источником для изучения размещения и структуры землевладения в конце XIX—начале XX в.

---

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 197.

Сведения, содержащиеся в публикациях переписей 1877, 1887 и 1905 гг., широко использовались дореволюционными и советскими историками при анализе сословной структуры и движения землевладения в пореформенной России.

Образцом использования массовых статистических данных о землевладении для изучения социально-экономического развития России конца XIX—начала XX в. являются лепинские работы.

Современные советские историки-аграрники также широко привлекают сведения земельных переписей. На основе данных этих источников в их трудах распределение различных категорий (государственные, частные, наделные) и групп (по сословиям и размерам владений) земельных владений рассматривается с точки зрения изучения эволюции этого процесса в конце XIX—начале XX в., при этом основное внимание акцентируется на различных аспектах поземельных отношений. Так, например, одной из главных задач Л. М. Иванова¹⁷ было выявить специфику процессов перераспределения земельной собственности на Украине. Для этого он сопоставил сведения о землевладении по Украине со средними данными по всей Европейской России в целом. А. М. Анфимов и Л. П. Минарик¹⁸ использовали материалы земельных обследований для характеристики дворянского землевладения, в особенности крупного и крупнейшего. В названных исследованиях Л. М. Иванова и А. М. Анфимова, а также в работе С. М. Дубровского¹⁹ рассматривается также распределение наделных и купчих крестьянских земель между отдельными разрядами и группами крестьян.

Для настоящего этапа освоения материалов земельных переписей характерно возрастание источниковедческого интереса к ним²⁰. Специальный источниковедческий анализ данных переписей поможет скорректировать степень их точности и достоверности, а также явится основой для совершенствования методики их обработки.

Наряду с изданиями ЦСК сведения о землевладении содержатся в статистических публикациях различных министерств и ведомств. Так, в 1917 г. Отделом переписей Министерства земледелия по предложению Временного правительства была осу-

¹⁷ Иванов Л. М. Распределение землевладения на Украине накануне революции 1905—1907 гг. — Исторические записки, 1960, т. 65.

¹⁸ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969; Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России (землевладение, система хозяйства). М., 1971.

¹⁹ Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство в России периода империализма. М., 1975.

²⁰ Минарик Л. П. Статистика землевладения 1905 г. как источник для изучения крупного помещичьего землевладения. — В кн.: Малоисследованные источники по истории СССР. М., 1964; Тарасюк Д. А. Из истории статистики землевладения в России (перепись 1877 г.). — Вестник Московского ун-та. История, 1973, № 3.

пещствлена Всероссийская земельная и сельскохозяйственная перепись. При ее проведении использовались следующие формы учета: подворная карточка, общинный бланк, карточки на товарищеские земли, частновладельческий бланк. Учет крестьянских и частновладельческих хозяйств проводился на подворных карточках. Крестьянские земли подразделялись на наделельные и купчие. В свою очередь наделельные земли подразделялись по форме владения на общинные и подворно-наследственные. Общинные и подворно-наследственные земли, укрепленные в личную собственность, регистрировались отдельно по хуторским, отрубным, чересполосным участкам. При переписи учитывались также количество десятин укрепленной купленной земли (записывалось в специальную графу и включалось в общее количество укрепленных земель) и проданные укрепленные наделы. Сведения о купле и продаже укрепленных наделов давали возможность судить о влиянии столыпинской аграрной реформы на перераспределение крестьянских земель. Купчие земли в подворной карточке разделялись на единоличные, общественные, товарищеские. Подворная карточка также учитывала земли по их хозяйственному использованию (усадебная земля, пашня, покос, лес и кустарник, выгон, всего удобной земли).

Второй формой учета являлся общинный бланк, где фиксировались сведения об общинном и единоличном землевладении. Здесь данные о наделельных и купчих землях также приводились по угодьям. При этом параллельно должны были вноситься данные опроса и документального учета, что давало возможность для их сравнения. Большое внимание уделялось регистрации земель, выделенных из общины. Общинный бланк выяснял, как произошло выделение земли из общины: в виде хутора, отруба или чересполосного наделения и в каких размерах.

Учет купленных и арендованных земель крестьянских товариществ осуществлялся на «картах на товарищеские земли». В них приводились сведения о количестве десятин земли, фамилии пайщиков, число долей или десятин, приходящихся на каждого, распределение общего количества земли по угодьям.

Сведения о размерах землевладения частновладельческих хозяйств, имеющих удобную земельную площадь до 400 дес., заносились в подворные карточки. Для хозяйств, имеющих большую площадь удобных земель, в специальных бланках указывался не только их общий размер, но и размер отдельных участков. Все земли учитывались по угодьям. Вносимые в бланк данные получались на основании документов, планов, а также в результате обследования имений.

Данные о размерах землепользования крестьянских и частновладельческих хозяйств содержались также в разделах о посевах, аренде и сдаче земли подворной карточки и частновладельческого бланка.

В каждом крестьянском хозяйстве регистрировались индиви-

дуальная аренда и его участие в коллективной аренде товарищества, общины. Отдельно фиксировались аренда и сдача наделных и вненаделных земель в обществе, к которому принадлежал крестьянин, и в соседних общинах. Указывалось, у кого арендовалась и кому сдавалась земля — частному лицу, учреждению, банку, земству, городу, обществу. Кроме того, отмечалось — у крупного или мелкого землевладельца были взяты в аренду земли. В графе «условие» выявлялась форма арендной платы (денежная, натуральная, отработочная, смешанная и т. п.) или форма аренды (издольная, бесплатная, добровольная, захватная). Аренда и сдача земли регистрировались по всем основным видам угодий.

Частновладельческий бланк (для хозяйств, имевших свыше 400 дес.) включал вопрос об аренде земли экономией, сдаче земли в аренду целыми участками, подесятинной (денежной или смешанной).

Кроме крестьянских и частновладельческих земель собирались сведения о землях монастырских, церковных, казенных и государственных.

Сравнительно сложная схема и программа сбора данных требовали тщательной разработки материалов переписи и не могли быть выполнены за короткое время.

Особые трудности представлял учет земельных площадей (по посевам и категориям) в тех губерниях, где ранее не производилось земельных обследований. В данном случае проверочный материал мог быть получен лишь при условии большой предварительной работы по копированию и выборке планов и документов из межевого и других архивов. Для этого не было ни времени, ни средств, и в тех губерниях, где отсутствовал проверочный материал, данные переписи 1917 г. о земельных площадях могут быть неполными (Архангельская, Астраханская, большинство сибирских, некоторые из юго-западных губерний). В данном случае имеется в виду распределение земли по угодьям, так как общая площадь земли выявлялась в обследованиях в 1877 и 1905 гг.

В изданных в 1919 г. ЦСУ предварительных погубернских итогах переписи 1917 г.²¹ раздел «Землевладения» включает сведения о количестве земли по угодьям (усадебная, пашня, сено-

²¹ Предварительные погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 29 губерниям и 6 областям. М., 1919. Кроме того, появился ряд местных изданий: Предварительные итоги сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.: (В целях продовольствия). Пенза, 1917, вып. 1; Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи по Тобольской губернии: Общинные хозяйства. Поуездные и погубернские итоги и некоторые выводы из полученных переписью данных. Тобольск, 1918. Местные публикации содержат сведения об обеспеченности крестьянских хозяйств наделной и купчей землей, характере общинного наделного землевладения, товарищеских и общественных землях, т. е. о коллективной собственности крестьян.

кос, лес, кустарник, выгон, невыясненные угодья, итого удобной, неудобной, всего), а раздел «Землепользование» — данные о числе безземельных хозяйств, размерах посевных площадей по всем основным культурам, временно пустующих землях и т. п.

В наиболее полной публикации материалов переписи 1917 г.²² содержатся следующие сведения о землевладении: площадь усадьбы, пашни, сенокоса, леса, выгона, общая площадь удобных и неудобных земель. Данные приведены отдельно по крестьянскому, частновладельческому и прочим хозяйствам по губерниям, а в губерниях по уездам. Публикация включает сведения о крестьянских хозяйствах, имевших купчие земли, без указания их площади.

Итак, в материалах переписи 1917 г. содержатся обширные и ценные сведения о землевладении и землепользовании накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Наибольшей информативной ценностью среди них обладают первичные материалы переписи — подворные карточки. К сожалению, они наименее доступны историкам. Пока лишь делаются первые попытки по их розыску и обработке. Опубликованные сведения переписи 1917 г. по землевладению и землепользованию (будучи неполными и мало сравнимыми с предыдущими земельными обследованиями) используются историками слабее, чем ее данные о состоянии крестьянского и помещичьего хозяйства. В этом плане можно отметить лишь усилия сибирских историков, которые помимо материалов обобщающих изданий широко привлекают для анализа данные местных публикаций и первичные материалы переписи. Причем следует учесть, что местные публикации по Сибири, в частности по Тобольской губернии, были осуществлены по более полной по сравнению с центральными изданиями программе и, следовательно, содержат более богатый комплекс данных. Это дает возможность расширить состав и количество анализируемого материала. Так, например, А. М. Горюшкиным²³ были использованы «Предварительные итоги по Тобольской губернии», в которых имеются развернутые сведения об аренде инвентаря, формах землепользования и количестве купчей земли у крестьян (причем хозяйства старожилов отделены от переселенческих). В. Г. Тюкавкин²⁴ для выявления сельскохозяйственного земельного фонда Сибири и распределе-

²² Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи по 57 губерниям и областям. — Труды ЦСУ, 1923, т. V, вып. 2. Кроме специальных обобщающих изданий материалов переписи 1917 г. ЦСУ включило собранные в ходе нее сведения о землевладении в «Статистический сборник за 1913—1917 гг.» (М., 1921, вып. 1) и «Статистический ежегодник. 1921 г.» (1922, вып. 1).

²³ Горюшкин А. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков: Конеч XIX—начало XX в. Новосибирск, 1967, с. 236—237.

²⁴ Тюкавкин В. Г. Сибирское крестьянство накануне Октября: К вопросу о формировании предпосылок социалистической революции. Иркутск, 1967, с. 14—26.

ния его по различным категориям и группам владений, а также для определения площадей сельскохозяйственных угодий во владении крестьян и сравнения обеспеченности землей крестьян Сибири и Европейской России привлек опубликованные в «Погубернских итогах» сводные данные по Сибири.

Для определения возможности более полного использования материалов переписи при изучении наиболее важных аспектов аграрных отношений требуется источниковедческий анализ материалов переписи. Он был частично сделан Л. С. Терещенко и И. В. Островским²⁵.

Большой интерес для изучения эволюции землевладения представляют «Материалы по статистике движения землевладения в России», издававшиеся Министерством финансов (СПб., 1896—1917 гг.)²⁶.

В 1895 г., когда министерством был представлен на обсуждение в соединенных департаментах Государственного совета проект устава Крестьянского поземельного банка, возник вопрос о возможных результатах планируемой банком покупки земли. Высказывались опасения относительно форсированного перехода дворянских земель в руки других сословий, прежде всего крестьян, что могло бы привести к обезземеливанию «первого в империи сословия». Поэтому решено было собрать сведения о движении землевладения. После неудачной попытки²⁷ получить такие сведения из поземельных списков казенных палат решено было обработать данные о купле-продаже земли из объявлений нотариальных контор, публиковавшихся в приложениях к «Сенатским ведомостям».

Сенатские объявления содержали сведения о количестве продаваемой земли в десятинах, ее стоимости в рублях, сословной принадлежности продавцов и покупателей. Фиксировавшиеся в карточках сведения нотариальных контор подвергались составителями проверке. «Сомнительные» данные, пока происходила их выверка по подлинным делам архивов, не включались в общую обработку²⁸. На основе «точных» карточек производился общий подсчет количества земли, стоимости ее и средних цен по губернии, а затем данные группировались по сословиям про-

²⁵ Терещенко Л. С. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. как исторический источник: Автореф. канд. дис. М., 1968; Островский И. В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. по Западной Сибири: (Источниковедческое исследование). Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1973.

²⁶ «Материалы по статистике...» включают 25 выпусков и охватывают период с 1863 по 1910 г. В IV (СПб., 1901) и VII (СПб., 1903) выпусках содержатся итоговые данные за 30-летний, а в XIII выпуске (СПб., 1907) — за 40-летний период. В предисловиях к этим выпускам дан анализ движения землевладения.

²⁷ Святловский В. В. Указ. соч., с. 48—50.

²⁸ Материалы по статистике землевладения. СПб., 1907, вып. XIII. Предисловие.

давцов и покупателей и по размерам отдельных участков, поступивших в продажу. Из трех регистрируемых элементов главное внимание было обращено на количество земли. Авторы публикации отмечали, что при отсутствии причин, которые бы побуждали продавцов и покупателей скрывать площадь переходящих имений, этот показатель наиболее точен. Что же касается двух других, то при использовании их следует иметь в виду, что стоимость земли (которую в отличие от реальной можно назвать актовой, или нотариальной) могла быть уменьшенной в сравнении с действительно существовавшей с целью понижения уплачиваемых пошлин. Кроме того, при продаже заложенных имений в объявлениях нотариусов не всегда указывалась задолженность имения и вместо действительной его цены представлялась лишь сумма доплаты чистыми деньгами. Что же касается количества сделок, то оно не всегда соответствовало числу лиц, в них участвовавших, ввиду возможности осуществления купли-продажи одним и тем же лицом в течение одного года.

Существенный недостаток первичного материала объявлений состоит также в том, что стоимость земли указывалась без разделения на угодья. Между тем наблюдались значительные отличия в ценах на земельные угодья. Неодинаковым было и соотношение угодий в продаваемых участках. Вследствие этого общие цены по отношению к небольшому числу сделок могли быть несопоставимы. Составители устранили этот недочет при подготовке данных к публикации путем выведения средних показателей из значительного числа сделок.

Предпринятые публикаторами усилия позволили частично преодолеть недостатки первичного материала, и в итоге мы располагаем довольно точными данными о движении землевладения в результате купли-продажи земли.

Сведения о купле-продаже частновладельческих земель в «Материалах» представлены по сословиям владельцев (дворяне, крестьяне, мещане и др.), по губерниям (по началу XX в. и по уездам) с указанием числа сделок, количества земли и цен на нее. Сведения охватывают только сельскохозяйственные земли. Кроме того, в публикации содержатся данные об общей площади частновладельческой земли и распределении ее по сословиям владельцев. Эти показатели были исчислены на основе материалов переписи 1887 г. и учета купли-продажи частновладельческих земель.

Итак, статистика движения землевладения позволяет проследить динамику этого явления в течение всего пореформенного периода. Важным достоинством «Материалов», как массовых статистических данных, является сравнительно высокая степень их представительности и точности²⁹.

²⁹ Это, в частности, подтверждается сравнением данных «Материалов по статистике...» со сведениями Министерства юстиции, Крестьянского и

Если земельные переписи позволяют воссоздать картину распределения земельной собственности на определенные даты, то сведения «Материалов» воспроизводят процесс перераспределения земли в динамике. Ценность источника повышают содержащиеся здесь данные о ценах на землю. Вычисленные по единой методике сведения о земельных ценах по каждой губернии более чем за полвека в своем роде уникальны и представляют большой научный интерес.

Отдельные показатели этой публикации привлекались дореволюционными и советскими историками и экономистами при характеристике процесса мобилизации земли в пореформенный период, но главным образом в иллюстративном плане. Наиболее полному анализу они были подвергнуты в названной выше работе буржуазного экономиста и статистика В. В. Святловского. Сосредоточив основное внимание на процессе обезземеливания русского дворянства, исследователь представил общую картину земельной мобилизации по годам, основываясь исключительно на данных этого источника.

Безусловно, возможности источника далеко не исчерпаны. Его данные могут быть широко использованы для выявления и анализа глубинных явлений аграрного развития. Свидетельством тому является новейшая работа советских историков о складывании единого всероссийского аграрного (в том числе и земельного) рынка³⁰.

Кроме статистики движения землевладения, Министерством финансов была предпринята еще одна попытка выявления размеров и структуры землевладения в конце XIX в. Речь идет о данных, которые содержатся в материалах Комиссии 16 ноября 1901 г.³¹ Одна из целей комиссии состояла в том, чтобы выяснить «причину задолженности частного землевладения и недоимочности крестьянства», для чего в свою очередь необходимо было установить «все главнейшие показания благосостояния сельского населения»³². В изданных материалах комиссии содержатся сведения о площади частновладельческих земель (по сословиям) и наделных крестьянских землях в конце XIX в.

Основным источником при составлении таблиц о землевладении для этих публикаций послужили данные земских учреждений и казенных палат. Однако они были далеко не полны и не точны³³, что в значительной степени ограничивает возможность

Дворянского земельных банков, проведенным В. В. Святловским (*Святловский В. В. Указ. соч.*, с. 100).

³⁰ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII—начало XX века: Опыт количественного анализа. М., 1974.

³¹ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903, т. 1—3.

³² Там же, т. 1, с. 1—2.

³³ Святловский В. В. Указ. соч., с. 33.

использования их для анализа распределения поземельной собственности в России.

Третью группу массовых данных по землевладению составляют материалы земской статистики, и прежде всего подворные описания крестьянских хозяйств.

При проведении подворных описаний земские статистики ставили своей целью изучение главнейших факторов, влияющих на состояние крестьянского хозяйства. При этом измерений земли, как правило, не производилось, и соответствующие данные извлекались из различных документов на право владения землей (уставных грамот, владенных записей, купчих крепостей и др.) и из материалов генерального и специального межеваний и других межевых работ. На основе сведений этих документов, дополненных показаниями самих крестьян, земскими статистиками был выработан ряд приемов для определения размеров крестьянских земельных владений в целом и отдельных угодий.

Легче всего было выяснить размеры наделного землевладения в районах общинного землепользования. По данным документов определялась общая площадь земель в общине, а по каждому отдельному двору разверсточные единицы, числившиеся за ним, а затем уже устанавливалось количество наделной земли на двор. Для учета купчих земель проводилось обследование всех хозяйств (по каждому двору выяснялось, не имеет ли владелец купчей земли, и если имеет, то где она расположена, когда и от кого приобретена).

В районах подворного землевладения земельные отношения в деревне были более запутаны, и определение землевладения каждого двора представлялось делом чрезвычайно сложным. Статистики посещали каждое селение и всех частных владельцев, рассматривали на месте имевшиеся планы и документы на владение землей и, дополняя их сведения результатами расспросов владельцев, арендаторов и соседей, стремились собрать возможно более точные данные о местонахождении каждого владения, его прежних владельцах и т. д.

Таким путем устанавливалась общая площадь каждого владения. Но, кроме того, требовалось выяснить распределение земли по угодьям. Это нетрудно было сделать в том случае, когда в распоряжении статистика имелись планы, составленные незадолго до производства обследования. В таких случаях путем опроса выяснялись изменения, происшедшие со времени его составления, и вносились соответствующие поправки в него. Но нередко встречались планы устаревшие. Для таких случаев земские статистики выработали ряд практических приемов определения площадей угодий, основанных на широком использовании повседневного опыта крестьян. В районах общинного землевладения учитывались данные обмеров земли, производившихся крестьянами при общинных переделах, в процессе которых были выработаны разнообразные способы равномерного распределения

земли между отдельными домохозяевами. Результаты такого измерения, выраженные в разных условных единицах, статистики переводили на понятный язык цифр. Опираясь главным образом на данные опроса, они иногда прибегали и к непосредственному осмотру угодий, а также к простейшим приемам измерения³⁴.

Данные о площади частновладельческих земель содержатся в материалах земских оценочных обследований частновладельческих хозяйств, проводившихся земствами в фискальных целях. Подобные обследования, как и подворные описания крестьянских хозяйств, проходили по разным программам и одновременно в различных губерниях. Наряду со сведениями о землевладении и землепользовании программы обследования содержали сравнительно широкий набор показателей, характеризующих частновладельческое хозяйство.

Все эти сведения собирались путем посещений имений чиновниками статистических комиссий.

Земская статистика содержит также сведения о землепользовании крестьян. Аренда и сдача земли являлись важными показателями для характеристики крестьянского хозяйства. Не случайно изучение арендных отношений составляло одну из главных задач обследований. Сведения об аренде получали двумя путями. Об условиях общинной и товарищеской аренды данные собирались от групп домохозяев и заносились в пообщинный формуляр. В каждом же отдельном хозяйстве учитывалась его доля в общей аренде. В подворном бланке учитывалась также и единоличная аренда. В подворных бланках первых подворных описаний предусматривалось всего два-три вопроса по аренде: какое арендуется угодье, сколько десятин и за какую цену. К концу 80-х—началу 90-х годов круг вопросов этого раздела значительно расширился. Необходимо было выяснить аренду наделную и вненаделную, в каждом из этих видов в свою очередь отличая аренду денежную, издольную, отработочную, краткосрочную и долгосрочную. По наделной аренде требовалось указать земли, снимаемые в своей и чужих общинах.

Программа учета сдачи крестьянами земель строилась аналогично с программой учета аренды, т. е. собирались сведения о роде сдаваемых угодий, количестве сданной земли, сроке и условиях сдачи, выяснялось также, кому сдается земля: односельчанам или в чужую общину.

Для получения более точных сведений об аренде и сдаче земли статистики предложили ряд контрольных приемов. Так, следовало производить баланс сдаваемой и арендуемой внутри общины земли. При наличии общественной и товарищеской аренды прибегали к сравнению числа паев по подворным карточкам и соответствующим записям в общинном бланке.

³⁴ См. подробнее: *Сваицкий Н. А.* Земские подворные переписи. М., 1961, с. 87—96.

Все указанные первичные данные земских обследований, сведенные по общинам и селениям, вошли в соответствующие публикации³⁵. Но именно на этой стадии проявились, как известно, наиболее слабые стороны земской статистики. В сводках «пропадали» богатейшие подворные данные, и, как отмечал В. И. Ленин, «за горами цифр исчезают экономические типы явлений, типы, которые могут выступать только при разносторонне и рационально составляемых групповых и комбинационных таблицах»³⁶.

Что же касается данных земских статистических оценочных обследований частновладельческих хозяйств, то в публикациях они представлены по отдельным хозяйствам, и их информативные возможности, безусловно, выше, чем у публикаций подворных обследований крестьянских хозяйств.

Итак, материалы земских обследований являются добротным массовым статистическим источником о землевладении и землепользовании и с точки зрения масштаба наблюдения, и по характеру собранных сведений.

Вместе с тем, будучи разновременными и составленными по разным программам, сведения о землевладении, представленные как первичными материалами, так и многочисленными публикациями статистических обследований, в значительной степени несопоставимы между собой. К тому же земские самоуправления существовали не во всех губерниях. Следовательно, земская статистика была в состоянии дать сведения о землевладении и землепользовании только в пределах одного уезда или губернии. Правда, стабильность программ земских описаний позволяет сопоставлять их данные в масштабах этих территориальных единиц на протяжении длительного периода, т. е. представить динамику процесса.

Ограничения в использовании материалов земских обследований, обусловленные спецификой их происхождения, никоим образом не умаляют их научную ценность. Не играя ведущей роли при анализе землевладения в целом вследствие наличия довольно широкого круга не менее значимых источников, охватывающих к тому же обширные территории Европейской России, материалы земских подворных описаний являются основным источником при исследовании центральной проблемы землепользования — аренды земли.

Развитие арендных отношений — весьма показательное явление в аграрном строе России, связанном с сохранением полуфео-

³⁵ Для разыскания опубликованных материалов земской статистики по землевладению см. «Предметный указатель материалов о земско-статистических трудах с 1860 по 1917 г.» (Сост. В. Н. Григорьев. М., 1926), а также библиографический указатель в VIII выпуске «Материалов по статистике движения землевладения в России» (СПб., 1904), составленный В. В. Святловским.

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 277.

дальнего землевладения. Поскольку мобилизация земли в собственность до столыпинской реформы была затруднена, аренда земли выступала главным средством перераспределения земельной собственности между помещиками и крестьянами и между различными группами крестьянства. Поэтому не случайно, ставя своей целью изучение условий, влияющих на развитие крестьянского хозяйства, земские статистики большое внимание, как мы видели, уделили арендным отношениям, и в материалах переписей содержится широкий набор показателей, характеризующих внеадельную и внутриадельную аренду крестьян.

Однако, несмотря на все это, вопрос об аренде земли пока остается белым пятном при исследовании аграрных отношений³⁷. И как это ни парадоксально, почти полное отсутствие трудов по этой проблематике объясняется якобы слабостью источниковой базы. Действительно, подготовленные и изданные земскими статистическими органами сотни томов исследований, основанных на материалах подворных обследований, дают такие группировки крестьянских хозяйств, которые затрудняют выделение экономических типов хозяйств, что препятствует эффективному изучению арендных отношений в деревне. Но в распоряжении исследователей имеются неопубликованные первичные данные земской статистики, к которым историки практически не обращались. Пока сделаны лишь отдельные попытки их выявления, обработки и анализа³⁸. Невнимание к материалам земской статистики, видимо, обусловлено трудностями работы с огромным количеством данных, отличающихся большим разнообразием. Поэтому важнейшей задачей на современном этапе исследований арендных отношений становится специальное изучение особенностей обеих групп материалов этого источника. Объективные недостатки опубликованных материалов земских обследований историки должны компенсировать усовершенствованием методов их анализа и обработки, что, несомненно, повысит информативную отдачу источника³⁹. Преодолеть недостатки материалов пуб-

³⁷ Единственным фундаментальным исследованием в этой области является работа А. М. Анфимова (*Анфимов А. М. Земельная аренда в начале XX века. М., 1961*).

³⁸ *Берлин С. М. Крестьянская аренда земли в Московской губернии конца XIX—начала XX в.* — В кн.: Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы. 1974 г. Вильнюс, 1974; *Пронин В. И. Земельная аренда и арендные отношения в Калужской губернии в конце XIX—начале XX в.* — Там же.

³⁹ Это подтверждает подготовленное к публикации исследование Т. Л. Моисеевко, в котором изучение крестьянской аренды в Центрально-Черноземном районе в конце XIX в. осуществлено на основе сводных уездных данных земских подворных описаний. Применение математико-статистических методов (прежде всего корреляционного анализа) позволило автору и при отсутствии группировок крестьянских дворов по их хозяйственной состоятельности убедительно показать характер аренды, т. е. решить главный вопрос, возникающий при изучении арендных отношений в деревне.

ликаций возможно также на пути обработки первичных материалов переписей, что требует выявления их в местных архивах.

Другие массовые данные об аренде земли крестьянами в эпоху капитализма не очень обширны и уступают по богатству содержания земским обследованиям. Так, данные об аренде земли (с указанием ее количества, размеров и формы арендной платы) бывшими помещичьими крестьянами содержатся в сведениях об этих крестьянах, собиравшихся в 1881 г. ЦСК в связи с предстоящим снижением выкупных платежей. Эти данные были опубликованы в 1885 г.⁴⁰

С 1904 г. ЦСК в статистике урожая ввел учет посевов на арендуемых крестьянами землях. Эти данные могли бы стать ценнейшим источником для изучения аренды. Однако в соответствующие публикации они не вошли, а в архивных фондах ЦСК сохранились лишь отрывочно⁴¹. Что касается данных об аренде крестьянами земли, собранных Комиссией 16 ноября 1901 г., то они очень неполны⁴².

2. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАБОТКИ И АНАЛИЗА МАССОВЫХ ДАННЫХ О ЗЕМЛЕВЛАДЕЛИИ

Итак, историки-аграрники в целом располагают значительным комплексом статистических источников, с достаточной полнотой характеризующих землевладение и землепользование в пореформенной России. Все эти источники в той или иной мере использовались исследователями при изучении аграрного строя России конца XIX—начала XX в. Больше других их внимание привлекли материалы земельных переписей 1877 и 1905 гг., так как они позволяют не только воссоздать картину распределения поземельной собственности по районам Европейской России, но и проследить эволюцию этого процесса. Суммарные данные этих обследований приобрели к настоящему времени хрестоматийный характер, так как исследователь должен иметь их в виду при изучении любого из аспектов аграрных отношений, ибо центральным моментом последних являются отношения собственности на землю. Остальные источники по землевладению использовались историками значительно реже и в основном в иллюстративном плане. Это объяс-

⁴⁰ Статистический временник Российской империи. СПб., 1885, сер. III, вып. 5. Их источниковедческую характеристику и конкретно-исторический анализ см.: Ковальченко И. Д. Аренда земли бывшими помещичьими крестьянами в начале 80-х годов XIX в. — В кн.: Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976.

⁴¹ Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.

⁴² Афиимов А. М. Земельная аренда в начале XX века, с. 13.

няется отнюдь не ограниченностью источников и не слабостью их информативных возможностей, а главным образом неразработанностью методики их изучения. Речь идет об источниках, данные которых, как было показано выше, обладают довольно высокой степенью точности, полноты и представительности. Это материалы земельной переписи 1887, Всероссийской поземельной и сельскохозяйственной переписи 1917 гг., «Материалы по статистике движения землевладения в России», данные земских подворных и оцепочных обследований. Каждый из этих источников заключает в себе богатейшую информацию относительно тех или иных сторон поземельных отношений.

Круг источников по проблемам землепользования несколько уже. В связи с этим в настоящее время важнейшей исследовательской задачей становится ввод в научный оборот первичных материалов переписи 1917 г. и земских подворных обследований.

Историки-аграрники все больше внимания уделяют источниковедческому анализу первичных и опубликованных статистических данных, так как это является главным условием и основой совершенствования методической базы исследований. Совершенствование методики анализа и обработки статистических данных становится также актуальной задачей на современном этапе изучения землевладения и землепользования в пореформенной России. Количественная форма сведений по землевладению и землепользованию, их повторяемость дают возможность использовать новейшие количественные методы на предмет выявления не только особенностей различных компонентов аграрного строя, в том числе и землевладения и землепользования, но и специфики их взаимосвязи и взаимовлияния. Однако информативные возможности рассмотренных источников можно повысить и совершенствуя традиционные методы анализа и обработки данных. Рассмотрим один из таких путей на примере разработки данных публикаций материалов земельных переписей 1877 и 1905 гг.⁴³

Несмотря на заметные достижения в исследовании проблемы дворянского землевладения, ряд ее аспектов все еще изучен недостаточно либо совсем не изучен. Так, до настоящего времени не делалось попыток определить размещение дворянского землевладения по районам Европейской России и эволюцию этого процесса в конце XIX—начале XX в. Не выявлено положение дворянского землевладения в системе частного и всего земельного фонда районов. Структура дворянского землевладения (по размерам владений) также не была предметом специального исследования применительно ко всем районам. Еще более существенным пробелом является то, что в литературе вовсе не рас-

⁴³ Подробнее см.: *Проскурякова Н. А.* Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX—начале XX века. — История СССР, 1973, № 1.

сматривался вопрос о стоимости дворянских земель и ее изменении в конце XIX—начале XX в. в различных районах Европейской России. Между тем результаты движения дворянского землевладения можно выявить только в связи с учетом реальной капитальной ценности земли, ибо именно она дает действительное представление об экономической мощи дворянства.

Нами была предпринята попытка анализа размещения и структуры (по размерам владений) дворянского землевладения по экономико-географическим районам Европейской России в конце XIX—начале XX в. с учетом площади дворянских земель и их стоимости. Основой для этого послужили земельные переписи 1877 и 1905 гг. Названные источники, как уже говорилось, и ранее использовались в работах, посвященных изучению социально-экономического строя России конца XIX—начала XX в. Однако в подавляющем большинстве случаев приводились лишь суммарные данные о землевладении по всей Европейской России. Кроме того, сведения переписей 1877 и 1905 гг. не привлекались для порайонного анализа дворянского землевладения с учетом стоимости дворянских земель.

Для анализа землевладения погубернские данные обеих переписей были сведены по 13 общепринятым экономико-географическим районам Европейской России. С точки зрения структуры все дворянское землевладение подразделено на мелкое (до 100 дес.), среднее (101—1000 дес.), крупное (свыше 1000 дес.) и в соответствии с этим пересчитаны материалы обследований.

Для определения стоимости земли использовались опубликованные в «Материалах по статистике движения землевладения в России» (СПб., 1907, вып. XIII; Пг., 1917, вып. XXV) средние цены десятины земли по губерниям за 1877 и 1905 гг. К сожалению, эти сведения неполные: нет данных по Курляндской, Эстляндской, Лифляндской, Астраханской, Архангельской губерниям.

Проведенный анализ показал, что результаты движения дворянского землевладения необходимо рассматривать лишь в связи с учетом реальной капитальной ценности земли. Так, площадь дворянского землевладения сократилась за 28 лет почти на 30%, в то время как доля дворянского землевладения в общем земельном фонде по стоимости оставалась относительно высокой. Доля дворянских земель в общем земельном фонде по стоимости была значительно выше их доли по площади, так как большая часть дворянских земель была сосредоточена в черноземных губерниях, где цены на землю были наиболее высокими. Падение доли дворянских земель в общем земельном фонде по стоимости шло значительно медленнее, чем по количеству земли. Это говорит о том, что рост земельных цен (а особенно быстрым он был почти во всех «дворянских» районах) тормозил «обеднение» дворянства, несмотря на весьма заметную «утечку» их земель. Все приведенные данные показывают, что дворяне продолжали оставаться

крупнейшими земельными собственниками, концентрировавшими в своих руках огромные материальные богатства.

Определение доли дворянского землевладения каждого района в общем фонде дворянских земель Европейской России позволило выявить районы наибольшего и наименьшего сосредоточения дворянского землевладения. Как показал анализ, размещение дворянского землевладения различалось по количеству земли и ее стоимости. И только учитывая оба эти момента, можно выявить особенности процесса движения дворянского землевладения в конкретных районах Европейской России, что в свою очередь тесно связано со спецификой их аграрного развития в конце XIX—начале XX в. Например, без учета стоимости дворянских земель затушевывается та исключительная экономическая мощь, которой обладало дворянство Центрально-Черноземного, а также Южного Степного и Юго-Западного районов. И лишь имея представление о реальном могуществе дворян-землевладельцев Черноземного центра, можно понять, почему, несмотря на явное «падение» здесь роли дворянского землевладения, в нем продолжали сохранять свои позиции полукрепостнические формы эксплуатации.

Следующий этап исследования состоял в определении структуры дворянских владений (по размерам) каждого района. Это дало возможность очертить районы наибольшего сосредоточения определенных типов дворянского землевладения. С другой стороны, такой анализ позволил выявить тот реальный экономический потенциал, которым обладало дворянство того или иного типа в различных районах. Так, выяснилось, что крупное дворянство Приуралья или Белоруссии, владея гораздо большим количеством земли, было «беднее» латифундистов Черноземного центра или Степного Юга.

Кроме того, для определения особенностей дворянского землевладения в России в конце XIX—начале XX в. большой интерес представляет внутрирайонный анализ дворянского землевладения с точки зрения выявления его положения во всей системе землевладения района. Это позволяет, в частности, установить различную степень концентрации дворянского землевладения по районам. При этом районы с примерно одинаковой степенью концентрации дворянского землевладения были территориально смежными. Например, районы, где дворянское землевладение занимало господствующее положение во всей системе землевладения, компактно располагались на западе страны.

Исследование структуры дворянского землевладения в Европейской России позволило выявить районы преимущественного распространения того или иного типа дворянских владений. Не менее важным аспектом анализа структуры дворянского землевладения является определение его внутрирайонной структуры. Подобный подход дает возможность более глубоко рассмотреть вопрос о гнете латифундий. Вопрос этот не прост и не мо-

жет быть сведен лишь к установлению размеров димений в том или ином районе: взаимосвязи были намного сложнее.

Если при изучении структуры дворянского землевладения учитывать и стоимость дворянских земель, то соотношение отдельных типов владений в большинстве районов будет совершенно иным. Это объясняется тем, что равные по площади дворянские земельные владения из-за разницы цен в губерниях были неодинаковы по стоимости. В результате там, где цены на землю были наиболее высокие (в Центрально-Черноземном, Южном Степном, Юго-Западном районах), доля крупного дворянского землевладения по стоимости была значительно выше, чем его доля по площади. В названных районах латифундии получили наибольшее распространение. Это важный момент, который многое может прояснить и в характере земельных отношений, и в их влиянии на аграрный строй страны. Но, с другой стороны, если во внутренних губерниях латифундии являлись центрами регресса и застоя, то в районах, где законы капиталистического производства вступали в полную силу (Степной Юг, Юго-Запад, Прибалтика), крупное хозяйство перестраивалось на капиталистический лад гораздо быстрее мелкого и среднего. Все это говорит о том, что характер аграрного развития определялся многими факторами, среди которых земельные отношения были хотя и важнейшим, но лишь одним из компонентов.

Таким образом, путем совершенствования методов обработки и анализа массовых данных о землевладении и землепользовании историки могут значительно углубить изучение хода аграрного развития России в эпоху капитализма, и прежде всего более конкретно раскрыть уровень его буржуазно-капиталистической эволюции в разные периоды этой эпохи и в различных районах страны.

Глава 7

СТАТИСТИКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

1. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Главное внимание в статистике сельскохозяйственного производства со времени ее возникновения в последней трети XVIII в. уделялось так называемой урожайной статистике, т. е. данным о посевах и сборах хлебов, а затем и картофеля, ибо земледелие было ведущей отраслью сельского хозяйства. Единственным источником, содержащим данные о посевах и сборах хлебов

(имеются в виду зерновые культуры и картофель), до 80-х годов XIX в. по всем категориям земледельцев являются губернаторские отчеты¹. Особенность отчетов состояла в том, что посевы и сборы хлебов учитывались в натуральном выражении, т. е. в объеме высеваемого и собираемого зерна. Местные административные и полицейские чиновники выясняли общие размеры посевов озимых и яровых культур в четвертях. Затем на основе пробных умолотов определялась высота урожайности «в самах». На этой основе устанавливались объемы валового сбора хлебов. Такой принцип не требовал учета посевных площадей, но и не позволял определить производительность земледелия применительно к единице площади. Этот недостаток не ощущался в условиях феодально-крепостнического способа производства. В период же капитализма все явственнее обнаруживалась необходимость перехода к таким принципам и методам урожайной статистики, которые позволяли бы устанавливать производительность земледельческого производства. Для этого надо было знать размеры посевных площадей, занятых различными культурами.

Впервые в России учет посевных площадей под отдельными культурами был проведен в 1881 г. Стала вычисляться и высота урожайности на единицу площади, что было несомненным прогрессом в статистике сельскохозяйственного производства и знаменовало наступление нового этапа в ее истории. Естественно, это привело к возникновению новых источников сведений о посевах, урожайности и сборах зерновых и других культур. Именно эти новые, характерные для эпохи капитализма источники урожайной статистики и являются предметом рассмотрения в настоящей главе.

Вслед за главенствующей отраслью сельского хозяйства, земледелием, шло животноводство. Регулярно данные о нем начали собираться с 40-х годов XIX в. и также содержатся в губернаторских отчетах. Неудовлетворительность этих сведений побудила к сбору более точных данных о количестве разных видов скота. Соответствующие источники, включавшие эти данные, также будут охарактеризованы в данной главе.

Что касается других отраслей сельского хозяйства (огородничество, садоводство, виноградарство и т. д.), то в силу значительно меньшего их развития систематических сведений об их состоянии не собиралось.

Статистические данные о ведущих отраслях сельскохозяйственного производства в эпоху капитализма, во-первых, поступали через систему определенных органов и на основе соответствующих принципов и методов, и, во-вторых, они содержатся в других

---

¹ Достоверность сведений губернаторских отчетов о посевах и сборах хлебов и имевшие место споры по этому поводу самым обстоятельным образом проанализированы А. С. Нифонтовым (*Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974*).

источниках о деревенской экономике и аграрных отношениях.

К последним прежде всего относятся материалы земской статистики и сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. Правда, последние включают по земледелию лишь данные о посевных площадях под разными культурами. В центре следующего ниже анализа находятся статистические источники первого типа, так как в них отложились наиболее систематические и полные во временном и территориальном аспектах данные о сельскохозяйственном производстве. Сведения же других источников будут привлекаться главным образом для сравнительной характеристики и оценки наиболее массовых данных сельскохозяйственной статистики.

Важным является вопрос о том, какой круг показателей, характеризующих сельскохозяйственное производство, должен быть включен в анализ. Здесь может иметь место и сравнительно узкий и более широкий подход. При первом из них, а он является традиционным при обращении к статистике сельскохозяйственного производства, рассматриваются показатели, характеризующие лишь объем, структуру и уровень отраслей сельского хозяйства. Применительно, например, к земледелию это ограничивает источниковую основу данными о посевах, урожайности и сборах различных культур. Но подобный производственно-экономический подход может быть дополнен и социально-экономическим. Тогда наряду с указанными потребуются сведения о товарности сельскохозяйственного производства, рабочей силе и т. д.

Настоящая глава прежде всего посвящена рассмотрению источников, характеризующих производственно-экономическое состояние основных отраслей сельского хозяйства — земледелия и скотоводства. Вместе с тем кратко рассматриваются и наиболее общие массовые статистические данные, раскрывающие социально-экономические аспекты сельскохозяйственного производства в России эпохи капитализма.

* * *

Из трех компонентов, характеризующих состояние земледельческого производства, — площади посевов, высота урожайности на единицу площади и валовые сборы культур — два первых подлежали учету, а последний исчислялся на их основе (путем их перемножения).

Сбором данных о площадях посевов и урожайности и их обработкой занимался ЦСК Министерства внутренних дел. Наиболее сложным при организации новой системы урожайной статистики был сбор сведений о посевных площадях. Паладить его удалось далеко не сразу. В 1881 г. для получения сведений о площадях посевов различных культур во все сельские общества и всем владельцам и арендаторам имений были разосланы опросные листы. Ответы на них поступили в ЦСК в 1882 г., а разработка данных

была завершена в 1883 г.² Проверка поступивших данных проводилась путем сравнения размеров пашни со сведениями земельной переписи 1877 г. Данными о посевах 1881 г. ЦСК пользовался 7 лет — с 1883 по 1889 г.

В 1887 г. был проведен сбор новых сведений о площадях посевов. Они были использованы при исчислении сбора хлебов в 1890 и 1891 гг.

С 1893 г. данные о численности сельского населения и размерах посевов стали собираться ежегодно и публиковаться в изданиях по урожайной статистике наряду со сведениями об урожайности и общих сборах различных культур³.

До 1903 г. включительно при сборе сведений о площадях посева под различными культурами ЦСК выделял две основные категории посевов — на землях паделльных и владельческих. К последним относились все земли, кроме надельных, в том числе и те из них, которые были куплены у частных владельцев целыми сельскими обществами, а также находились в аренде у крестьян. Иначе говоря, земля как объект владения фактически отождествлялась с землей как объектом хозяйства.

С 1904 г. ЦСК ввел более дифференцированную систему учета посевных площадей⁴. Размеры посевов по культурам стали выявляться отдельно по землям надельным, прикупленным целыми сельскими обществами, арендованным крестьянами у частных владельцев и частновладельческим. В ведомостях, предназначенных для получения сведений от крестьян, указывалось: «Все сведения о посевах и сенокосах должны быть даны по каждому сельскому обществу и притом отдельно: 1) на землях надельных, 2) на землях, прикупленных целыми сельскими обществами, и 3) на землях, арендуемых как отдельными крестьянами, так и товариществами и целыми сельскими обществами у ближайших частных владельцев». В ведомостях для частновладельческих хозяйств говорилось: «В состав земель частных владельцев должны быть включены владельческие земли всех наименований, как-то: частные владения всех сословий, не исключая и крестьян, компаний, товариществ, казны, уделов, городов, церквей, монастырей и других учреждений, одним словом, следует включить все земли, кроме крестьянской общественной»⁵.

Усложнение системы учета потребовало разработки соответствующих правил сбора данных. Они предусматривали следую-

² Юбилейный сборник ЦСК. 1863—1913 гг. СПб., 1913, отд. III, с. 12-я след. Губернские и уездные итоги разработки опубликованы в кн.: Статистический временник Российской империи. СПб., 1884, сер. III, вып. 4.

³ Свод данных о посевных площадях по 50 губерниям Европейской России за 9 лет (1881, 1887, 1893—1899 гг.) опубликован во «Временнике ЦСК» (1901, № 48). С 1901 г. ежегодно стали издаваться «Предварительные сведения о площадях посева зерновых хлебов и других важнейших полевых растений» (СПб., соответствующий год).

⁴ Юбилейный сборник ЦСК, отд. III, с. 19.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 6, д. 139, л. 1, 19.

щий порядок. Волостные старшины вручали сельским старостам ведомости и давали соответствующие разъяснения. После окончания яровых посевов старосты выявляли необходимые сведения на сельском сходе или путем опроса дворохозяев и подводили итоги. Перед отсылкой ведомости в волость рекомендовалось прочесть ее на сходе. Волостные старшины сводили данные сельских обществ и направляли их непосредственно в ЦСК⁶.

Несомненным достоинством новой системы было разграничение понятия о земле как объекте владения и как объекте хозяйства. Однако это не нашло отражения в сводных данных ЦСК о посевных площадях. Во всех публикациях сохранилось старое деление посевных площадей на наделные и частновладельческие. Тем самым эти данные искажают картину соотношения крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве России эпохи капитализма⁷.

Параллельно с учетом посевных площадей под различными культурами происходил сбор данных об их высевах и урожайности на единицу площади. В отличие от посевных площадей, которые выявлялись методом сплошной переписи, сведения о высевах и урожайности культур с единицы площади поступали через сеть корреспондентов. Для этого в каждую волость направлялось первоначально по 6, а затем по 12 бланков (половина для крестьян, половина для частных владельцев), которые после их заполнения корреспондентами высылались через местные органы в ЦСК. Число корреспондентов по Европейской России доходило до 100 тыс. человек.

Располагая данными о площадях посева различных культур и об их высевах и урожайности, ЦСК мог определять их общий высев и сбор. С 1883 г. стали ежегодно публиковаться данные урожайной статистики⁸.

В публикациях по отдельным культурам приводились в губернском и уездном разрезе для наделных и частновладельческих земель и в целом следующие данные: общий высев и сбор в четвертях, средний на одну десятину высев в мерах и урожайность в четвертях, все четверти в пудах (с 1895 г. все расчеты производились в пудах).

С 1893 г. был введен раздельный сбор данных об озимых хлебах (и сене) и яровых культурах, а также публикация их в двух отдельных выпусках. С этого же времени в публикациях «Урожай 18...-го года» стали, как отмечалось, приводиться сведения о размерах посевных площадей под культурами и числе сельских жителей.

⁶ Юбилейный сборник ЦСК, отд. III, с. 20—21.

⁷ Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.

⁸ См. серию публикаций «Урожай 18...-го года», входившую в состав многотомной «Статистики Российской империи».

Сведения урожайной статистики за 1883 г. охватывали 49 губерний Европейской России, а к 1907 г. были распространены на всю страну⁹.

Серия «Урожай 18...-го года» включает наиболее полный набор сведений по урожайной статистике за 1883—1915 гг. Погодные губернские сводки этих данных за те или иные отрезки времени конца XIX — начала XX в. содержатся в общих публикациях материалов по сельскому хозяйству¹⁰. Кроме того, были изданы погубернские и поуездные данные о посевах, урожаях и сборах хлебов в среднем за 1883—1887, 1883—1892, 1896—1900, 1909—1913 и другие годы¹¹.

Одновременно с ЦСК с 1881 г. сведения об урожайной статистике стали собираться Департаментом земледелия и сельской промышленности (в 1894 г. преобразован в Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики) Министерства земледелия и государственных имуществ. Однако они касались лишь урожайности различных культур с единицы площади на наделных и частновладельческих землях и не учитывали посевных площадей, а потому не позволяли определить размеры сборов хлебов. Данные об урожае также фиксировались добровольными корреспондентами, но в отличие от корреспондентской сети ЦСК число их было значительно меньшим, а распределение по территории неравномерным. Так, в 1881 г. сведения по 49 губерниям Европейской России поступили всего от 1242 корреспондентов. В дальнейшем число их возрастало и в 1913 г. превышало 7,5 тыс.¹²

Возникающие пробелы и ограниченность данных Министерства земледелия восполняло сведениями ЦСК. Это отрицательно сказывалось на однотипности его данных об урожайности.

Собранные министерством сведения об урожайности отдельных культур публиковались наряду с другими сведениями о сельском хозяйстве в губернском и уездном разрезе в известном издании «18... год в сельскохозяйственном отношении по материалам, полученным от хозяев». Материалы охватывали период 1881—1915 гг. и содержат систематические сведения об

⁹ С 1892 г. стали собираться сведения по Кутаисской, Ставропольской и Терской, с 1893 г. — по Tobольской и Томской, с 1898 г. — по Черноморской, с 1904 г. — по 8 закавказским и 5 средиземноморским, с 1907 г. — по остальным губерниям и областям России.

¹⁰ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. СПб., 1902, вып. 1; Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг. М., 1923; Свод урожайных сведений за годы 1883—1915. М., 1928.

¹¹ Статистика Российской империи. СПб., 1888, т. IV (сведения за 1883—1887 гг.); Временник ЦСК, 1894, № 34 (за 1883—1892 гг.); СПб., 1902, № 51 (за 1896—1900 гг.); Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й. Пг., 1917 (за 1909—1913 гг.) и др.

¹² Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в., вып. 1, с. 10.

урожайности по Европейской России. Данные по другим районам менее полны и стали собираться лишь в начале XX в.¹³

Третий комплекс источников об урожаях составляет земская статистика. Сведения о них отложились как в основной (подворные переписи), так и текущей земской статистике. В земских обследованиях крестьянского и частновладельческого хозяйства приводятся прежде всего показатели о размерах посевов и реже урожайности и сборах хлебов. Совокупность этих данных является разрозненной во времени и пространстве. Но к ее достоинствам сравнительно с данными ЦСК и Министерства земледелия относится то, что сведения о земледелии даны наряду со многими другими показателями о крестьянском и частновладельческом хозяйстве и характеризуют положение в более мелких территориальных единицах (в отдельных селениях и имениях).

Текущая земская урожайная статистика содержит более систематический корпус данных, но также далеко уступает по полноте статистике ЦСК и Министерства земледелия (см. табл. 1).

Текущая земская статистика фиксировала сведения прежде всего об урожайности и в меньшей мере о посевных площадях. Сведения эти, как и другие данные текущей земской статистики, собирались через сеть корреспондентов, которым рассылались анкеты и публиковались в земских изданиях.

Наконец, сведения о посевных площадях под различными культурами у крестьян и частных владельцев были собраны при проведении сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. Помимо широкого охвата территории страны, высокого уровня организации сбора данных и комплексного характера материалов переписей важным достоинством их данных о посевных площадях (как и других сведений) является то, что при их сводке по крестьянскому и частновладельческому хозяйству был преодолен формальный подход при выделении этих хозяйств. К крестьянским отнесены не только хозяйства, ведущиеся на наделной земле, как это практиковалось при учете посевных площадей ЦСК, но и все остальные мелкие хозяйства (имеющие до 50 дес. земли).

Другую категорию составляли частновладельческие, т. е. помещичьи, хозяйства. Иначе говоря, составители переписей исходили из учета земли как объекта хозяйства, а не как объекта владения. Тем самым переписи содержат сведения, позволяющие выявить соотношение в сельскохозяйственном производстве двух типов хозяйств: крестьянских и помещичьих. Данные переписей о посевных площадях в губернском и уездном разрезе включены в их основные публикации¹⁴.

¹³ Ежегодно издавалось (до 1893 г.) три, а в дальнейшем — шесть выпусков материалов, выходивших в Петербурге в текущем и следующем году.

¹⁴ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года: (По подсчетам, произведенным местными переписными учре-

Таблица 1

Текущие земские данные об урожаях у крестьян в 1885—1912 гг.*

№ п/п	Губерния	Число лет с наличием сведений	№ п/п	Губерния	Число лет с наличием сведений	№ п/п	Губерния	Число лет с наличием сведений
1	Московская	28	8	Костромская	15	15	Пековская	8
2	Орловская	26	9	Вятская	14	16	Саратовская	8
3	Казанская	25	10	Самарская	14	17	Харьковская	8
4	Полтавская	25	11	Уфимская	14	18	Ярославская	8
5	Воронежская	24	12	Смоленская	12	19	Черниговская	7
6	Херсонская	22	13	Владимирская	10	20	Киевская	3
7	Нижегородская	19	14	Екатеринославская	9	21	Рязанская	3

* Иванцов Д. Н. К критике русской урожайной статистики: Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. Пг., 1915, с. 119.

Таким образом, из всей совокупности сведений урожайной статистики эпохи капитализма наиболее систематический во времени и пространстве и наиболее полный с точки зрения состава показателей (площади посевов, высота урожайности, размеры сбора хлебов, нормы высева) набор данных содержит статистика ЦСК. Этот комплекс может служить базой для изучения уровня развития производительных сил в основной отрасли сельского хозяйства — земледелии.

В этой связи, естественно, возникает вопрос о достоверности данных ЦСК. Вопрос этот обсуждался уже современниками. Как всегда в подобных случаях высказывались разные мнения. Одни подвергали сомнению достоверность сведений об урожайности ЦСК. Основой для этого служило несовершенство методов их сбора, некомпетентность местной сельской администрации, отсутствие какой-либо системы контроля, недостаточная тщательность разработки материалов и т. д.

Другие, наоборот, подчеркивали положительное значение одноплодия и устойчивости в методах урожайной статистики ЦСК сравнительно с приемами Министерства земледелия и земств, отмечали, что по закону больших чисел крайние отклонения даже в пределах одного года уравнивались. В итоге эти данные признавались достаточно надежными.

Все это привело к необходимости специального анализа достоверности урожайной статистики путем сопоставления данных

жденями). Пг., 1916, вып. I. Европейская Россия; Пг., 1917, вып. II. Кавказ; Пг., 1917, вып. III. Степной край, Сибирь и Дальний Восток. М., 1917; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. — Труды ЦСУ. М., 1923, т. V, вып. 2.

ЦСК, Министерства земледелия и земств. Широкому сравнению по трем видам источников могли быть подвергнуты лишь данные о высоте урожайности (т. е. размеры подесятинных сборов отдельных культур), ибо другой базисный показатель — площади посевов — Министерством земледелия не учитывался вовсе, а в земской статистике фиксировался реже, чем урожайность. Работа по сопоставлению данных об урожайности, основанная на методах математической статистики, была выполнена Д. Н. Иванцовым и издана отделом статистики Русского географического общества¹⁵.

Основная идея Д. Н. Иванцова, несомненно правильная с источниковедческой точки зрения, состояла в том, что несущественность различий данных об урожайности трех типов источников должна свидетельствовать об общей надежности урожайной статистики. Наличие же тенденций к сглаживанию различий между данными разных источников будет говорить об унификации и повышении уровня надежности этих данных, а увеличение этих различий, наоборот, — об ухудшении состояния урожайной статистики.

Д. Н. Иванцов проделал большую работу по сравнению урожайности ржи и некоторых других культур по данным ЦСК, Министерства земледелия и земств.

Кроме Иванцова, выяснением надежности данных ЦСК и других источников об урожайности занимались уже в 20-х годах XX в. и другие исследователи¹⁶. Напомним основные итоги и методы проделанного анализа, тем более что он имеет не просто историографическое, но и научно-практическое значение.

Для выявления сходства динамики (т. е. временных изменений урожайности по данным разных источников) применялся корреляционный анализ. Корреляция временных рядов урожайности разных источников показывает степень синхронности и пропорциональности колебаний урожая. Высокая степень сопряженности этих колебаний будет свидетельствовать о единстве картины, рисуемой разными источниками, а следовательно, и о примерно одинаковой и высокой их достоверности, поскольку эти источники взаимозависимы. Общие итоги сопоставлений показали, что данные об урожайности ЦСК, Министерства земледелия и земств рисуют очень сходную картину динамики урожайности.

Так, корреляционная взаимосвязь динамики урожайности ржи по 50 губерниям Европейской России в 1885—1908 гг., по данным ЦСК и Министерства земледелия, равнялась у крестьян

¹⁵ Иванцов Д. Н. К критике русской урожайной статистики.

¹⁶ Виноградова Н. Русская урожайная статистика. — Вестник статистики, 1925, кн. XXIII—XXIV; Вайнштейн А. Л. Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития. — Плановое хозяйство, 1927, № 7-8 (эта работа была издана в Москве в 1927 г. и в виде отдельного оттиска).

0,92 и у частных владельцев также 0,92. По отдельным губерниям положение было таким. Коэффициенты корреляции превышали 0,90 у помещиков в 32 и у крестьян в 36 губерниях из 50, а были менее 0,75 соответственно в 4 и 1 губерниях¹⁷. Анализ рядов динамики урожайности на уездном уровне в целом дал те же итоги, что и по губернским данным¹⁸.

Что касается сведений ЦСК и земств, то в среднем по 18 губерниям эти данные дают коэффициент корреляции, равный у крестьян 0,92, а у помещиков 0,89¹⁹. По отдельным губерниям взаимосвязь погодных средних урожаев по данным ЦСК и земств также была очень тесной (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь погодных средних урожаев по сведениям ЦСК и земств *

Губерния	Годы	Коэффициент корреляции	Губерния	Годы	Коэффициент корреляции
Воронежская	1886—1908	1,00	Полтавская	1886—1910	0,97
Вятская	1892—1905	0,97	Саратовская	1899—1906	0,93
Московская	1885—1908	0,92	Херсонская	1887—1907	0,98
Нижегородская	1892—1901	0,98	Ярославская	1903—1909	0,99
Орловская	1896—1903	0,98			

* Вайнштейн А. Л. Эволюция урожайности. . . , с. 19.

Тесная взаимосвязь динамики урожайности по данным разных источников имела место и в более короткие отрезки времени. Так, в 1901—1908 гг. корреляционная взаимосвязь колебаний урожаев ржи в целом по Европейской России составляла по данным ЦСК и Министерства земледелия у крестьян 0,94 и у помещиков 1,00, а по данным ЦСК и земств (по всем губерниям, имеющим параллельные сведения) — соответственно 0,92 и 0,85.

Таким образом, можно считать доказанным, что хронологию изменений урожайности данные разных источников урожайной статистики отражают одинаково, что свидетельствует о достаточно высокой ее надежности в рассмотренном аспекте.

Корреляционный анализ показателей об урожайности разных источников позволил решить и вопрос об их сходстве в плане отражения ими географических колебаний урожайности. Так, корреляционная взаимосвязь многолетних средних урожаев ржи по губерниям по сведениям ЦСК и Министерства земледелия

¹⁷ Иванцов Д. Н. Указ. соч., с. 63—65.

¹⁸ Там же, с. 77—84.

¹⁹ Там же, с. 67.

равнялась и у крестьян и у помещиков 1,00, а по данным Министерства земледелия и земств составляла у крестьян 0,87 и у помещиков 0,99. Такая же картина была и на уездном уровне. Корреляция между данными ЦСК и Министерства земледелия равнялась у крестьян 0,95 и у помещиков 0,88, а между сведениями ЦСК и земств — соответственно 0,92 и 0,85²⁰.

Следовательно, и географическая вариация урожайности рисуется разными источниками также очень сходно. Правда, для всестороннего обоснования этого вывода следует подвергнуть корреляционному анализу территориальные ряды данных об урожайности разных источников за отдельные годы, а не только многолетние средние показатели.

Важные наблюдения были сделаны при выявлении сопряженности по разным источникам динамики урожайности у крестьян и помещиков. Корреляция показала, что коэффициенты корреляции были менее 0,50 между данными ЦСК и Министерства земледелия (за 24 года) в 30 губерниях из 50, а по показателям ЦСК и земств — в 9 губерниях из 16.

Корреляция в пространственном аспекте также оказалась низкой (корреляционная зависимость по 50 губерниям по данным ЦСК и Министерства земледелия равнялась 0,44, а по сведениям ЦСК и земств по 16 губерниям — 0,59)²¹.

Здесь, несомненно, сказалась отмеченная выше архаичность в принципах разделения крестьянских и помещичьих посевов, когда в разряд последних включались посевы крестьян на арендованных и купчих землях. При учете же урожайности, особенно земствами, могли иметь место отступления от этого принципа, которые и вносили определенный «сбой» в показатели разных источников о соотношении урожайности у крестьян и помещиков.

Поэтому отождествление земли как объекта владения и как объекта хозяйства, положенное в основу урожайной статистики ЦСК, не позволяет не только определить удельный вес в земледельческом производстве крестьянского и помещичьего хозяйства, но и выявить динамику и географию соотношения уровня земледелия в этих типах хозяйств.

В целом же имеющиеся данные разных источников о десятичных урожаях отдельных культур вполне пригодны для анализа географии и динамики урожаев в конце XIX — начале XX в., т. е. позволяют раскрыть важнейшие аспекты развития земледелия. При этом целесообразнее всего опираться на сведения ЦСК как наиболее полный, однородный и доступный исследователям комплекс данных.

Высокое сходство вариации данных в пространственных (географических) и временных (динамических) рядах урожайности разных источников свидетельствует об их достаточной надеж-

²⁰ Иванцов Д. Н. Указ. соч., с. 32, 44—45.

²¹ Там же, с. 100—102.

ности для выявления степени географического разнообразия урожайности и характера и темпов ее динамики, что отражает региональные и временные условия и особенности развития земледелия. Но «единодушные» разных источников в этом отношении не дает ответа на важный вопрос о том, в какой мере они правильно зафиксировали размеры абсолютных подесятинных сборов, которые являются одной из важнейших характеристик общего уровня развития производительных сил в земледелии. Оценка сходства источников в этом плане требует выяснения зафиксированной в них степени различий в высоте урожайности. Д. Н. Иванцов провел соответствующий анализ данных о размерах подесятинных урожаев. Отклонения в урожайности по разным источникам до 10% были признаны им несущественными. В данном случае с таким порогом несущественности различий можно согласиться. Другой прием состоял в сравнении фактических отклонений средних величин урожайности с теми предельными ошибками этих средних, которые рассчитываются исходя из так называемого правила «трех сигм» (от греческой буквы σ), обобщенного в математической статистике²². Д. Н. Иванцов брал предельную ошибку, равную $2,5\sigma$.

Сопоставления подесятинных размеров урожайности ржи по разным источникам проводились на двух уровнях — сравнивались средние урожаи, выведенные из урожаев ряда лет (многолетние средние), и урожаи за отдельные годы. Итог оказался таким.

По сведениям за 1885—1908 гг. (т. е. выводились 24-летние средние) в целом по Европейской России данные Министерства земледелия отличались от показателей ЦСК и у помещиков, и у крестьян на 10%, допустимые же отклонения равнялись 20 и 22%. По отдельным губерниям отклонения превышали норму у крестьян в 3 и у помещиков в 4 губерниях из 50²³.

Сравнение урожайности ЦСК и земств по 18 губерниям по средним за 7—26 лет (средние выводились из данных за имеющееся число лет) показало, что земские данные выше сведений ЦСК у крестьян на 9% (предел 27%) и помещиков на 10% (предел 26%)²⁴.

Соотнесение многолетних (за 24 года) средних урожаев по губерниям на наделных и частновладельческих землях по сведениям ЦСК и Министерства земледелия показало, что только в одной губернии из 50 расхождение было выше предела²⁵.

²² Суть этого правила состоит в том, что средняя арифметическая всей исследуемой совокупности с вероятностью, равной полной достоверности, может отклоняться от выборочной средней не более чем на три стандартные ошибки (стандартная ошибка средней обозначается в статистике греческой буквой σ).

²³ Иванцов Д. Н. Указ. соч., с. 22—23.

²⁴ Там же, с. 26.

²⁵ Там же, с. 57.

В итоге сопоставления многолетних средних урожаев по разным источникам был сделан вполне обоснованный вывод о том, что разночтения таких средних имеют случайный характер и в целом налицо принципиальная однородность данных источников в этом отношении. Следовательно, средние данные разных источников о размерах урожайности за ряд лет (многолетние средние) пригодны для изучения уровня развития земледелия в пространстве и времени.

Иная картина обнаружилась при сравнении по разным источникам ежегодных урожаев. Так, при сопоставлении ежегодных общих (крестьянских и помещичьих вместе) урожаев по сведениям ЦСК и Министерства земледелия оказалось, что в 43 губерниях отклонения были выше 10%, а в 16 губерниях — более 15%. Из 597 сопоставлений данных ЦСК и земств об урожайности на крестьянских и помещичьих землях только в 297, т. е. половине, отклонения не превышали 10%²⁶. При этом наблюдалась неустойчивость близости сведений источников по отдельным годам, что не позволяет вывести какую-либо поправку. В итоге Д. Н. Иванцов пришел, видимо, к справедливому выводу, что ежегодные данные об урожайности непригодны для практической утилизации²⁷, т. е., добавим от себя, на их основе нельзя судить об уровне развития производительных сил в земледелии.

Наконец, Д. Н. Иванцов пытался проверить близость сведений ЦСК и земств по размерам посевных площадей (Министерство земледелия таких сведений не собирало). В трех губерниях из пяти эти данные различались более чем на 10%. По поуездным показателям положение было еще хуже. Не обнаружилось сопряженности и в динамике посевных площадей. Вывод был тот, что полагаться на данные ЦСК и земств о посевных площадях нельзя²⁸.

Однако современниками высказывалось и иное мнение о точности сведений ЦСК о посевных площадях. Так, сотрудники статистического отдела Особого совещания по продовольствию провели сопоставление данных о размерах посевных площадей, собранных в 1916 г. ЦСК и зафиксированных сельскохозяйственной переписью 1916 г. Оно показало, что из 15 выделенных регионов Европейской России данные ЦСК о посевах ржи, пшеницы, ячменя и овса отклонялись от показателей переписи более чем на 10% лишь в пяти районах (в Северном они были меньше на 16,2%, Северо-Земледельческом — больше на 14,2%, Центрально-Промышленном — больше на 22,2%, Нижне-Волжском — меньше на 27,9% и Ставрополье — меньше на 11,9%). В целом по 46 губерниям сведения ЦСК превышали данные переписи на 8,8%.

²⁶ Иванцов Д. Н. Указ. соч., с. 27, 109, 114—115.

²⁷ Там же, с. 119.

²⁸ Там же, с. 27.

В итоге был сделан вывод, что по большим регионам показатели ЦСК о посевных площадях являются вполне достоверными²⁹.

Таковы основные итоги анализа достоверности урожайной статистики эпохи капитализма, проделанного на основе обычных и статистико-математических методов. Столь подробное изложение этих итогов обусловлено как их научно-практическими выводами, так и источниковедческо-методическим подходом к решению проблемы. И то и другое не утратило своего значения для современных исследований, поскольку вопрос о достоверности данных урожайной статистики эпохи капитализма еще нуждается в дальнейшем изучении.

Следующее за земледелием место в сельскохозяйственном производстве занимало животноводство. В XIX в. сведения о поголовье скота собирали через местную полицию наряду с другими данными для ежегодных губернаторских отчетов, в которые они включались в виде поездных сводок. За некоторые годы пореформенной эпохи такие сведения были изданы ЦСК³⁰. С 1863 г. сбор данных о численности скота стало осуществлять Ветеринарное управление МВД. С 1908 г. эти данные публиковались в сборнике «Состояние скотоводства в России». В них приведены данные о количестве скота с 1864 г. Сведения эти поступали тем же путем, что и для губернаторских отчетов. Современниками было общепризнано, что данные обоих источников очень неточны и значительно преуменьшают поголовье скота, особенно мелкого.

Все возрастающая потребность в более точных сведениях о количестве скота в стране побудила ЦСК организовать новую систему учета. С 80-х годов XIX в. в России начали проводиться военно-конские переписи, имевшие своей целью полный учет поголовья лошадей, а с XX в. была введена новая система выявления численности продуктивного скота³¹.

Первая *военно-конская перепись* по всей Европейской России была проведена в 1882 г. и охватила 58 губерний³². С 1888 г. подобные переписи становятся более или менее регулярными. ЦСК были опубликованы данные переписей за 1888, 1891, 1893—1894, 1896, 1899—1900, 1903—1904, 1905—1906, 1908, 1910 и 1912 гг. в многотомном издании «Статистика Российской империи». Эти публикации в губернском и уездном разрезе дают сведения о количестве лошадей по возрастным группам у разных категорий владельцев (у крестьян в сельских обществах, частных землевладельцев в уездах и городских жителей), а также о распределении владельцев по обеспеченности лошадьми (безлошадные, с одной, двумя, тремя и т. д. лошадьми).

²⁹ Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1909—1913 гг. Пг., 1917, вып. 1, с. X—XI.

³⁰ Статистический временник Российской империи. СПб., 1880, сер. I, вып. 1 (за 1866 г.); 1884, сер. II, вып. 10 (за 1870 г.).

³¹ Юбилейный сборник ЦСК, отд. III, с. 81 и след.

³² Конская перепись 1882 г. СПб., 1884.

Данные военно-конских переписей обладали весьма высокой достоверностью, что обеспечивалось системой их сбора. Первоначально происходил обход всех владений и дворов и заполнялись бланки. Затем проводился сбор лошадей для осмотра и определения их пригодности для воинских целей. Основным недостатком переписей была длительность их проведения. Учет лошадей на основной территории страны происходил в течение 2—3 и даже более лет. Только в 1912 г. перепись была проведена в течение одного года³³. Поэтому сведения о количестве лошадей на всей территории можно получить, объединяя данные нескольких лет (например, 1888 и 1891 гг., 1896 и 1899—1900 гг., 1900—1906 гг.³⁴).

В 1900 г. ЦСК через волостные правления и уездную полицию, которым были разосланы соответствующие ведомости, собрал и опубликовал сведения о количестве *рабочего и продуктивного скота* в Европейской России, на Северном Кавказе, в Степном крае и Сибири³⁵. В дальнейшем эти сведения стали собираться (тем же способом) регулярно и публиковаться в изданиях по урожайной статистике³⁶, а с 1904 г. в «Ежегоднике России» (с 1911 г. в «Статистическом ежегоднике России»). В «Статистическом ежегоднике России» за 1911 г. (СПб., 1912) дана сводка этих данных за 1901—1911 гг.³⁷

Наиболее точные в масштабах страны сведения о всех видах скота были получены при проведении сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. Перепись 1916 г. содержит более полные с точки зрения охвата территории страны данные, вошедшие в указанные выше публикации материалов переписей.

Наконец, обширные сведения о количестве скота были накоплены земствами. Во-первых, эти сведения собирали при проведении переписей крестьянского и частновладельческого хозяйства и включали в публикации материалов этих переписей. Во-вторых, количество скота учитывалось текущей земской статистикой. Подворные земские описания наряду с сельскохозяйственными переписями давали наиболее точные сведения о всех видах скота. Недочетом их, как известно, является разновременность проведения в разных губерниях (а нередко в уездах одной и той же губернии), неполный охват территории страны, учет скота прежде всего у крестьян, притом часто лишь у наличных.

Использование для исследовательских целей данных о количестве скота в эпоху капитализма, собиравшихся по многим ка-

³³ См.: Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1913.

³⁴ Коневодство в 60 губерниях Европейской России и Кавказа по данным военно-конских переписей 1900—1906 гг. СПб., 1907.

³⁵ Временник ЦСК, 1901, № 50.

³⁶ См. издания «Предварительные данные о площадях посева 19...-го года», «Вероятный сбор хлебов за 19...-й год», выходившие с 1901 и 1903 гг. в Петербурге.

³⁷ Следует иметь в виду, что данные за 1904—1911 гг. относятся к лету, а за 1901—1903 гг. — к концу года.

налам и существенно отличными методами, требует сравнительного анализа достоверности различных источников. При этом необходимо иметь в виду возможность использования этих данных, с одной стороны, для выявления динамики поголовья скота, а с другой — его абсолютного количества. Такой сравнительный анализ был проделан А. Л. Вайнштейном³⁸. Он справедливо отметил, что устойчивые и повсеместно однообразные методы учета скота, применявшиеся ЦСК, обеспечивают правильное отражение его данными динамики численности скота³⁹. То же самое, хотя и с меньшей определенностью, можно сказать и о данных ветеринарного управления. Добавим также, что имеющиеся сведения позволяют выявлять и географические (во всяком случае применительно к таким территориальным единицам, как губерния и особенно регион) различия в обеспеченности скотом (в расчете на единицу земельных угодий, душу населения и т. д.).

Таким образом, наличный комплекс данных о количестве скота в эпоху капитализма позволяет изучать различные аспекты динамики и географии животноводства как в целом, так и применительно к крестьянскому и частновладельческому хозяйству.

Иначе обстоит дело с отражением имеющимися источниками абсолютной численности скота. А. Л. Вайнштейн показал, что достаточно надежной основой здесь могут быть лишь данные земских обследований и переписей 1916—1917 гг. Даже военно-конские переписи недоучитывали количество молодняка. Данные же ЦСК о численности лошадей сравнительно с переписью 1916 г. занижены на 17—20%. Поэтому он полагал, что абсолютные показатели ЦСК по лошадям требуют поправки в 20%⁴⁰.

Недоучет ЦСК продуктивного скота был еще большим. Так, данные переписи 1916 г. превышают сведения ЦСК по крупному рогатому скоту на 41,5%, по мелкому рогатому — на 68,8, по свиньям — на 89,2%. По трем губерниям земские показатели выше сведений ЦСК по крупному рогатому скоту на 37,8%, по мелкому рогатому — на 40,9 и по свиньям — на 70%⁴¹.

В целом Вайнштейн пришел к вполне обоснованному выводу, что сведения и ветеринарного управления и ЦСК непригодны для выявления абсолютной численности продуктивного скота. Для ее определения он предлагал либо вносить в сведения ЦСК

³⁸ Вайнштейн А. Л. Из истории дореволюционной статистики животноводства. — В кн.: Очерки по истории статистики СССР. М., 1960, сб. 3. обстоятельный обзор источников по истории животноводства в России дан М. Н. Добротворским (*Добротворский М. Н. Опыт истории и методологии статистики животноводства*. СПб., 1909), а общая характеристика дореволюционной аграрной статистики содержится в работе Е. З. Волкова (*Волков Е. З. Аграрно-экономическая статистика России*. М.; Л., 1924).

³⁹ Вайнштейн А. Л. Из истории дореволюционной статистики животноводства, с. 100.

⁴⁰ Там же, с. 98—103.

⁴¹ Там же, с. 106—112.

поправку, выведенную на основе сопоставления их с данными земской статистики и переписи 1916 г., либо, взяв за основу показатели переписи 1916 г., ретроспективно исчислить количество скота, опираясь на показатели динамики его численности в предшествующие годы. Вайнштейн рассчитал таким путем численность разных видов скота перед войной.

Следовательно, для выявления уровня развития животноводства достаточно достоверные данные по всем видам скота содержат лишь земская статистика и сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг., а по лошадям также (с указанной оговоркой) военно-конские переписи. Сведения же ЦСК (и ветеринарного управления) требуют существенной корректировки. Для установления поправочных коэффициентов необходимо продолжить изыскания, проведенные Вайнштейном для предвоенного времени, по более раннему периоду и не только по стране в целом, но и в региональном аспекте.

* * *

Урожайная статистика и данные о животноводстве характеризуют тенденцию развития и состояние производства в основных отраслях сельского хозяйства, но не раскрывают условий его функционирования и его внутреннего строя. Остановимся кратко на тех источниках, которые содержат массовые сведения об этих сторонах сельского хозяйства.

До конца XIX в. в России не предпринималось попыток какого-либо единого общего учета обеспеченности сельского хозяйства орудиями и машинами. Наличие их с той или иной полнотой учитывалось при проведении земских переписей крестьянского и частновладельческого хозяйства и других локальных обследований. Лишь в 1895/96 г. Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия по инициативе Вольного экономического общества собрал через своих корреспондентов сведения о сельскохозяйственных орудиях и машинах. Данные об орудиях вспашки, боронования и ухода за посевами были опубликованы в изданиях отдела. Сведения же об орудиях уборки, молотыбы и очистки зерна были неполными и в публикацию не вошли⁴².

Для устранения пробела в данных о технической оснащенности сельского хозяйства ЦСК в 1910 г. собрал традиционными для него методами (т. е. через волостные правления и местную полицию) сведения об обеспеченности крестьянского и частновладельческого хозяйства орудиями и машинами. Данные об орудиях вспашки, рыхления почвы, сеялках, жатках, молотилках, веялках, сенокосилках и конных граблях всех видов вошли в спе-

⁴² Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1903, вып. XI.

циальное издание⁴³. В нем в губернском и уездном масштабе указана абсолютная численность всех орудий у крестьян и частных владельцев, а также относительные показатели обеспеченности орудиями (число орудий на хозяйство и десятину пашни, число хозяйств на орудие) крестьян и всех земледельцев.

С точки зрения охвата территории страны учет был весьма полным (были лишь местами пропуски в Сибири и Средней Азии). Точность же учета была, конечно, относительной. Поэтому сведения 1910 г., будучи достаточно надежными для сравнительных характеристик (различия между регионами, крестьянскими и частновладельческими хозяйствами и др.), абсолютную обеспеченность орудиями и машинами, вероятнее всего, несколько занижают.

Другим источником, содержащим сведения об орудиях и машинах по всей стране, являются сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг. При их проведении были учтены основные виды орудий в крестьянском и частновладельческом хозяйствах. Их абсолютная численность по губерниям и уездам указана в опубликованных сводках данных переписей.

Следовательно, в масштабах страны имеются в целом сопоставимые данные о сельскохозяйственных орудиях и машинах на четыре рубежа — 1895/96, 1910, 1916 и 1917 гг. Они пригодны для выявления относительных временных изменений и территориальных различий в состоянии технической оснащенности сельскохозяйственного, главным образом земледельческого производства. Что касается общего уровня оснащенности машинами, то имеющиеся данные могут дать о нем лишь приблизительное представление.

Систематического общегосударственного и вообще массового учета наемной рабочей силы, используемой в сельскохозяйственном производстве, в России эпохи капитализма не существовало. Между тем размах применения наемного труда — важнейший показатель степени развития капитализма.

Обширные, но неточные и разновременные сведения о наемном труде, прежде всего в крестьянском хозяйстве, содержит земская статистика. Попытка выявления размаха применения наемного труда в частновладельческом хозяйстве была предпринята в конце 80-х годов XIX в. Департаментом земледелия через своих корреспондентов⁴⁴. Обобщенными данными этого опроса пользовался В. И. Ленин при выяснении соотношения капиталистической и отработочной систем в помещичьем хозяйстве⁴⁵.

Указанные данные о наемном труде весьма ценны для изучения буржуазной эволюции крестьянского и помещичьего хо-

⁴³ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1910.

⁴⁴ См.: Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1892, вып. V.

⁴⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, гл. III.

зайства. Что же касается общих сведений о применении наемного труда в сельском хозяйстве, то они имеются лишь в трех источниках: переписи населения 1897 г. и сельскохозяйственных переписях 1916 и 1917 гг.

В переписи 1897 г. учитывались, с одной стороны, хозяйства (главы их), применяющие наемных рабочих и прислугу, а с другой — лица, занятые работой по найму. Если количество первых с указанием числа наемных рабочих было учтено достаточно точно, то численность работавших по найму была значительно занижена. Как правило, при определении занятия к числу наемных рабочих относились лишь лица, для которых продажа рабочей силы была единственным или основным родом деятельности. Применительно к сельскому хозяйству, где особенно был велик контингент временных наемных рабочих, это привело к весьма существенному занижению степени применения наемного труда.

Вместе с тем переписи дают достаточно надежные сведения о региональном распределении постоянных наемных рабочих в сельском хозяйстве. Кроме того, важным достоинством данных переписи 1897 г. о наемных рабочих является одновременность их сбора и охват всей территории страны. Первичные материалы переписи 1897 г., как известно, были уничтожены, и данные о наемных рабочих наряду с другими ее сведениями содержатся в общих публикациях материалов переписи⁴⁶, а также в специальных изданиях⁴⁷.

В сельскохозяйственных переписях 1916 и 1917 гг. учитывались крестьяне и частновладельческие хозяйства, применявшие наемный труд, и количество наемных рабочих в них. Фиксировались лишь сроковые рабочие. Охват различных их категорий по переписи 1917 г. был более полным, так как при ее проведении отказались от ограничения, принятого в 1916 г. и состоявшего в том, что регистрировались рабочие, находившиеся у нанимателя к моменту переписи не менее 30 дней. Однако, как известно, перепись 1917 г. отличалась от переписи 1916 г. менее полным охватом территории страны.

Данные переписей 1916 и 1917 гг. о наемном труде вошли в указанные публикации их материалов.

В целом, несмотря на ограниченность общих по стране сведений о применении наемного труда в сельском хозяйстве, имеющиеся данные характеризуют положение на два принципиально

⁴⁶ См. «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, проведенной 28 января 1897 года» (СПб., 1905, т. I-II), а также выпуски по отдельным губерниям и областям (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1898, вып. 1—89).

⁴⁷ Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и месту жительства по переписи населения 1897 г. СПб., 1905; *Кадошцев В. П.* Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г. СПб., 1909.

важных рубежа: в период вступления России в эпоху империализма и к кануну социалистической революции в нашей стране.

Отсутствие специальной статистики труда вынуждало правительственные и другие учреждения обращаться при выявлении состояния сельскохозяйственного производства к расчетам численности наемных сельскохозяйственных рабочих. Наиболее известными из расчетов являются данные о количестве крестьян, занятых сельскохозяйственными заработками, приводимые в материалах Комиссии 16 ноября 1901 г. (Комиссия Центра, как ее обычно называют в литературе), занимавшейся изучением состояния сельскохозяйственного производства в среднечерноземных губерниях сравнительно с другими районами Европейской России. На основе различных источников по каждой губернии Европейской России была определена численность крестьян, занятых сельскохозяйственными заработками на рубеже XIX—XX вв.⁴⁸

Эти данные привлекают к себе внимание тем, что указывают общую численность наемных сельскохозяйственных рабочих в Европейской России, которая примерно вдвое превышает их количество по переписи 1897 г. (соответственно 3770,7 тыс. и 1896,7 тыс. человек). Общий итог проделанного расчета близок с числом 3,5 млн. человек сельскохозяйственных наемных рабочих в конце XIX в., которое называет В. И. Ленин⁴⁹. Вероятно, полученный итог действительно близок к реальности. Однако из этого никак не следует, что проделанные расчеты верны и применительно к каждому их объекту, т. е. к каждой губернии. Это очевидно из того, что между двумя рядами губернских данных о количестве сельскохозяйственных наемных рабочих — по переписи 1897 г. и сведениям Комиссии Центра — отсутствует сопряженность (коэффициент корреляции равен 0,01). Указанная особенность данных Комиссии Центра отражает общую закономерность, присущую всем расчетным данным, — их достоверность быстро падает с увеличением числа учитываемых объектов. Это обусловлено тем, что принятые условия расчета все меньше отражают разнообразие этих объектов.

Таково положение с общими массовыми данными о применении наемного труда в сельском хозяйстве России эпохи капитализма.

Рост торгового земледелия, повышение товарности всех отраслей сельскохозяйственного производства — важнейшая сторона его развития в эпоху капитализма. Однако имеющийся корпус исторических источников не содержит прямых массовых сведений о товарности различных отраслей сельского хозяйства, ибо для этого необходим был учет товарности этих отраслей хотя бы в ос-

⁴⁸ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднечерноземельских губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903, ч. 1, табл. XIX.

⁴⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 236.

новых типах крестьянских и частновладельческих хозяйств. Такого учета в России не существовало.

Важные данные о товарности крестьянского хозяйства содержатся в бюджетных и некоторых других обследованиях этих хозяйств. В делопроизводственной документации и описаниях частновладельческих хозяйств также имеются сведения о товарности различных отраслей. Однако эти данные, давая представление о степени товарности различных типов крестьянских и частновладельческих хозяйств, не позволяют судить об общей в масштабах страны и ее отдаленных регионов товарности ведущих отраслей сельского хозяйства и прежде всего главной из них — земледелия. Вместе с тем имеется источник, содержащий массовые систематические данные, отражающие развитие товарности сельского хозяйства, в первую очередь земледелия. Таким источником является *транспортная статистика*.

Из трех видов транспорта — железнодорожный, водный и гужевой — основным в эпоху капитализма, особенно в конце XIX — начале XX в., был железнодорожный. Так, в 1909—1913 гг. из 1475,8 млн. пудов хлебных грузов, перевозимых в среднем в год по железным дорогам и водным путям, на железные дороги приходилось 1145,9 млн. пудов, т. е. более трех четвертей⁵⁰.

Наиболее существенным недостатком транспортной статистики как источника для изучения товарности земледелия (и сельского хозяйства вообще) является отсутствие учета гужевых перевозок, которые в ряде районов (Север, Северо-Восток, Юго-Восток, Северный Кавказ и др.) играли значительную роль. Другой ее пробел состоит в том, что перевозки по железнодорожным и водным путям не отражают внутридеревенского товарооборота сельскохозяйственной продукции. Впрочем, транспортная статистика и не могла его учесть, ибо в ее задачу входила регистрация отправки и прибытия всех грузов со всех железнодорожных станций и водных пристаней. С этой точки зрения полнота и точность перевозок, особенно по железным дорогам, были весьма высокими.

Учет перевозок грузов и пассажиров по железным дорогам и водным путям находился в ведении Министерства путей сообщения. Основной учет служила регистрация объема и состава отправлявшихся и прибывавших грузов по станциям всех железных дорог и водным пристаням. Соответствующие данные через правления железных дорог и округа водных путей сообщения поступали в министерство. В фондах Министерства путей сообщения (ЦГИА СССР) хранится основной комплекс соответствующих данных. В министерстве сводкой, а также подготовкой к публикации этих данных занимались соответствующие департаменты и Отдел статистики и картографии.

---

⁵⁰ Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1909—1913 гг. Гг., 1917, вып. II, с. 206 и след.

В конце XIX—начале XX в. сведения о перевозках регулярно публиковались в разных изданиях. Так, Департамент железных дорог с 1890 г. выпускал «Общую статистику перевозок по русским железным дорогам», с 1893 по 1916 г. выходящую под названием «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам». За каждый год оно включало несколько десятков выпусков, в том числе и сводный том. Сведения о перевозках по водным путям содержатся в издании отдела статистики и картографии — «Статистика Министерства путей сообщения. Внутренние водные и шоссейные пути».

В названных изданиях данные о перевозках группировались по станциям железных дорог и пристаням водных бассейнов. Такой порядок, естественный с точки зрения структуры Министерства путей сообщения, создает определенные сложности при использовании этих сведений. Необходим пересчет данных по территориальным единицам (экономико-географические регионы, губернии, уезды), по которым обычно сводятся и анализируются всякого рода статистические материалы. Однако при этом надо учитывать, что в ряде случаев не будут совпадать границы транспортных и отобранных для сводки районов, ибо те или иные административные единицы могли тяготеть к станциям или пристаням в других административных районах. Так, например, 20% вывоза хлебов из Пензенской губернии перед первой мировой войной осуществлялось через другие губернии⁵¹. В подобных случаях, естественно, неизбежны искажения показателей товарности, исчисленных по данным перевозок. Подобные смещения будут тем меньше, чем крупнее выделенные регионы. Можно полагать, что в пределах крупных экономико-географических районов (включающих несколько губерний) они вообще окажутся незначительными. Даже на уровне губерний отклонения, вероятно, будут не столь существенными, чтобы исказить картину сравнительных различий в уровне товарности. Во всяком случае указанный момент следует иметь в виду при использовании данных о перевозках для суждения о развитии товарности сельскохозяйственного производства.

Сведения транспортной статистики о перевозке хлебов использовались современниками. Благодаря этому за ряд лет мы имеем погубернские сводки данных. Так, по решению особого совещания представителей железных дорог такая сводка была составлена по данным 1893—1895 гг.⁵² Имеются аналогичные сведения за 1909—1914 гг.⁵³

⁵¹ Там же, Пг., 1917, вып. I, с. IV.

⁵² Статистические данные о движении хлебных грузов по русским непрерывно между собою связанным железным дорогам, составленные по губерниям. СПб., 1896, вып. I—III.

⁵³ Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией и другими иностранными государствами: Перевозки по русским железным дорогам. Пг., 1914, ч. I; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с рас-

В целом сведения транспортной статистики о перевозках сельскохозяйственной продукции содержат обширные, систематические и точные данные, позволяющие выявить временные и территориальные тенденции в развитии товарности земледелия и некоторых других отраслей сельского хозяйства.

В заключение обзора массовых источников по истории сельского хозяйства следует обратить внимание на массовые общие данные, позволяющие изучать стоимость производства хлебов, т. е. составить представление о высоте рентабельности основной отрасли сельского хозяйства.

Применительно к отдельным категориям и совокупностям крестьянских и частновладельческих хозяйств данные об издержках производства и прибыльности различных отраслей сельского хозяйства, как и об его товарности и других сторонах, содержатся в уже упоминавшихся бюджетных обследованиях, делопроизводственной документации имений и других аналогичных материалах. Что же касается общих массовых данных о доходности сельскохозяйственного производства, то здесь обращают на себя внимание два комплекса сведений. Один из них относится к концу 80-х годов XIX в., другой — к 1912—1914 гг. В обоих случаях данные были собраны Министерством земледелия через охарактеризованную выше сеть его добровольных корреспондентов.

В 1888 г. Департамент земледелия разослал своим корреспондентам анкету, которая имела своей целью выявить стоимость производства основных земледельческих культур. Было получено 1000 ответов, охватывавших Европейскую Россию. Как признавали сами сотрудники департамента, число ответов было небольшим, и характеризовали они главным образом частновладельческое хозяйство.

Подготовленная департаментом сводка полученных данных составила специальную публикацию⁵⁴. В ней по губерниям и по основным культурам указаны (в расчете на десятину) суммарные затраты на производство (стоимость обработки земли, посева, ухода, уборки и молотбы, расходы на рабочую силу, инвентарь и т. д.), размеры ренты (аренда земли), стоимость урожая (по данным о высоте урожайности и ценам) и прибыль или убыток с учетом и без учета ренты. Сами составители отмечают прибыли в исходных данных и призывают к осмотрительным выводам. Вместе с тем собранные сведения могут дать определенное представление о сравнительной региональной прибыльности производства отдельных культур.

предельным по губерниям и областям за 1912, 1913 и 1914 гг. Пг., 1916. По данным этих изданий была составлена погубернская сводка перевозок хлебов в 1909—1913 гг. (Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1909—1913 гг., вып. I—II).

⁵⁴ Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1890, вып. III.

В результате анкетного обследования 1912—1914 гг. было получено 5169 ответов, в том числе 3727 от крестьян, т. е. значительно больше, чем в конце XIX в. Это позволило дать более детальную разработку сведений. Их соответствующая публикация⁵⁵ включает по губерниям и основным культурам данные об издержках производства, ренте и стоимости урожая не только в среднем, но и по группам хозяйств (количество пашни до 20 дес., 20—50, 50—200, 200—500, свыше 500 дес.), а также с указанием не просто среднего значения признака, но и его минимума и максимума. Все это позволяет получить достаточно близкие к действительности сравнительные показатели о доходности производства тех или иных культур в разных (по размеру) типах хозяйств и различных районах.

Таков круг основных общих массовых данных, которые характеризуют технические, экономические и социальные аспекты сельскохозяйственного производства России в эпоху капитализма. Эти данные не столь обширны и систематичны, как сведения о размерах и итогах этого производства, и поэтому не раскрывают последовательно динамики характеризующихся явлений. Но вместе с тем они позволяют выявить региональные различия и временные сдвиги в важнейших компонентах и аспектах сельскохозяйственного производства, т. е. могут дать определенную основу для целостного изучения этого производства.

2. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ МАССОВЫХ ДАННЫХ О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Итоги и задачи изучения массовых источников и содержащихся в них данных о сельском хозяйстве можно рассматривать в двух аспектах: источниковедческом и исследовательско-содержательном. Основные итоги источниковедческого анализа статистики сельскохозяйственного производства эпохи капитализма были изложены выше. Однако при всей существенности полученных результатов здесь еще предстоит многое сделать. Так, требует дальнейшей проверки достоверность сведений ЦСК о посевных площадях и поголовье скота. Пока еще совсем не изучены в источниковедческом отношении имеющиеся данные об обеспеченности сельского хозяйства орудиями и машинами и обширный комплекс сведений транспортной статистики о перевозках сельскохозяйственной продукции. По всем этим и некоторым другим сюжетам необходимы специальные изыскания.

Другой в источниковедческом плане задачей является совершенствование методов установления достоверности и точности массовых данных сельскохозяйственной статистики и в тех случаях,

⁵⁵ Стоимость производства главнейших хлебов. СПб., 1915, вып. I (Сводные губернские данные); СПб., 1916, вып. II (Выборочное описание отдельных хозяйств).

Таблица 3

Корреляционная взаимосвязь обеспеченности сельскохозяйственными наемными рабочими с другими факторами социально-экономического развития

Фактор	Перепись 1897 г.	Данные 1901 г.
Хозяйства с наймом (в % к общему числу)	0,75	-0,01
Грамотные (в %)	0,81	-0,09
Посевы (на душу сельского населения)	-0,01	0,57
Продуктивный скот (на душу населения)	0,33	0,20
Урожайность зерновых (пудов с дес.)	0,28	-0,31

знаком, отличавшимся высокой достоверностью. Обнаруживается, правда, слабая взаимосвязь степени применения наемного труда с обеспеченностью продуктивным скотом и урожайностью (коэффициент соответственно равен 0,33 и 0,28). Взаимосвязь с размерами посевов отсутствует (-0,01), т. е. относительные размеры земледельческого производства не определяли степени применения наемного труда. И наконец, примечательна очень тесная взаимосвязь (0,81) применения наемного труда в сельском хозяйстве с общим уровнем грамотности, который для эпохи капитализма является одним из обобщенных выражений общего уровня буржуазно-капиталистического развития.

Все это, несомненно, свидетельствует о достоверности данных переписи 1897 г. о наемных сельскохозяйственных рабочих как показателе сравнительного уровня применения наемного труда в сельском хозяйстве отдельных губерний.

Совсем иная картина рисуется данными Комиссии 16 ноября 1901 г. Здесь показатели применения наемного труда имеют довольно высокую взаимосвязь лишь с размерами посевов (0,57). Это обусловлено тем, что именно размеры посевов были прежде всего взяты за основу для исчисления потребности в наемных рабочих. Наличие некоторой взаимосвязи с обеспеченностью продуктивным скотом (0,20) также связано с учетом этого фактора при расчетах. С урожайностью вопреки сути явления взаимосвязь является обратной (-0,31). С долей хозяйств, применявших наемный труд, и степенью грамотности, т. е. ведущими факторами, данные 1901 г. о найме вовсе не взаимосвязаны.

Следовательно, совершенно очевидно, что сведения 1901 г. не отражают сравнительной степени применения наемного труда в сельском хозяйстве отдельных губерний.

Как видим, включение сведений двух источников в систему других показателей позволяет убедительно решить вопрос об их достоверности.

Введение рядов изучаемых данных в систему связанных с ними других показателей является в сущности единственным путем для

строгой оценки достоверности этих данных в тех случаях, когда нет возможности проверить ее на основе сопоставления с аналогичными сведениями других источников или когда такое сопоставление может быть лишь частичным и потому ненадежным. Рассмотрим в этой связи еще один пример, а именно попытаемся определить, насколько сведения ЦСК за 1900 г. о продуктивном скоте отражают сравнительную обеспеченность им губерний Европейской России. Как было показано, сведения ЦСК существенно недоучитывают количество скота. Однако в силу повсеместной однотипности и устойчивости методов их сбора признается, что они достаточно достоверно характеризуют динамику численности скота и сравнительную обеспеченность им различных местностей.

Выявление по 50 губерниям Европейской России корреляционной взаимосвязи обеспеченности продуктивным скотом (количество скота на душу сельского населения в переводе на крупный) с другими показателями дало такую картину. Взаимосвязь с размером крестьянского надела равняется $+0,49$, с посевом на душу $+0,35$, с долей безлошадных и однолошадных дворов $-0,46$, с долей дворов с четырьмя и более лошадьми $+0,47$. Учитывая нестрогий характер вычислений (данные о рассматриваемых признаках относятся не к 1900, а к другим годам), следует признать указанные взаимосвязи весьма определенными по своему характеру и достаточно тесными. Это свидетельствует о том, что при всей своей неточности сведения ЦСК верно отражают различия между губерниями в обеспеченности продуктивным скотом.

Таким образом, применение системного подхода и математико-статистических методов позволяет решить важные и трудные задачи, возникающие при выявлении достоверности и точности массовых количественных данных. Поэтому необходимы разработка такого подхода и внедрение его в источниковедческую практику. Разумеется, системный подход и математико-статистические методы дадут тем больший эффект, чем более высоким будет общий уровень источниковедческого анализа во всех его проявлениях и со всей совокупностью его средств.

* * *

Использование данных сельскохозяйственной статистики эпохи капитализма для решения тех или иных исследовательских задач имеет давнюю традицию и прошло ряд этапов. Отметим основные из них, с тем чтобы яснее представить те задачи, которые стоят перед современными исследователями в области изучения истории сельского хозяйства в России эпохи капитализма.

Первый этап углубленного изучения явлений сельскохозяйственной экономики, точнее, земледельческого производства относится к концу прошлого века. Он был обусловлен конкретной обстановкой, важнейшим фактором которой выступали частые неурожаи и особенно сильнейший неурожай и голод начала 90-х годов

ХІХ в. Эта обстановка побуждала к выявлению определенных закономерностей и факторов, определявших развитие земледелия, что было необходимо для понимания дальнейшего хода этого процесса.

В центре исследовательских поисков находились вопросы об урожайности, ее движении и воздействии на экономику страны. В плане конкретных итогов наиболее существенными были изыскания Н. Ф. Фортунатова о динамике урожайности, а также его попытка выяснения зависимости урожайности от природных, демографических и экономических факторов⁵⁶. Как бы обобщением проделанных исследований явился коллективный сборник, в котором рассматривалось воздействие урожаев на различные стороны экономического развития (на движение населения, землевладение и землепользование, размеры посевов, цены, крестьянские бюджеты и т. д.)⁵⁷. Таким образом, уже в конце ХІХ в. были поставлены важные исследовательские проблемы и предприняты попытки их решения.

Основным недостатком проводившихся исследований было господство производственно-экономического подхода и слабое внимание к главным, социальным чертам и факторам развития сельскохозяйственного производства. Этот пробел либерально-буржуазной и мелкобуржуазной историографии был преодолен В. И. Лениным, заложившим основы марксистского анализа развития сельского хозяйства в России эпохи капитализма. Классическим образцом такого анализа является его работа «Развитие капитализма в России». В. И. Ленин, как хорошо известно, охарактеризовал на основе широкого использования различных массовых данных общую динамику уровня земледельческого производства, его географию, специализацию и рост торгового земледелия, применение машин и наемного труда, что позволило раскрыть основные закономерности и черты развития сельского хозяйства в условиях капитализма.

В эпоху империализма в центре внимания исследователей был аграрно-крестьянский вопрос, являвшийся ведущим социально-экономическим вопросом буржуазно-демократической революции. Изучение сельскохозяйственного производства играло подчиненную роль.

Новый этап специального интереса к развитию сельскохозяйственного, земледельческого производства в России конца ХІХ—начала ХХ в. относится к 20-м годам. Непосредственным толчком к этому были неурожай начала 20-х годов, явившиеся итогом разорения экономики страны в результате первой мировой войны и военной интервенции. Исследования велись статистиками и эконо-

---

⁵⁶ Фортунатов Н. Ф. Урожай ржи в Европейской России. СПб., 1893; *Он же*. Урожай ржи на крестьянских землях Казанской губернии. Казань, 1889.

⁵⁷ Влияние неурожая на народное хозяйство России. СПб., 1897.

мистами на основе широкого применения математико-статистических методов⁵⁸.

Характер побудительного мотива определил основное направление исследований. Им оказалась динамика урожайности. При этом усилия были сконцентрированы на выявлении циклов урожаев и того, в какой мере они являются правильными. В случае обнаружения закономерности в движении и колебании урожайности открывалась возможность ее прогнозирования.

Было установлено, что колебания урожайности действительно имеют свои циклы. Однако они были неправильными (охватывали от 6 до 11 лет) и поэтому получили название квазипериодических. Таким образом, достигнуть главной цели — прогнозирования изменений в урожайности — не удалось. Но в ходе исследований были раскрыты важные черты в развитии земледелия в России эпохи капитализма. Так, М. В. Обухов определил уровни урожайности по губерниям и пытался выяснить путем корреляции между губернской взаимосвязь в ее изменениях. А. Л. Вайнштейн определил скорости роста урожайности в России в конце XIX—начале XX в. Рассматривался вопрос об урожаеобразующих факторах и выяснялось влияние неурожая на народное хозяйство страны. Последнему сюжету был посвящен специальный сборник, явившийся продолжением исследований, начатых в 90-х годах XIX в.⁵⁹

Как бы завершением серии исследований о развитии земледелия в России конца XIX—начала XX в. была работа П. И. Лященко, в которой развитие зернового производства в России характеризовалось в широком сравнительном плане⁶⁰⁻⁶⁹.

Следующий, современный этап в изучении истории сельского хозяйства России эпохи капитализма начинается с конца 50-х годов. Его отличительной чертой является то, что анализ развития сельского хозяйства прежде всего направлен на раскрытие его буржуазной эволюции. Эта несомненно положительная черта связана и с тем, что основные исследовательские усилия от экономистов и статистиков, как это было на предыдущих этапах, перешли к историкам. Активизации исследований в области истории сельского хозяйства во многом способствовали симпозиумы по аграр-

⁵⁸ *Вайнштейн А. Л.* Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития; Тезисы доклада В. Г. Михайловского «Урожай ржи в России 1801—1914 гг.». — Бюллетень ЦСУ, 1921, № 50; *Семенов М. Н.* К вопросу о закономерности колебания урожаев. — Вестник статистики, 1922, кн. IX; *Обухов М. В.* Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883—1915 гг. — В кн.: Влияние неурожая на народное хозяйство России. М., 1927, ч. 1; *Череванин Н.* Эволюция русского земледелия по данным об урожаях. — Вестник статистики, 1920, № 8—12; *Четвериков Н. С.* Связь хлебных цен с урожаями. — В кн.: Четвериков Н. С. Статистические исследования. М., 1963 и другие.

⁵⁹ Влияние неурожая на народное хозяйство России. М., Л., 1927, ч. 1—2.
⁶⁰⁻⁶⁹ *Лященко П. И.* Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927.

ной истории, регулярно проходящие с 1958 г., и публикация их трудов в «Ежегодниках по аграрной истории».

К другой особенности рассматриваемого этапа следует отнести расширение размаха исследований и широкое распространение региональных изысканий, позволившее ввести в научный оборот многие массовые данные о различных сторонах сельскохозяйственного производства. Результаты проведенных исследований нашли отражение как в монографических работах, так и в многочисленных статьях «Ежегодника», сборниках «Материалов по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР» (вып. 1—9) и других изданиях.

Из обобщающих исследований, специально посвященных истории сельского хозяйства, обращают на себя внимание работы Е. С. Карнауховой, В. К. Яцунского и А. С. Нифонтова⁷⁰. Особенно следует отметить фундаментальное изыскание Нифонтова. Оно основано на массовых данных официальной урожайной статистики (губернаторские отчеты и сведениях ЦСК), которая подвергнута тщательному источниковедческому анализу, и характеризует по всем основным аспектам (посевные площади, урожайность, сборы хлебов и их товарные излишки и т. д.) развитие земледелия в течение полувека.

Наряду с несомненными успехами изучение развития сельскохозяйственного производства в России эпохи капитализма (в современной советской историографии) имеет свои пробелы и недостатки и еще далеко не достигло необходимого уровня. Так, региональные исследования ведутся разобщенно, что затрудняет, а порой вовсе делает невозможным их обобщение. В итоге снижается общая эффективность этих исследований.

В плане методов обработки и анализа конкретно-исторических данных оказались утраченными те достижения (прежде всего приемы математико-статистического анализа массовых данных), которые имели место на предшествующих этапах. Этим обусловлены далеко не полное использование информативных возможностей источников и большие потери ценной информации.

В содержательном отношении изучение развития сельскохозяйственного производства еще имеет много пробелов. Нуждаются, особенно применительно к началу XX в., в более углубленном и обобщенном освещении районная специализация сельскохозяйственного производства и рост торгового земледелия. При этом необходимо выделить районы сходных уровней, однотипных тенденций и сопряженных изменений развития основных отраслей сельского хозяйства.

⁷⁰ Карнаухова Е. С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. М., 1951; Яцунский В. К. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны. — В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961; Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века.

Важный и фактически неизученный аспект — основные факторы, определяющие темпы и уровень развития сельскохозяйственного производства. Историкам предстоит выявить ведущие факторы, влиявшие как на итоги этого производства (урожайность, сборы хлебов, обеспеченность скотом, товарность, доходность и т. д.), так и на условия и характер его развития (обеспеченность землей, орудиями и машинами, наемной рабочей силой и др.).

В условиях, когда буржуазная аграрная эволюция шла по двум путям — буржуазно-крестьянскому, «американскому», и буржуазно-помещичьему, «прусскому», — большое значение имело соотношение в различных районах и отраслях сельскохозяйственного производства крестьянского и помещичьего хозяйства. Этот вопрос также еще не получил всестороннего освещения.

Таковы основные аспекты развития сельского хозяйства в России эпохи капитализма, которые требуют дальнейшего специального изучения⁷¹. Вместе с тем стоит задача системного, целостного анализа этого развития, включающего все его ведущие производственные, экономические и социальные компоненты и выражения. Только такой подход позволит в полной мере поднять изучение сельского хозяйства до такого уровня, когда будут решаться коренные вопросы аграрного развития страны в эпоху капитализма (пути и уровень буржуазной аграрной эволюции, соответствие производительных сил и производственных отношений, объективные основы социально-политических противоречий в сфере аграрных отношений и т. д.).

Наконец, все более явственно обнаруживается необходимость изучения сельского хозяйства, во-первых, с учетом основных компонентов его инфраструктуры (почвенно-климатические условия, пути сообщения, плотность, состав и движение населения и т. д.) и, во-вторых, как составной части единой системы общественного производства, развивающегося в определенных условиях.

Охарактеризованный выше корпус источников позволяет вести исследования во всех указанных аспектах. Для эффективного использования имеющихся массовых данных сельскохозяйственной статистики необходимо дальнейшее совершенствование методов их обработки и анализа. Многие из указанных выше задач могут быть успешно решены на основе применения математико-статистических методов и ЭВМ. Даже простейшие из этих методов (аналитическое выравнивание динамических рядов, корреляционный и регрессионный анализ, оценки существенности различий средних показателей и др.) позволяют значительно углубить анализ исследуемых явлений и процессов. Поэтому перед историками стоит

---

⁷¹ По некоторым из этих направлений уже ведутся исследования. Так, Н. О. Воскресенская изучает по данным ЦСК уровни и темпы движения урожайности, сопряженность ее общих изменений и случайных колебаний, а также факторы, определявшие различия в высоте урожайности в губерниях Европейской России в конце XIX—начале XX в.

задача внедрения этих методов не только в источниковедческую, но и в содержательно-исследовательскую практику.

Таковы некоторые итоги и задачи изучения данных сельскохозяйственной статистики эпохи капитализма.

Глава 8

ИСТОЧНИКИ О ХОЗЯЙСТВЕ И ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯН

Крестьянство и крестьянское хозяйство, как хорошо известно, в течение всей эпохи капитализма играли ведущую роль в аграрном развитии страны. Достаточно напомнить, что к концу капиталистической эпохи на долю крестьянства приходилось более 90% общего объема сельскохозяйственного производства. Этим обусловлен постоянный интерес советских историков к изучению различных аспектов истории крестьянства, и прежде всего его социально-экономического развития, поскольку оно оказывало определяющее воздействие на другие стороны жизни деревни.

Как и при изучении аграрной эволюции в целом, исследовательские успехи здесь во многом зависят от состояния и разработанности источниковой основы, совершенства методов обработки и анализа конкретно-исторических данных. В последнее время в этом отношении советскими историками достигнуты заметные успехи. Однако широкое использование массовых исторических источников и данных о крестьянстве только еще разворачивается. Поэтому характеристика основных видов этих источников, выявление возможностей использования их для изучения актуальных проблем истории крестьянства и разработка наиболее эффективных методов извлечения из них необходимой информации и ее обработки и анализа являются важным условием успешного изучения истории крестьянства.

К числу массовых источников по истории крестьянства относятся такие источники, которые содержат массовые данные о тех или иных сторонах или чертах хозяйства и положения крестьян, экономических и социальных отношениях в деревне, т. е. имеют в своей основе однотипные массовые объекты наблюдения или, точнее говоря, отражения. Содержательная ценность массовых источников тем больше, чем большее число объектов они охватывают и чем шире (с точки зрения отражения их черт и свойств) их характеризуют. Другим показателем их ценности для исследователя является однотипность содержащейся в них информации, т. е. сходство набора учитываемых признаков, а также адекватность, сводимость методов и способов выявления данных и их измерения.

Вся совокупность массовых источников по социально-экономической истории крестьянства может быть разделена на три категории материалов: *делопроизводственная документация* различных, прежде всего местных, органов, связанных с функционированием «крестьянского мира», его управлением и контролем и т. д.; *текущая статистика* о крестьянском производстве, хозяйстве и положении крестьян; *переписи и обследования* крестьянского хозяйства.

Делопроизводственная документация во всей ее совокупности является наиболее массовым источником. Такие типы местной документации, как семейные и владенные списки, книги выдачи паспортов, уплаты повинностей и платежей, различных договоров и сделок крестьян (в частности, актов сдачи и аренды земли), выдачи и возврата ссуд кредитными и другими учреждениями, мирские приговоры и решения и т. п., составляют огромный комплекс материалов, содержащих разнообразную информацию о крестьянстве всех районов страны в течение всей эпохи капитализма.

Важной особенностью этой документации является то, что в ее создании в большой мере принимало участие и само крестьянство. Поэтому к этому разряду или классу документов можно отнести и такой их тип, как жалобы и прошения крестьян, их наказания и обращения к представителям властей и различных учреждений.

Однако, несмотря на свою обширность и разнообразие, указанные материалы в целом в наименьшей мере использованы историками при изучении истории крестьянства. Главная тому причина состоит в том, что подавляющая часть этих материалов утрачена. Сохранившаяся же их часть, отложившаяся в различных фондах местных архивов, к сожалению, еще не выявлена и не вовлечена в научный оборот и нередко относится архивистами к категории второсортной документации. Таким образом, историкам еще предстоит выявить, источниковедчески изучить и ввести в широкий научный оборот разнообразную первичную делопроизводственную документацию о крестьянстве.

Делопроизводственная документация нередко служила основой для различных сводок данных о крестьянском хозяйстве и положении крестьян, составлявшихся различными государственными учреждениями и комиссиями, а также использовалась для нужд текущей статистики.

Текущая статистика о крестьянском производстве, хозяйстве и положении крестьян представлена двумя типами материалов. Во-первых, она являлась составной частью общей текущей государственной статистики народонаселения, движения землевладения, сельскохозяйственного производства и т. д. Наиболее фундаментальными и известными изданиями текущей государственной статистики, содержащими сведения о крестьянстве, являются охарактеризованные в предыдущих главах «Урожай... года», «18... год в сельскохозяйственном отношении по материалам, получен-

ным от хозяев», «Материалы по статистике движения землевладения в России» и др.

Во-вторых, она представлена специальными материалами, собираемыми и обрабатываемыми различными местными органами, и прежде всего земствами. Необходимые данные поступали в основном от добровольных корреспондентов, но нередко использовались и материалы местного делопроизводства. Эти данные подвергались сводке и с большей или меньшей регулярностью публиковались в виде «Ежегодников», «Бюллетеней». «Справочников» и других изданий.

Особенностью большинства материалов делопроизводства и текущей статистики является то, что они характеризуют отдельные стороны или даже черты крестьянского хозяйства и положения крестьян. Различные виды этих источников содержат чаще всего сравнительно небольшое число одноаспектных показателей. Это хорошо видно на примере рассмотренных выше источников о землевладении и землепользовании и сельскохозяйственном производстве. Поэтому для всестороннего анализа необходимо привлечение разных источников, что осложняет решение вопросов, связанных с полнотой синхронных данных, единством принципов и методов их сбора и обработки, достоверностью и точностью и т. д.

Важным достоинством данных делопроизводства и текущей статистики о крестьянстве является то, что при хорошей сохранности они позволяют строить временные ряды показателей, т. е. изучать динамику явлений и процессов.

Переписи и обследования крестьянского хозяйства сравнительно с делопроизводственной документацией и текущей статистикой имеют две существенные отличительные черты. Во-первых, содержащиеся в них сведения носят комплексный характер, т. е. включают более или менее значительное число показателей о разных сторонах и чертах крестьянского хозяйства и положении крестьян. Во-вторых, зафиксированные в них данные более полны и синхронны, достоверны и точны в силу большего совершенства принципов и методов сбора и проверки этих данных. Это значительно повышает их информационную ценность.

На данном этапе развития науки, который характеризуется тенденцией к системности, целостности, особенно важное значение имеет разнообразие данных этих источников. С одной стороны, оно само по себе создает основу для системного анализа хозяйства и положения крестьян и с другой — открывает пути через раскрытие взаимосвязей учетных признаков к выявлению неизвестных черт и свойств этого хозяйства, т. е. к значительному повышению информативной отдачи источников, а следовательно, и к углублению исследований.

Разумеется, указанные черты присущи не только переписям и обследованиям крестьянского хозяйства. В них они наиболее ярко и полно выражены. Определенной комплексностью данных обладают и некоторые виды делопроизводственной документации.

Например, в совокупность делопроизводственной документации, возникавшей в процессе выдачи земельными банками ссуд крестьянам, входили подворные описания хозяйственной состоятельности крестьян, обращавшихся за ссудами. Они во многом однотипны с земскими подворными переписями крестьян.

Из отмеченного очевидно, что в настоящей главе, посвященной специальной характеристике массовых источников по социально-экономической истории крестьянства, в центре внимания должны быть именно источники, содержащие массовые комплексные данные о крестьянском хозяйстве. Помимо их наибольшей информационной ценности немаловажно и то, что эти источники достаточно хорошо известны и доступны историкам. Из совокупности этих источников для дальнейшего разбора и анализа отобраны наиболее важные из них, а именно: *земско-статистические подворные переписи крестьянских хозяйств, подворные описания крестьянских хозяйств, обращавшихся за ссудами в Крестьянский поземельный банк, и материалы о крестьянстве сельскохозяйственной переписи 1916 и земельной и сельскохозяйственной переписи 1917 гг.*

1. ОБЗОР МАССОВЫХ ИСТОЧНИКОВ О КРЕСТЬЯНСТВЕ И ИТОГИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Наиболее обширные и разносторонние сведения о крестьянстве эпохи капитализма содержатся в земско-статистических подворных описаниях крестьянских хозяйств. Характеризуя значение данных земской статистики, В. И. Ленин указывал, что «нельзя себе представить экономиста, изучающего экономическую действительность России, который бы мог обойтись без данных земской статистики»¹.

История земских подворно-статистических описаний крестьянского хозяйства, их методологические и методические принципы, техника сбора данных, их группировки и сводки достаточно хорошо изучены и освещены в литературе². Поэтому в данной главе кратко рассматриваются лишь самые основные из этих проблем.

Надежность (т. е. достоверность и точность) всяких статистических данных во многом зависит от методики и техники их сбора. В этом отношении материалы земской статистики, и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 632.

² Фортунатов А. Ф. Итоги нескольких совещаний по вопросам земской статистики. СПб., 1900; Кауфман А. А. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М., 1918; Крылова В. О применении выборочного метода в земской статистике. — Вестник статистики, 1955, № 6; Свавицкий Н. А. Земские подворные переписи. М., 1961; Антонова С. И. Статистические источники по истории СССР периода капитализма. М., 1968. В указанной работе Н. А. Свавицкого дана развернутая библиография о земской статистике.

прежде всего подворные обследования крестьян, относятся к числу наиболее надежных источников о крестьянстве эпохи капитализма. В. И. Ленин отмечал, что в земской статистике «полнота подворных сведений и техника их собирания достигли высокой степени совершенства»³. В отличие от официальной статистики, основанной чаще всего на корреспондентском методе сбора данных (или на извлечении их из местного делопроизводства), земства применяли *экспедиционный метод* получения необходимых статистических сведений. Для этого члены земских статистических бюро выезжали на места. Для проведения подворной переписи обычно созывался сход дворохозяев, на котором происходил их опрос. Такой метод давал более точные сведения, чем обход хозяйств, ибо обеспечивались взаимоконтроль и большая четкость ответов. Статистические данные о крестьянстве первоначально фиксировались в виде пообщинных списков, а затем широко стали применяться подворные карточки, которые были значительно более удобны для последующей обработки.

Содержательная ценность подворных крестьянских обследований определяется их программой, а также полнотой включения собранных данных в публикации.

Как известно, программы земских подворных описаний, во-первых, не были едиными и, во-вторых, не оставались неизменными. Представление об основном содержании программ земских подворных описаний можно получить на основе поуездной сводки данных, составленной по соответствующим публикациям Свавицкими⁴.

В первый период земской статистики эти программы по основным разделам включали более 100 показателей. Из них свыше половины приходилось на данные о населении, землевладении и скотоводстве. В последующие периоды увеличилось общее число показателей (более 250) и возросла доля среди них сведений о землепользовании (сдача и аренда земли), земледелии и промыслах, т. е. о состоянии крестьянского хозяйства. Недостатком переписей является ограниченный в течение всей эпохи капитализма учет данных о купле-продаже рабочей силы.

Единые буржуазно-капиталистические тенденции развития деревни обусловили то, что при всех различиях в программах подворных обследований в отдельных губерниях основной состав учитываемых сведений повсеместно был единым. Региональные особенности проявлялись в более детальном раскрытии соответствующих сторон крестьянского хозяйства. Так, в нечерноземных губерниях шире учитывались промысловые, а в южных — земледельческие занятия крестьян.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 96.

⁴ Свавицкие Н. и З. Земские подворные переписи 1880—1913 гг.: Поуездные итоги. М., 1923. Наиболее обстоятельный обзор программ земских подворных описаний сделан Н. А. Свавицким в его работе «Земские подворные переписи».

Сходство программ создает основу для обработки и анализа сведений подворных описаний как единого комплекса массовых данных.

Первичный материал земских подворных описаний составлял даже в пределах отдельных уездов огромные массивы данных. Они, естественно, требовали обработки и сводки. Это выдвинуло перед земскими статистиками сложную проблему выработки принципов группировки материала.

Эта задача была в центре методологических исканий земских статистиков⁵. Им немало удалось сделать в данном направлении как под воздействием самого хода социально-экономического развития деревни, так и под влиянием (с конца 1890-х годов) марксизма. В. И. Ленин писал, что земские статистики «едва ли не раньше других статистиков заметили недостаточность одной группировки хозяйств по количеству земли и ввели другие приемы группировки: по посеву, по количеству рабочего скота, по употреблению наемного труда и т. п.»⁶, т. е. применили группировки по хозяйственной состоятельности крестьянских дворов.

Однако в целом теоретико-методологическая ограниченность, господство народнических, мелкобуржуазных представлений о крестьянстве как о некоем едином социальном слое не позволили земским статистикам найти правильное решение проблем группировки и сводки первичного материала подворных переписей.

Даже в тех случаях, когда применялась группировка по хозяйственной состоятельности дворов, которая является единственно научной⁷, земские статистики сбивались на формальный путь, бессодержательную статистическую детализацию данных. В итоге, как подчеркивал В. И. Ленин, «за деревьями исчезает лес, за грудами цифр исчезают экономические типы явлений, типы, которые могут выступить только при разносторонне и рационально составляемых групповых и комбинационных таблицах»⁸. Это требует от исследователей, использующих материалы земских хозяйственных группировок, соответствующей переработки данных. Методы анализа таких данных детально разработаны В. И. Лениным⁹. На них базируются советские историки, обращаясь к земским под-

⁵ Принципы и методы сводок и группировок земскими статистиками первичных материалов подворных переписей детально анализировались В. И. Лениным (прежде всего в работе «Развитие капитализма в России») и специально исследовались в работах: Хрящева А. X. К вопросу о принципах группировки массовых статистических материалов в целях изучения классов в крестьянстве. М., 1925; Фавстов К. А. О методе группировки в земской статистике. — Учен. зап. Куйбышевского планового ин-та, 1956, вып. IV; Свавицкий Н. А. Земские подворные переписи.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 131.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 81—82 и др.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 277.

⁹ Буганов В. И. Земская статистика крестьянского хозяйства в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». — В кн.: Проблемы источниковедения, М., 1962, т. X.

ворным переписям, содержащим группировки по хозяйственной состоятельности дворов¹⁰.

Но основной изъян земских сводок и группировок материалов подворных переписей выразился не в просчетах, связанных с группировками дворов по их хозяйственной состоятельности. К сожалению, такие группировки были применены лишь при сводке очень небольшой части материалов подворных обследований. При сводке же подавляющей части первичных данных были использованы пообщинные или поселенные группировки. Суть их состояла в том, что исходные данные суммировались в целом по общинам, т. е. селениям, без выделения каких-либо слоев в среде крестьянства. Наряду с пообщинными выводились итоги по волостям (т. е. группам селений) и уездам. В таком виде данные подворных переписей и вошли в соответствующие публикации¹¹.

Понятно, что в основе пообщинных сводок лежало ошибочное представление о единстве крестьянства как социальной категории. Поскольку же определяющей чертой в социально-экономическом развитии деревни в эпоху капитализма было именно разложение крестьянства на качественно отличные социальные слои и классы, сельскую буржуазию и пролетариат, постольку земские статистики в очень большой мере обесценили уникальный первичный материал подворных переписей. Это и послужило причиной того, что подавляющая часть данных этих переписей, представленных в публикациях, до сих пор фактически остается вне научного оборота, почти не используется исследователями при изучении социально-экономического развития деревни и особенно разложения крестьянства¹². Отсюда парадокс, состоящий в том, что, с одной стороны, имеется громадный материал, сотни томов хорошо известных и всем доступных сведений о крестьянстве, а с другой — раздаются жалобы исследователей на недостаток данных для изучения развития капитализма в крестьянском хозяйстве и призывы к поискам новых материалов.

Так, А. М. Анфимов, рассматривая вопрос о мелком товарном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России, пишет, что из публикаций земских подворных переписей «воспользо-

¹⁰ Из работ последнего времени наиболее обстоятельный анализ таких группировок дан в работе Д. И. Будаева (*Будаев Д. И.* Смоленская деревня в конце XIX—начале XX в. Смоленск, 1972).

¹¹ Общий объем публикаций сводок материалов подворных переписей — несколько сот томов (как правило, один том охватывает уезд). Перечень основных из этих публикаций дан в приложении к указанной выше работе Н. и З. Сваидких, а общий указатель к земским материалам составлен В. Н. Григорьевым (*Григорьев В. Н.* Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 год. М., 1926, вып. 1-2).

¹² Наиболее широко в советской историографии пообщинные сводки данных подворных переписей были использованы для анализа крестьянского хозяйства А. М. Анфимовым (*Анфимов А. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.). М., 1962, гл. III).

ваться можно лишь в общем незначительной частью... сборников, так как в большинстве их не содержится группировок дворов по их хозяйственной состоятельности»¹³.

Д. И. Будаев указывает, что изучение крестьянского хозяйства «требует вовлечения в научный оборот нового фактического материала, показывающего конкретный ход капиталистического переустройства деревни в разных районах страны»¹⁴.

Подобные мнения нередко основываются на той критике сводок и группировок материалов подворных земских переписей, которая была дана В. И. Лениным. Однако при этом не учитывается то, что, критикуя земских статистиков, В. И. Ленин исходил из необходимости и возможности значительно более глубокой и эффективной обработки и сводки материалов подворных переписей, чем та, которая применялась земствами, во-первых, и при этом не просто констатировал состояние дел, а стремился побудить земских статистиков к движению вперед, во-вторых. Усилия В. И. Ленина и других марксистов не были напрасными. Русским марксистам удалось оказать определенное воздействие на развитие земской статистики.

Поэтому из критики В. И. Лениным земской статистики никоим образом не следует, что какие-то ее материалы, и в частности пообщинные сводки подворных переписей, целесообразно использовать при изучении истории деревни и разложения крестьянства. Наоборот, В. И. Ленин дал высокую оценку попыткам анализа пообщинных сводок подворных переписей. Так, в отзыве на работу Н. А. Карышева, который изучал крестьянскую внеадельную аренду по данным поездных сводок подворных переписей¹⁵, В. И. Ленин писал: «Мы видим, следовательно, что вывод из общего обзора данных земской статистики получается тот же самый, к которому приводят и изучаемые нами данные»¹⁶, т. е. данные группировок дворов по их хозяйственной состоятельности. В 1896 г. на русском языке вышла работа марксиста И. А. Гурвича, в которой он на основе пообщинных сводок подворных переписей Рязанской губернии показал глубокий и необратимый характер разложения крестьян¹⁷. Оценивая эту работу, В. И. Ленин отмечал: «Надо удивляться тому искусству, с каким г. Гурвич обработал земско-статистические сборники, не дающие комбинационных таблиц о группах крестьян по хозяйственной состоятельности»¹⁸.

Таким образом, В. И. Ленин считал вполне правомерным использование пообщинных сводок подворных переписей не только

¹³ Анфимов А. М. О мелком товарном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России. — История СССР, 1963, № 2, с. 156.

¹⁴ Будаев Д. И. Смоленская деревня в конце XIX—начале XX в., с. 13.

¹⁵ Карышев Н. А. Крестьянские внеадельные аренды. Дрпдт, 1892.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 88.

¹⁷ Гурвич И. А. Экономическое положение русской деревни. М., 1896.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 174. Примечание.

для общего анализа социально-экономического развития деревни, но и для изучения разложения крестьянства.

Кроме отмеченных работ, в конце 90-х—начале 1900-х годов под влиянием марксизма были предприняты и некоторые другие попытки использования пообщинных сводок для изучения расслоения крестьян. Одна из таких попыток принадлежит вятским статистикам. Учитывая размеры земледельческого производства и количество рабочего скота, они провели группировку волостей и пришли к такому выводу: «Мы имеем здесь дело не только с количественным отличием одних районов от других, но и с качественным... Цифры действительно обнаруживают полный переворот в строе хозяйства этих районов — переход от земледельческого хозяйства к промышленному»¹⁹.

П. П. Румянцев проделал аналогичную работу по Вяземскому уезду Смоленской губернии. Он разделил общины по доле мало-сеющих дворов и установил наличие существенных различий в строе крестьянского хозяйства по разным группам общин²⁰. Группировка П. П. Румянцева была применена в Вологодском и Грязовецком уездах Вологодской и Старобельском уезде Харьковской губерний.

Однако интересные опыты использования пообщинных сводок подворных переписей для анализа разложения крестьян, в силу распространения суженного представления о путях изучения этого процесса, не получили дальнейшего развития, и огромный комплекс ценнейших данных до сих пор остается фактически неиспользованным.

В аналогичном положении оказался еще один массив опубликованных данных земских подворных переписей. Это материалы тех публикаций, в которых первичные подворные данные сгруппированы по размерам землевладения, прежде всего по обеспеченности крестьян наделными землями. Этот массив не столь обширен, как пообщинные сводки данных, но все же насчитывает несколько десятков уездов.

Принцип группировки крестьянских хозяйств по размерам наделов (а иногда наделной и покупной земли) вытекал из обстоятельств, породивших самую земскую статистику. Основным из них была потребность в оценке недвижимых имуществ с целью раскладки налогов. Поскольку главным источником земских доходов было обложение земли, то вполне естественно возникла идея группировки крестьянских хозяйств по величине землевладения, и прежде всего по его основной у крестьян форме — наделному землевладению. В реальной же действительности, как хорошо известно, величина наделов ввиду широкого распространения сдачи

¹⁹ Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка, 1900, т. XII, ч. II, с. 282.

²⁰ Материалы для оценки земель Смоленской губернии: Экономическая часть. СПб., 1904, т. I. Вяземский уезд, вып. II.

и аренды земли далеко не отражала истинных размеров крестьянского хозяйства и производства и их уровня. Поэтому группировки по наделам искажают соотношение слоев в среде крестьянства и затушевывают различия между ними. «Пользуясь группировкой по наделу, — указывал В. И. Ленин, — мы складываем вместе бедняка, который сдает землю, и богача, который арендует или покупает землю... Мы складываем, другими словами, сельского пролетария с представителями сельской буржуазии»²¹.

Однако это не исключает возможности использования этих группировок для анализа социально-экономического развития деревни и разложения крестьян, ибо «надельная земля является одним из важнейших факторов благосостояния»²² крестьян. Поэтому В. И. Ленин, показав изъяны группировки по наделу, не отвергал ее как всецело ошибочную, а лишь подчеркивал, что «ограничиваться группировкой по наделу при обработке подворных данных о крестьянстве не следует»²³.

Таково положение дел со сводкой, группировкой и публикацией первичных материалов земских подворных переписей крестьянского хозяйства, а также с практикой их использования при изучении социально-экономического развития деревни и разложения крестьянства. По мере публикации сводных и сгруппированных данных переписей их первичные материалы поступали в архивы, и интерес к ним падал. Исследователи при наличии огромного числа публикаций практически не обращались к ним. Между тем первичные материалы переписей представляют собой ценнейший источник, при изучении которого исследователи могут применять самые различные методы сводки и группировки, обработки и анализа данных.

В какой мере первичные материалы сохранились в архивах и доступны для использования историками, трудно сказать. Проверка наличия первичных массовых материалов по аграрной истории в архивах Москвы, Владимира, Горького, Костромы, Рязани, Тамбова и Пензы показала, что в фондах губернских и уездных земских учреждений содержатся первичные материалы земских подворных переписей, в ряде случаев в весьма значительных объемах (как, например, по Московской и Пензенской губерниям). Но для выявления объема и полноты этих данных, а следовательно, и их ценности для исторических исследований необходимы специальные разыскания.

В заключение обзора земских подворных переписей крестьянского хозяйства следует отметить еще один вид этих материалов — бюджетные обследования крестьянства. Они явились одной из разновидностей выборочных подворных переписей и проводи-

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 94.

²² Там же, с. 95.

²³ Там же, с. 96 (Разрядка наша. — Авт.).

лись по наиболее развернутой программе, включавшей подробные данные о хозяйстве и статьях доходов и расходов крестьян²⁴.

Общий объем бюджетных обследований невелик. За весь период капитализма они охватили около 12 тыс. крестьянских хозяйств различных районов Европейской России. Но в силу богатства данных о хозяйстве и положении крестьян бюджеты являются уникальным источником для всесторонней характеристики социально-экономического строя и положения различных слоев и групп в среде крестьянства, для выявления всей глубины различий между ними. Они позволяют углубить и конкретизировать анализ социально-экономического развития деревни, основанный на данных сплошных подворных переписей крестьянского хозяйства. Образцом такого использования бюджетных данных является анализ В. И. Лениным во второй главе «Развития капитализма в России» бюджетов воронежских крестьян. Весьма ценные данные о внутреннем строе хозяйства различных слоев крестьянства были получены в результате анализа крестьянских бюджетов и рядом советских историков²⁵.

Крестьянские бюджеты оказались источником, при анализе которого еще в досоветский период были применены математические методы. Так, посредством корреляционного анализа исследователи пытались выявить взаимосвязь элементов крестьянского хозяйства²⁶. Сам этот факт, несомненно, был движением вперед в разработке методики и техники анализа статистических данных. Однако ограниченность поставленных задач и узость содержательного анализа не позволили получить посредством обращения к новым методам сколько-нибудь значительных исследовательских результатов.

Новый этап математико-статистической обработки данных крестьянских бюджетов начался в последние годы, когда эти методы стали применяться для выявления социально-экономической структуры различных типов крестьянских хозяйств в период капитализма и в доколхозной советской деревне²⁷.

---

²⁴ Обстоятельная характеристика бюджетных обследований крестьян дана в следующих работах: *Чаянов А., Студенский Г.* История бюджетных исследований. 2-е изд. М., 1922; *Чаянов А. В.* Бюджетные исследования: История и методы. М., 1929; *Корневская Н. Н.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954.

²⁵ Здесь прежде всего обращает на себя внимание статья П. Г. Рындзюнского (*Рындзюнский П. Г.* Экономический строй крестьянского хозяйства России в пореформенное время. — Вопросы истории, 1971, № 11).

²⁶ *Хрящева А. И.* Опыт исследования взаимоотношений элементов крестьянского хозяйства. Новосильский уезд. Тула, 1914; *Чаянов А. В.* Опыт разработки бюджетных данных по Старобельскому уезду. М., 1915.

²⁷ По периоду капитализма такой анализ дан в статье В. А. Обожды (*Обожди В. А.* К вопросу о взаимосвязи элементов крестьянского хозяйства в начале XX в. — В кн. Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории: Сб. статей. М., 1975).

Таковы состояние и изученность самого обширного комплекса из массовых источников о крестьянстве — подворных земских переписей крестьянского хозяйства. Несмотря на присущие этому комплексу источников недостатки — разновременность проведения переписей, неполный охват территории страны, различия в программах сбора данных, в методах их сводок и группировок, он является по объему и богатству данных, их достоверности и точности одним из наиболее ценных массовых источников по социально-экономической истории крестьянства эпохи капитализма.

* * *

Следующим важным массовым источником по социально-экономической истории крестьянства эпохи капитализма являются *подворные* (посемейные) *списки* крестьян-заемщиков Крестьянского поземельного банка.

Крестьянский поземельный банк²⁸ был учрежден в 1882 г. и имел своей основной целью содействовать выгодной продаже частновладельческих, прежде всего дворянских, земель. Покупщиками этой земли были преимущественно крестьяне. Банк оказывал им содействие в приобретении земли посредством выдачи денежных ссуд.

Крестьяне покупали землю индивидуально, товариществами и целыми сельскими обществами, обращаясь с просьбой о выдаче ссуды в местные отделения банка. Для решения вопроса о выдаче ссуды, ее размерах и условиях банк собирал соответствующую информацию, во-первых, о продаваемой земле и, во-вторых, об ее покупателях.

Необходимые сведения о продаваемой земле местное отделение банка получало из доклада оценщика, как правило, непременно члена местного отделения банка, выезжавшего на место. Доклад содержал оценочную опись земли (количество и качество земли, способы ведения хозяйства, доходы и т. д.), а также характеристику хозяйственно-экономических условий местности (расстояние от железной дороги, арендные и продажные цены на землю и т. п.). Сведения о покупателях земли, их хозяйственной состоятельности фиксировались в подворных списках (описях) домохозяев, обратившихся за ссудой. Банк получал эти описи из волостных правлений и проверял точность включенных в них сведений специальной инспектурой. Заинтересованность банка в достоверных сведениях обеспечивала в целом высокую их надежность. На основе собранной информации местное отделение банка прини-

²⁸ Наиболее фундаментальными исследованиями по истории Крестьянского банка являются работы А. Н. Зака (*Зак А. Н. Крестьянский поземельный банк. 1882—1910. М., 1911*) и В. А. Вдовина (*Вдовин В. А. Крестьянский поземельный банк (1882—1895). М., 1959*). В работе Вдовина дан обзор литературы по истории банка. См. также: Сборник правил и инструкций по Крестьянскому поземельному банку. 1883—1908 гг. СПб., 1908.

мало решение о выдаче ссуды и ее условиях, которое утверждалось Советом банка в Петербурге.

Вся совокупность материалов, накопивавшихся в процессе оформления ссуды, составляла ссудное дело. Оно имело как бы два варианта, один из которых оставался в местном отделении, а другой направлялся в Центральное правление. Поэтому подворные описания крестьян откладывались в двух местах: либо в делах местных отделений банка, либо в материалах Центрального правления. Как показывает ознакомление по ряду губерний с материалами Центрального правления (в ЦГИА СССР) и местных отделений банка, большая часть подворных описаний, вероятно, оставалась в местных отделениях, хотя количество подворных списков среди дел Центрального правления банка также достаточно велико.

По содержанию подворные описания крестьян — заемщиков банка близки к земским подворным переписям. В них обычно включались сведения о количестве населения и работников, земли наделенной, купчей, арендованной и приобретаемой, рабочего и продуктивного скота, а иногда и другие данные (стоимость построек, инвентаря, занятия промыслами и т. д.), т. е. описания заключали в себе основные показатели о состоянии хозяйства крестьян. Набор этих показателей не столь обширен, как в земских подворных переписях. Однако подворные описания крестьян — заемщиков банка как исторический источник имеют и свои преимущества перед ними. Прежде всего они охватывают значительно более широкую территорию, чем земская статистика. К 1890 г. отделения банка имелись в 41, а к 1915 г. — в 68 губерниях и областях России. Многие отделения обслуживали не одну, а несколько губерний, и фактически деятельность банка распространялась на всю страну. Тем самым открывается возможность в определенной мере компенсировать пробелы земской статистики, поскольку земские подворные переписи были проведены лишь в 35 губерниях.

Далее, подворные описания крестьян — заемщиков банка имеют по всему периоду его деятельности, что позволяет изучать состояние крестьянского хозяйства в динамике, по определенным историческим этапам. Наконец, лучшая сохранность подворных описаний крестьян — заемщиков банка, чем первичных материалов земских подворных переписей, и возможность их выявления в архивах также являются важным достоинством этих описаний.

Всего в 1883—1915 гг. Крестьянский банк выдал ссуды: 10 291 крестьянскому обществу (на покупку 3101,3 тыс. дес. земли), 75 748 крестьянским товариществам (куплено 10 391,4 тыс. дес.) и 312 051 индивидуальному покупщику (приобретено 4244,5 тыс. дес.)²⁹. Таким образом, ссудами банка воспользовались несколько

²⁹ Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка с 3 ноября 1905 по 1 января 1907 г. СПб., 1907, с. 6; Сборник статистико-экономических

сот тысяч дворов целых сельских общин, примерно такое же число крестьянских товариществ и более 300 тыс. дворов индивидуальных покупателей, т. е. в общей сложности около 1 млн., а может быть, и больше дворов. Если допустить, что в архивах сохранились подворные описания только трети этих дворов (а вполне возможно, что сохранность этих описаний более высокая), то и тогда историки располагают громадным комплексом ценных данных о крестьянском хозяйстве. Не следует также забывать, что материалы Крестьянского банка содержат массовые сведения о помещичьем хозяйстве, общих условиях сельскохозяйственного производства в различных районах и другие показатели.

Данные подворных описаний крестьян—заемщиков банка в сводном, погубернском разрезе публиковались в ежегодно издававшихся отчетах Крестьянского банка и статистических материалах к ним³⁰. В отчетах приводится группировка заемщиков по обеспеченности паделльной и купленной землей в расчете на душу населения, а также число безлошадных дворов и общее количество скота (крупного и мелкого вместе). Статистические материалы к отчетам, кроме указанных данных, содержат еще группировку заемщиков по обеспеченности рабочим скотом. И хотя погубернские сводки подворных описаний Крестьянского банка менее детальны, чем сводные поездные данные земских подворных переписей, они, будучи ежегодными и охватывая большую территорию, являются ценным сводным массовым источником по истории крестьянства и могут быть широко использованы как самостоятельно, так и в сочетании с подворными описаниями крестьян — заемщиков банка и другими источниками.

До последнего времени материалы Крестьянского поземельного банка в источниковедческом плане специально не изучались.

В аспекте конкретно-историческом они использовались для изучения места Крестьянского банка в аграрной политике царизма и выявления состава покупателей земли с точки зрения их хозяйственной состоятельности. Еще в 20-е годы были высказаны две точки зрения. Одна исходила из того, что в условиях малоземелья землю у банка покупали прежде всего малоимущие слои крестьянства. Другая сводилась к тому, что землю через банк приобретали прежде всего состоятельные слои деревни³¹. В дальнейшем большинство исследователей склонились к выводу, что покупателями земли у банка, особенно в последний период его деятельности (1907—1916 гг.), были зажиточные крестьяне. В. А. Вдовин, изу-

---

сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год 10-й. Пг., 1917, с. 603.

³⁰ Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1883—1916 гг. СПб., 1884—1917. Статистические материалы изданы лишь за 1908—1914 гг.

³¹ Дубровский С. М. Очерки русской революции. М., 1922, вып. 4, с. 95; Он же. Столыпинская реформа: Капитализация сельского хозяйства в XX веке. М., 1925, с. 225.

чая этот вопрос применительно к первому периоду в истории банка (1882—1895 гг.) и положив в основу анализа обеспеченность заемщиков землей, пришел к выводу, что основными покупателями земли через банк были малосостоятельные слои крестьянства³². При рассмотрении названных проблем использовались общие материалы банка.

Подворные описания крестьян — заемщиков банка также привлекли внимание некоторых исследователей. Так, И. Г. Будак использовал подворные списки заемщиков банка при изучении аграрного капитализма в Бессарабии, а И. П. Хлыстов — на Дону³³. Однако они не касались источниковедческо-методических проблем, связанных с этим источником.

Источниковедческая характеристике подворных описаний крестьян — заемщиков банка и методике их обработки и анализа было специально посвящено исследование Р. М. Ивановой³⁴. Итоги этого исследования будут рассмотрены ниже.

В целом же и первичные данные подворных описаний крестьян — заемщиков банка, и их сводки в Отчетах банка еще не привлекли того внимания, какого они заслуживают по своему содержанию и объему.

* * *

Наиболее полным с точки зрения территориального охвата и единовременным в плане сбора данных видом массовых источников по истории крестьянства эпохи капитализма являются переписи 1916—1917 гг.

Проведение первой Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. было обусловлено потребностями учета продовольственных и сырьевых ресурсов в условиях нарастающего продовольственного кризиса, вызванного войной. Перепись была проведена летом 1916 г. и охватила 77 губерний и областей Европейской и Азиатской России, не занятых противником. Осуществление переписи возлагалось на земские учреждения, а там, где не было земств, на уполномоченных Особого совещания по продовольственному делу (в европейской части) и местные переселенческие организации (в азиатской части). Привлечение к организации переписи земских статистических учреждений с их огромным опытом обследования крестьянского и частновладельческого хозяйства во многом обусловило ее успех и высокий уровень.

³² *Вдовин В. А.* Указ. соч., с. 75.

³³ *Будак И. Г.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии в пореформенный период. Кишинев, 1954; *Хлыстов И. П.* Дон в эпоху капитализма. Ростов-на-Дону, 1962.

³⁴ *Иванова Р. М.* Материалы Крестьянского поземельного банка как источник для изучения социально-экономических отношений в деревне в конце XIX—начале XX века: (Подворные списки заемщиков Московского, Пензенского, Курского, Могилевского отделений банка). Автореф. канд. дис. М., 1973.

Программа переписи определялась теми основными целями, которые ставились при ее проведении. Они сводились не к изучению крестьянского и частновладельческого хозяйства, как в большинстве земских переписей, а к выявлению состояния производства продовольственных и кормовых культур и скотоводства³⁵. Применительно к крестьянскому хозяйству программа переписи предусматривала сбор следующих сведений. Одна карточка предназначалась для сплошной переписи хозяйств крестьянского типа. В карточке предусматривался учет пашни (надельной, купчей и арендованной), населения (сюда включались и данные о наемных рабочих), скота и размеров посевов по культурам на землях надельных, купчих и арендованных. Во второй карточке должны были описываться выборочно 5% крестьянских хозяйств. Она дублировала первый формуляр, но данные о скоте и посевах должны были фиксироваться за 1916 и 1915 гг. При проведении переписи данные о скоте за 1915 г. были собраны далеко не везде. Третья карточка также была предназначена для выборочного описания (2% дворов). В ней, кроме данных первых двух карточек, предполагалось учесть еще приход и расход основных продовольственных продуктов и фуража. В действительности такой учет организовать повсеместно не удалось. Дополнительные сведения, фиксировавшиеся в выборочных описаниях, имели своей целью выявить воздействие на крестьянское хозяйство войны.

Достоверность собранных данных проверялась путем выборочных повторных обследований. Соответствующие сопоставления показывают³⁶, что расхождения в данных о населении, рабочем и крупном рогатом скоте были незначительными. Несколько большими они были по мелкому скоту и наиболее заметными по размерам посевов. В сплошном обследовании посевы оказались заниженными. Но в целом перепись 1916 г. дала достаточно, а по относительным показателям вполне надежные, обширные и ценные по содержанию данные.

Однако быстро менявшаяся историческая обстановка, обострение продовольственного вопроса и усиление борьбы крестьянства за землю требовали новых данных о состоянии сельского хозяйства и положении деревни. Поэтому в 1917 г. была проведена новая, теперь уже земельная и сельскохозяйственная перепись. Кроме сведений о населении (оно было учтено более детально), скоте и посевах, учитывавшихся в переписи 1916 г., перепись 1917 г. предусматривала сбор развернутых данных о землевладении (по видам угодий и сословно-юридическим категориям — надельные, купчие, хуторские, отрубные и т. п.), а также о найме рабочей силы, «промыслах» крестьян и сельскохозяйственном ин-

³⁵ Программа центральной разработки материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1917, с. 33.

³⁶ См. предисловие к указанной ниже (в сн. ³⁸) публикации предварительных итогов переписи 1916 г.

вентаре. Всего по крестьянскому хозяйству учитывалось 194 показателя. В целом перепись 1917 г. по своему содержанию значительно превосходила перепись 1916 г. Она была завершена к октябрю 1917 г.

По охвату объектов учета (крестьянских хозяйств) перепись 1917 г. была менее полной, чем перепись 1916 г. Аграрные волнения не позволили описать в ряде случаев более или менее большое число дворов. Это затрудняет сопоставление их абсолютных итоговых показателей. Некоторые показатели несопоставимы и в силу разного понимания единиц учета. Например, в 1916 г. к наемным рабочим относились лишь те лица, которые проживали или предполагали прожить в описываемом хозяйстве не менее 30 дней, а в 1917 г. — все рабочие. Все это требует определенных коррективов при сравнении результатов двух переписей.

Разработка первичных данных переписей проводилась на местах³⁷. Она в первую очередь имела своей целью подготовку материалов для общих и местных их публикаций. В 1916—1917 гг. вышли в свет предварительные поездные и погубернские итоги переписи 1916 г.³⁸ В одной таблице этой публикации приводятся поездные сведения о населении, скоте и посевах (всего 66 граф) в хозяйствах крестьянского типа и частновладельческих. К первым относились все крестьянские хозяйства, имеющие наделные или наделные и покупные земли, а также хозяйства на землях, находящихся в личной собственности крестьян, но не превышающих определенных размеров (как правило, 50 дес.). В другой таблице указаны погубернские и порайонные (т. е. по группам губерний) данные, включающие по тем же разделам большее число показателей. Недостатком этого издания является отсутствие в нем учитывавшихся показателей по 1915 г., что не дает возможности изучать воздействие войны на крестьянское хозяйство.

Сводные материалы переписи 1917 г. были опубликованы в изданиях ЦСУ в 1921 и 1923 гг. В первое из них вошли сведения по 52 губерниям и областям³⁹. По крестьянским хозяйствам (а также по частновладельческим хозяйствам и другим хозяйствам «некрестьянского» типа) приводились данные о населении, найме рабочей силы, занятиях «промыслами», землевладении по угодьям, скоте, посевах по культурам, сельскохозяйственному инвентарю. Публикация далеко не охватывала всех собранных данных о крестьянстве (из 194 показателей в нее вошло только 106).

³⁷ О системе и программе разработки материалов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. М., 1918.

³⁸ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года: (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Пг., 1916, вып. I. Европейская Россия; Пг., 1917, вып. II. Кавказ; М., 1917, вып. III. Степной край, Сибирь и Дальний Восток.

³⁹ Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям. — Труды ЦСУ, 1921, т. V, вып. 1.

Второе издание материалов переписи было поуездным (с указанием итогов по губерниям) и охватывало 57 губерний и областей⁴⁰. Публикация включала те же разделы, но общее число показателей было сокращено до 62. Были опущены данные о разделении по полу отсутствующего населения, а также лиц, занятых «промыслами» и работой по найму, распределение посевов по культурам включало лишь основные из них и т. д.

В обе публикации не вошли сведения об использовании труда военнопленных и беженцев, числе работников, участвовавших в различных видах полевых работ, распределении земли на хуторскую, отрубную и чересполосную, общинную и укрепленную, о купчей земле по категории владельцев и др.

Недостатком публикаций материалов переписей 1916 и 1917 гг. является их сводно-территориальный и крупномасштабный (уезды и губернии) принцип, отсутствие данных по более мелким территориальным единицам (волостям и селениям) и группировок дворов по их хозяйственной состоятельности. Частично эти пробелы были компенсированы в некоторых местных изданиях⁴¹.

В целом и общие и местные публикации материалов переписей 1916 и 1917 гг. далеко не исчерпали данных не только опросных бланков, но даже и тех разработок и сводок, которые были составлены на их основе местными переписными учреждениями. Экземпляры этих сводок, поступившие в ЦСУ, как указывает А. М. Анфимов, утрачены⁴². Их дубликаты оставались в губернских учреждениях, поэтому необходимо выявление их наличия в местных архивах. В последних сохранились и первичные материалы переписей. Так, большой комплекс первичных данных переписи 1916 г. по Западной Сибири хранится в Томске⁴³. Обнаружены в значительном объеме первичные материалы (подворные карточки) переписей 1916 и 1917 гг. в архивах Тамбова, Пензы, Владимира, Костромы и Горького. Можно полагать, что такие материалы сохранились и во многих других архивах.

Следовательно, сведения о крестьянстве переписей 1916 и 1917 гг. имеются в наиболее полном по территориальному ох-

⁴⁰ Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. — Труды ЦСУ, 1923, т. V, вып. 2.

⁴¹ Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года: Костромская губерния. Кострома, 1918, вып. III. Итоги комбинационного подсчета; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Новгородской губернии. Новгород, 1920, т. I; Итоги выборочных подсчетов сельскохозяйственной переписи 1917 года: (Комбинационные и групповые итоги). Харьков, 1931. На укр. яз. Перечень местных публикаций материалов переписей 1916 и 1917 гг. дан в библиографическом указателе: *Машихин Е. А., Симчера В. М.* Статистические публикации в СССР. М., 1975.

⁴² *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны, с. 16—17.

⁴³ *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976, с. 44—45.

вату объеме (в поуездном и погубернском разрезе) в сводных публикациях, в более развернутой разработке — в местных публикациях и в виде первичных необработанных материалов (а возможно, и в виде сводок) — в местных архивах. Все они в той или иной мере доступны исследователям и представляют собой богатейший комплекс данных о крестьянстве кануна Октябрьской социалистической революции.

Специальному источниковедческому анализу материалы о крестьянстве переписей 1916 и 1917 гг. стали подвергаться лишь в последнее время. Л. С. Терещенко провела источниковедческий анализ переписи 1917 г., а И. В. Островский — переписей 1916 и 1917 гг. (на материалах Западной Сибири)⁴⁴. Оба исследователя рассматривают историю проведения переписей, их программы, технику сбора данных, их полноту, методы обработки и сводки материалов, их публикацию. В. И. Островский касается также и методики анализа данных переписей при изучении на основе их крестьянского хозяйства. Общая источниковедческая характеристика переписей, естественно, облегчает работу с ними исследователей.

Однако одному из главных аспектов источниковедческого анализа массовых источников, а именно разработке методов их изучения, применительно к материалам переписей 1916 и 1917 гг. все еще не уделяется должного внимания. В этом — одна из причин того, что в конкретно-исторических исследованиях по истории крестьянства эпохи капитализма материалы переписей используются для изучения ограниченного круга вопросов.

Наиболее широко сводные (губернские и уездные) данные переписей 1916 и 1917 гг. привлек А. М. Алфимов при изучении крестьянского хозяйства в годы первой мировой войны⁴⁵. Весьма ценным является проведенное им сопоставление данных переписей со сводными материалами земских подворных описаний, которое позволило конкретно показать пагубное воздействие войны на крестьянское хозяйство.

В целом к опубликованным данным переписей 1916 и 1917 гг. исследователи обращались прежде всего для изучения общего состояния крестьянского хозяйства и в очень малой степени привлекали для анализа масштабов и глубины развития капитализма в деревне, ибо, как отмечается в литературе, по данным сводных публикаций «невозможно выделить типы хозяйств по их хозяйственной состоятельности и социальной роли»⁴⁶. Для преодоления этого недостатка была предпринята попытка обращения к первич-

---

⁴⁴ Терещенко Л. С. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и по-земельной переписи 1917 г. как исторический источник: Автореф. канд. дис. М., 1968; Островский И. В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. по Западной Сибири: (Источниковедческое исследование). Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1973.

⁴⁵ Алфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны, гл. III.

⁴⁶ Там же, с. 17.

ным материалам переписей, при обработке которых исследователи могут группировать крестьянские дворы по их хозяйственной состоятельности. Такая обработка первичных материалов переписи 1916 г. по Западной Сибири с использованием ЭВМ была проделана группой сибирских историков во главе с Л. М. Горюшковым⁴⁷.

Была сделана выборка 8555 дворов из 11 волостей, расположенных в различных природно-хозяйственных зонах Томской губернии. Эти дворы составляли несколько более трети всех дворов выделенных типичных волостей. Группировка крестьянских хозяйств по размерам посева, числу рабочих лошадей и коров, количеству паемных работников дала возможность получить данные о соотношении различных групп в среде крестьянства и социально-экономическом строе их хозяйства.

В целом проделанный анализ показал, что обращение к первичным материалам переписей 1916 и 1917 гг. открывает перед исследователями широкие перспективы для изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства накануне Октябрьской социалистической революции. Но для последующего систематического вовлечения в научный оборот первичных материалов о крестьянстве переписей 1916 и 1917 гг. необходимы, во-первых, выявление в местных архивах и приведение в рабочее состояние этих материалов и, во-вторых, разработка единых принципов, путей и методов их обработки и анализа, с тем чтобы были сопоставимы и сводимы результаты их региональной разработки.

* * *

Таким образом, в распоряжении историков имеется огромный массив массовых данных по истории крестьянства эпохи капитализма. Однако он еще в очень слабой степени разработан историко-ведуческо-методически и крайне ограниченно вовлечен в научный оборот. В той или иной мере используются сводные материалы земских подворных переписей, Отчетов Крестьянского бапка и переписей 1916 и 1917 гг. Первичные же материалы практически почти не затронуты исследованием. Обращает на себя внимание то, что привлекаемые сводные данные используются содержательно в весьма узком диапазоне, главным образом для изучения общего состояния крестьянского хозяйства, и почти не анализируются на предмет выявления уровня развития буржуазных отношений в деревне. Далее, несмотря на массовый характер, данные различных источников используются в значительной мере иллюстративно. Эти источники рассматриваются не как цельные ин-

---

⁴⁷ Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золотогубов В. С., Островский И. В., Рябконов А. М. Материалы переписи 1916 года по Томской губернии: (Из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969; Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма, гл. IV.

формационные комплексы, из которых историк может извлечь определенную систему данных, необходимых для изучения тех или иных процессов, а фактически лишь как простые совокупности тех или иных сведений о крестьянстве. С другой стороны, отдельные типы и виды массовых источников оцениваются как нечто самодовлеющее, а не как составная часть общего комплекса массовых источников по истории крестьянства, тесно связанных своим происхождением и содержанием и поэтому требующих комплексного подхода при их источниковедческо-методическом изучении и включении в научный оборот.

Понятно, что иллюстративно-выборочный и узкий содержательный подход к использованию массовых данных о крестьянстве, отсутствие системности и комплексности в привлечении их обусловлены, во-первых, отсутствием целостности в постановке и проведении соответствующих исследований и, во-вторых, прямолинейным конкретно-методологическим рассмотрением сущности тех или иных явлений или сторон истории крестьянства.

Все это и выдвигает на первый план на настоящем этапе изучения данной проблемы (впрочем, не только этой проблемы) вопросы конкретной методологии, источниковедения и методов анализа массовых источников и данных.

2. МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ И АНАЛИЗА МАССОВЫХ ДАННЫХ О КРЕСТЬЯНСТВЕ

Самым существенным явлением в социально-экономической истории крестьянства пореформенной эпохи было развитие капитализма в крестьянском хозяйстве и утверждение в деревне буржуазной социальной структуры, т. е. разложение старого, феодального крестьянства и формирование новых, буржуазных социальных слоев и классов. Раскрытие масштаба и глубины, закономерностей и особенностей этого сложного процесса является одной из основных задач советских историков. Много в этом направлении уже сделано, однако всестороннее и фундаментальное изучение развития капитализма в деревне еще только разворачивается. Поэтому в решении стоящих задач наряду с углубленным теоретико-методологическим анализом важную роль должно сыграть широкое вовлечение в научный оборот массовых источников о крестьянстве и совершенствование методов их обработки и анализа.

В первую очередь следует расширить масштабы и повысить эффективность использования опубликованных сводно-территориальных данных земских подворных описаний, переписей 1916 и 1917 гг., Отчетов Крестьянского банка и других источников.

Эти публикации содержат богатейший материал для раскрытия общих макро- и микрорегиональных условий и черт буржуазной эволюции деревни. В этом отношении особенно ценны пообщинные сводки земских подворных переписей, поскольку они содержат данные на уровне наиболее мелких территориальных единиц

(вплоть до отдельных селений). Развернутую программу обработки этих данных выдвинул В. И. Ленин в статье «К вопросу о задачах земской статистики» (1914 г.). Он писал: «Отметим, по крайней мере, некоторые из группировок, которые могли бы и должны бы были быть произведены для использования богатейшего земско-статистического материала. Желательно разделить уезд и губернию (речь идет о материалах по Пензенской губернии. — *Авт.*) на районы по наибольшему распространению торгового земледелия разных видов (переработка хлебов и картофеля в вино; сбыт молочных продуктов; маслобойни; особые торговые растения и т. д., и т. п.); — затем по промыслам неземледельческим и по отходу; — по условиям помещичьего хозяйства (близким помещичьих экономий или отсутствию их, преобладанию крепостнического, отработочного, барщинного, испольного, издельного и т. п. или капиталистического, вольнонаемного, помещичьего хозяйства); — далее, по степени развитости торговли и капиталистического оборота вообще (крайне важное деление, которое сделать обязательно с точки зрения азбуки политической экономии и которое легко сделать, хотя его обычно не делают: группировка селений по расстоянию от железной дороги, от базаров, торговых центров и т. п.); — по величине селений...»⁴⁸. Как многие из указанных, так и другие группировки селений и волостей либо уездов могут быть выполнены по публикациям материалов земских описаний и переписей 1916 и 1917 гг. Их эффективность хорошо видна на таком примере. Кашинский уезд Тверской губернии принадлежал к району с развитым молочным животноводством. Поэтому из 19 волостей уезда по данным земского подворного описания конца 80-х годов XIX в. были выявлены пять волостей, в которых доля многокоровных дворов (с тремя и более голов) превышала 20% всех дворов, и семь волостей, где многокоровные дворы составляли менее 10% дворов.

Далее, в каждой категории волостей были выделены по две группы селений. В одну вошли селения, где многокоровные дворы составляли более 30% дворов, а во вторую — селения, в которых таких дворов вообще не было. Затем по каждой категории селений была определена обеспеченность крестьян коровами, землей, хлебом, а также втянутость в промышленную деятельность. Итог получился такой (табл. 1).

Совершенно очевидно, что условия развития крестьянского хозяйства и его уровень в двух группах селений были существенно отличны. Ясно и то, что буржуазная эволюция крестьянского хозяйства и ее характер были здесь также различными.

Здесь мы подошли к вопросу о возможности использования сводных массовых данных о крестьянстве для изучения характера его разложения. В. И. Ленин, анализируя процесс разложения крестьян в конце XIX в. и сравнивая его особенности в различных

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 279—280.

Таблица 1

Состояние хозяйства крестьян Кашинского уезда
в многокоровных и малокоровных селениях

На душу	Многокоровные	Малокоровные
Коров	0,37	0,19
Надельной земли (дес.)	1,68	1,48
Покупной и арендованной земли (дес.)	0,61	0,28
Сборы хлебов и картофеля (четвертей)	3,06	1,89
Занято промыслами (в % к числу населения)	15,90	23,40

местностях, подчеркивал, что «в одних особенно рельефно сказывается образование из крестьян сельских предпринимателей, — а в других — образование сельского пролетариата»⁴⁹. Все из охарактеризованных выше сводных материалов в той или иной мере могут быть использованы для выявления этой важной особенности разложения крестьянства.

Так, поуездные данные перенеси 1917 г. о применении пайма и числе крестьянских хозяйств без рабочего скота и инвентаря, а также другие показатели могут быть основой для выделения районов наиболее интенсивного обуржуазивания и пролетаризации крестьянства.

Еще более ценными для выявления этой особенности разложения крестьянства являются пообщинные сводки земских подворных переписей как в силу возможности изучения процесса на уровне волостей и селений, так и благодаря наличию в них показателей о соотношении в среде крестьянства различных по хозяйственной состоятельности слоев. К таким показателям относятся данные о распределении дворов по их обеспеченности лошадьми и коровами (число дворов безлошадных и бескоровных, с одной, двумя, тремя или четырьмя и более лошадьми или коровами), которые имеются во всех пообщинных сводках, а также по размерам посевов, которые содержатся в сводках по многим уездам. Это дает возможность выделять группы волостей и селений по соотношению в них дворов с разной обеспеченностью рабочим или продуктивным скотом либо по размерам посевов, а затем устанавливать средний уровень крестьянского хозяйства по другим показателям.

Такой анализ пообщинных сводок земско-статистических подворных переписей не только позволяет выделить местности с преимущественной тенденцией образования в среде крестьянства сельской буржуазии или пролетариата, что важно и для раскрытия общего характера разложения крестьянства, и для выявления его

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 110.

региональных особенностей, но и получить представление о степени внутриобщинного разложения крестьянства. Разумеется, эти представления будут самыми общими, ибо судить о глубине различий в уровне хозяйств полярных групп в среде крестьянства можно лишь приблизительно, по средним данным о состоянии этого хозяйства в полярных группах селений⁵⁰. Остановимся на этом подробнее.

Существенным недостатком земских сводок подворных описаний крестьянских хозяйств на основе группировки дворов по их хозяйственной состоятельности является то, что при обработке материала не учитывалось преимущественное образование в среде крестьянства в одних селениях и местностях сельской буржуазии, а в других — пролетариата. Между тем преобладающая той или иной тенденции означало, что зажиточные слои деревни в одних местностях были более состоятельны, чем в других, а беднейшие слои — более разорены, чем в других. Поскольку же данные по различным группам, как правило, выводились как среднеуездные, то в них складывались в зажиточных группах разной степени богатые дворы, а в беднейших — в неодинаковой мере разоренные дворы. Тем самым затушевывалась глубина поляризации крайних групп. Понятно, что указанный просчет методологически не столь радикален, как тот, который имел место при пообщинных сводках, когда вообще усреднялись данные по разным типам крестьянских хозяйств. Однако на практике это привело к тому, что существенно отличные по принципу составления пообщинные и поимущественные сводки данных подворных описаний по целому ряду аспектов разложения крестьянства рисуют весьма сходную картину. Проиллюстрируем это на примере Трубчевского уезда Орловской губернии, по которому по обследованию 1886 г. имеются и пообщинные сводки данных, и группировка крестьянских дворов по их хозяйственной состоятельности (по обеспеченности лошаадьми)⁵¹.

Для сопоставления пообщинных и подворных сводок нами проделана следующая обработка пообщинных данных. Поскольку в уезде широкое распространение получили промысловые занятия крестьян, то были выделены две группы волостей: земледельческие и промысловые. В первую вошли волости, в которых промыслами занимались не более трети дворов, а во вторую — волости, где в них вовлечено было более половины дворов. Затем в каждой

⁵⁰ Методику подобного анализа пообщинных сводок земских переписей см. в кн.: Разумов Л. В. О методике анализа земско-статистических подворных описаний крестьянских хозяйств по материалам Zubовского уезда Тверской губернии. — В кн.: Вопросы истории СССР: Сб. статей: М., 1972; Анализ земско-статистических подворных описаний крестьянских хозяйств по материалам Кашинского уезда Тверской губернии. — В кн.: Проблемы истории СССР. Сб. статей. М., 1973.

⁵¹ Сборник статистических сведений по Орловской губернии. Орел, 1887; т. III. Трубчевский уезд.

группе выделялись селения многолошадные, в которых дворы с четырьмя и более лошадьми составляли свыше 30% всех дворов, и малолошадные, где дворы с четырьмя и более лошадьми вообще отсутствовали. По этим двум группам селений были установлены средняя населенность дворов, доля хозяйств с промыслами, количество на душу населения лошадей, коров и арендованной земли. Такие же показатели в среднем по уезду вычислялись и для групп хозяйств безлошадных и однолошадных и с четырьмя и более лошадьми, выделенных в сводках дворов по их хозяйственной состоятельности. Посмотрим прежде всего, как распределялись по указанным многолошадным и малолошадным группам селений зажиточные и беднейшие дворы (табл. 2).

Таблица 2

Доля зажиточных и беднейших дворов в многолошадных и малолошадных селениях Трубчевского уезда

Волости	Многолошадные селения		Малолошадные селения	
	в них доля дворов (в %)			
	с 4 и более лошадьми	без- и однолошадных	с 4 и более лошадьми	без- и однолошадных
Земледельческие	39,7	25,7	—	50,0
Промысловые	66,6	16,6	—	68,7
По всем волостям уезда	47,5	21,0	—	62,5

Как видим, в многолошадных земледельческих селениях зажиточные дворы составляли две пятых (39,7%), а в промысловых две трети (66,6%) всех дворов этих селений. Это значит, что средние показатели по этим селениям, в первую очередь промысловым, определяются данными зажиточных дворов. Беднейшие же дворы в малолошадных земледельческих селениях составляли 50,0%, а в промысловых — 68,7% всех дворов, т. е. здесь средние показатели (и опять-таки прежде всего в промысловых селениях) отражали главным образом состояние хозяйства беднейших крестьян. Из этого следует, что при группировке селений по общему уровню развития в них крестьянского хозяйства средние данные по наиболее зажиточным и беднейшим группам селений тем в большей мере будут отражать состояние хозяйства состоятельных и разоряющихся дворов, чем большей будет доля таких дворов в этих группах селений.

Далее, обращает на себя внимание следующий момент. В среднем по всему уезду по данным поддворовых группировок насчитывалось 14,9% зажиточных дворов с 4 и более лошадьми и 37,6% беднейших безлошадных и однолошадных крестьянских хозяйств. Эти показатели не отражают того факта, что в многолошадных селениях уезда доля зажиточных дворов была намного больше (47,5%), а в малолошадных селениях — значительно выше доля

беднейших дворов (62,5%). Иначе говоря, подворные похозяйственные сводки скрадывают существенные различия в распределении зажиточных и беднейших дворов по разным местностям уезда.

Перейдем теперь к сравнению степени различий в хозяйственной состоятельности крестьян по данным пообщинных сводок и хозяйственных группировок (табл. 3).

Таблица 3

Разложение крестьян Трубчевского уезда по сравнительным данным пообщинных и хозяйственных группировок *

Показатели	На двор душ обоего пола	Дворов с промыслами (%)	На душу населения		
			лошадей	коров	арендовано земли (дес.)
<i>В многолошадных селениях:</i>					
земледельческих	8,1	14,2	0,41	0,21	0,88
промысловых	8,5	25,0	0,40	0,30	0,45
всего по уезду	8,1	23,6	0,39	0,21	0,76
<i>В зажиточных (4 и более лошадей) дворах по уезду</i>	10,7	33,1	0,45	0,19	0,88
<i>В малолошадных селениях:</i>					
земледельческих	6,0	39,0	0,24	0,13	0,31
промысловых	6,6	76,7	0,19	0,15	0,17
всего по уезду	6,4	61,2	0,19	0,14	0,24
<i>В беднейших (безлошадных и одолошадных) дворах по уезду</i>	5,1	59,3	0,14	0,15	0,20

* К многолошадным отнесены селения, в которых дворы с 4 и более лошадьми составляли более 30% всех дворов, а к малолошадным — селения, в которых дворы с 4 и более лошадьми отсутствовали. К земледельческим причислены волости, где дворы с промыслами не превышали третьей части всех дворов, а к промысловым — такие, где дворы с промыслами составляли более половины.

Средние уездные данные в многолошадных селениях сравнительно с данными по зажиточным дворам по обеспеченности коровами фактически совпадают (0,21 и 0,19), по лошадям — очень близки (0,39 и 0,45). Не так существенно и различие по аренде (0,76 и 0,88). Лишь по населенности дворов и занятию промыслами расхождение существенно. Такая же примерно картина по данным малолошадных селений и беднейших дворов.

Наиболее значительные расхождения в данных о населении вполне понятны. Усреднение по селениям всех типов дворов привело к занижению населенности зажиточных и завышению беднейших дворов. Ясны и различия в долях дворов, занятых промыслами в многолошадных селениях и дворах. Данные по селениям учитывают их лишь в наиболее состоятельных селениях, а в подворной группировке — в зажиточных дворах всех селений.

В последнем случае их доля, естественно, была больше. Этим же объясняются и заметные различия в аренде. Из данных таблицы хорошо видны и пробелы подворных средних. Так, они скрывают тот факт, что в промысловых многолошадных селениях обеспеченность коровами была заметно выше (0,30 против 0,19), а размеры аренды значительно ниже (0,45 против 0,88), чем в сельских земледельческих. С арендой дело обстояло точно так же и в малолошадных селениях.

В целом сравнительные показатели двух группировок данных по Трубчевскому уезду убедительно, а в свете сложившегося отношения к ним исследователей даже удивительно ярко демонстрируют возможность использования пообщинных сводок для приближенного суждения о степени различий в хозяйственной состоятельности полярных слоев в среде крестьянства по уровню крестьянского хозяйства в наиболее и наименее состоятельных группах селений.

Однако правомерность использования пообщинных сводок для выявления различий в хозяйственной состоятельности полярных слоев в среде крестьянства никоим образом не означает того, что они могут заменить данные группировок дворов по их хозяйственной состоятельности. Пообщинные сводки даже при самой глубокой их разработке могут дать лишь самое приблизительное представление о хозяйственных различиях внутри общины, да и то только на ее противоположных полюсах и в той или иной мере ступенчатая эти различия. Так, из рассматриваемых данных по Трубчевскому уезду видно, что по данным подворных и пообщинных сводок обеспеченность высших групп превышала обеспеченность низших групп соответственно: по населению — в 2,10 и 1,27 раза, по лошадям — в 3,21 и 2,05, по аренде земли — в 4,40 и 3,17 и по коровам — в 1,27 и 1,50 раза, т. е. пообщинные сводки хотя и показывают наличие существенных различий в уровне хозяйства полярных групп дворов, но в значительной мере преуменьшают их. Поэтому пообщинные данные нельзя использовать вместо подворных хозяйственных группировок — они пригодны лишь для частичной их компенсации там, где эти группировки отсутствуют и не могут быть заменены сведениями других источников.

* * *

Значительно более эффективным может быть использование сводно-территориальных данных о крестьянстве подворных земских описаний, переписей 1916 и 1917 гг. и отчетов Крестьянского банка для анализа внутренней структуры и общего уровня развития товарно-капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве различных районов и местностей. Это можно сделать путем выявления взаимосвязей различных сторон и черт крестьянского хозяйства, зафиксированных в совокупности показателей (признаков), содержащихся в указанных источниках. Про-

стейшим методом выявления тесноты такой взаимосвязи является корреляционный анализ. Теоретико-методологической посылкой для содержательной исторической интерпретации его результатов служат положения марксистской политэкономии о сущности товарно-капиталистического производства. Главная их суть состоит в том, что по мере втягивания крестьянского (и помещичьего) хозяйства в рыночные, товарно-денежные отношения и развития в нем товарного производства функционирование этого хозяйства подчинялось законам, присущим данному производству, прежде всего закону стоимости и конкуренции. Это приводило к постепенному установлению внутренней сбалансированности хозяйства, возникновению все более тесной взаимосвязи между его различными компонентами (размеры производства, производственно-техническая база, трудовые ресурсы и т. д.). Степень такой сбалансированности, выражаемая теснотой взаимосвязи различных признаков, и является показателем глубины развития в этом хозяйстве товарно-капиталистических отношений.

Изучать характер взаимосвязи различных компонентов крестьянского хозяйства, т. е. выявлять его внутреннюю структуру, можно по тому или иному набору признаков, содержащихся в источниках. Необходимо, конечно, чтобы набор признаков отражал основные компоненты. Особенно важно для выяснения степени развития буржуазно-капиталистических отношений в этом хозяйстве наличие данных о применении наемного труда, либо характер взаимосвязи указанного компонента с другими (прежде всего с производственно-техническими показателями) в первую очередь отражает глубину товарно-капиталистической эволюции крестьянского хозяйства.

Сводные данные земских подворных описаний и переписей 1916 и 1917 гг. позволяют изучать структуру крестьянского хозяйства по средним губерльским, уездным, волостным и поселенным данным, выделяя различные регионы и местности и раскрывая степень ее (структуры) сопряженности на разных уровнях выражения закономерностей, присущих товарно-капиталистическим отношениям.

В качестве примера рассмотрим социально-экономическую структуру крестьянского хозяйства по данным переписи 1917 г. по 38 губерниям Европейской России и уездам четырех южных степных губерний (Екатеринославская, Донская, Саратовская и Самарская). Для корреляционного анализа взяты семь показателей, характеризующих основные производственно-экономические и социально-экономические аспекты крестьянского хозяйства: размеры земледельческого производства, обеспеченность рабочим скотом и инвентарем, степень распространения наемного труда. Как видно из матрицы коэффициентов корреляции (табл. 4), и по Европейской России, и по Южному Степному району взаимосвязь между всеми показателями была прямой и тесной.

Таблица 4

Корреляционная модель социально-экономической структуры
крестьянского хозяйства по данным переписи 1917 г.

Показатели	1	2	3	4	5	6	7
Южный Степной район							
<i>Хозяйства</i>							
с наемными рабочими (%)	×	0,89	0,79	0,88	0,80	0,53	0,58
Наемные рабочие (в % к ра- ботникам)	0,95	×	0,73	1,00	0,64	0,47	0,71
<i>На двор:</i>							
посевов	0,48	0,51	×	0,72	0,83	0,62	0,65
наемных рабочих	0,95	0,99	0,52	×	0,65	0,48	0,74
тяглого скота	0,61	0,67	0,79	0,67	×	0,74	0,69
плугов	0,41	0,46	0,34	0,54	0,45	×	0,71
усовершенствованных ору- дий	0,57	0,62	0,65	0,73	0,73	0,44	×
Европейская Россия							

Средняя теснота взаимосвязи по всем показателям (средний коэффициент корреляции из всех парных коэффициентов) равнялась по Европейской России 0,65, а по Южному Степному району 0,71. Это значит, что в первом случае имели место близкие к господству, а во втором — господствовали черты внутренней структуры крестьянского хозяйства, обусловленные товарно-капиталистическим характером этого хозяйства. В социально-экономическом аспекте особенно важна тесная взаимосвязь обеспеченности крестьянского хозяйства наемными рабочими, тягловым скотом и усовершенствованным инвентарем. Совокупная взаимосвязь по этим показателям по Европейской России составляла 0,71 и по Южному Степному району 0,69, т. е. была очень тесной. И это при том, что в данном случае были взяты все губернии Европейской России и уезды Южного Степного района без какой-либо предварительной группировки их, которая позволила бы выделить регионы со сходными чертами и тенденциями развития крестьянского хозяйства, а потому и с более тесной взаимосвязью его компонентов.

Таким образом, сводные данные вполне позволяют выявить общий характер социально-экономического строя, а следовательно, и уровень развития товарно-капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве.

Материалы переписей 1916 и 1917 гг. дают возможность изучать этот строй на губернском и уездном уровне, сводки же земских подворных описаний наряду с уездными — на уровне волостей и селений, т. е. в микрорегиональном аспекте. Насколько может быть эффективен микрорегиональный анализ структуры крестьянского хозяйства, хорошо видно на примере

выявления этой структуры по двум группам селений Кашинского уезда. В первую вошли 35 наиболее многокоровных селений (дворы с 3 и более коровами составляли свыше 30% дворов), во вторую группу попало 21 малокоровное селение (селений, в которых дворов с 3 и более коровами, не было совсем) земледельческих волостей уезда.

Таблица 5

Корреляционная модель структуры крестьянского хозяйства в селениях Кашинского уезда в конце 1880-х годов

Признаки	1	2	3	4	5	6
	Малокоровные селения					
На двор:						
всего землепользования (дес.)	×	0,21	0,08	0,09	0,08	0,10
посевов зерновых (дес.)	0,27	×	0,67	0,37	0,63	0,57
лошадей	0,38	0,51	×	0,58	0,18	0,23
коров	0,43	0,35	0,25	×	-0,05	-0,10
наемных работников	0,51	0,21	0,19	0,59	×	0,89
дворов с наемными работниками (%)	0,49	0,24	0,23	0,59	0,97	×
	Многокоровные селения					

Для анализа структуры крестьянского хозяйства было взято 6 показателей, характеризующих размеры общего землепользования (падельные, шокоупные и арендуемые земли) и земледельческого производства, а также обеспеченность рабочим и продуктивным скотом и наемными работниками.

Итоги корреляционного анализа дали очень интересные результаты (табл. 5). Во-первых, две группы селений представляют разные по отраслевому направлению типы крестьянского хозяйства: животноводческое в многокоровных и земледельческое в малокоровных селениях. Об этом свидетельствует разный характер взаимосвязей признаков. В первой группе селений взаимосвязаны размеры общего землепользования, обеспеченность коровами, наемными работниками и масштабы применения наемного труда, а во второй — размеры посевов, обеспеченность наемными работниками, масштабы найма и обеспеченность лошадьми (пока только явственно по отношению к размерам посевов). Во-вторых, в обеих группах селений обнаружилась тенденция к установлению уже сравнительно устойчивой взаимосвязи между определяющими их структуру компонентами — совокупный коэффициент корреляции в первой группе (по 1, 4, 5 и 6 признакам) равен 0,60, а во второй (по 2, 3, 5 и 6 показателям) 0,53. И хотя эта взаимосвязь еще не была достаточно тесной, она, несомненно, свидетельствует об усиливающейся связи

крестьянского хозяйства с рынком через ведущую отрасль производства (соответственно животноводство и земледелие). В-третьих, рассматриваемый пример наглядно иллюстрирует необходимость при изучении структуры крестьянского хозяйства и уровня его товарно-капиталистической организации выделения однотипных в том или ином отношении объектов анализа. Применительно к сводным данным, составленным по территориальному признаку, это будут совокупности определенных губерний, уездов, волостей или селений, в пределах которых крестьянское хозяйство обладало теми или иными отличительными чертами (производственно-отраслевыми, социально-экономическими и др.).

Таким образом, сводные данные о крестьянском хозяйстве, зафиксированные в материалах земских подворных описаний, переписей 1916 и 1917 гг., отчетах Крестьянского банка (и других не рассматривавшихся в данной главе массовых источников), позволяют при надлежащей их обработке и анализе изучить многие важные стороны и черты, явления и процессы в развитии крестьянского хозяйства и социально-экономическом строе деревни эпохи капитализма.

Однако при всех своих достоинствах (обобщенный характер и широта данных, единые принципы их сводки, доступность для исследователей и др.) сводные данные массовых источников о крестьянстве имеют и свои недостатки. Главный из них состоит в том, что они, как правило, не содержат группировок дворов по их хозяйственной состоятельности и поэтому не позволяют выделять качественно отличные слои в среде крестьянства, определять их соотношение и развернуто характеризовать присущие им черты и тенденции развития, внутренний строй их хозяйства, социальную структуру деревни и т. д. В силу этого историки всегда наряду с использованием сводных данных испытывали необходимость обращения и к первичным массовым материалам о крестьянстве. Такая потребность особенно настоятельно стала проявляться в последнее время. Этим обусловлен растущий интерес к методам обработки и анализа первичных массовых данных о крестьянстве. Остановимся на некоторых наиболее существенных моментах, возникающих в этой связи.

* * *

Обращаясь к массовым первичным материалам о крестьянстве (да и не только о крестьянстве), исследователи, естественно, могут оперировать лишь с определенной их частью, т. е. обрабатывать и анализировать *выборки* данных. И если при этом имеется в виду привлечение первичных данных не в качестве простой иллюстрации, а для раскрытия сути изучаемых явлений и процессов в целом, то неизбежно возникает проблема *репрезентативности, представительности* выборок данных.

Поскольку вовлечение в научный оборот первичных массовых источников все более расширяется, постольку для историков становится неотложной задачей овладения методами формирования репрезентативных выборок и установления представительности выборочных данных.

При этом с проблемой репрезентативности выборочных данных исследователь может сталкиваться в двух вариантах. Первый из них тот, когда надлежит *сформировать выборку* из массива первичных массовых источников, охватывающих всю совокупность объектов (ее называют генеральной совокупностью), подлежащих изучению (например, крестьянские хозяйства определенного региона в тот или иной период времени). Во втором случае приходится иметь дело с так называемой *естественной выборкой* данных, т. е. с таким сохранившимся (или доступным исследователю) комплексом первичных материалов, который характеризует лишь ту или иную часть объектов, составляющих генеральную совокупность. Он может представлять собой либо материалы выборочных обследований (они часто практиковались, как указывалось, в земской статистике), либо сведения, характеризующие лишь часть объектов генеральной совокупности (например, подворные списки заемщиков Крестьянского банка составлялись только на крестьян, обращавшихся за ссудой), либо, наконец, просто сохранившуюся часть некогда цельного, генерального комплекса данных (скажем, первичных материалов сплошных земских подворных описаний или учетных карточек переписей 1916 и 1917 гг.).

В первом случае задача состоит в том, чтобы *сформировать* репрезентативную выборку из имеющихся данных генеральной совокупности, а во втором — в том, чтобы *проверить* представительность сохранившихся и используемых исследователем данных естественных выборок.

Репрезентативную, представительную выборку из генеральной совокупности можно сформировать на основе методов, хорошо разработанных в математической статистике. Доказано, что представительной, правильно отражающей свойства генеральной совокупности является выборка *случайная*, т. е. такая выборка, при образовании которой каждый объект этой совокупности имеет равный шанс попасть в выборку. При изучении разнородных по своему составу совокупностей наиболее эффективной является *типически-случайная* выборка. При образовании такой выборки исследуемая совокупность первоначально делится на сходные в том или ином отношении части, которые представляют собой как бы малые генеральные совокупности. Затем из каждой части уже случайным методом отбирается определенная часть объектов, на основе которой и ведется изучение всей генеральной совокупности.

Такой метод формирования выборки был применен сибирскими историками при изучении крестьянского хозяйства в Том-

ской губернии по первичным данным (опросным карточкам) переписи 1916 г.⁵² Первоначально Томская губерния была разделена на четыре природно-географические зоны (таежная, лесостепная, степная и горно-таежная). Затем в каждой зоне было выделено по несколько волостей (по всем зонам их было взято 11) с учетом хозяйственных занятий, состава сельского населения (старожилы, переселенцы, аборигены, казаки), расстояния от городов, станций железной дороги и т. д. Это был второй этап типического отбора.

Наконец, в каждой типической волости уже методом случайного отбора выделялось несколько селений, и данные о крестьянских дворах этих селений включались в выборку. В итоге в выборку вошло 8555 дворов, или 36,6% всех дворов 11 типических волостей. Данные об этих дворах затем подвергались обработке (группировка дворов по размерам посевов, числу наемных работников и т. д.) и послужили основой для анализа состояния хозяйства и характера разложения крестьян в Западной Сибири⁵³.

Рассмотренные принципы выборочной обработки первичных материалов могут быть широко применены при изучении крестьянского хозяйства, социально-экономического строя деревни и т. д. по данным переписей 1916 и 1917 гг. и в других районах, а также при обработке и анализе первичных материалов земских подворных описаний и других сплошных обследований деревни. Понятно, что для формирования случайных выборок всех видов необходимо иметь массив первичных материалов по всему исследуемому району. Кроме того, следует иметь в виду, что важнейшим звеном типически-случайного отбора является обоснованное выделение типических подсовокупностей. В этом отношении слабым местом интересной работы сибирских историков являются в общем-то расплывчатость и неопределенность принципов и критериев выделения типических волостей. Во всяком случае эти принципы и критерии не получили развернутого раскрытия.

При оперировании с естественными выборками первичных данных исследователи, к сожалению, не могут опираться на такие строгие математические методы при обосновании их репрезентативности, которые применяются при формировании выборок из данных генеральной совокупности. Но все же некоторые важные аспекты проверки репрезентативности естественных выборок также могут основываться на количественных методах.

Так, нередко исследователь имеет дело с двумя или несколькими естественными выборками данных, которые характеризуют исследуемые объекты на той или иной территории или в тот или

---

⁵² Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золотогубов В. С., Островский И. В., Рябоконев А. М. Указ. соч., с. 30 и след.

⁵³ Этот анализ см.: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма, гл. IV.

иной период времени. Например, можно иметь две выборки первичных данных о крестьянстве земских подворных описаний, относящиеся к двум губерниям какого-либо района или двум районам, наконец, одной губернии или району, но к разным моментам времени. В таких случаях будет возникать вопрос о возможности объединения этих выборок в одну. Но такое объединение будет правомерным в тех случаях, когда выборки характеризуют одну генеральную совокупность. Для этого следует проверить, принадлежат ли они (в плане их определенных свойств) к одной генеральной совокупности. Это можно сделать, опираясь на математические методы, которые позволяют установить существование или несуществование различий по соответствующим признакам средних и дисперсий этих выборок, что и дает основание для решения вопроса о принадлежности их к одной совокупности.

Возможно применение строгих, количественных методов и для проверки, в какой мере случайным является варьирование того или иного признака в естественной выборке. Поскольку такое варьирование, как правило, имеет место в случайных выборках, постольку выявление его может помочь решить вопрос о случайности естественной выборки, а потому и об ее репрезентативности⁵⁴.

Важным показателем представительности естественных выборок является *равномерность* охвата ими исследуемой совокупности, что устанавливается сопоставлением состава объектов выборки и совокупности.

Наконец, сама история возникновения комплекса частичных или неполных данных о некоей генеральной совокупности или раскрытие причин того, почему из некогда полной совокупности сведений сохранилась лишь определенная их часть, также может помочь установлению репрезентативности естественных выборок.

Но и при всем этом во всех случаях, когда имеется возможность сопоставить значения естественных выборок первичных сведений по тем или иным признакам со значениями этих признаков по полным сводным данным этого источника или с данными других источников, необходимо проводить такое сопоставление. Оно может дать наиболее надежные основания для выявления репрезентативности естественных выборок.

Примером такой проверки представительности естественных выборок может служить сопоставление ряда показателей подворных списков заемщиков Крестьянского банка, выявленных в архивных фондах Центрального правления банка, со значениями этих показателей, зафиксированных в других источниках⁵⁵. По-

⁵⁴ Некоторые методы проверки случайности варьирования признаков в естественных выборках см. в кн.: Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967, с. 264 и след.

⁵⁵ Иванова Р. М. Материалы Крестьянского поземельного банка. ; Она же. К изучению материалов Крестьянского поземельного банка (подворные

дворные списки крестьян — заемщиков банка сохранились в архиве Центрального правления лишь в небольшом числе ссудных дел. Поэтому здесь вопрос о репрезентативности стоит в двух аспектах: применительно ко всем крестьянам, обратившимся за ссудами в банк, и по отношению ко всем крестьянам губернии или региона, к которому относятся данные подворных списков. Представительность списков в первом случае проверялась путем сравнения сведений списков о соотношении различных слоев среди крестьян, об обеспеченности их землей и скотом с такими же данными отчетов Крестьянского банка, относящимися ко всем крестьянам, получившим ссуду. Репрезентативность данных списков во втором направлении устанавливалась сопоставлением их показателей с соответствующими сводными данными сплошных подворных земских описаний. Сравнение, проводившееся по четырем губерниям (Московской, Курской, Пензенской и Могилевской), дало следующие результаты. Данные обнаруженных списков являются репрезентативными по отношению к крестьянам — заемщикам банка во всех губерниях. Что же касается всех крестьян губерний, то показатели списков оказались представительными только по Пензенской и промышленно-земледельческой части Московской губернии (по Могилевской губернии сопоставление не проводилось).

Подобным способом можно устанавливать репрезентативность естественных выборок первичных данных земских подворных описаний и переписей 1916 и 1917 гг., сравнивая их показатели со сводными опубликованными данными этих источников. Что касается представительности естественных выборок о заемщиках Крестьянского банка применительно ко всему крестьянству определенных губерний, то сведения этих выборок можно сопоставить помимо сводных данных земских подворных описаний также с соответствующими показателями земельных и военно-конских переписей и другими сводными данными сельскохозяйственной статистики.

Таковы основные пути и методы формирования представительных выборок и выявления репрезентативности естественных выборок из генеральных массивов первичных данных о крестьянстве.

Большим достоинством первичных данных о крестьянстве является возможность применения при их обработке и анализе различных приемов и методов и прежде всего их разнообразных группировок. Последнее особенно важно, поскольку в эпоху капитализма крестьянство было расколото на качественно отличные слои или группы, соотношение между которыми во многом определяло социальную структуру деревни. Однако наличие такой возможности порождает и свои трудности, требует решения ряда

списки заемщиков Курского и Могилевского отделений Крестьянского банка). — В кн.: Проблемы истории СССР: Сб. статей.

конкретно-методологических и методических вопросов. Основными из них являются принципы и критерии группировок. В целом эти принципы хорошо известны. Их обосновал и неоднократно на них указывал В. И. Ленин. Напомним одно из обобщающих ленинских заключений по этому поводу: «Экономическая статистика необходимо должна положить в основание группировки *размеры и типы хозяйства*. Признаки для различения этих типов должны быть взяты сообразно с местными условиями и формами земледелия; если при экстенсивном зерновом хозяйстве можно ограничиться группировкой по посеву (или по рабочему скоту), то при других условиях необходимо принять в расчет посев промышленных растений, техническую обработку сельскохозяйственных продуктов, посев корнеплодов или кормовых трав, молочное хозяйство, огородничество и т. д. Когда крестьянство соединяет в широких размерах и земледельческие и промышленные занятия, — необходима комбинация двух указанных систем группировки, т. е. группировки по размерам и типам земледелия и группировки по размерам и типам „промыслов“»⁵⁶.

Указанные принципы и критерии группировки легко реализовать в том случае, когда очевиден доминирующий тип хозяйства (экстенсивно-земледельческое, животноводческое и т. д.), а следовательно, и тот признак, который можно положить в основу группировки. Но даже и в этом случае группировка по одному признаку может оказаться недостаточно точной, что будет влиять на соотношение численности различных групп.

Так, Р. М. Ивановой⁵⁷ при обработке подворных списков заемщиков Крестьянского банка по Московской, Пензенской, Курской и Могилевской губерниям была проведена сравнительная группировка дворов по их обеспеченности лошадьми и коровами. Обычно при группировке крестьянских хозяйств по рабочему скоту безлошадные и однолошадные дворы относят к беднейшему — пролетарскому и полупролетарскому — слою деревни. Но, как выяснилось, определенная часть этих дворов имела по две, три и даже более коров. Обоснованно было показано, что они должны быть отнесены к другим группам. В итоге при группировке по одному и двум признакам получается такое соотношение дворов в беднейшей группе (табл. 6).

Из этого примера очевидно, сколь значительными могут быть различия в соотношении слоев даже при переходе от группировки по одному к группировке по двум признакам. Еще более существенно может измениться это соотношение при комбинации ряда признаков. Поэтому при бесспорной правомерности группировки по одному определяющему признаку добиться наиболее точного выделения слоев в среде крестьянства можно лишь путем многофакторной (многомерной) группировки, учитывающей все

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 96.

⁵⁷ Иванова Р. М. Материалы Крестьянского поземельного банка..., с. 14—15.

Таблица 6

Доля (в процентах) беднейших дворов в среде крестьянства

Губернии	При включении	
	всех безлошадных и однолошадных дворов	безлошадных и однолошадных дворов, имеющих не более одной коровы
Московская	83,7	70,5
Пензенская	73,4	70,2
Курская	40,2	33,8
Могилевская	41,6	13,7

важнейшие показатели о хозяйстве и положении крестьян. Именно к этому и призывал В. И. Ленин, подчеркивая необходимость комбинации группировочных признаков. Но практическая реализация именно такой классификации крестьянских хозяйств и сопряжена с определенными трудностями при ее обычном, ручном проведении.

В самом деле, если даже группировать крестьянские дворы по двум признакам, каждый из которых имеет по пять групп значений (например, по размерам посева — дворы без посева, с посевом до 5 дес., с посевом 5—10, 10—20 и более 20 дес., а по обеспеченности рабочим скотом — дворы безлошадные, с одной, двумя, тремя, четырьмя и более лошадьми), то и тогда может быть выделено 25 групп дворов (каждая из пяти групп по посеву будет иметь по пять сочетаний с группами по рабочему скоту). Если же взять три признака, каждый из которых имеет по пять групп значений, то таких сочетаний может быть 125. При такой группировке будут возникать трудности при отборе существенных группировочных признаков (ибо их не должно быть много), при определении интервалов для значений этих признаков и последующем сведении комбинационных групп в совокупности, характеризующие существенно отличные слои крестьянства. Далее, для подобной классификации необходимо иметь значительный объем выборки первичных данных, чтобы хотя бы для части комбинационных групп было возможно получить устойчивые средние значения по основным показателям (для этого каждая группа должна включать не менее 15—20 дворов). Наконец, выполнение такой группировки вручную является громоздким и трудоемким.

Все это требует совершенствования методов группировки первичных массовых данных о крестьянстве земских подворных описаний, переписей 1916 и 1917 гг., подворных списков заемщиков Крестьянского банка и других источников. Оно может идти по линии применения количественных и машинных методов, во-первых, для выделения основных признаков, характеризующих крестьянское хозяйство, и, во-вторых, для группировки

этих хозяйств по совокупности таких признаков. Современный математический арсенал обработки и анализа данных о разного рода массовых многомерных объектах позволяет решить обе эти задачи.

Например, методы факторного анализа дают возможность выделять из совокупности признаков, характеризующих те или иные массовые явления и процессы, именно те признаки, которые наиболее полно выражают действие факторов-причин, определяющих суть этих явлений и процессов. Это особенно важно в тех случаях, когда число таких признаков велико, а их отбор обычными методами содержательного анализа не позволяет установить наиболее существенные из них или оценить их сравнительную значимость для решения поставленной задачи. Такие массовые источники о крестьянстве, как земские подворные описания и переписи 1916 и 1917 гг., содержат по многу десятков, а бюджетные обследования даже по несколько сот различных показателей, которые прежде всего характеризуют суть внутреннего строя крестьянского хозяйства и выражают определяющие ее факторы. Здесь необходимы математические и машинные методы.

Выделенные средствами математического анализа основные признаки затем могут быть взяты в качестве группировочных, и по ним проведена многомерная классификация крестьянских дворов (или других объектов).

Заметим, что задача выделения основных признаков из значительной их совокупности и группировки исследуемых объектов возникает при обработке и анализе не только первичных массовых, но и сводных данных о крестьянстве.

Указанные математические и машинные методы группировки признаков и на ее основе классификации объектов достаточно хорошо разработаны и могут быть широко использованы историками⁵⁸.

Существуют и другие методы многомерной классификации, которые также могут быть применены при обработке и анализе данных о массовых исторических объектах. Конкретная попытка многомерной классификации крестьянских хозяйств в историческом исследовании была предпринята Ю. Ю. Какком⁵⁹, а многомерная аграрная типология губерний Европейской России проделана Л. И. Бородкиным и И. Д. Ковальченко⁶⁰.

Таким образом, в области группировки крестьянских хозяйств (да и многих других массовых объектов) историкам необходимо овладеть современными методами обработки и анализа массовых

⁵⁸ Жуковская В. М., Мучник И. Б. Факторный анализ в социально-экономических исследованиях. М., 1976.

⁵⁹ Какк Ю. К вопросу о типологии крестьянских хозяйств в Эстонии в начале XIX века. Таллин, 1975.

⁶⁰ Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв. — История СССР, 1979, № 1.

данных, чтобы поднять на новый уровень изучение социально-экономического развития деревни эпохи капитализма.

Многофакторная группировка первичных данных о крестьянстве позволит наиболее точно выявить соотношение в среде крестьянства существенно отличных социальных слоев и групп. Вслед за этим возникает задача всестороннего раскрытия структуры, внутреннего социально-экономического строя крестьянского хозяйства этих слоев и групп, которое должно показать глубину разложения крестьянства, степень развития в деревне буржуазно-капиталистических отношений. Здесь также наряду с традиционными (сравнение средних значений признаков по группам и долей групп в общем объеме крестьянского хозяйства) важную роль играют и количественные методы анализа.

Насколько применение количественных методов является эффективным, показывает корреляционный анализ социально-экономической структуры крестьянского хозяйства различных групп по данным бюджетов пензенских крестьян за 1911 г.⁶¹ По валовому доходу на душу населения в среде крестьянства было выделено пять групп с размерами дохода: до 80, 81—120, 121—180, 181—270 и свыше 271 руб. Средние показатели (табл. 7) обеспеченности крестьян землей, средствами производства, рабочим и продуктивным скотом хотя и показывают наличие существенных

Таблица 7

Хозяйственная обеспеченность и зависимость товарности земледелия от разных факторов у беднейших и зажиточных крестьян в Пензенской губернии в 1911 г.

Показатели	В среднем на душу населения		Корреляционная связь товарности земледелия с показателями	
	беднейшие	зажиточные	беднейшие	зажиточные
Надельная земля	4,42	5,70	0,11	-0,24
Купчая	0,90	2,40	0,10	0,76
Арендная	0,61	1,74	0,02	0,28
Всего землепользования	5,93	9,84	0,25	0,72
Стоимость средств производства	150,00	263,00	0,39	0,75
Количество рабочих лошадей	0,80	1,22	0,14	0,65
Стоимость всего скота	124,00	206,00	0,48	0,70
Расходы на наем рабочей силы	7,10	13,30	0,10	0,85
Товарность земледелия (в %)	16,30	32,70		

⁶¹ *Обожди В. А.* К вопросу о взаимосвязи элементов крестьянского хозяйства в начале XX в.

различий между двумя полярными группами дворов (у зажиточных крестьян эта обеспеченность была в полтора-два раза выше), но далеко не раскрывают качественно отличного характера социально-экономического строя двух типов хозяйств. Анализ же внутренней структуры этих хозяйств, в частности указанная в таблице теснота взаимосвязи товарности земледелия с различными признаками, ярко показывает различия в этом строе. Если в беднейшей группе товарность земледелия была сравнительно слабо связана с обеспеченностью средствами производства и скотом и не зависела от других факторов и, что особенно важно, от найма рабочей силы, то в зажиточной группе товарность земледелия была тесно связана со всеми производственными компонентами кроме размеров надела и аренды. Особо следует отметить взаимосвязь товарности земледелия с наймом рабочей силы, размерами купчей земли и стоимостью средств производства. Перед нами отчетливо выраженные различия двух типов земледельческого производства: с одной стороны, сельского полупролетария и с другой — деревенского буржуа.

Наряду с корреляционным анализом социально-экономической структуры хозяйства различных групп крестьян могут применяться и другие количественные методы ее раскрытия. Так, при выявлении степени воздействия различных факторов на ту или иную сторону или черту крестьянского хозяйства (ее называют результативным признаком) и определении сравнительного веса этих факторов мощным средством может быть регрессивный анализ. Вот один пример. Речь идет о выявлении сравнительной роли основных факторов, определяющих различия в размерах аренды крестьян зажиточной группы по данным тех же пензенских бюджетов. Один из вариантов регрессивного анализа позволяет установить вес этих факторов в процентах (табл. 8).

Таблица 8

Зависимость размеров аренды у зажиточных крестьян от разных факторов

Факторы (в расчете на двор)	Вес факторов (в %)	Факторы (в расчете на двор)	Вес факторов (в %)
Стоимость рабочего скота	5,4	Общие затраты труда в сельском хозяйстве	12,8
Стоимость сельскохозяйственного инвентаря	36,0		
Затраты сельскохозяйственного капитала	36,2	Надельная и покупная земля	4,2
		Все другие факторы	5,4

Как видим, различия в размерах аренды определялись прежде всего наличием сельскохозяйственного инвентаря и затратами средств на сельскохозяйственное производство. Все другие факторы не играли существенной роли. Иначе говоря, размеры аренды зависели от производственно-экономической мощности

хозяйств. Чем выше была эта последняя, тем больше была аренда. Это значит, что аренда имела ярко выраженный предпринимательский характер.

Подобного типа задачи могут очень часто возникать при изучении крестьянского хозяйства и социально-экономического строя деревни. Важные по своей сути, но неразрешимые обычным путем, они требуют применения математических методов.

Таковы наиболее существенные аспекты и некоторые эффективные и перспективные направления и методы обработки и анализа первичных массовых социально-экономических данных о крестьянстве. Как уже отмечалось, эти методы применимы и при изучении сводных данных массовых источников о крестьянстве и многих других массовых сведений по социально-экономической истории.

* * *

В заключение отметим, что эффективное использование массовых источников и данных по социально-экономической истории крестьянства и деревни эпохи капитализма требует комплексного подхода при отборе этих источников для изучения тех или иных явлений и процессов и системного, целостного анализа содержащихся в них данных.

Комплексный подход при отборе источников означает необходимость привлечения разных типов и видов массовых источников о крестьянстве, а также и других массовых источников (например, статистики землевладения и землепользования, сельскохозяйственного производства и др.) и использования разного уровня содержащихся в них данных, начиная с первичных и кончая наиболее обобщенными.

Системный анализ данных массовых источников предполагает целостное рассмотрение всей совокупности имеющихся признаков, как отражающей (или способной отразить) основные черты внутренней структуры исследуемых явлений или процессов. Это требует при анализе данных переноса акцента с сопоставления тех или иных значений признаков как таковых на раскрытие их взаимосвязи, ее характера и тесноты, на выявление основных факторов, определяющих внутреннюю суть этих явлений и процессов, на определение сравнительной роли и силы воздействия этих факторов на функционирование и динамику как отдельных компонентов, так и системы крестьянского хозяйства и социально-экономического строя деревни в целом.

Бурные сдвиги в социально-экономическом развитии деревни в эпоху капитализма наряду с выявлением общего уровня буржуазно-капиталистического развития крестьянского хозяйства и социального строя деревни требуют анализа этих явлений и процессов применительно к различным социальным слоям и группам деревни, а также различным регионам страны. В методах ис-

следования это выдвигает как важнейшую проблему классификацию, группировку изучаемых объектов на всех уровнях — от отдельных крестьянских хозяйств до уездов и губерний.

Аналогичные, как было показано в других главах, задачи стоят перед исследователями и при изучении других сфер и аспектов аграрной истории эпохи капитализма.

Глава 9

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

1. ОБЗОР И ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

Источникная база изучения помещичьего хозяйства России эпохи капитализма оценивается по-разному. Большинство историков отмечают ее узость, недостаточность и видят в этом причину слабой разработанности этого вопроса. Однако существует мнение о том, что источники по помещичьему хозяйству пореформенной России достаточно представительны и разнообразны. Если даже безоговорочно согласиться с последним суждением, то обилие источников по данной проблеме не исключает того факта, что вплоть до кануна Великой Октябрьской революции не проводилось сплошного обследования помещичьего хозяйства в границах всей страны. Далее информативная ценность имеющихся источников в значительной степени обеднена несовершенством программ сводок и публикаций. Наконец, эффективность использования данных снижает недостаточная разработанность источниковой базы по помещичьему хозяйству и методических приемов ее анализа и обработки.

Для всестороннего изучения помещичьего хозяйства России эпохи капитализма прежде всего необходимы источники, которые содержали бы характеристику массовых объектов и сведения о внутреннем строе помещичьего хозяйства пореформенной России. Одним из таких источников являются документальные материалы вотчинных архивов, раскрывающие состояние помещичьего хозяйства в отдельном имении. Обращение к литературе свидетельствует о едва ли не преобладающем внимании историков именно к этим документам при анализе внутреннего строя помещичьего хозяйства. Но, несмотря на традиционно широкое использование исследователями вотчинных фондов, источниковедческо-методические аспекты анализа заключенных в них данных нельзя считать разработанными.

Основная масса введенных в оборот исследователями помещичьего хозяйства вотчинных фондов, как известно, сосредото-

чена в архивохранилищах Москвы (ЦГАДА, ГИМ) и Ленинграда (ЦГИА СССР).

Документы, входящие в состав вотчинных фондов, весьма разнообразны по своему характеру. Из их числа прежде всего следует выделить текущую хозяйственную документацию: годовые отчеты, ведомости, книги ежедневных записей работ, книги доходов и расходов и др. Комплекс этой документации неоднороден. Общим для него является наличие подробных сведений о помещичьем хозяйстве: данные о земельных угодьях, посевах, стоимости рабочего скота, инвентаря, семян, построек, материалов, землепользовании и системах ведения хозяйства (условия аренды, способы уборки урожая, обработки земли), расходах и доходах (с росписью по статьям).

В целом этот вид источника содержит уникальную информацию о всей совокупности компонентов помещичьего хозяйства в отдельных имениях. Достаточно высокая степень достоверности заключенной в нем информации, по мнению историков, обеспечивалась знанием составителями текущего делопроизводства, реальной картины жизни и жестким контролем со стороны вотчинных контор и самих помещиков. Разумеется, все это не исключало случаев недобросовестности управляющих и конторщиков, в своих корыстных целях не останавливавшихся и перед прямым подлогом. Следует заметить, что и сама система текущего учета и отчетности была неодинаковой у разных помещиков, в силу чего степень полноты документации различна в разных фондах. К тому же и формы делопроизводства не раз менялись даже в пределах одного имения.

Локальность сведений за различные годы, отсутствие единообразия в системе их получения затрудняют сводимость данных вотчинных фондов.

Материалы отдельного фонда, содержащие сведения о конкретном помещичьем имении, естественно, не могут служить основой для каких-либо выводов обобщающего характера о внутреннем строе помещичьего хозяйства в целом. Представительность данных вотчинных архивов вообще вызывает у историков сомнения в силу того, что они относятся, как правило, к «лучшим» имениям. Это обстоятельство нельзя не учитывать при использовании документальных материалов вотчинных архивов.

Наибольшую ценность имеют массовые сведения вотчинных архивов о внутреннем строе помещичьего хозяйства. Свообразие внутренней структуры помещичьего хозяйства вышукло представляет благодаря детальности содержащихся в источнике данных.

Значительный интерес представляют подробные сведения об условиях аренды, обработки земли, о характере найма рабочей силы, системах ведения хозяйства. Обилие описательных характеристик способов ведения хозяйства, дополненных соответствующими статистическими данными, дает возможность заставить «заговорить» и цифровые показатели других источников по поме-

пичьему хозяйству, в которых такого рода описания отсутствуют. Именно массовые сведения о помещичьем хозяйстве, содержащиеся в вотчинных архивах, позволяют на уровне имения решить ряд вопросов организации пореформенного помещичьего хозяйства.

В целом же опыт использования документальных материалов вотчинных архивов привел исследователей к обоснованному выводу, что «разработка их безусловно необходима, но она не может дать материал, достаточный для выводов о помещичьем хозяйстве в целом»¹.

Разновидностью вотчинного делопроизводства являются описания имений, опубликованные в различных журналах, земских статистических изданиях, трудах Вольного экономического общества и др.

Попытка составления библиографии описаний частновладельческих хозяйств была предпринята П. М. Богдановым² на основе дапных сельскохозяйственных (104 наименования) и земских периодических изданий, литературы, каталогов библиотек Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ и Вольного экономического общества и др.³ Указатель содержит сведения почти о тысяче имений, описания которых были опубликованы частично в предреформенную и пореформенную эпохи. К сожалению, составитель ограничил подборку описаний лишь теми, в которых содержатся данные о главнейших отраслях сельского хозяйства — полеводстве и скотоводстве.

Отметим также издание Министерства земледелия и государственных имуществ — «Описания отдельных русских хозяйств», вышедшее в 1897—1898 гг. и состоящее из 13 выпусков. Сведения об отдельных имениях в этом издании сгруппированы по губерниям и составляют самостоятельные выпуски⁴.

Описания содержат сведения о составе и местонахождении имения; естественных условиях; администрации и рабочих; скоте, инвентаре; полеводстве; приемах и способах обработки почвы; посевах; урожаях хлебов и корнеплодов; луговодстве, лесоводстве, садоводстве, огородничестве, скотоводстве; продовольствии рабочих; системе счетоводства и доходности.

¹ Анфимов А. М. Свод по России как источник изучения помещичьего хозяйства XX в. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1959, т. VIII, с. 31—32.

² Указатель русской литературы по описанию отдельных русских частновладельческих хозяйств 1765—1902 гг./ Сост. П. М. Богданов. СПб., 1904.

³ В указателе не включены «Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах» (СПб., 1897—1898, вып. 1—3; 2-е изд. СПб., 1900—1902).

⁴ Описания отдельных русских хозяйств. СПб., 1897—1898, вып. 1—13 (вып. 1 — Тульская, 2 — Орловская, 3 — Курская, 4 и 7 — Воронежская, 5 — Рязанская, 6 — Тамбовская, 7 — Симбирская, 8 — Саратовская, 9 — Казанская, 10 — Калужская, 11 — Костромская, 12 — Прибалтийские, 13 — Ярославская губернии).

Как видим, программа достаточно обширна, по, во-первых, она далеко не всегда соблюдалась, а во-вторых, полнота сведений по отдельным разделам часто была явно неудовлетворительна.

Массовые данные о помещичьем хозяйстве пореформенной России содержатся и в материалах Валуевской комиссии⁵, учрежденной в 1872 г. по инициативе Министерства государственного имущества с целью выявления реального положения сельского хозяйства под напором широко развернувшейся в обществе критики его состояния⁶.

В состав комиссии были введены представители Министерства внутренних дел, Министерства финансов, Удельного управления и Министерства государственных имуществ. Возглавил ее министр внутренних дел П. А. Валуев. Сбор сведений происходил путем рассылки запросов губернаторам, предводителям дворянства, председателям земских управ, мировым посредникам, арендаторам и управляющим имениями, землевладельцам, сельскохозяйственным обществам и т. д. Летом 1872 г. из Петербурга были командированы в различные районы Европейской России специально подготовленные чиновники для проведения обследования на местах.

Наибольший интерес для изучения помещичьего хозяйства представляют стенографические отчеты заседаний комиссии, на которых приглашенные лица — преимущественно землевладельцы, предводители дворянства и председатели земских управ — высказывались по обстоятельно составленной анкетной программе⁷. Анкета содержит 269 вопросов, касавшихся состояния и технической оснащенности хозяйств, рабочей силы, налогов и повинностей, скотоводства, местных отраслей производства, лесоводства, ремесла и промыслов, сбыта продукции, сельскохозяйственного образования, законодательства и др.

В центре внимания комиссии находилось бесспорно собственно помещичье хозяйство, что обусловлено дворянско-бюрократическим ее составом. Основными корреспондентами также были землевладельцы, арендаторы, управляющие имениями.

Существенным недостатком полученных сведений было то, что в них зачастую помещичье хозяйство не отделено от крестьянского. Другим изъяном является пространственная ограниченность: обследование не охватило районы Кавказа, Сибири и Средней Азии. Европейская Россия также была обследована неравно-

⁵ Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России: Журналы Комиссии. СПб., 1873. Приложения I—VII.

⁶ Дружинин Н. М. Помещичье хозяйство после реформы 1861 года (по данным Валуевской комиссии 1872—1873 гг.). — Исторические записки, 1972, т. 89, с. 187.

⁷ Доклад высочайше учрежденной Комиссии ... Приложение VI. Стенографические ответы лиц, приглашенных в Комиссию.

мерно. По полноте данных отличались и сведения различных пунктов программы. Во многом это было обусловлено самой практикой сбора сведений. Форма свободного изложения позволяла нарушать формуляр анкеты, а с другой стороны, на полноту ответов на вопросы повлияла и различная степень компетентности и заинтересованности корреспондентов. Однако, несмотря на все это, именно материалы, сосредоточенные в VI томе Приложений, являются наиболее ценными. Кроме них особый интерес представляют массовые сведения о землепользовании, сельскохозяйственном производстве и рабочей силе, содержащиеся в «Своде сведений о современном положении сельскохозяйственной промышленности вообще» (Приложение I), «Своде сведений о недостатках современного положения сельскохозяйственной промышленности» (Приложение II), а также в «Частных записках и заметках членов комиссии и других лиц» (Приложение V).

Все сведения в них, как правило, приводятся по имениям. Исключение составляют «Общие статистические таблицы» (Приложение IV), где на основе отчетов губернаторов сведены по губерньским данным о посеве и урожае хлебов, поголовье скота, сельскохозяйственных производствах, ценах на незаселенные земли и др.

Из материалов Валуевской комиссии наибольшей достоверностью отличаются описания имений, доставленные Обществом взаимного поземельного кредита⁸. Происхождение и характер сведений отличают их от других материалов комиссии, и по своему содержанию они близки к описаниям заложенных в банках имений.

В целом материалы вотчинных архивов, опубликованные описания отдельных частновладельческих хозяйств, а также сведения о помещичьем хозяйстве в материалах Валуевской комиссии составляют одну разновидность массовых источников по помещичьему хозяйству. Их общим недостатком как массовых источников является ограниченность объектов наблюдения и недостаточная представительность данных для общего анализа помещичьего хозяйства пореформенной России.

Обширный комплекс массовых данных содержат материалы земских статистических обследований частновладельческого хозяйства.

Известно, что земские обследования частновладельческих хозяйств проводились неодновременно в различных районах и сбор сведений осуществлялся по несовпадающим программам, хотя общие фискальные цели обследований в целом сближали содержание последних.

Отличия программ сводятся в основном к разной степени подробности характеристики частновладельческого хозяйства. Как правило, программы исследований предусматривали получение

⁸ Там же. Приложение VII. Описания имений по данным Общества взаимного поземельного кредита.

данных об обеспеченности хозяйства земель, рабочей силой, скотом, инвентарем и т. д. Объект наблюдения также был, как правило, единый — частновладельческое хозяйство размером свыше 100 дес. земельных угодий.

Сведения собирались путем личных посещений хозяйств членами статистических комиссий, по заранее разработанным анкетам, которые содержали вопросы о количестве земли, размере запашки, способах ведения полеводческого хозяйства, сдаче-аренде земли, рабочей силе, скоте, инвентаре в имении и т. д.⁹

Данные эти имеют массовый характер. К сожалению, недостаточная квалификация лиц, проводивших обследования (как правило, сельские учителя) и фиксировавших данные со слов управляющих и крестьян, отсутствие у хозяев соответствующей документации, недоброжелательное отношение помещиков к опросу оказали отрицательное влияние на достоверность полученных данных.

Учитывая фискальные цели обследований, наиболее точными можно считать сведения о размерах запашки, сдаче и аренде земли, формах и высоте арендной платы.

Что касается полноты показателей, то следует отметить пробелы в данных о численности вольнонаемных рабочих, расходах на администрацию, отсутствие бюджетных сведений. Возможные региональные особенности описаний не выяснены, ибо до сих пор не установлена степень сохранности первичных материалов земской статистики. Последнее обстоятельство затрудняет и решение вопроса о представительности данных земской статистики по помещицкому хозяйству. Этот сюжет требует специального рассмотрения применительно к отдельным регионам и периодам. В данном плане для опубликованных материалов может быть использован указатель В. Н. Григорьева¹⁰, в котором только под рубрикой «Организация частновладельческого хозяйства...» указаны около 200 наименований публикаций земских статистических обследований частновладельческого хозяйства по 23 губерниями пореформенной России.

На основании сведений указателя можно заключить, что они представляют помещицье хозяйство различных районов России весьма неравномерно. Неодинаковая активность земств в организации обследований усугублена различной степенью полноты обработки их материалов для последующей публикации.

Большинство публикаций содержит таблицы статистических сведений по основным экономическим показателям частновла-

⁹ Подробнее о первичных материалах земско-статистических обследований частновладельческих хозяйств см.: *Шагин Э. М.* К вопросу об уровне развития капитализма в деревне Средне-Черноземной полосы России в конце XIX—начале XX в. (по неопубликованным материалам рязанской статистики). — Учен. зап. Кавказского пед. ин-та, 1961, т. IX.

¹⁰ *Григорьев В. Н.* Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г. М., 1928—1927, вып. 1-2.

дельческих хозяйств. В таблицах группировка частновладельческих хозяйств произведена по размеру владения (обычно до 50 дес., свыше 50 дес., но встречаются и более мелкие), сословиям (дворяне, мещане, купцы), способу эксплуатации земельных угодий (с экономической запашкой, в аренде).

Внутри групп сведения, как правило, приводятся по отдельным имениям.

Итак, земско-статистические обследования частновладельческого хозяйства содержат массовые данные по помещичьему хозяйству пореформенной России. От вотчинных описаний их отличает, во-первых, табличная форма сообщаемых сведений, во-вторых, они охватывают не отдельные имения, а частновладельческие хозяйства уездов и губерний. Кроме того, обследованию подвергались все частновладельческие хозяйства без исключения, что открывает возможность установления влияния сословной принадлежности владельца на способ ведения хозяйства и его внутренний строй.

В целом данные земских статистических обследований частновладельческого хозяйства являются важным массовым источником по истории помещичьего хозяйства России эпохи капитализма. Дальнейшая источниковедческая разработка данного комплекса материалов, бесспорно, откроет новые перспективы его эффективного использования для изучения внутреннего строя помещичьего хозяйства в отдельных районах России. Исследовательским задачам сегодняшнего дня уже не может отвечать все еще имеющее место фрагментарное иллюстративное использование данных земской статистики при характеристике помещичьего хозяйства той или иной губернии. Следует заметить, что в литературе имеется первый опыт систематической разработки данных земской статистики по отдельным районам страны¹¹.

При всех достоинствах кратко охарактеризованных комплексов источников нельзя не заметить их ограниченности для изучения помещичьего хозяйства России эпохи капитализма. Основным их недостатком является отсутствие данных для изучения процесса капиталистической эволюции помещичьего хозяйства пореформенной России в динамике. В этом плане уникальны материалы земельных банков, и прежде всего Дворянского земельного банка. Не случайно поэтому описания имений, хранящиеся в фонде банка и его местных отделений¹², исследователи приравнивают «к данным хорошего, почти сплошного похозяйственного обследования помещичьего хозяйства», ибо «по ряду губерний

¹¹ Шагин Э. М. Указ. соч.; Пронин В. И. Доходность помещичьего земледельческого хозяйства Калужской губернии на рубеже XIX—XX веков. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1970 г. Рига, 1977; Будаев Д. И. Смоленская деревня в конце XIX—начале XX века: К вопросу о темпах, уровне и степени развития аграрного капитализма. Смоленск, 1972.

¹² ЦГИА СССР, ф. 593 (Государственный Дворянский земельный банк).

через залог банка со времени его открытия до 1917 г. прошло до 80% имений»¹³. Конечно, доля заложенных имений неодинакова для различных районов¹⁴. Но факт залога в земельных банках подавляющей части имений несомненен.

Рассмотрим документацию земельных банков и ее информативные возможности для изучения помещичьего хозяйства на примере крупнейшего из них — Дворянского земельного банка. О том, насколько значителен комплекс материалов банка, можно судить уже исходя из того, что его действия относились к периоду 1885—1917 гг. и охватили к началу 1887 г. 36 губерний, а к 1910 г. — 48 губерний и 3 области Европейской России и Кавказа¹⁵.

Характер материалов банка определялся процедурой залога имений и представляет собой комплекс делопроизводственной документации, отложившийся в местных отделениях и Совете банка. Оформление залога предполагало составление владельцем оценочной описи имущества, последующую проверку ее оценщиком отделения банка (поверочная оценочная опись), доклад оценочного отдела банка и постановление Совета банка о ссуде под залог имущества.

Порядок действия банка предполагал также ежегодную отчетность. В результате в распоряжении исследователей имеются опубликованные материалы отчетов Дворянского банка¹⁶. Они хорошо известны специалистам, однако при использовании данных этого источника следует обратить внимание на важные моменты источниковедческого характера. Так, формуляр отчетов банка стабилизировался лишь в 1895 г. в связи с изменением принципов организации ревизии государственных кредитных учреждений. Поэтому сплошные прямые сопоставления возможны только по данным отчетов после указанного года. С этого времени восстанавливается (к сожалению, не в полном виде) наиболее ценная часть отчетов — таблицы о количестве залогов, размерах залогов по губерниям и распределении залогов по районам, сведения о перезалогах (с указанием их причин) и досрочных погашениях, переродах земли к лицам дворянского и недворянского происхождения (по районам), средних подесятинных оценок (по районам). Наконец, в особую часть выделены сведения о хозяйственном

¹³ Минарик Л. П. Об уровне развития капиталистического земледелия в крупном помещичьем хозяйстве Европейской России в конце XIX—начале XX в. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г. Кишинев, 1966, с. 620.

¹⁴ Статистика долгосрочного кредита в России 1917 г. СПб., 1917, вып. 1, с. 12—17.

¹⁵ Государственный Дворянский земельный банк. 1885—1910 гг. СПб., 1910, с. 12.

¹⁶ Отчеты Государственного Дворянского земельного банка за 1886—1916 гг. СПб. (Пг.), 1888—1918. См. также: Отчеты Особого отдела Государственного Дворянского земельного банка. СПб., 1891—1916; Отчеты по ликвидации Саратовско-Симбирского банка. СПб., 1897—1913.

состоянии имений, оставленных за банком, с данными о способе ведения хозяйства, наличном инвентаре, посевах, доходности. Эти материалы составляют особую группу как по объекту наблюдения (отдельные имения), так и по детальности сведений.

Нужно отметить, что со временем формуляр отчетов изменялся в худшую сторону. Так, был укрупнен масштаб наблюдения (отказались от поуездного уровня описания) и менее детальны стали собираемые сведения. Например, в первых отчетах (1886—1888 гг.), кроме сведений о числе ссуд, количестве земли в заложенных имениях (по угодьям), оценке имения (банком и владельцем), роде оценки, размере ссуды, которые остались и в последующих публикациях отчетов, содержали данные о способах ведения хозяйства, сведения о скоте и инвентаре на поуездном и погубернском уровнях.

До 1895 г. статистическая часть отчетов составлялась на основании материала, сосредоточенного в Центральном управлении банка, а с 1896 г. — по сведениям из отделений банка, которые подвергались проверке¹⁷.

Наибольшую ценность среди опубликованных материалов Дворянского банка представляют Особые приложения к отчетам, заключающие сведения о принятых в залог имениях в конце 80-х — начале 90-х годов XIX в.¹⁸

Данные сгруппированы в таблице, насчитывающей 49 показателей, по следующим разделам: «земля», «хозяйство», «оценка имения», «ссуда», «справочные данные» (продажные и арендные цены десятины земли, угодий и др.), и содержат сведения о количестве и структуре земельных угодий, способе ведения хозяйства (аренда, владельческое хозяйство, ипольное), стоимости скота, инвентаря и построек, общей оценке и ссуде по имениям, заложенным в банке. Публикация ценна тем, что сообщает сведения о каждом отдельном имении. Ее данные по степени подробности близки к первичным оценочным описаниям имений. Однако и в них нет сведений о количестве и условиях применения в имениях рабочей силы, без чего трудно выяснить «отношения хозяина и работника», тип и систему помещичьего хозяйства. Такие сведения (правда, с весьма неудовлетворительной полнотой) содержат лишь первичные оценочные материалы описаний имений, представленных к залого в Дворянский банк. И именно эта

¹⁷ Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1896 г. СПб., 1898, с. IX.

¹⁸ Имения, принятые в залог: Особое приложение к отчетам Государственного Дворянского земельного банка. СПб., 1896, вып. I—IV. Характеристику источника см.: *Елисеева Н. В.* Новый источник по истории помещичьего хозяйства Европейской России конца XIX века. — История СССР, 1976, № 5. К настоящему времени в ИНИОН АН СССР и ЦГИА СССР ею выявлены 13 выпусков публикаций Особых приложений, которые включают сведения о нескольких десятках тысячах дворянских имений, поступивших в залог с 1886 по 1904 г.

группа массовых данных по помещичьему хозяйству в наибольшей степени отвечает целям изучения внутреннего строя помещичьего хозяйства эпохи капитализма.

Фонд Дворянского земельного банка, насчитывающий свыше 64 тыс. дел о залогах имений за 1885—1917 гг., содержит большое число оценочных описаний. Это открывает широкие возможности в изучении помещичьего хозяйства. При этом важно, что закладывались имения, различающиеся по обремененности долгами, способу ведения хозяйства, размеру владения и т. д. Разумеется, соотношения между такими имениями варьируются во времени и пространстве, а потому встает вопрос о репрезентативности конкретных выборок данных.

Для выяснения достоверности оценочных материалов Дворянского банка необходимо выяснить цель, программу, технику сбора данных, а также первоначальные методы их обработки.

Согласно ст. 14 «Положения» о банке первостепенной обязанностью отделений являлась «поверка... правильности произведенных имениям оценок»¹⁹. Опись и оценка предъявляемых к залому имений возлагалась на членов-оценщиков. Причем оценка оценщиком в свою очередь контролировалась общим присутствием отделения и управляющим банка, и в случае каких-либо сомнений относительно справедливости оценки они могли «произвести поверку оной лично или через другого члена-оценщика — вторичным осмотром имения».

Поверка и утверждение представляемых отделениями оценок имений, равно как и выдача ссуд, входили в круг действия Совета банка.

Таким образом, оценочная опись владельца корректировалась прежде всего оценщиком, после чего последний предъявлял ее заемщику, который в случае несогласия с нею делал соответствующую отметку и давал объяснения оценщику или отделению банка. Если от подписания описи отказывался заемщик, то отметку делал оценщик. В отчетах банка имеются сводные таблицы хозяйственных показателей по заложенным имениям. Из графы «Отношение оценки банка к оценке владельца» видно, что оценка имений банком, как правило, была ниже оценки владельцем. Так в Московской губернии в 1886 г. оно составляло 77%, в 1887 г. — 43, в 1889 г. — 32%.

Существенные поправки вносили оценщики и в графу «Стоимость живого и мертвого инвентаря». Не всегда совпадали сведения о количестве земли и распределении ее по угодьям. Поэтому в докладах оценочного отдела банка в специальной рубрике отдельно учитывались земли по оценочной и поверочной описям. Показания последней являются более точными.

---

¹⁹ Узаконения и распоряжения о Государственном Дворянском земельном банке. СПб., 1887, с. 6.

Затем поверочная опись представлялась в отделение, где выносилось «постановление о цене имения и размере ссуды»²⁰. Таким образом, если опись относится к имению, под которое была разрешена ссуда, то ее достоверность обеспечивалась самим порядком сбора данных, устанавливавшего ответственность владельца перед оценщиком, оценщика — перед отделением, отделения — перед Советом банка и их взаимный контроль.

Так как стоимость закладываемых имений определялась или по нормальной (т. е. на основе существовавших арендных и продажных цен на землю), или по специальной оценке (т. е. с учетом доходности имения)²¹, то сбор сведений, дающих основание для оценки и ссуды без ущерба для банка и с выгодой для заемщика, осуществлялся по двум различным программам.

Если ссуда испрашивалась по нормальной оценке, то представляемая заемщиком оценочная опись должна была заключать следующие сведения: а) губерния и уезд, где находится имение, расстояние его от ближайших городов, пристаней, железных дорог, промышленных и торговых мест и т. п.; б) общее количество земли в имении и характер почвы; в) площадь различных угодий: усадебной, пахотной, сенокосной, выгонной, лесной и неудобной земли; г) сумма общего по имению дохода, а также получаемого с отдельных угодий и способы его получения (сдача в долгосрочную аренду, краткосрочный найм или обработка за счет владельца); д) удобряется ли земля в имении; е) другие (кроме земледелия) источники дохода; ж) наличие правительственных ограничений пользования закладываемым имением; з) расходы на управление и повинности и сумма, в которую заемщик оценивает имение²².

При ссуде по специальной оценке в оценочной описи должны были быть представлены следующие дополнительные сведения: а) количество и приблизительная цена лошадей, рогатого скота, овец и т. д. с обозначением поголовья рабочего и продуктивного скота; б) число и назначение построек, материал и приблизительная цена каждой постройки; в) находящийся в имении хозяйственный инвентарь, орудия и машины и их приблизительная цена; г) приблизительная величина расходов на ежегодный ремонт построек и инвентаря; д) обстоятельства, увеличивающие или уменьшающие цену имения.

Кроме того, опись должна была содержать справочные данные о местных продажных и арендных ценах на землю, урожайности хлеба и сена, ценах на хлеб, сено, лесные материалы в соответ-

²⁰ Там же. Инструкция для оценки имений, закладываемых в Государственном Дворянском земельном банке, ст. 23—24.

²¹ Устав Государственного Дворянского земельного банка. СПб., 1891, ст. 47.

²² Указания и распоряжения о Государственном Дворянском земельном банке: Инструкция для оценки имений, закладываемых в Государственном Дворянском земельном банке, ст. 4.

ствии с характером местности, ценах обработки земли и найме рабочих²³.

При описании усадебной земли отмечались площади садов, виноградников и прочих угодий с указанием получаемого с них денежного дохода, при описании пашни — почва, севооборот, удобрения, количество пашни, занятой посевами владельца, способ пользования пашней, не занятой посевами владельца и доход с нее за последние три года.

Описание сенокосов предполагало наличие в нем сведений о числе укосов, средней местной цене, количестве потребленного и проданного сена, площади сенокосов в непосредственном пользовании владельца и отданных в наем.

После осмотра имения оценщик составлял на месте поверочную опись, в которой дополнительно фиксировались справочные данные о местных ценах на землю (в том числе и арендных), об урожайности главнейших хлебов и сена, ценах на хлеб, сено, лесные материалы, стоимость обработки земли и найма рабочих и т. п.²⁴

Таким образом, поверочные описи по сравнению с оценочными имеют еще одно преимущество — более широкую программу. В свою очередь оценочные описи имений, закладываемых в банк по специальной оценке, по содержанию, несомненно, полнее описей имений, оцененных по нормальной оценке.

Все перечисленные виды документов имеют одну основу — оценочную опись имения, точнее, поверочную оценочную опись. Составленное же владельцем описание не отличалось достаточной степенью достоверности.

Что касается докладов оценочного отдела банка и постановлений Совета банка, то по полноте и характеру сведений предпочтение должно быть отдано первым. Именно в них сохранились данные о доходности имений с росписью по статьям и указанием способа ведения хозяйства, сведения о способах эксплуатации земельных угодий, применении найма, отработков, испольщины, расходах на рабочую силу, рабочий скот и т. д. Формуляр постановления более ограниченный: сведения о земельных угодьях; стоимость скота и инвентаря и построек (не всегда); оценка земельных угодий и всего имения, чистый доход от имения, процент капитализации доходности; ссуда, процент ссуды, срок ссуды.

Ознакомление с материалами Дворянского банка показывает, что наиболее часто описания имений представлены этими разновидностями источников. Количественное соотношение между ними зависит от региона исследования и места хранения документов. Так, обращение к фондам местного (ЦГА г. Москвы) и центрального (ЦГИА СССР) архивов по Московской губернии показало,

²³ Указонения и распоряжения..., ст. 4.

²⁴ Там же, ст. 14, 17, 18.

что в первом значительно больше поверочных описей, тогда как во втором архиве сосредоточены в основном доклады и постановления.

Бессрочному хранению подлежали дела с непогашенными ссудами, а временному (10—20 лет) — дела, ссуды по которым были выданы и погашены; прекращенные до выдачи ссуд и т. д., т. е. принцип хранения дел был таков, что он не вносил специфику в откладывающуюся документацию, гарантируя одинаковые условия сохранности различным видам документов оценочного характера. Что же касается документации отделений и Совета банка, то существовавший порядок, когда оценочный отдел вместе с уведомлением о состоявшемся постановлении Совета возвращал в отделения поверочные описи и другие однородные документы, был неудобен в случае перезалогов, переоценок, апелляций и т. п., и поэтому в 1898 г. управляющий банком предложил «Оценочному отделу временно оставлять поверочные описи и заключения членов-оценщиков, а засим препроводжать в отделения»²⁵. Очевидно, что в этих условиях поверочные описи, как правило, оседали в местных отделениях, и это повлияло на состав отложившейся документации в архивах. В свою очередь качество и количество документов отделения зависели от уровня ведения делопроизводства на местах.

Таким образом, материалы по залогу имений представлены в тех или иных пропорциях оценочными описями, поверочными оценочными описями, докладами и постановлениями, из которых наиболее ценными являются поверочные оценочные описи и доклады оценочного отдела, по природе своей и, следовательно, по формуляру содержащие данные с достаточно высокой степенью достоверности и полноты. Вследствие своей массовости большой интерес представляют и постановления Совета банка. Их данные также отличаются высокой степенью достоверности, обусловленной существовавшей системой оценки.

Материалы земельных банков хорошо известны исследователям и широко привлекаются при изучении помещичьего хозяйства. Однако еще нельзя говорить о сколько-нибудь систематической разработке опубликованных и тем более архивных материалов банков. Между тем имеющиеся работы убедительно свидетельствуют о ценности источника для анализа внутреннего строя и состояния помещичьего хозяйства пореформенной России²⁶. Потен-

²⁵ Алфавитный указатель к Сборнику циркуляров Государственного Дворянского земельного банка 1885—1914 гг. Пг., 1915, ст. 127.

²⁶ *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX—начало XX века). М., 1969; *Будаев Д. И.* Смоленская деревня в конце XIX—начале XX века; *Минарик Л. П.* Об уровне развития капиталистического земледелия в крупном помещичьем хозяйстве Европейской России конца XIX—начала XX в.; *Пронин В. И.* Крестьянское и помещичье хозяйство Калужской губернии в конце XIX—начале XX в.: Канд. дис. М., 1969.

циальный эффект привлечения источника исследователями помещичьего хозяйства представляется несоизмеримо большим по сравнению с имеющимся. Эти перспективы связаны прежде всего с дальнейшим совершенствованием методики обработки данных земельных банков, что позволит максимально полно использовать информативные возможности источника.

* * *

Все охарактеризованные выше комплексы источников по истории помещичьего хозяйства России эпохи капитализма представляют собой выборки, которые с той или иной степенью полноты характеризуют помещичье хозяйство отдельных районов и страны в целом. В отличие от этих комплексов источников, бесспорно, уникальное значение имеют переписи 1916 и 1917 гг., когда помещичье хозяйство России впервые было подвергнуто сплошному похозяйственному и поземельному исследованию. При единодушной высокой оценке переписей исследователи, однако, склонны ограничивать их значение лишь изучением сельскохозяйственного производства, выводя в сущности этот важный источник из документального комплекса материалов о помещичьем хозяйстве вообще и его социально-экономическом строе в особенности.

Сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг. выгодно отличаются от других статистических источников по сельскому хозяйству России периода капитализма прежде всего тем, что обе были проведены почти по всей территории страны, выполнялись по достаточно широким программам и охватили все категории хозяйств.

Более развернутые данные содержит перепись 1917 г. Поэтому мы и остановимся в основном на характеристике материалов этой переписи и попутно будем рассматривать их своеобразие в сравнении с данными переписи 1916 г.

Сельскохозяйственная перепись 1917 г. впервые в истории русской статистики соединила обследование хозяйства с поземельным учетом в масштабе всей страны.

Источниковедческий анализ материалов переписи на предмет изучения внутреннего строя помещичьего хозяйства России предполагает решение следующих вопросов: что являлось объектом наблюдения (каковы критерии выделения составителями переписи помещичьего хозяйства)? На каком уровне велось наблюдение и каким образом сводились данные (имеется в виду поволостной, поуездный, погубернский и т. д. уровни)? Как подробно охарактеризовано помещичье хозяйство различными материалами переписи? Насколько достоверны, полны и представительны сведения о помещичьем хозяйстве, содержащиеся в материалах переписей?

По переписи 1916 г. к владельческого типа хозяйствам относились все те, в которых применялся наемный труд, независимо

от размера, а также крестьянские хозяйства, имевшие не менее 50 дес. земли²⁷.

Перепись 1917 г. также отошла от сословного принципа деления хозяйства, который уже земскими статистиками был признан как искажающий действительную картину. В инструкции по производству сельскохозяйственной переписи 1917 г. указывалось: «Хозяйства, владеющие 50 и более десятинами собственной удобной земли или имеющие такое же количество земли в обособленном сельскохозяйственном пользовании (как на праве собственности, так и на арендном или ином праве), заносятся на подворную карточку частновладельческих хозяйств»²⁸.

Однако земельный ценз в 50 дес. являлся признаком чисто внешним: он строго не выдерживался и допускал вариации по губерниям в пределах от 20 до 100 дес. В отдельных губерниях безотносительно к размеру владения в рубрику частновладельческих зачислялись все дворянские хозяйства или вообще хозяйства, ведущиеся на внеадельных землях²⁹.

Таким образом, категория частновладельческого хозяйства по переписи 1916—1917 гг. шире хозяйства помещиков-дворян. В практике проведения переписей не был отвергнут в полной мере и сословный признак деления хозяйств. Однако отход от него как единственного (или основного) был налицо. Определяющим признаком становится размер владения (50 дес.). Учитывая вариации в выбранных на местах критериях выделения частновладельческих хозяйств, вопрос о представительности сведений переписи следует решать с учетом этих региональных особенностей.

При проведении переписи 1916 г. по отдельным хозяйствам должны были составляться похозяйственные карточки четырех форм. Владельческие хозяйства регистрировались по форме № 4. Эта форма предполагала включение сведений о населении, скоте, посевах хлебов за два года, о сборе хлебов в 1915 г. и запасах сельскохозяйственных продуктов к весне 1915 г. Все сведения получались на основе «системы самосчисления», т. е. от населения.

Программа предварительного подсчета материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. была принята Статистической комиссией Особого совещания по продовольственному делу.

По частновладельческим хозяйствам на основе формы № 4 предполагалось получить поуездные и погубернские итоги путем поселенного подсчета и поволостной сводки.

²⁷ Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Пг., 1916, с. 6.

²⁸ Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Пг., 1917, с. 89.

²⁹ *Гереценко Л. С.* Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и полевой переписи 1917 г. как исторический источник: Канд. дис. М., 1968, с. 223.

В публикации «Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.»³⁰, включавшей итоги подсчетов, проведенных на местах, сведения обобщены на поуездном, погубернском и порайонном уровнях (соответственно по крестьянским и частновладельческим хозяйствам). Поуездные итоги представляют собой абсолютные итоговые цифры о населении, посевах и скоте. В погубернских и порайонных итогах даны средние итоговые цифры о посевах, населении, скоте в пересчете на хозяйство и 100 душ населения.

Несомненное достоинство всех трех выпусков итогов переписи 1916 г. состоит в широком охвате территории и единой программе.

А. М. Анфимовым найдены и разработаны неопубликованные материалы переписи 1916 г., именуемые им «Сводом по России»³¹: они содержат сведения о частновладельческих посевах и дают возможность с большей точностью установить структуру посевных площадей, соотношение сельскохозяйственных культур в частновладельческом хозяйстве в начале первой мировой войны (1915 г.) и изменения этой структуры под влиянием условий войны (массовый переход помещичьих хозяйств к кормовым культурам, обостривший продовольственный кризис). Свод содержит ценные данные об аренде, на основе которых можно судить о масштабах капиталистической аренды земли в частновладельческих хозяйствах. Наконец, сведения о собственном хозяйстве помещиков дают важный материал для анализа внутренней его структуры. Хозяйства разбиты на 28 посевных групп.

Группировка по посеву в сочетании с данными об обеспеченности хозяйства рабочей силой и рабочим скотом многое раскрывает во внутренней структуре частновладельческих хозяйств. Но нужно сказать, что группировка только по посеву не может отражать действительных размеров хозяйства, поскольку объединяет в одной группе хозяйства с различной концентрацией производства, разной величиной вложенных капиталов, с животноводческими фермами, торгово-промышленными заведениями и без них.

Кроме того, источник не содержит данных о землевладении, а лишь о частновладельческой запашке и, следовательно, не дает материала для сопоставления землевладения и землепользования, т. е. выявления экономического потенциала частновладельческого хозяйства, способности помещика вести собственное хозяйство, что является важной характеристикой социально-экономического типа помещичьего хозяйства.

³⁰ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года: (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Пг., 1916, вып. I. Европейская Россия; Пг., 1916, вып. II. Кавказ; М., 1917, вып. III. Степной край, Сибирь и Дальний Восток.

³¹ Анфимов А. М. Свод по России как источник изучения помещичьего хозяйства XX века.

Названные недостатки источника, связанные с его природой — природой обработанного, сводного источника, — обуславливают необходимость обращения к первичным материалам переписей.

Инструкцией по производству переписи 1917 г. учет частновладельческих хозяйств предполагалось вести на подворных карточках. Частновладельческие хозяйства свыше 400 дес. с промышленной переработкой сельскохозяйственных продуктов, крупными садами и виноградниками, плантациями под техническими культурами описывались на специальных бланках. Карточки и бланки составляют первичные материалы переписи, на основе которых осуществлялись публикации итогов переписи по частновладельческому хозяйству как центральными, так и местными учреждениями.

Подворная карточка для частновладельческих хозяйств насчитывала 9 отделов, 287 граф. и содержала данные о населении, скоте, инвентаре, землевладении (с указанием размеров земельных угодий), сведения об аренде и сдаче земли, формах и размерах арендной платы за угодья, посевах, наемной рабочей силе, количестве промышленных и торговых заведений.

Сравнительно с программой 1916 г. набор показателей переписи 1917 г. был шире. Раздел «население» включал сведения о наиме сельскохозяйственных рабочих (годовых, сроковых, поденных, сдельных) с указанием пола, возраста, трудоспособности членов семьи.

Перепись 1917 г. регистрировала наличие усовершенствованного инвентаря и данные об аренде его крестьянскими и частновладельческими хозяйствами. Расширился отдел «посевная площадь».

Что касается бланков частновладельческих крупных хозяйств, то они имели очень широкую программу. Она содержит, кроме общих сведений, отделы: земледелие, аренда и сдача земли, полеводство, урожайность, скотоводство, инвентарь, постройки, администрация и рабочие, дополнения о выдающихся хозяйствах. Каждый из этих отделов раскрывается подробнейшим образом. Например, в отделе «полеводство» характеризовались системы полеводства, севообороты, семенной фонд, состав удобрений. При описании систем полеводства указаны категории запашки: экономическая (возделываемая инвентарем и скотом соответственно либо владельца, либо крестьян), издольная, за деньги, за отработки и др. Не менее детально раскрыт и другой важный для изучения помещичьего хозяйства вопрос — «администрация и рабочие». Здесь содержатся сведения о количестве и оплате разных категорий работников и различных видов работ.

Вторая группа материалов переписи — опубликованные итоги — имеет более узкую программу и, следовательно, обладает меньшей информативной ценностью для изучения помещичьего хозяйства. В основу программы публикации предварительных итогов легли сведения подворной карточки с некоторыми сокраще-

ниями (раздел «земледелие» сведен лишь к данным о посевах, исключены сведения о промышленных торговых учреждениях)³².

Анализ программ разработки материалов переписи 1917 г. показывает, что она преследовала конкретную цель — получить предварительные погубернские и поуездные итоги, необходимые для проведения в жизнь намечавшихся земельных преобразований. По ряду губерний (Калужская, Костромская, Курская, Пензенская, Саратовская и др.) вышли местные издания. Весьма неполно в программе разработки были отражены сведения, собранные при описании крупных частновладельческих хозяйств.

Нужно сказать, что как с точки зрения информативной ценности, так и уровня наблюдения при изучении помещичьего хозяйства России предпочтение должно быть отдано первичным материалам. Именно они содержат подробные сведения, относящиеся к отдельному хозяйству. К сожалению, это наименее доступные для исследователя материалы. На сегодняшний день не выявлена даже степень их сохранности. Выяснение полноты и представительности местных публикаций, а тем более архивных материалов (подворных карточек и бланков) — задача будущего. А пока имеют место лишь отдельные попытки использования частновладельческих бланков³³.

По наиболее полному изданию «Поуездных итогов» мы располагаем сведениями о 79 805 частновладельческих хозяйств. В этом издании отсутствуют сведения о крупнейших частновладельческих хозяйствах Воронежской, Волынской, Пермской, Смоленской губерний³⁴.

Достоверность и точность сведений переписи определяются, естественно, техникой сбора и проверки данных.

Учет частновладельческих земель производился на основе плановых документов, оценочно-статистических обследований, инвентарных книг землеустроительных комиссий и банков. Достоверность их данных подтверждается сравнением с материалами местных государственных архивов, трудами земельных комитетов и т. д. Сведения о крупнейших частновладельческих хозяйствах собирались путем опроса владельцев и лиц, хорошо знающих данное хозяйство.

---

³² Предварительные погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 29 губерниям и областям. М., 1919; Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. — Труды ЦСУ, 1924, т. V, вып. 1; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. — Там же, 1923, т. V, вып. 2.

³³ Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золототрубов В. С., Островский И. В., Рябоконева А. М. Материалы переписи 1916 года по Томской губернии: (Из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969 (подробнее об этом см. в гл. 9 настоящей книги).

³⁴ Труды ЦСУ, т. V, вып. 2, с. VIII.

Такие организационные мероприятия, как воззвания и обращения к народу, установление штрафов и взысканий за дачу ложных сведений, тоже явились определенными гарантиями достоверности информации.

В целом можно констатировать, что материалы переписей 1916 и 1917 гг., в том числе и опубликованные итоги, являются вполне добротным массовым источником для изучения помещичьего хозяйства России кануна революции. Первостепенное значение при освоении этого комплекса источников приобретает разработка методики анализа содержащихся в них сведений.

2. МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ И АНАЛИЗА МАССОВЫХ ДАННЫХ О ПОМЕЩИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ

Общая специфика массовых источников по истории помещичьего хозяйства пореформенной России обуславливает особое значение методики обработки и анализа содержащихся в них данных. Как отмечал В. И. Ленин, «данные статистики должны быть обработаны так, чтобы процесс разрушения старого крепостнического, барщинного, отработочного, натурального хозяйства и процесс замены его торговым, капиталистическим земледелием *мог быть изучен по этим данным*»³⁵. Создание единой оптимальной методики обработки и анализа этих данных является необходимым условием для сопоставления итогов отдельных региональных исследований, и главное — такая методика позволяет максимально использовать информативные возможности источника.

При исключительной важности методических проблем степень их разработанности явно не соответствует тому значению, которое они приобрели на современном этапе изучения помещичьего хозяйства России. Причина тому в недостаточном внимании к раскрытию методологических принципов изучения социально-экономических типов помещичьего хозяйства.

Как правило, при обращении к структуре помещичьего хозяйства историки³⁶ стремятся установить соотношение капиталистической и отработочной систем в отдельном имении. При таком подходе исследователь должен идти за источником и быть ограничен в методике, ибо ставится задача непосредственного выявления соотношения капиталистической и отработочной систем помещичьего хозяйства. Следствием этого является значительное ограничение источниковой базы исследования, так как в этом случае источник должен содержать прямые указания на способ ведения хозяйства, сведения о распространении капиталистического найма и отработков. Кроме того, возникают значительные сложности

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 276—277.

³⁶ Минарик Л. П. Об уровне развития капиталистического земледелия в крупном помещичьем хозяйстве Европейской России конца XIX—начала XX в., с. 616—621; Будаев Д. И. Смоленская деревня в конце XIX—начале XX в.

методического характера при определении «капиталистического» и «отработочного» секторов в помещичьем хозяйстве, которое, как отмечал В. И. Ленин, соединяло в себе капиталистические и крепостнические черты, а отработочная и капиталистическая системы переплетались даже на отдельных хозяйственных операциях.

Применительно к изучению внутреннего строя помещичьего хозяйства В. И. Ленин отвергал возможность широкого непосредственного выявления соотношения отработочной и капиталистической систем. «Современное помещичье хозяйство — указывал В. И. Ленин, — соединяет в себе капиталистические и крепостнические черты. Отсюда только педанты могут делать вывод, что наша обязанность взвесить, сосчитать и переписать каждую черточку в каждом отдельном случае по тому или иному ее социальному характеру»³⁷. Не следует «пытаться, — писал он, — пересчитать все отдельные случаи и взвесить каждый отдельный случай, определить с точностью аптекарских весов, где именно кончается крепостничество и начинается чистый капитализм...»³⁸.

Исходя из этого, В. И. Ленин обосновывал целостный подход при раскрытии внутреннего строя той или иной социально-экономической системы. Он особо подчеркивал необходимость такого подхода при изучении аграрных явлений, ибо именно здесь, указывал В. И. Ленин, «требуется в первую голову и больше, чем где бы то ни было, изображение процесса *в целом*, учет всех тенденций и определение их равнодействующей или их суммы, их результата»³⁹.

Перед нами глубокое раскрытие основ и сути системного подхода при изучении сложных явлений общественной жизни, подхода, который только на современном этапе развития науки стал приобретать роль одного из ведущих исследовательских методов.

Системный подход к изучению внутреннего строя помещичьего хозяйства требует новых, нетрадиционных методов его анализа. Суть традиционного подхода, как было показано, состоит в том, что социально-экономический строй помещичьего хозяйства выясняется посредством учета объема производственных операций, выполненных в отдельных хозяйствах на условиях отработок или вольного найма. Однако при всей кажущейся убедительности и конкретности такого подхода он в действительности является ограниченным и не может привести к решению вопроса о внутреннем строе помещичьего хозяйства.

Главная тому причина — отсутствие систематических и достаточно массовых данных, позволяющих непосредственно выявить соотношение отработочных и собственно капиталистических приемов организации производства в помещичьем хозяйстве.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 47.

³⁸ Там же, с. 46.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 195—196.

Ограниченность подобного подхода состоит в том, что он дает слишком суженное представление о социально-экономическом строе помещичьего хозяйства — он характеризуется лишь в производственно-организационном плане. Общая же его структура и ее связь с условиями экономического развития (прежде всего с его товарно-капиталистическими закономерностями) остаются нераскрытыми.

Разумеется, это никоим образом не означает того, что подобный путь отныне следует признать нецелесообразным. Во всех случаях, когда исследователи располагают конкретными данными, позволяющими выяснить соотношение отработочных и собственно капиталистических приемов организации производства в помещичьем хозяйстве, такие данные должны подвергаться анализу и итоги этого анализа будут иметь значение для раскрытия социально-экономического строя помещичьего хозяйства.

Однако такой анализ может играть роль лишь одного из частных методов исследования. Основным же методом выявления внутреннего строя различных социально-экономических явлений и процессов при системном подходе к ним должно быть моделирование их структур.

Системный подход и моделирование при изучении социально-экономического строя помещичьего хозяйства России в эпоху капитализма позволяют выявить степень его капиталистической эволюции, соотношение и преобладание в этом хозяйстве тех или иных стадий этой эволюции, т. е. в конечном счете определить уровень развития в нем аграрного капитализма на основе таких массовых конкретно-исторических данных о помещичьем хозяйстве, которые не содержат прямых сведений о соотношении отработок и свободного найма и других непосредственных показателей степени развития капитализма.

Такая возможность открывается благодаря тому, что отработочная и капиталистическая системы помещичьего хозяйства имели разные структуры, т. е. им была присуща отличная взаимосвязь основных производственных компонентов. Построение моделей этих структур по имеющимся массовым данным и позволяет выявить преобладающий тип отношений в той или иной совокупности помещичьих имений.

Выяснение возможности и эффективности такого подхода к анализу внутреннего строя помещичьего хозяйства потребовало специального исследования. Оно подтвердило правомерность и широкие возможности моделирования социальной структуры помещичьего хозяйства и позволило разработать конкретные принципы и методы построения подобных моделей на основе обработки и анализа описаний имений, заложенных в Дворянском земельном банке⁴⁰. Насколько отличными были структуры помещичьего хо-

⁴⁰ Селунская Н. Б. Моделирование социальной структуры помещичьего хозяйства России конца XIX—начала XX в. — В кн.: Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975.

зяйства при отработочной и капиталистической системах их организации, хорошо видно на корреляционных моделях двух выборок имений, применительно к которым заранее было известно, что в одном случае хозяйство велось капиталистическими, а в другом — отработочными методами (табл. 1) ⁴¹.

Таблица 1

Корреляционные модели социальной структуры помещичьего хозяйства отработочного и капиталистического типов

Экономический фактор	1	2	3	4	5	6
	Коэффициент корреляция					
	Отработочная система					
Стоимость инвентаря	×	-0,35	0,52	0,62	-0,57	-0,05
Расход на рабочую силу	0,91	×	0,10	-0,21	0,67	-0,66
Расход на тягловый скот	0,61	0,58	×	0,26	-0,07	0,35
Стоимость всего скота	0,75	0,68	0,49	×	-0,44	-0,22
Общий расход	0,79	0,91	0,56	0,58	×	-0,51
Доход от поля владельца	0,57	0,69	0,39	0,37	0,87	×
Капиталистическая система						

Как видим, капиталистическая система характеризовалась прежде всего тесной взаимосвязью производственных возможностей этих хозяйств (стоимость инвентаря и скота) с расходами на рабочую силу, а всех этих компонентов с доходами. Для отработочной системы были присущи отсутствие таких взаимосвязей и даже обратный их характер (отрицательные коэффициенты).

В данном случае мы имеем дело с «чистыми» моделями, которые могут иметь значение определенных эталонов. В тех случаях, когда совокупность имений включает капиталистические и отработочные хозяйства, а также хозяйства с тем или иным сочетанием отработок и свободного найма, модель их социальной структуры будет отражать равнодействующую из сочетания этих систем, т. е. будет показывать преобладающие черты социально-экономического строя помещичьего хозяйства.

Таким образом, системный подход, структурно-количественный анализ и моделирование открывают возможность для широкого изучения внутреннего строя помещичьего хозяйства по данным различных массовых источников (сельскохозяйственные переписи, земские обследования частновладельческого хозяйства, описания имений, заложенных в земельных банках).

При этом методика обработки не требует прямых описательных данных о способе ведения хозяйства. Необходимыми и достаточ-

⁴¹ Селунская Н. Б. Указ. соч., с. 166.

ными являются количественные данные об обеспеченности хозяйства рабочим скотом, инвентарем и рабочей силой, анализ показателей взаимосвязи между которыми (в данном случае коэффициентов корреляции) позволяет раскрыть «отношения между хозяином и рабочими», т. е. систему ведения хозяйства.

Разработка данной методики, следовательно, открывает возможность расширения источниковой базы исследования помещичьего хозяйства эпохи капитализма. Она может быть применена ко всем охарактеризованным массовым источникам по помещичьему хозяйству.

Наиболее существенным в конкретно-историческом плане является изучение помещичьего хозяйства России в целом. Такое исследование возможно на основе использования публикаций итогов земельной и сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Наиболее полная публикация материалов переписи 1917 г.⁴² содержит сводку данных по уездам и губерниям, охватывающую подавляющую часть территории страны. В этом их несомненное достоинство. Сводный характер данных, в котором обычно усматривается основной недостаток публикации, вполне допускает возможность выявления внутреннего строя помещичьего хозяйства как в масштабах почти всей страны, так и в пределах отдельных районов, что позволяет раскрыть региональные различия в уровнях аграрно-капиталистической эволюции этого хозяйства.

В переписи, как известно, зафиксировано несколько десятков абсолютных показателей, характеризующих помещичье хозяйство.

Наиболее важными в плане анализа социально-экономического строя являются данные об обеспеченности помещичьего хозяйства наемными рабочими, тягловым и продуктивным скотом, а также плугами и усовершенствованным инвентарем. Показатели по этим данным вычислялись в трех измерениях: в расчете на одно имение, на десятину пашни и на десятину посева.

Из других характеристик наиболее важны доля помещичьих посевов по отношению к помещичьей пашне, а также данные о размерах помещичьих имений (площадь пашни на имение) и объеме их земледельческого производства (размеры посевов на имение).

Характер социально-экономического строя помещичьего хозяйства выявлялся на основе анализа его корреляционных моделей, которые были получены в результате вычисления корреляционных взаимосвязей каждого показателя со всеми остальными.

Эти модели были выявлены для всей территории Европейской России (по данным 34 губерний) и девяти регионов Европейской России (по показателям уездов, входивших в соответствующие регионы).

---

⁴² Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям.

Анализ всей полученной информации требует специального исследования. В данном случае ограничимся лишь одним примером, который достаточно убедительно показывает те возможности, которые открываются для изучения социально-экономического строя помещичьего хозяйства по массовым, сводного характера данным, не содержащим непосредственных показателей об этом строе, на основе системного подхода к изучению этого строя и применения новейших методов исследования. Рассмотрим корреляционные взаимосвязи различных компонентов помещичьего хозяйства Европейской России в 1917 г.

Начнем с данных, взятых в расчете на имение (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь компонентов помещичьего хозяйства Европейской России в 1917 г. по имениям (коэффициенты корреляции)

Показатели на имение	1	2	3	4	5	6	7
Пашни	×						
Посевов	0,80	×					
Наемных рабочих	0,66	0,75	×				
Тяглогового скота	0,81	0,92	0,75	×			
Продуктивного скота	0,65	0,52	0,26	0,70	×		
Плугов	0,48	0,85	0,78	0,69	0,03	×	
Усовершенствованных орудий	0,81	0,91	0,81	0,82	0,52	0,72	×

Очевидно, что в условиях, когда обладание основными средствами сельскохозяйственного производства, землей, имеет своей целью организацию на ней товарно-капиталистического хозяйства, большому количеству земли (в данном случае пашни) и размерам хозяйства (посевы) должно соответствовать и большее количество скота, инвентаря, рабочей силы. Иначе говоря, взаимосвязь между всеми этими компонентами помещичьего хозяйства должна быть прямой и тесной. Такой, как видно из таблицы, она и была. Исключением является связь числа наемных рабочих и продуктивного скота (0,26) и продуктивного скота и плугов (0,03).

Это значит, что помещичье хозяйство представляло собой тесно сбалансированную в масштабах страны систему. Понятно, что такая сбалансированность была выражением товарно-капиталистической природы помещичьего хозяйства. Основным свидетельством тому является тесная взаимосвязь числа наемных рабочих с количеством рабочего скота и инвентаря. При отработочной системе соразмерность между этими компонентами отсутствует или является слабой, так как помещик использует рабочий скот и инвентарь крестьян.

Однако чисто масштабная соразмерность компонентов помещичьего хозяйства была лишь простейшим выражением его товарно-капиталистической природы. Надо поэтому посмотреть, простиралась ли эта соразмерность дальше.

Следующим, более высоким уровнем внутренней сбалансированности помещичьего хозяйства является пропорциональность его компонентов в плане производственных возможностей, экономического потенциала этого хозяйства. Показателем ее может служить характер взаимосвязи компонентов, взятых в расчете на десятину пашни, т. е. того угодья, которое служит основой всего сельскохозяйственного производства в его ведущих отраслях.

Положение здесь было таким (табл. 3, верхняя часть).

Взаимосвязь между обеспеченностью помещичьих имений наемными рабочими, тягловым и продуктивным скотом, плугами и усовершенствованным инвентарем была прямой и почти по всем показателям тесной. Это значит, что в своей основной массе помещики не просто имели больше наемных рабочих, скота и орудий, владея большим количеством земли, но и имели все это в пропорциональном на единицу пашни объеме. Производственные возможности помещичьего хозяйства были, таким образом, тесно сбалансированы. Повышение оснащенности одним компонентом сопровождалось пропорциональным повышением обеспеченности всеми другими.

Такое положение также может иметь место там, где отдельные помещики формируют производственные ресурсы не по субъективным устремлениям, а подчиняясь объективным условиям и требованиям, присущим буржуазной структуре помещичьего хозяйства. Но и этот уровень внутренней сбалансированности производственно-технической и социально-экономической структуры помещичьего хозяйства не был предельным.

Внутренне пропорциональный производственный потенциал помещичьих имений мог по-разному использоваться в производстве. Одни помещики могли сконцентрировать его на небольшой части пашни, стремясь интенсифицировать производство. Другие, наоборот, могли вести производство на всей площади своих пашенных угодий или даже расширить их за счет аренды. Отдельные помещики так и поступали. Но если мы имеем дело с системой помещичьего хозяйства, структура которого подчинена объективным товарно-капиталистическим закономерностям, то мы должны ожидать такого положения, когда при всех индивидуальных устремлениях общая тенденция будет единой, т. е. структура помещичьего хозяйства в ее собственно производственном выражении будет сбалансированной, пропорциональной.

Выяснить это можно по характеру взаимосвязи указанных компонентов, рассчитанных на десятину посева (см. табл. 3, нижняя часть).

Таблица 3

Корреляционные модели внутреннего строя помещичьего хозяйства Европейской России в 1917 г.
(коэффициенты корреляции)

Прозванки	На десятину пашни									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
На десятину:										
наемных рабочих	×	0,69	0,70	0,75	0,75	0,69	0,33	0,03	-0,69	-0,40
тяглового скота	0,80	×	0,55	0,80	0,74	0,35	0,83	0,61	-0,34	-0,10
продуктивного скота	0,67	0,70	×	0,75	0,52	0,67	0,17	0,02	-0,47	-0,46
плугов	0,84	0,76	0,69	×	0,64	0,48	0,57	0,43	-0,56	-0,26
усовершенствованных орудий	0,82	0,83	0,63	0,86	×	0,63	0,44	0,17	-0,64	-0,28
Посев трав (в % ко всем посевам по- мещика)	0,74	0,65	0,67	0,73	0,62	×	-0,11	-0,24	-0,58	-0,65
Посев (в % к помещичьей пашне)	-0,44	-0,38	-0,34	-0,18	-0,48	-0,11	×	0,86	0,09	0,39
Помещичьи посевы (в % ко всем по- севам)	-0,39	-0,38	-0,39	-0,21	-0,44	-0,24	0,86	×	0,11	0,47
На именье пашни (дес.)	-0,63	-0,39	-0,36	-0,61	-0,40	-0,58	-0,09	0,11	×	0,80
На именье посевов (дес.)	-0,62	-0,41	-0,47	-0,61	-0,52	-0,65	0,39	0,47	0,80	×

На десятину посевов

Картина такова, что взаимосвязь обеспеченности наемными рабочими, скотом и инвентарем оказывается еще более тесной, чем на предыдущем уровне. Такая производственно-техническая и социально-экономическая структура помещичьего хозяйства могла быть присуща только уже сравнительно высокому уровню его товарно-капиталистического развития.

Таким образом, корреляционные модели помещичьего хозяйства, характеризующие это хозяйство в разных аспектах, убедительно свидетельствуют о том, что внутренний производственно-экономический и социально-экономический его строй в Европейской России в целом был к кануну Октябрьской революции товарно-капиталистическим. Разумеется, из этого никоим образом не следует, что отработочная система помещичьего хозяйства исчезла. Речь идет о том, что явно преобладающей была система капиталистическая. Этим было определено господство товарно-капиталистических закономерностей и черт во внутренней структуре помещичьего хозяйства, что так ярко и отразилось в его моделях.

Следует обратить внимание и на другой важный факт, зафиксированный этими моделями (см. табл. 3). Речь идет о том, что взаимосвязь рассматривавшихся компонентов помещичьего хозяйства с размерами помещичьих имений (пашни на имение) и размерами их земледельческого производства (посевов на имение) была обратной и в целом достаточно тесной. Это значит, что уровень капиталистической организации помещичьего хозяйства оказывался выше там, где были меньше и средние размеры помещичьих имений и размеры производства. Следовательно, крупное землевладение и латифундии были в целом тормозящим фактором в буржуазной эволюции помещичьего хозяйства, а носителями наиболее высокого уровня его товарно-капиталистической организации являлись отнюдь не имения с наиболее крупными размерами производства. Последнее подтверждается и обратной связью указанных компонентов (в расчете на дес. посева) с долей помещичьих посевов по отношению к их пашне.

Тот же факт, что взаимосвязь производственных компонентов с долей посева кормовых трав в общем посеве была прямой и весьма тесной, еще раз подтверждает господство во внутреннем строе помещичьего хозяйства капиталистических черт и закономерностей.

В целом, как видим, историки располагают реальными возможностями и эффективными путями и методами для всестороннего анализа социально-экономического строя помещичьего хозяйства России эпохи капитализма на основе широкого комплекса массовых сводных данных, не содержащих непосредственных показателей о характере этого строя.

При этом можно исследовать различные аспекты социально-экономического строя помещичьего хозяйства в зависимости от особенностей источника.

Если данные сельскохозяйственных переписей (опубликованные итоги) дают возможность охарактеризовать общую тенденцию и региональные особенности социально-экономического строя помещичьего хозяйства страны накануне Октябрьской революции, то материалы земельных банков (прежде всего Дворянского земельного банка) являются основой изучения особенностей процесса капиталистической эволюции помещичьего хозяйства. Для этого необходимо проанализировать структуру помещичьего хозяйства в определенные исторические периоды.

Словно-структурные особенности помещичьего хозяйства можно проследить на основе анализа земско-статистических обследований частновладельческого хозяйства. Это хорошо показала предпринятая экспериментальная обработка данных публикаций земских статистических обследований по Орловской губернии. Было установлено, что в целом помещичье хозяйство губернии имело капиталистическую структуру (о чем свидетельствуют высокие положительные взаимосвязи обеспеченности хозяйства рабочей силой, скотом и инвентарем).

В авангарде капиталистической перестройки находились хозяйства помещиков-купцов и мещан. Хозяйство помещиков-дворян было наиболее консервативным (отсутствуют взаимосвязи между обеспеченностью хозяйства годовыми и летними рабочими и обеспеченностью плутами. То же характерно и для взаимосвязей обеспеченности рабочей силой и рабочим скотом).

Таким способом можно изучать влияние сословной принадлежности владельца на способ ведения им хозяйства, определить степень сохранения сословных особенностей в пореформенную эпоху в помещичьем хозяйстве России. Как выясняется, роль хозяйств помещиков, мещан и даже крестьян в перестройке помещичьего хозяйства на капиталистические рельсы была более значительной, чем то место, которое они занимали в частном землевладении.

Конечно, методика анализа массовых источников по истории помещичьего хозяйства России далеко не исчерпывается предложенной. Необходимо сочетать и эффективно использовать и традиционные и новые приемы анализа массовых исторических источников, при этом руководствуясь единым подходом и принципами выявления типа помещичьего хозяйства России эпохи капитализма.

Таким образом, широкое привлечение массовых источников и совершенствование методики их обработки и анализа представляются на современном этапе необходимыми компонентами успешного конкретно-исторического изучения социально-экономического строя помещичьего хозяйства России периода капитализма.

Часть третья

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РЫНКА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшим компонентом экономической структуры капитализма является рынок. Он представляет собой, с одной стороны, арену купли-продажи товаров, а с другой — сферу, в которой проявляются объективные закономерности, присущие товарно-капиталистическому производству и стихийно регулирующие это производство. Поэтому для выявления полной картины социально-экономической структуры капиталистического общества и раскрытия внутреннего механизма ее функционирования необходимо изучение торговли и рынка.

Среди массовых источников о социально-экономическом развитии России в эпоху капитализма имеется обширный и разнообразный комплекс источников по истории торговли и рынка. В двух главах настоящего раздела дается характеристика важнейших типов этих источников — статистики внешней торговли и цен.

Выбор для анализа именно этих типов источников обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, из всего многообразия источников, содержащих сведения о торговле и рынке, наиболее обширными и систематическими комплексами являются статистика внешней торговли и данные о ценах. Важное их значение в практике хозяйственной деятельности и экономической политики побуждало государственные учреждения, предпринимательские и другие организации к систематическому сбору, обработке и публикации сведений о внешней торговле и ценах.

Во-вторых, массовые данные о внешней торговле и ценах позволяют исследователям значительно расширить и углубить анализ социально-экономического развития, более конкретно раскрыть закономерности и особенности, внутреннюю суть и механизм этого развития. Так, изучение внешней торговли имеет большое значение для выявления общего состояния экономики страны, степени втянутости России в международное разделение

труда, в мировую систему капитализма. Данные о ценах, их уровне, основных тенденциях и характере изменения и случайных колебаниях отражают степень развития рынка как арены проявления основного закона товарного производства, закона стоимости, размах и глубина действия которого характеризуют развитие всероссийского и международного рынка.

В-третьих, количественный характер данных о рынке допускает широкую возможность применения при их обработке и анализе математико-статистических методов, что повышает информативную отдачу источников и позволяет установить количественные выражения различных качественных состояний производства, торговли и рынка. В этом отношении уже накоплен определенный опыт, который нуждается в обобщении. Поэтому в главе о ценах характеризуются математико-статистические методы обработки и анализа динамических рядов цен, которые могут быть широко применены и к другим рядам временных данных.

Разумеется, статистика внешней торговли и цены далеко не исчерпывают массовых данных о торговле и рынке. Ценнейшим массовым источником по истории внутреннего рынка и торговли являются данные транспортной статистики, прежде всего железнодорожных перевозок. К сожалению, этот комплекс систематических и массовых сведений не привлек должного внимания историков и еще не подвергался источниковедческому изучению, что затрудняло возможность его характеристики в настоящем разделе работы. В целом же главная задача следующих ниже глав — показать богатейшие информативные возможности источников о торговле и рынке и тем самым привлечь к ним внимание исследователей.

Глава 10

СТАТИСТИКА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Статистика внешней торговли относится к числу тех источников, которые широко используются в исторических исследованиях по самой различной проблематике. Естественно, без нее невозможен анализ собственно внешней торговли: ее структуры, динамики, основных направлений, ее места в хозяйственной жизни России. Однако использование внешнеторговой статистики этим не ограничивается. Она необходима для расчета торгового баланса страны. В условиях России точность определения торгового баланса приобретала особое значение, ибо, как известно, часто он оказывался единственной активной статьей платежного

баланса страны¹. Кроме того, статистика внешней торговли нередко используется в качестве косвенного показателя для общей характеристики экономического развития страны. В свое время основоположники марксизма в ряде работ, опираясь лишь на статистические данные о внешней торговле, делали заключения о состоянии народного хозяйства страны (например, Англии) в целом и основных тенденциях его развития².

Наконец, в сфере внешних отношений экономика часто непосредственно переплетается с политикой и статистические данные о внешней торговле могут оказаться не менее важным источником для изучения международных отношений, чем дипломатические документы. Все это говорит о широких возможностях использования источника.

Вместе с тем, как и всякий другой источник, статистика внешней торговли требует критического подхода к использованию ее данных. Это неоднократно отмечалось как дореволюционными, так и советскими исследователями³. При этом суждения специалистов порой были излишне негативными. Так, например, И. М. Кулишер в источниковедческом по характеру исследовании, посвященном проблемам внешнеторговой статистики, выражал позицию скептиков следующим образом: «Трудно найти область статистики, которая имела бы столь крупное значение для экономической политики, как статистика внешней торговли; и едва ли в то же время найдется отрасль статистики, вызывающая к себе столь скептическое отношение экономистов, как именно статистика международного товарообмена»⁴.

Источниковедческий анализ российской статистики внешней торговли не дает оснований для столь мрачных выводов об источнике в целом. Однако специфика внешнеторговой статистики

¹ Строго говоря, включение торгового баланса в платежный не вполне правомерно. К. Маркс объяснял это тем, что время регистрации товаров не совпадает со сроками платежей во внешней торговле, основанной на коммерческом кредите. В результате возникает «разрыв между платежным и торговым балансом» (Маркс К. Капитал, т. III, М., 1970, с. 541).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 500—504; т. 15, с. 76—80.

³ Вирст Ф. Х. Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской империи. СПб., 1807; Небольсин Г. Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835; Терехов М. Е. Сравнительная статистика внешней торговли России: Таможенная статистика и тариф. Варшава, 1884; К вопросу об устойчивости активного баланса русской внешней торговли. СПб., 1894; Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902, т. I; Баранов А. А. Исторический обзор хлопчатобумажного производства в России в связи с таможенными тарифами. М., 1913; Кулишер И. М. Спорные вопросы организации статистики внешней торговли. М., 1916; Лященко П. И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927; Бакулин С. Н., Мишустин Д. Д. Статистика внешней торговли. М., 1950; Бакулин С. Н. Статистика внешней торговли капиталистических стран. М., 1961.

⁴ Кулишер И. М. Указ. соч., с. 3.

такова, что для негативных суждений об отдельных сторонах этого источника имеются серьезные основания.

Так, например, в 1907 г., по данным российской статистики, экспорт в Германию оценивался в 291, а импорт из нее в Россию в 337 млн. руб.⁵ Если исходить из того, что экспорт из России в Германию является в то же время для последней импортом из первой и наоборот, то логично предположить, что соответствующие показатели должны были выражаться в одних и тех же суммах. Но в действительности такое предположение не подтверждается. В том же 1907 г. германская внешнеторговая статистика оценивала импорт из России не в 291, а 523 млн. руб. Соответственно экспорт в Россию был оценен не в 337, а 232 млн. руб.⁶

Ясно, что такие существенные расхождения не могут не вызывать скепсиса по отношению к статистике внешней торговли. Дело доходит до парадоксов. Если подсчитать на основе приведенных данных баланс русско-германской торговли, то окажется, что и Россия с Германией, и Германия с Россией имели одновременно во взаимной торговле отрицательный баланс соответственно: 46 млн. руб. — Россия и 291 млн. руб. — Германия.

Расхождения эти носят не случайный характер. Аналогичная ситуация прослеживается и при сопоставлении российской внешнеторговой статистики со статистикой других стран и не только за 1907 г. Это явление знакомо многим исследователям, а пример с Германией стал уже в какой-то мере хрестоматийным. Основными проблемами источниковедческой критики, естественно, должны стать полнота статистических данных, их достоверность, сопоставимость российской статистики внешней торговли с аналогичными зарубежными источниками. Учитывая важность, которую приобретают в анализе внешней торговли динамические ряды, следует включить в число важнейших источниковедческих проблем статистики внешней торговли сопоставимость ее данных за ряд лет. Решить эти проблемы невозможно без изучения происхождения источника, т. е. без знания программы статистических работ по сбору, обработке и публикации данных: как она возникла, на каких принципах основывалась, как изменялась.

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СТАТИСТИКИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ И ПРОГРАММА СТАТИСТИЧЕСКИХ РАБОТ

Прежде всего следует принять во внимание, что речь будет идти о таможенной статистике, которая является официальной

⁵ Здесь и дальше используются данные российской и иностранной статистики, приведенные в «Обзорах внешней торговли России» за 1906—1908 гг.

⁶ Искажения при пересчете валют в данном случае практически исключены, так как и в России, и в Германии, как и в большинстве государств, в этот период существовало золотое обращение.

статистикой внешней торговли⁷. Возникла она на базе таможенного учета — одной из наиболее ранних форм фискального учета. Первоначально главной задачей этого учета был контроль за таможенными доходами. Однако уже к началу XIX в. государственные деятели России отчетливо осознавали, что внешняя торговля является в первую очередь не источником таможенных доходов, а важнейшей отраслью народного хозяйства, которая оказывала сильное влияние на экономику страны в целом. Осознание этого факта повлекло за собой стремление регламентировать внешнюю торговлю, варьируя таможенное обложение. Но чтобы правительственные распоряжения по вопросам внешней торговли не носили, по выражению министра коммерции Н. П. Румянцева, «гадательного» характера, необходима была систематическая, соответствующим образом классифицированная информация о важнейших сторонах внешней торговли России.

Такая информация фактически была заложена в периодической отчетности таможен перед Коммерц-коллегией. Необходимо было лишь организовать сводку и группировку данных по соответствующим признакам. С инициативой решения этого вопроса выступил Румянцев. По его указанию в 1804 г. были составлены сборники статистических сведений за 1802 и 1803 гг. Эта инициатива встретила одобрение, так как соответствовала общей политике рассекретивания данных об экономике страны и создания системы общегосударственной статистики.

Таким образом было положено начало составлению и публикации ежегодных статистических сборников о внешней торговле России. Под разными наименованиями они регулярно выходили более 100 лет — вплоть до 1917 г.

Одним из основных достоинств внешнеторговой статистики было то, что она с самого начала носила централизованный характер и по мере ее развития эта централизация все более усиливалась. Все работы были сосредоточены в таможенном ведомстве. Сбор сведений (или на языке статистиков — статистическое наблюдение) и первичная сводка производились непосредственно на таможах и таможенных заставах. Вторичная сводка, группировка сведений по заданным признакам и подготовка их к публикации осуществлялись уже в специальном статистическом органе таможенного ведомства. Первоначально таким органом стала счетная экспедиция Коммерц-коллегии при Министерстве коммерции. С 1813 г. она вошла в состав нового Департамента внешней торговли Министерства финансов (в ведение которого было передано управление таможами) в качестве счетного стола этого департамента, преобразованного в 1824 г. в Счетное отделение. В 1864 г. в ходе министерской реформы

---

⁷ Понятие «таможенная статистика» шире, чем статистика внешней торговли, так как она регистрировала не только товары, но, например, лиц, проезжавших через границу и т. п.

в рамках Министерства финансов был создан новый Департамент таможенных сборов, в который вошло и Счетное отделение. В 1883 г. оно было реорганизовано в Статистическое отделение Департамента таможенных сборов. Во второй половине 90-х годов XIX в. работа Статистического отделения была коренным образом перестроена В. И. Покровским. Важнейшим элементом перестройки было введение карточной системы отчетности таможен. Это дало возможность придать статистике внешней торговли еще более централизованный характер — перенести непосредственно в отделение все работы по обработке первичного материала.

В этом отношении отечественная статистика внешней торговли выгодно отличалась, например, от фабрично-заводской статистики, которую В. И. Ленин критиковал за ведомственную разобщенность и отсутствие единого центрального статистического органа. Наличие центрального статистического учреждения В. И. Ленин рассматривал как одно из основных условий, обеспечивающих эффективность статистических работ. Главное внимание такого учреждения, по его мысли, должно быть обращено на то, чтобы оно «непосредственно сносилось» с организаторами статистического учета, «систематически контролировало *единообразие сведений*», «заботилось о полноте их» и охватывало своей деятельностью «*все мало-мальски значительные*» объекты наблюдения и, наконец, «не допускало случайного включения неоднородных данных, не допускало различного применения и толкования программы»⁸.

Организация внешнеторговой статистики во многом отвечала этим требованиям. Во-первых, вся таможенная статистика была построена на систематической отчетности таможен о пропуске товаров через границу непосредственно перед счетным (статистическим) отделением таможенного ведомства. Во-вторых, отчетность эта осуществлялась строго по установленным формам ведомостей, единым для всех таможен, благодаря чему достигалось значительное единообразие получаемых сведений. В-третьих, система статистической отчетности охватывала действительно «*все мало-мальски значительные*» места пересечения границы от крупных таможен до переходных пунктов, добываясь тем самым максимальной полноты сбора сведений по статистической территории. В-четвертых, отделение осуществляло систематический контроль за соблюдением установленных форм отчетности. Выявленные отклонения исправлялись. Наиболее типичные ошибки регулярно разбирались на страницах ведомственных циркуляров, с тем чтобы впредь не допускать их повторения.

В. И. Ленин, определив в качестве первого недостатка фабрично-заводской статистики ее децентрализацию, вторым основным

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 30.

недостатком ее называл полную «неработанность программы собирания сведений». «Если такая программа будет вырабатываться в канцеляриях, не подвергаясь критике специалистов и (что особенно важно) всестороннему обсуждению прессы, — писал он, — то сведения никогда не могут быть сколько-нибудь полными и единообразными»⁹.

Вот этот недостаток, надо сказать, был в большей мере присущ и внешнеэкономической статистике. Дело в том, что статистической программы сбора первичного материала как таковой вообще не было. Это следствие организации статистики, опиравшейся на таможенный учет. Статистики не разрабатывали программу сбора сведений, а лишь использовали те данные о ходе внешней торговли, которые можно было получить во время досмотра товаров и извлечь из сопроводительных документов. Таким образом, программы статистических работ в законченном виде не существовало: сбор сведений и контроль за ним осуществлялись в соответствии с различными статьями таможенного устава, в то время как методика сводки и статистической обработки нашли свое отражение в ведомственных нормативных актах, регламентировавших деятельность Счетного (и статистического) отделений. Однако не следует считать, что сбор сведений находился совершенно вне сферы влияния статистиков. Связующим звеном между статистическим органом и таможенными, где осуществлялся сбор сведений, служила отчетность таможен. Регулируя формы этой отчетности, вводя в нее интересующие их показатели, статистики могли формировать сбор первичного материала — статистическое наблюдение — в соответствии со своими нуждами, но в рамках возможностей таможен.

Если собрать воедино нормы, определявшие условия пропуска товаров через границу, их регистрацию, систему отчетности, внутренний регламент работы Счетного (и статистического) отделений, то в совокупности все это и составит программу статистических работ по сбору, обработке и публикации сведений о внешней торговле России. За более чем столетний период существования российской внешнеэкономической статистики эта программа подвергалась неоднократным частичным и кардинальным изменениям, но в основных чертах она выглядела следующим образом.

В таможене каждый отправитель или получатель товара заполнял так называемое объявление, в котором в числе прочего указывались наименование товара, количество его, стоимость, а также страна, куда он вывозится (для экспортируемых товаров). Данные каждого объявления фиксировались в соответствующей таможенной книге. Еженедельно по материалам книги составлялись итоговые ведомости о движении товаров и отсылались в отделение. В конце каждого месяца высылались аналогичные месячные ведомости, а по истечении года — годовые. В отделении полученные

⁹ Там же.

ведомости обрабатывались в соответствии с программой статистических работ, и итоговые данные готовились к публикации.

Такая многоступенчатая система отчетности была порождена, с одной стороны, потребностями оперативного учета, а с другой — задачами систематического контроля за сводными данными, поступающими из таможен. В. И. Ленин не случайно выделял роль контроля в организации статистики. Недостаток фабрично-заводской статистики он видел в том, что ответственность за точность данных лежит на лицах, сообщающих эти данные, т. е. на фабрикантах¹⁰.

В этом отношении статистика внешней торговли существенно отличалась в лучшую сторону. Связь ее с таможенным учетом, несмотря на ряд негативных моментов, обеспечивала довольно эффективный контроль за полнотой и достоверностью собираемых данных. Одной из форм такого контроля был таможенный досмотр, в ходе которого товары взвешивались или измерялись для того, чтобы проверить добросовестность заполнения объявления. Такой досмотр представлял собой весьма действенное средство контроля, тем более что при обнаружении искажений, внесенных в объявление из корыстных побуждений, товаровладельца ждал чувствительный штраф вплоть до конфискации товара. Недостатком этой формы контроля была ограниченность узковедомственными интересами. Главной целью досмотра было не допустить уклонения от уплаты соответствующей таможенной пошлины. Поэтому с 1829 г. было отменено взвешивание и измерение беспоплильных товаров¹¹. В результате уже с середины XIX в. практически весь экспорт лишь поверхностно осматривался.

Наряду с досмотром товаров не менее эффективной формой был документальный контроль за полнотой и достоверностью данных, проставлявшихся в объявлениях. С этой целью от товаровладельцев требовали одновременно с объявлением представлять сопроводительные документы: коносаменты и накладные, с которых снимались копии. В этих документах также было указано количество провозимых товаров. При этом с точки зрения достоверности этих данных принципиальное значение имел характер сопроводительных документов: они служили основой для расчетов товаровладельца с владельцем транспорта (судовой компанией, железной дорогой и т. п.).

Документальный контроль в Счетном отделении носил многоступенчатый характер. На первом его этапе сверялись объявления с сопроводительными документами. После того как достоверность содержащихся в объявлениях данных таким образом подтверждалась, сами объявления становились контрольным документом — по ним проверялась правильность сводки краткосрочных ведомостей (недельных или декадных). По проверенным краткосрочным

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 4.

¹¹ Циркуляр по таможенному ведомству, 1828, № 11.

ведомостям проверялись месячные ведомости, по месячным — годовые. Таким образом, в результате этой проверки не только корректировались недостоверные данные первичных документов — объявлений, но и исправлялись погрешности первичной сводки статистического материала в таможенных.

Прошедшие через контроль месячные ведомости подвергались дальнейшей статистической обработке: их данные группировались в соответствии с программой публикаций. В качестве основного группировочного признака выбирался отдельный вид товаров, на каждый из которых составлялась отдельная таблица по экспорту и импорту. По окончании года такие подготовительные таблицы сводились воедино.

Такая система статистической отчетности и обработки материала, естественно, не могла не меняться с ростом торговых оборотов с заграницей, с появлением качественно новых явлений в российской внешней торговле, с совершенствованием методов статистики. По мере того как росли масштабы торговых операций, включались в заграничную торговлю все новые и новые виды товаров, появлялись новые направления внешней торговли и т. п., центральный статистический орган с ограниченным штатом чиновников и служащих сталкивался со все большими трудностями в обработке возрастающего потока информации.

Первой попыткой решения этой проблемы было кардинальное изменение системы статистической отчетности таможен, предпринятое в 1885 г. Суть его сводилась к перекладыванию части осуществлявшихся прежде в отделении работ по статистической сводке и группировке на плечи таможен. Это привело к усложнению форм таможенной отчетности и значительному увеличению объема документации, что не могло не отразиться на качестве сводки.

В сложившейся ситуации единственным рациональным выходом было использование новейших статистических методов. Оптимальным решением явилась замена табличной формы отчетности карточкой. Инициатором реорганизации работы Статистического отделения стал новый его руководитель — статистик В. И. Покровский. Будучи одним из первых земских статистиков, он привнес в ведомственную статистику самые современные по тому времени методы обработки статистического материала. Покровский коренным образом перестроил всю работу Статистического отделения: изменил систему отчетности, наладил обработку данных непосредственно в отделении и их дальнейшую публикацию.

Новая система была введена в 1897 г. Вместо прежних таблиц десятков видов таможи стали высылать в отделение лишь декадные отчеты, каждый из которых состоял из нескольких полос-карточек. В карточке содержались данные об отдельной единице наблюдения — партии однородного товара, принадлежащей одному владельцу.

В отделении карточки обрабатывались обычным для этой системы методом последовательной группировки. Например, карточки экспортных товаров на первом этапе разбивались на четыре группы в соответствии с наиболее общим подразделением товаров в статистических изданиях: «жизненные припасы», «сырые и полуобработанные материалы», «животные», «изделия».

На втором этапе в каждой из этих групп карточки сортировались по наименованиям товаров, принятым в статистической номенклатуре.

На третьем этапе внутри каждой группы, соответствующей тому или иному товару, карточки группировались по таможням.

Завершалась эта группировка тем, что карточки данного товара, вывезенного через данную таможню, распределялись по «государствам назначения», т. е. по странам, куда товар направлялся.

Такие группировки производились ежемесячно. Их результаты сводились в таблицы, которые служили базой для составления таблиц ежемесячных и ежегодных изданий.

Следовательно, если оценить организацию сбора и обработки сведений о внешней торговле России с точки зрения полноты и достоверности собираемых данных, то можно отметить немало достоинств внешнеторговой статистики. Как правило, интерес здесь представляют несколько качественных и количественных признаков: вид товара, степень его обработки, количество (вес, объем и т. п.), стоимость, откуда импортирован или куда экспортирован, через какой пограничный пункт товар пересек границу.

Таможенная статистика предъявляла высокие требования к достоверности данных о количестве товаров, обложенных пошлиной. Практически речь идет об импортных, а для первой половины XIX в. — о значительной части экспортных товаров. Сведения, сообщавшиеся товаровладельцами, подвергались такой тщательной проверке, что возможность искажений в сколько-нибудь широких масштабах исключалась. Это обеспечивалось не только досмотром товаров (взвешиванием и измерением), но и характером проверочных документов (коносаментов и накладных). Поскольку последние служили основой для взаимных расчетов товаровладельцев и товаропроизводителей, то искажения в этих документах ущемляли бы интересы одной из сторон. Завышение данных о количестве товара означало, что его владелец переплачивал как за его перевозку, так и в уплате таможенной пошлины. Занижение вело бы к тому, что владельцы транспортных средств несли убытки в расчетах с клиентами.

Одновременно нет оснований полагать, что отсутствие подобного контроля за провозом беспошлинных товаров влекло значительные искажения в определении их количества: у товаровладельцев не было ярко выраженных мотивов к завышению или занижению этих показателей. Не случайно сами таможенники стали отмечать тенденцию к занижению количества беспошлинных товаров лишь с 1885 г., когда был введен так называемый канцеляр-

ский сбор: 20 коп. с каждой тысячи рублей объявленной ценности товаров, не обложенных таможенной пошлиной. В ответ на введение этого сбора экспортеры стали занижать стоимость товаров (цену и количество). Однако это продолжалось недолго. С 1888 г. после энергичных требований управляющих целого ряда крупнейших таможен порядок представления грузовых документов при регистрации был распространен также на экспортные товары, таким образом и здесь был установлен эффективный контроль.

Итак, система таможенного учета, на которой основывался сбор сведений для статистики внешней торговли, обеспечивала достаточно достоверность первичных данных о количестве товаров, и дальнейшая их обработка сводилась к сводке и группировке. В то же время достоверность первичных данных о ценности товаров не обеспечивалась. В этом, как будет видно из дальнейшего текста, отдавали себе отчет и таможенные статистики, которые с самого начала предпринимали попытки повысить достоверность ценностных показателей.

2. ПУБЛИКАЦИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Ежегодная публикация сведений о внешней торговле России началась с 1802 г. и продолжалась вплоть до 1915 г.¹² Первые ежегодники выходили под названием «Государственная торговля в разных ее видах». В дальнейшем эти названия неоднократно варьировались: с 1812 г. — «Государственная внешняя торговля в разных ее видах», в 1863—1869 гг. — «Виды государственной внешней торговли» и «Виды внешней торговли России», а с 1870 г. — «Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам».

Анализ этих изданий следует начать с уточнения самого понятия «внешняя торговля России». При ближайшем рассмотрении выясняется, что статистическая территория, которую охватывал учет внешней торговли, не совпадает с государственной территорией Российской империи. Это вызвано тем, что таможенные границы не всегда соответствовали административным. Так, за пределами российской таможенной территории находились Финляндия, Бессарабия (до 1831 г.) и Царство Польское (до 1851 г.). Следовательно, торговля этих регионов с заграницей не включалась статистикой в российскую внешнюю торговлю и, наоборот, товарообмен между ними и остальной территорией Российской империи рассматривался статистикой как внешнеторговые операции.

Неоднократные изменения таможенных границ России в XIX в. порождали проблему сопоставимости данных за разные годы по

---

¹² Исключение составляют 1808—1811 гг., когда Россия участвовала в Континентальной блокаде и сведения о внешней торговле не публиковались.

статистической территории. Изменения вызывались перекройкой государственных и таможенных границ внутри страны, распространением таможенного контроля на те районы, где внешняя торговля прежде не регистрировалась.

В последнем случае особых проблем не возникало в силу относительной незначительности оборотов. Например, по созданному в 1890 г. участку таможенной границы «Приморская область» было зарегистрировано импорта товаров на 451 тыс. руб., что составляло лишь 0,1% общего импорта¹³.

Иначе обстоит дело с включением в 1851 г. в пределы таможенных границ России такого крупного и экономически развитого региона, как Царство Польское. В этом случае на динамику российской внешней торговли повлияло включение в нее торговых оборотов Царства Польского. Статистические ежегодники вплоть до 1858 г. содержат включенные в статистику российской торговли итоговые сведения о ввозе и вывозе товаров из Царства Польского, которые в 1851—1853 гг., например, составляли 5—6% российского экспорта и 8—9% импорта. Однако для того, чтобы определить, насколько выросли обороты российской внешней торговли только за счет изменения статистической территории, эти данные непригодны — они несколько завышены, так как включают в себя и сведения о русско-польской торговле. Подсчеты, произведенные по данным польской статистики о торговле Царства Польского с территориями, лежащими за пределами Российской империи, показывают, что влияние изменения статистической территории на динамику российской внешней торговли могло выражаться в среднем в увеличении экспорта на 4% и импорта на 7%.

В других случаях влияние изменений статистической территории на общие итоги статистики было меньшим, но в динамике отдельных товаров их, безусловно, следует учитывать. Так, например, после включения Бессарабии в таможенные пределы России данные об экспорте скота по европейской границе в российской статистике внешней торговли резко возросли. В 1831—1835 гг. среднегодовой вывоз оказался в 3,2 раза большим, чем за предыдущее пятилетие. То же касается присоединения Средней Азии. Среднегодовой импорт хлопка-сырца по азиатской границе в 1868—1872 гг., по данным статистики, сократился по сравнению с предыдущим пятилетием в 3,1 раза.

Таким образом, в статистических ежегодниках публиковались сведения о торговле России с территориями, находившимися за пределами ее таможенных границ. Основным содержанием публикации были данные об экспорте и импорте товаров, сгруппированные по различным признакам. На протяжении всего существования российской статистики разделяла внешнюю торговлю на «европейскую» и «азиатскую». При этом в отличие от практики,

¹³ Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам за 1890 год. СПб., 1891, табл. 1.

принятой в европейской статистике, такое деление основывалось не на географической принадлежности стран-контрагентов, а осуществлялось по пограничному признаку. В результате в «европейскую» торговлю включался товарообмен со странами не только Европы, но и Америки, Африки и Азии. Например, большая часть торговли с Турцией систематически включалась в «европейскую». Одновременно в «азиатской» торговле фигурировали такие государства, как Англия, Франция, Италия, Австрия.

Первоначально основным видом территориальной группировки товаров в статистике внешней торговли была группировка их по отдельным участкам границы. Как правило, сюда включалась торговля по какому-либо из морей или несколькими пограничными губерниями по сухопутной границе. По каждому участку сообщались сведения об экспорте и импорте различных товаров с указанием их стоимости. С 1806 г. стали публиковаться сведения и о *количестве товаров*.

С 1812 г. наблюдается дальнейшая дифференциация территориальной группировки: начинается публикация сведений об экспорте и импорте товаров по отдельным таможенным. При этом публикуются данные лишь по «главным» таможенным и только о «главнейших» товарах. Анализ таблиц, содержащих эти данные, позволяет предположить, что первоначально критерии отбора «главных» таможен и «главнейших» товаров были взаимосвязаны. Во-первых, «главные» таможенные статистических изданий не следует отождествлять с официальной классификацией таможень, так как в число первых попадали даже таможенные заставы, стоящие ниже не только главных таможень, но и таможень 1—3-го классов. Во-вторых, расчеты показывают: для того, чтобы товар попал в число «главнейших», а таможня — в число «главных», необходимо было, чтобы данного товара через какую-либо таможню было провезено на сумму, превышающую определенный минимум. В таком случае данный товар попадал в число «главнейших» и привоз его указывался по всем остальным таможенным (даже если он был крайне незначительным), а данная таможня включалась в число «главных» и в таблицах приводились данные (в том числе самые незначительные) о провозе через нее всех остальных «главнейших» товаров. Так, по подсчетам, в 1812 г. для экспортных товаров такой минимум составлял провоз товара на 150 тыс. руб. через одну из таможень по «европейской» торговле и 25 тыс. — по «азиатской», а в 1824 г. — 250 тыс. руб. по всем границам.

Эта методика позволила выделить важнейшие предметы экспорта и импорта и определить места их прохождения через границу.

Основным недостатком подобного отбора «главнейших» товаров и «главных» таможень был его конъюнктурный характер. Это нарушало стабильность списка тех и других за разные годы и вело к ограничению сопоставимости ретроспективных данных. Поэтому в дальнейшем перечень «главнейших» товаров и «главных» тамо-

жен был в значительной мере стабилизирован. Изменения выражались, как правило, в расширении этого перечня, причиной чему служили изменения, происходившие во внешней торговле (рост удельного веса в ней новых товаров и рост оборотов отдельных таможен). В результате этого к 1863 г., т. е. накануне того, как выделение «главнейших» товаров и «главных» таможен было прекращено, число первых выросло (по сравнению с 1824 г.) по экспорту с 25 до 80, а по импорту с 25 до 47. Число «главных» таможен одновременно выросло с 6 до 10.

Несмотря на то что список «главнейших» товаров был довольно ограниченным, эти данные позволяли судить об основной массе российской внешней торговли. Так, в 1824 г. на долю «главнейших» товаров, сгруппированных по «главным» таможенным, приходилось 82% всего импорта и 81% экспорта. В 1863 г. по «европейской» торговле это соотношение было несколько меньшим: 77% экспорта и 85% импорта, но по «азиатской» торговле — свыше 90%.

В 1827 г. в публикацию статистических данных о внешней торговле России были внесены важные изменения. Была введена группировка «главнейших» товаров не только по отдельным таможенным, но и по странам-контрагентам. С этого года составлялись сведения о количестве и ценности основных товаров в товарообмене между Россией и другими государствами. Первоначально это реализовывалось лишь в публикации сведений о торговле по европейской границе, но с 1833 г. группировка по странам-контрагентам была распространена и на «азиатскую» торговлю.

Ниже еще будут подробно рассмотрены основные проблемы, связанные с этой группировкой. Пока следует отметить, что на ретроспективный анализ этих данных влияют изменения в списках стран-контрагентов, вызванные в основном тремя факторами: расширение торговли с отдельными государствами до значительных размеров, политические изменения в мире и уточнение группировочных признаков. Результатом последнего, в частности, было разделение в 1845 г. рубрики «Пиренейский полуостров» на Испанию и Португалию. В следующем году «Скандинавский полуостров» был разделен на Швецию и Норвегию, «Итальянские государства» — на Сардинию, Тоскану и Королевство обеих Сицилий, «Америка» — на США и Вест-Индию.

Во второй половине 60-х годов XIX в. Департамент таможенных сборов, в ведение которого перешла внешнеторговая статистика, внес в публикацию сведений ряд кардинальных изменений. Одно из них выразилось в переходе в 1865 г. от группировки лишь «главнейших» товаров и только по «главным» таможенным к публикации подробнейших данных о прохождении каждого товара (вплоть до самого незначительного) по каждой таможне (вплоть до самых маленьких таможенных застав, постов и переходных пунктов). В 1866 г. аналогичные изменения были внесены в публикацию сведений о торговле с отдельными государствами. Однако

это стремление преодолеть некоторую ограниченность прежней группировки привело к другой крайности. Излишнее увлечение детализацией нарушило ясность картины и затруднило изучение материала.

Это стало очевидным и для самих составителей ежегодников. В 1873 г., пытаясь ликвидировать хоть отчасти издержки увлечения детализацией, они изменили скрупулезности и свели данные по таможенным заставам, постам и переходным пунктам в одну рубрику для каждого участка границы. Однако это было лишь полумерой. В 1883 г. таможенные статистики пошли на радикальное изменение формуляров таблиц. Прежние перечневые таблицы были заменены монографическими. Иными словами, теперь каждая отдельная таблица содержала в себе группировку экспортных или импортных товаров по одной из таможен или стране-контрагенту. Благодаря этому удалось избежать многочисленных пустот в таблицах изданий прежних лет, но объем ежегодников сократить не удалось.

Дело в том, что монографические таблицы в сравнении с перечневыми утратили важнейшее качество — универсальность. Если по прежним таблицам можно было одновременно судить как о товарах, проводившихся через данную таможню или обращающихся в торговле с данным государством, так и о распределении данного товара по местам пересечения границы или различным странам-контрагентам, то монографические таблицы последнего сделать не позволяли. Поэтому пришлось ввести новый вид таблиц, в каждой из которых содержалась группировка данных по одному из товаров с указанием места пересечения границы и страны-контрагента.

Можно утверждать, что если в 1883 г. и удалось сократить объем издания, то не за счет модернизации структуры, а попросту за счет уменьшения вдвое шрифта и возврата к публикации подробных данных лишь о «главнейших» товарах. Но динамика внешней торговли капиталистической России резко отличалась от условий первой половины XIX в., когда система выделения «главнейших» товаров себя еще оправдывала. Поэтому уже в 1891 г. таможенные статистики вынуждены были восстановить подробную публикацию сведений обо всех товарах, увеличив тем самым объем издания почти вдвое.

Однако главный недостаток новых таблиц заключался в том, что их структура делала неизбежным прогрессирующий рост объема ежегодников. Действительно, группировка по каждой таможне или стране-контрагенту предполагала перечень всех товаров, прошедших через данную таможню или обращающихся в торговле с данной страной. Между тем ассортимент этих товаров бурно расширялся. Например, количество наименований экспортных товаров, выпущенных за границу через крупнейшие таможни: Петербургскую, Рижскую, Либавскую, Вержбировскую, Николаевскую, Одесскую и Ростовскую с 1882 г. (за год до введения мо-

пографической системы) до 1893 г. выросло в два раза и более по каждой из таможен. Это означало автоматическое увеличение вдвое объема соответствующих таблиц.

Учитывая эти и другие издержки монографических таблиц, В. И. Покровский в 1894 г. принял решение восстановить перечневые таблицы. При этом были учтены негативный опыт изданий второй половины 60-х—начала 80-х годов XIX в. и то рациональное, что содержалось в системе монографических таблиц. Хотя основная масса сведений разрабатывалась в перечневых таблицах, монографическая форма была сохранена для группировок по наиболее значительным таможенным и странам-контрагентам.

Особо следует остановиться на изменениях, касавшихся определения статистического ценза импортных товаров. Понятие «ввоз товаров из-за границы» в российской внешнеторговой статистике не всегда было однозначным. Вплоть до 1864 г. оно распространялось лишь на товары, выпущенные из таможен на внутренний рынок. Это не соответствовало фактическому привозу товаров в российские таможи. Часть из них, привезенных и досмотренных в отчетном году, не была в том же году по разным причинам выпущена на внутренний рынок. Владельцы товаров имели право держать их в таможенных складах без уплаты пошлины в течение длительного времени. Первоначально этот срок составлял до 8 месяцев, в 1850 г. он был увеличен до 1 года, а затем для крупнейших таможен доведен до 3 лет. Большая часть товаров, привезенных, но не оплаченных пошлиной в отчетном году, регистрировалась уже как импорт следующего года. В то же время в отчетном году регистрировалась часть товаров, привезенных в предыдущем году. Такое расхождение в сроках фактического привоза и статистической регистрации товаров порождало определенные трудности, в частности при сопоставлении данных отечественной статистики с зарубежной.

Поэтому с 1865 г. в группировке товаров по странам-контрагентам импорт стал определяться по *количеству досмотренных*, т. е. фактически привезенных товаров, с учетом и тех, что еще не были выпущены на внутренний рынок. Поскольку в остальных группировках импорт определялся по-прежнему количеством товаров, *выпущенных на внутренний рынок*, то в результате этого нарушилась внутренняя сопоставимость различных разделов источника. Расхождения в определении импорта одного и того же товара в разных группировках могли быть весьма ощутимыми. Так, например, в 1866 г. машин было досмотрено на 12% больше, чем выпущено на внутренний рынок, чугуна — на 10%, некоторых видов стального литья — на 18%, зато кованого железа оказалось досмотрено на 18% меньше, сахара — на 20% и чая — на 26% больше, а сельди — на 15% меньше досмотрено, чем выпущено. Отклонения самые различные, но основная тенденция — превышение количества досмотренных товаров над выпущенными из таможен.

Такая двойственность и порождавшееся ею внутреннее несоответствие сохранялись в российской статистике до 1882 г. В 1883 г. (одновременно с введением монографической системы таблиц) принцип определения импорта по количеству досмотренных товаров был распространен на все группировки, включая итоговые данные, по которым рассчитывался внешнеторговый баланс. Таким образом, сопоставимость с зарубежной статистикой была улучшена, внутренняя разнородность ликвидирована, но... появились новые проблемы, связанные с достоверностью данных.

Дело в том, что не все товары, осевшие на таможенных складах, в дальнейшем попадали на российский рынок. Часть из них вновь вывозилась за границу (косвенный транзит). Прежде при определении импорта по количеству товаров, выпущенных на внутренний рынок, косвенный транзит, естественно, сюда не включался. С определением импорта по количеству досмотренных товаров положение изменилось. В их число стали включаться товары, никогда не появлявшиеся на российском рынке. В результате данные об импорте пескосоко завышались. В итоговых данных относительное завышение выглядело незначительным. В 1893 г. например, косвенный транзит составил лишь 0,4% зарегистрированного импорта, хотя в абсолютном выражении это превышало 1,5 млн. руб. Однако, когда речь идет об отдельных товарах, достоверность данных об их импорте может быть нарушена значительно сильнее. Так, в том же 1893 г. косвенный транзит (включенный статистикой в импорт) составил 22% ввезенного табака, 31% соленой и копченой рыбы, 6% шерстяных тканей. Такое несоответствие наблюдалось вплоть до 1897 г., когда с переходом на карточную систему обработки первичного материала был восстановлен более удобный для этой цели прежний принцип определения импорта — по количеству выпущенных из таможни товаров.

Целый ряд проблем, связанных главным образом с сопоставимостью данных, порождали группировка товаров по наименованиям и сама статистическая номенклатура. Прежде всего товары подразделялись на три группы: продукты, сырье и полуфабрикаты и третья — готовые изделия. Далее они группировались по степени однородности, например: «хлеб», «скот», «рыба», «лесной товар», «придильные материалы», «металлы», «металлические изделия», «краски», «москательные товары» и т. п.

Наличие таких групп объясняет, почему статистикам удавалось при ограниченном количестве «главнейших» товаров (о которых говорилось выше) добиваться удовлетворительной полноты сведений в группировках, где эти товары фигурировали. Дело в том, что в качестве «главнейших» товаров часто выступали не только отдельные товары, но и целые товарные группы.

Постоянной тенденцией в определении статистической номенклатуры было ее расширение, связанное с дифференциацией товарных групп, появлением новых товаров, ростом оборотов тех товаров, роль которых во внешней торговле России была незна-

чительной и которые поэтому помещались в раздел «прочих товаров». Естественно, такое совершенствование предполагает известную несопоставимость ретроспективных данных. Например, номенклатура импорта в 1841 г. насчитывала лишь 101 наименование товаров, а уже через 10 лет (в 1851 г.) их число возросло до 585. Разумеется, не следует преувеличивать степень несопоставимости, которая отсюда вытекает. Во-первых, те товары, по которым сопоставимость сохраняется, составляют большую часть торговых оборотов. Во-вторых, как в данном примере, в импорте 1851 г. можно сравнивать с импортом 1841 г. не 101 наименование из 585, а в несколько раз больше, так как расширение списка товаров произошло преимущественно за счет дифференциации товарных групп.

Специфической чертой статистической номенклатуры внешней торговли было то, что она базировалась на перечне товаров в таможенных тарифах. Это накладывало на нее отпечаток, в том числе негативный. Таможенные тарифы не всегда отличались четкой дифференциацией, когда речь шла о разнородных товарах, обложенных одинаковой пошлиной. В результате в номенклатуре импорта группа «фруктов», например, по тарифам 1822, 1841 и 1851 гг. включала в себя орехи, рахат-лукум, халву (по тарифу 1857 г. сюда же были включены оливки, овощи соленые и моченные и т. п.); в 1841—1864 гг. какао помещалось в группе «пряностей». До 1850 г. в группировках по странам-контрагентам машины указывались совместно с инструментами, а в группе «хлеб в зерне» дифференциация выглядела крайне сомнительной, поскольку под одним наименованием объединялись «пшеница, полба, горох и бобы», «рожь, ячмень и кукуруза», «овес и греча».

Наконец, далеко не всегда можно было провести грань между так называемыми «полуобработанными материалами и группой изделий». Поэтому железные и стальные прутья с сечением более 0,5 дюйма как «металл не в деле» фигурировали, например, в группе сырья и полуфабрикатов, а то же самое с сечением менее 0,5 дюйма — в группе изделий. В результате целый ряд более или менее однородных товаров оказался разбросанным по разным группам, и это затрудняло статистический анализ.

Попытка выйти из этого затруднения была предпринята в 1906 г., когда была произведена перегруппировка товаров в 10 больших групп по технологическому признаку: в одну группу включались как исходные материалы, так и изделия из них. Такая группировка в большей мере отвечала нуждам статистики, хотя и она отличалась непоследовательностью и была далека от совершенства. Если прежде главным недостатком была разбросанность однородных товаров в разных группировках, то теперь, напротив, в одной группе часто объединялись самые разнородные товары. Так, в группу «металлов и металлических изделий» входили не только железная руда, рельсы и машины, но также и лампочки, часы, роули, лорнеты и даже «суда деревянные». Од-

нако в целом недостатки группировки товаров в статистической номенклатуре можно устранить, перегруппировав в нужном случае их заново.

Помимо данных об экспорте и импорте товаров статистические ежегодники содержали массу сведений, имевших прямое или косвенное отношение к внешней торговле. В первую очередь следует выделить публикацию сведений о транзите товаров. С источниковедческой точки зрения наибольший интерес здесь представляют сведения о транзите товаров из европейской части России морем во Владивосток. Вплоть до 1894 г. они публиковались в разделе экспорта, а не транзита.

Такое несоответствие искажало данные об экспорте товаров, преувеличивая их на сумму транзита во Владивосток. Первоначально это искажение было незначительным. Однако с началом железнодорожного строительства на Дальнем Востоке транзит резко возрос, а следовательно, возросли и искажения. Поэтому при анализе российского экспорта, по крайней мере за 1886—1893 гг., следует иметь в виду, что известная часть его фактически являлась лишь транзитом и помещалась в разделе экспорта ошибочно.

С точки зрения методики статистики внешней торговли наиболее полными сведения о транзите товаров были в 1883—1896 гг., когда определение импорта по количеству досмотренных товаров потребовало публикации данных не только о прямом транзите заграничных товаров через российскую территорию и отечественных через иностранную, но и косвенном транзите — вывозе за границу иностранных товаров, не выпущенных на внутренний рынок. Правда, как уже указывалось выше, эти сведения включались в раздел импорта, а не транзита, что искажало общую картину торговли, но размеры отклонений всегда можно точно установить.

Специфическим разделом статистики внешней торговли являлась публикация сведений о ввезенных из-за границы товарах, но не выпущенных на внутренний рынок, а осевших на таможенных складах. Основной причиной оседания товаров на складах было выжидание благоприятной конъюнктуры рынка. Поэтому по количеству товаров, находящихся на таможенных складах, в значительной мере можно судить и о состоянии внутреннего рынка. К. Маркс, например, неоднократно использовал такого рода данные для прогнозирования экономических кризисов в европейских странах.

В отечественной статистике внешней торговли сведения об оставшихся на складах товарах начали разрабатываться с 1827 г., но впервые опубликованы были лишь в 1846 г. Предназначались они для определения соотношения между количеством фактически привезенных товаров и выпущенных на внутренний рынок (т. е. зарегистрированных в качестве импорта). В разные годы это соотношение было различным. Например, в Петербурге

в 1863 г. на складе оставалось до $\frac{1}{5}$ привезенного кофе и чая, до $\frac{1}{4}$ соли и растительного масла, сахара — почти $\frac{1}{2}$, а табака — больше половины.

Особенно важное значение эти сведения приобрели в 1883—1896 гг., когда в импорт статистика включала все привезенные товары. В 1897 г. с восстановлением определения импорта по количеству товаров, выпущенных на внутренний рынок, публикация сведений о товарах, оставшихся на таможенных складах, прекратилась.

Статистику импорта невозможно назвать абсолютно полной, так как неизменно какая-то часть товаров проникала на территорию России контрабандным путем. Однако сведения о конфискованной контрабанде, которые начали публиковаться с 1812 г., дают представление об интенсивности нелегального ввоза тех или иных товаров и частично об относительных размерах контрабанды.

Большой интерес представляет публикация в ежегодниках сведений о статистике коммерческого судоходства. Таможенная статистика регистрировала количество кораблей, побывавших в российских портах, их принадлежность, направление движения, водоизмещение и количество груза и т. п. С 1875 г. была введена раздельная группировка паровых и парусных судов.

К этого рода данным примыкают публиковавшиеся в 1832—1864 гг. сведения о пришедших и отошедших трайспортах и караванах по сухопутным границам. Здесь регистрировались число подвод, плотов и судов (по речным и озерным границам), количество лошадей, волов и вьючного скота. С развитием железнодорожных перевозок, эти сведения перестали публиковаться, зато в 1875—1883 гг. в ежегодниках приводились данные о количестве прибывших и отправленных вагонов с указанием веса перевезенных на них товаров. В дальнейшем дублирование статистики железнодорожных перевозок прекратилось.

Интересны также данные о таможенных доходах, о провозе драгоценных металлов, о купцах, записавшихся наиболее крупными торговыми операциями. Сведения о последних публиковались с 1812 г. и сообщали о гильдейской принадлежности купца, месте его деятельности, размерах торговых оборотов. В 1864 г. с отменой гильдейских ограничений во внешней торговле данные о купцах перестали публиковаться.

Различного рода справочные таблицы ежегодников содержали также сведения о биржевых ценах в крупнейших российских торговых центрах, публиковавшиеся вплоть до 1888 г., а также о ценах российских товаров на иностранных рынках (1824—1835 гг.). Публикация цен была возобновлена в 1902 г. Здесь же помещались сведения о вексельном курсе на крупнейших европейских рынках, которые печатались вплоть до 1874 г. и перестали публиковаться во избежание дублирования «Ежегодников Министерства финансов».

Сведения о торговле и судоходстве дополнялись справочными данными о страховых премиях, которые начали публиковаться в 1846—1851 гг., а затем после перерыва — в 1873—1888 гг. С 1873 г. наряду с ними публиковались также сведения о стоимости фрахта. После 1888 г. публикация данных о фрахтах и страховых премиях была возобновлена лишь в 1906 г.

Не всегда увлечение публикацией справочных сведений отвечало профилю издания. Так, со второй половины 60-х годов до 1875 г. в ежегодниках печаталось несколько разновидностей таблиц с курсом ценных бумаг в Петербурге и за границей. Помещение этих данных в издании, посвященном статистике внешней торговли, могло вызвать только недоумение, тем более что аналогичные сведения приводились в «Ежегоднике Министерства финансов». К тому же таможенные статистики, вторгаясь в чужую сферу, допускали откровенные нелепости, «группируя» вместе, например, все 5%-е бумаги, смешивая таким образом ренту с займами и т. п.

Из всего изложенного выше можно сделать определенный вывод о том, что методика статистической обработки и публикации первичного материала в целом обеспечивала его полноту и достоверность. Однако при использовании опубликованных данных следует учитывать некоторые специфические черты внешне-торговой статистики, на которые специально обращалось внимание.

3. ЦЕННОСТНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

В то время как организация сбора первичных данных и контроля за ними предоставляет определенные гарантии относительно достоверности сведений о количестве товаров, о ценностных показателях этого сказать нельзя. Сами таможенные статистики с самого начала довольно скептически относились к ценам, проставленным в объявлениях. Уже в первых изданиях ежегодников о внешней торговле России была предпринята попытка дать наряду с таможенной оценкой товаров статистическую, выведенную расчетным путем. Выразилось это в своеобразии публикации сведений о ходе внешней торговли через Петербургский порт за 1802—1807 гг., которое заключалось в том, что наряду со стоимостью товаров по таможенной оценке приводилась стоимость тех же товаров, рассчитанная на основе среднегодовых цен по биржевым преискураптам. Простое сравнение одних и тех же показателей, полученных различными методами, выявляет ярко выраженную тенденцию занижения таможенной оценки товаров. За 6 лет (1802—1807 гг.) она абсолютно во всех случаях оказывалась ниже статистической оценки (в среднем на 20—25%)¹⁴.

¹⁴ Априорно таможенная оценка должна была быть даже выше статистической, так как включала в себя помимо рыночной стоимости товара стоимость его доставки в таможню, погрузки на корабль и т. п.

Что касается таможенной оценки импортных товаров, то она, по признанию самих статистиков, как правило, завывшалась в результате включения в нее таможенных пошлин, а зачастую и ожидаемой прибыли¹⁵.

Разумеется, эта первая попытка замены таможенной оценки статистической была еще далека от совершенства. Основанная на среднегодовых биржевых ценах, статистическая оценка не учитывала сезонных колебаний цен и товарной массы. Тем не менее ее можно считать более достоверной, так как аналогичные расчеты, произведенные в пределах одного месяца, также подтверждают занижение таможенной оценки по сравнению с биржевой (приблизительно в тех же масштабах)¹⁶.

Эта отчетливо выраженная тенденция к занижению оценки экспортных товаров была следствием введенной в 1799 г. 1,25%-ной пошлины с их стоимости. Хотя впоследствии она исчезла, достоверность таможенной оценки не повысилась. Например, сравнение таможенной оценки за 1824 г. с биржевыми ценами выявляет серьезные расхождения между ними. Таможенная оценка импортных товаров, как и следовало ожидать, оказывалась выше биржевых цен (за вычетом из них пошлины). Главной причиной этого было включение товарополучателями в таможенную оценку ввозных пошлин, что противоречит методике оценки внешнеторговых оборотов. Что касается экспорта, то здесь ситуация отличается лишь тем, что значительные расхождения происходили как в сторону завышения таможенной оценки, так и в сторону ее занижения.

Очевидная недостоверность сведений о стоимости товаров, обращавшихся во внешней торговле, побудила статистиков заняться разработкой системы статистической оценки. Впервые эта система была применена к оценке внешнеторговых оборотов за 1825 г. В основе ее лежало определение стоимости товаров по так называемым справочным ценам, полученным на основе биржевых цен. Описание методики расчета этих цен не сохранилось. Однако анализ опубликованных материалов позволяет не только восстановить эту методику, но и определить круг товаров, на которые она распространялась, а также размеры самих справочных цен.

Справочная цена на товар устанавливалась в пределах одного из следующих участков таможенной границы: «Белое море», «Балтийское море», «Европейская сухопутная граница», «Черное и Азовское моря». В каждом случае за основу брались среднегодовые биржевые цены в крупнейших торговых центрах. Так, на участке «Белое море» это были цены Архангельской биржи,

¹⁵ Государственная внешняя торговля 1824 года в разных ее видах. СПб., 1825, с. 1.

¹⁶ *Вирст Ф. Г.* Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской империи, табл. 9.

на «Балтийском море» — Петербургской и Рижской, на «Черном и Азовском морях» — Одесской и Таганрогской. Справочные цены по «Европейской сухопутной границе» определялись, как показывают расчеты, по ценам Московской биржи. При этом на участках, где было несколько ведущих бирж, справочная цена устанавливалась в соответствии с ценами в том порту, через который было вывезено (или ввезено) наибольшее количество данного товара¹⁷.

Введенную с 1825 г. систему статистической оценки оборотов российской внешней торговли в целом следует рассматривать как явление положительное. Уже сам по себе факт выхода за рамки только сводки и группировки материалов таможенного учета и переход к разработке справочных цен для корректировки сомнительных первичных данных, т. е. к разработке показателей, полученных статистическими методами для нужд статистики, свидетельствовали о зрелости отечественной статистики внешней торговли. Это позволило поставить оценку экспорта и импорта товаров на реальную основу и сделать ее значительно более достоверной.

Примечательно при этом понимание таможенными статистиками специфики российской внешней торговли и неприемлемости для нее установления единых цен по всей таможенной границе, как это практиковалось в Европе.

Вместе с тем эта система обладала и недостатками, связанными как с несовершенством методики, так и с объективными трудностями ее реализации. Основным недостатком системы справочных цен была ее территориальная и номенклатурная ограниченность. Первое обстоятельство было связано с тем, что получить справочные цены, основанные на биржевых, можно было лишь на европейских участках границы. Второе вызывалось тем, что далеко не все виды товаров, обращавшихся во внешней торговле, продавались и покупались через биржу (это относится в первую очередь к готовой продукции). Кроме того, трудности возникали вследствие несопоставимости в целом ряде случаев статистических наименований товаров и их наименований в преysкурантах биржевых цен. Сюда можно отнести наименования, объединявшие близкие, но тем не менее неоднородные товары, такие, как «фрукты», «рыба: сельди и пр.», «аптекарские материалы», «москательные товары», «кожевенные товары», «шелковые товары и изделия» и т. п. Однако, несмотря на эту огра-

¹⁷ Вероятно, в виде исключения цены ведущего торгового центра могли в отдельных случаях распространяться и на порты других участков границы. Примером может служить оценка экспорта ржи по участку «Черное и Азовское моря» в 1825 г. по справочной цене 10 руб. за четверть — на уровне цен Московской (а также Петербургской) биржи, хотя в самой Одессе (через которую была вывезена большая часть указанной ржи) среднегодовая биржевая цена составила 7 руб. и выше 9 руб. не поднималась.

ниченность, таможенными статистикам удалось распространить систему справочных цен на большую часть российской внешней торговли. Подсчеты показывают, что уже в 1825 г. по статистической оценке определялись 81% стоимости экспорта и 53% — импорта.

С объективными трудностями была связана также недостаточная степень достоверности статистической оценки ряда товаров. Например, была установлена справочная цена для такой статьи экспорта, как «веревки и канаты». Между тем это товары различной ценности (уже хотя бы потому, что веревки — исходный материал для канатного производства), а особенность статистической номенклатуры не позволяют даже установить соотношение в экспорте тех и других и определить правильность принятой оценки. Если в приведенном примере трудности вытекают из объединения товаров разной степени обработки, то в других случаях причиной недостаточной достоверности справочной цены служило установление единой цены на сходные товары, объединенные в одной статье экспорта или импорта, но тем не менее по-разному ценившиеся на бирже. Примером может служить принятие единой цены на льняное и конопляное масло. Отчасти, хотя и в меньших масштабах, влияла на достоверность статистической оценки дифференцированная оценка товаров на бирже в зависимости от сорта (статистическая номенклатура внешней торговли сорт товара не учитывала).

Ряд недостатков статистики цен был порожден также несовершенством методики. В частности, использование среднегодовых цен не позволяло учесть влияния сезонных колебаний цен и товарной массы на итоговые данные. Между тем служба таможенного учета располагала достаточными возможностями для определения ценности годовых оборотов как суммы месячных итогов, основываясь на среднемесячных ценах (а не среднегодовых). И уже абсолютно непонятным выглядит нежелание статистиков при определении справочных цен учитывать таможенные пошлины. Это противоречило принятой ими самими методике оценки внешнеторговых оборотов и расчета торгового баланса. Методика эта основана на расчете стоимости экспорта и импорта по ценам франко-граница, а для портовых таможен — соответственно «фоб» и «сиф» (англ. аббревиатура: *f. o. b.*, т. е. *free on board* — свободно на борту, и *c. i. f.*, т. е. *cost — insurance — фрахтование, freight* — фрахт). Исходя из этого, следовало в стоимость экспортных товаров включать таможенные пошлины и, напротив, исключать таковые из стоимости импортных товаров. Несоблюдение этого элементарного правила влекло за собой серьезные искажения. Например, статистический подсчет ценности товарооборота России с границей в 1825 г. дал такие итоги: экспорт — 256 млн. руб., импорт — 195 млн., баланс в пользу России — 41 млн. руб., в то время как при подсчете в строгом соответствии с принятой методикой эти же показатели должны выглядеть сле-

дующим образом: экспорт — 244 млн. руб., импорт — 174 млн., баланс в пользу России — 70 млн. руб.¹⁸

В конечном счете несовершенство созданной системы статистической оценки внешнеторговых оборотов вынуждены были признавать сами составители статистических изданий. В частности директор Департамента внешней торговли Д. Бибииков писал в предисловии к одному из них: «Главное затруднение состоит в ценах: цены — ни по объявлениям, ни по прейскурантам, ни выводимые из них средние или примерные — не могут быть признаваемыми удовлетворительными»¹⁹. Тем не менее разработанная в 1825 г. система оценки товаров просуществовала без значительных изменений 40 лет. Рост товарооборотов, качественные изменения, происшедшие за это время во внешней торговле и таможенной политике России, делали недостатки этой системы все более ощутимыми. Назревавший пересмотр не был осуществлен в период административных реформ уже чиновниками Департамента таможенных сборов, в ведение которого перешла статистика внешней торговли.

К сожалению, приходится констатировать, что реформа статистики таможенных цен была произведена крайне неудачно. Вместо того чтобы совершенствовать то положительное, что уже было достигнуто в этой области, таможенные чиновники пошли по легчайшему пути заимствования методики, принятой в ряде европейских стран. С 1865 г. оценка всех товаров, обращающихся во внешней торговле России по европейской границе, стала производиться по так называемым постоянным ценам. Для каждого экспортного или импортного товара устанавливалась цена, по которой предполагалось впрямь оценивать ввоз и вывоз его в течение ряда лет. Введение нового метода таможенной статистики мотивировали в первую очередь стремлением повысить достоверность оценки оборотов внешней торговли²⁰. Однако любому, знакомому со статистикой, непригодность постоянных цен для решения этой задачи должна быть ясна с самого начала. С их помощью можно определить лишь «физический объем» товаров — показатель, использующийся статистиками для достижения сопоставимости данных для построения динамических рядов, очищенных от влияния колебания цен. Но физический объем не только не решает проблемы достоверности оценки, но и вообще непригоден для получения абсолютных показателей. В данном случае это выявилось в первый же год действия постоянных цен. Постоянная цена, установленная по всей европейской границе, в отличие от дифференцированных справочных цен не учитывала разнообразия в оценке одного и того же товара по всей террито-

¹⁸ Государственная внешняя торговля 1825 года... СПб., 1826, с. 1 и табл. 1.

¹⁹ Там же, с. 1.

²⁰ Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов, 1865, № 12.

рии России. Кроме того, постоянные цены, вычисленные по оценке товаров за предшествующий трехлетний период, уже в первый год оказались, как правило, ниже возросших экспортных цен. Поэтому в абсолютном выражении стоимость экспортных (и отчасти импортных) товаров, рассчитанная по постоянным ценам, в 1865 г. оказалась заниженной. В ряде случаев реальная ценность экспорта была на 15—20% выше статистической отчетности. В абсолютном выражении это означало, что стоимость вывезенной пшеницы была на 5 млн. руб. с лишним больше, чем указывала статистика, льна — на 3 млн., сала, льняного семени — на 2,5 млн. руб. и т. д.

В дальнейшем эти расхождения между статистической оценкой товаров и их реальной стоимостью становились еще более вопиющими. Причина тому — рост цен. Например, в то время как постоянная цена на пшеницу составляла 7,1 руб. за четверть, в 1867 г. в Петербурге цены стояли в среднем на уровне 13,5 руб., в Одессе — 11,5 руб. Между тем стоимость в постоянных ценах продолжала использоваться таможенными статистиками как абсолютный показатель, в том числе для расчета внешнеторгового баланса. Непригодность постоянных цен для этого стала настолько очевидной, что сами составители статистических изданий вынуждены были поставить под сомнение достоверность ценностных показателей. В 1867 и 1868 гг. для сравнения была приведена стоимость экспорта, вычисленная по данным объявлений. Если ориентироваться на эти данные, то следует признать, что в 1867 г. стоимость экспорта по европейской границе составила не 220, а 300 млн. руб.²¹, а в 1868 г. — не 218, а 275 млн.²² Приняв на веру утверждение таможенных статистиков, что оценка импорта в постоянных ценах в целом совпадает с его реальной стоимостью, можно подсчитать, что, в то время как статистика в 1867 г. дает отрицательный баланс торговли по европейской границе до 53 млн. руб., в действительности баланс должен быть положительным и активное сальдо составит 25—30 млн. Аналогичная ситуация наблюдается в 1868 г.

Признав недостоверность статистической оценки, таможенники вместе с тем упорно не желали признать принципиальную невозможность использования данных физического объема в абсолютном выражении. В 1869 г. была предпринята попытка повысить достоверность статистической оценки путем пересмотра постоянных цен. Однако попытка эта была обречена на неудачу. Уже с самого начала новые постоянные цены значительно отличались от реальных, в результате чего стоимость экспорта пшеницы, например, была завышена таможенными статистиками примерно на 2 млн. руб., льна — на 5,5 млн., а стоимость льня-

²¹ Виды государственной внешней торговли России за 1867 год, СПб., 1868, ч. 1. Введение.

²² Виды... за 1868 год, ч. 1. Введение.

ного семени, напротив, в статистической оценке оказалась на 2 млн. руб. меньше, чем должна была быть в действительности. Естественно, что в последующие годы колебания цен привели к еще ббльшим расхождениям. Не отличалась особой достоверностью и оценка ряда импортных товаров, например хлопка-сырца, импорт которого в 1869 г. следовало оценить по крайней мере на 5,5 млн. руб. выше статистической оценки.

Однако главная беда заключалась в том, что, сделав «постоянные» цены непостоянными, таможенные статистики лишили введенную ими систему оценки товаров всякого смысла. Физический объем внешней торговли России за 1865—1868 гг. оказался абсолютно несопоставим с аналогичными данными за 1869—1871 гг. Теперь оценка товаров стала ни достоверной, ни сопоставимой. Абсурдность дальнейшего существования системы «постоянных» цен, подвергавшейся критике с разных сторон²³, стала уже совершенно очевидной. Последним толчком к ее ликвидации послужила работа VIII Международного статистического конгресса, проходившего в 1872 г. в Петербурге. По иронии судьбы с основным докладом по проблемам статистики торговли выступал директор Департамента таможенных сборов Ф. Тернер, которого пресса называла инициатором введения системы «постоянных» цен в отечественной статистике внешней торговли. Основываясь на собственном опыте, он вынужден был признать неприменимость «постоянных» цен в определении стоимости торговых оборотов²⁴. Уже в следующем году «постоянные» цены были изъяты из практики статистических работ.

Таким образом, следует отметить, что за период 1865—1871 гг. в российской статистике внешней торговли отсутствуют данные о стоимости экспорта и импорта товаров. Ценностные показатели, фигурирующие за эти годы, являются данными о «физическом объеме» товаров. Это дает возможность сравнивать между собой стоимостные выражения торговых оборотов за 1865—1868, а также 1869—1871 гг. (но данные разных периодов уже совершенно несопоставимы). Однако в абсолютном выражении эти данные (учитывая методику их получения) неприменимы или в крайнем случае применение их требует проверки по другим источникам²⁵.

Поскольку отказ от системы «постоянных» цен произошел лишь в силу ее несостоятельности, никакой реальной альтерна-

²³ Резолюции, принятые съездом русских фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью. СПб., 1870, с. 3; Санкт-Петербургские ведомости, 1871, № 275.

²⁴ Восьмая сессия Международного статистического конгресса в Петербурге: Доклады и постановления. СПб., 1873, с. 79—84.

²⁵ Подробно см.: *Дворецкий Е. В.* Проблемы достоверности и сопоставимости оценки внешней торговли России в официальной статистике второй половины 60-х—начала 70-х годов XIX в. — В кн.: Проблемы отечественной истории. М., 1973, ч. 1.

тивы ей у статистиков таможенного департамента не было. Поэтому они постарались переложить ответственность за достоверность стоимостных показателей на служащих таможен. С этой целью последним было предложено на месте уточнять показания отправителей и получателей товаров не только по преёскурантам биржевых цен, но и по справочным ценам городских дум, ратуш, земских управ и т. п. Практически это пожелание оказалось трудноподъемным — столь велики были ведомственные перегородки, разделявшие организации, так или иначе соприкасавшиеся со статистикой цен. Чиновники Департамента таможенных сборов сами убедились в этом после неудачной попытки установить контакты с биржевыми комитетами, купеческими управами, Кавказским статистическим комитетом и др. Большинство адресатов, куда они обращались с просьбой сообщить справочные цены, эту просьбу игнорировали. Не удалось установить контакта даже с комитетами торговли и мануфактур — органами Департамента торговли и мануфактур, подчинявшегося тому же министру финансов, что и таможенники.

В результате статистика оценки внешней торговли оказалась децентрализованной и достоверность ее зависела поэтому не только от возможностей таможенников, но и от их добросовестности. В. И. Покровский, например, приводит целый ряд вопиющих случаев систематического завышения или занижения последними оценки самых различных товаров, биржевые цены которых были на самом деле в несколько раз выше или ниже²⁶. Поэтому, отдавая себе отчет в недостаточной достоверности таможенной оценки и не видя возможности повысить ее, таможенные статистики с 1882 г. при публикации стоимостных показателей стали ограничиваться лишь итоговыми данными (общая ценность ввоза или вывоза товара, оборотов таможни, оборотов в торговле с отдельными государствами и т. п.). В итоговых данных погрешности сглаживались, взаимно погашая друг друга, и не выглядели столь вопиющими.

Тем не менее итоговые данные о стоимости товаров также пугаются в уточнении. Об этом свидетельствует попытка В. И. Покровского внести ясность в вопрос о достоверности расчета внешнеторгового баланса. Основываясь на справочных ценах, он определяет возможные отклонения таможенной оценки от «торговой» для отдельных товаров и в итоговых показателях за 1890—1895 гг. Основной вывод автора сводится к следующему: «Данные, публикуемые Департаментом таможенных сборов об оборотах внешней торговли России, если не представляют собой вполне точной оценки отпускных и привозных товаров, то погрешают в пессимистическом направлении, т. е. несколько уменьшают стоимость нашего отпуски, преувеличивая стоимость при-

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 24, оп. 14, д. 47, л. 152—153.

воза»²⁷. Этот вывод подтверждается и цифровыми данными. В частности, по расчетам Покровского, за 6 лет — с 1890 по 1895 г. — таможенная оценка импорта систематически завышалась (до 10%), а экспорта — занижалась в 4 случаях из 6 (до 5%)²⁸.

Однако даже если не оспаривать этот вывод в целом, можно усомниться в правильности оценки автором как размеров погрешностей, так и направлений, в которых они действовали. Это связано с несовершенством методики, примененной Покровским для расчетов в данной книге. Не исключено, что это сделано намеренно — из соображений ведомственного престижа. Во всяком случае его же позднейшие расчеты отклонения таможенной оценки от действительной, основанные на более совершенной методике, при характеристике этих отклонений для тех же товаров за те же годы резко отличаются от расчетов, приведенных выше. В новых расчетах, в частности для зерновых, не только не просматривается тенденция к завышению стоимости их экспорта, а напротив, таможенная оценка в подавляющем большинстве случаев оказывается выше действительной, и это превышение порой доходит до 20%²⁹. Это несоответствие уже дает основание сомневаться в правильности вывода о занижении оценки российского экспорта.

Защищая достоверность баланса внешней торговли России, рассчитывавшегося таможенными статистиками, Покровский в то же время хорошо осознавал несовершенство принятой методики. Между тем вопрос о внешнеторговом балансе не случайно был поднят именно в 1897 г. Это связано со следующими обстоятельствами. Во-первых, в России по примеру остальных европейских государств было введено золотое обращение, и это сделало весьма актуальным вопрос о платежном балансе страны. Во-вторых, еще большую актуальность ему придавала новая программа экономического развития России, ориентировавшаяся на иностранные займы и инвестиции. А раз вставал вопрос о платежном балансе, то баланс внешней торговли выдвигался на первое место, ибо он, как было уже отмечено, являлся практически единственной активной статьёй платежного баланса России.

К этому добавилось еще одно обстоятельство, влекущее за собой угрозу массового искажения данных о ценности экспортных и импортных товаров, сообщавшихся товаровладельцами. Связано это было с введением в 1898 г. новой налоговой системы. Если прежде система налогообложения, выражавшаяся в уплате гильдейских пошлин, а затем в приобретении свидетельств на право торговли, не давала очевидных поводов для торговцев скры-

²⁷ Покровский В. И. К вопросу об устойчивости активного баланса русской внешней торговли. СПб., 1897, с. XVIII.

²⁸ Там же, с. II—III.

²⁹ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902, т. I, с. 13, табл. 22—25.

вать размеры своих оборотов, то теперь положение менялось. Основные изменения выразились в введении «дополнительного» налога, который взимался главным образом как подоходный налог. Большая часть этого налога (так называемый раскладочный сбор) формально взималась как налог с прибыли, но размер этой прибыли определялся не самим налогоплательщиком, а фискальным учреждением на основе сообщавшихся владельцем сведений об обороте³⁰. Естественно, что такая постановка вопроса создавала опасность занижения торговцами своих оборотов, с тем чтобы уменьшить выплату налогов.

Все эти обстоятельства вынудили таможенных статистиков принять срочные меры к повышению достоверности стоимостных показателей. С этой целью была восстановлена централизация оценочной статистики. В Статистическом отделении в 1898 г. был создан специальный Оценочный отдел, функции которого заключались в разработке справочных цен для определения стоимости российского экспорта и импорта. Это не было простым возвращением к методике 1825—1864 гг., когда справочные цены носили довольно условный характер. Новая система была намного совершеннее, она осуществлялась в больших масштабах и более квалифицированно. Справочные цены разрабатывались на основе сведений, опубликованных в биржевых прейскурантах, газетах, журналах, статистических изданиях и других печатных материалах, получавшихся отделением. Ежегодно в Статистическое отделение поступало более 3000 выпусков различных изданий. В общей сложности отделение имело сведения о ценах по 50 российским и иностранным рынкам³¹. Большое значение для повышения достоверности оценки товаров (особенно в условиях России) имело то обстоятельство, что ценность оборотов определялась не только по среднегодовым ценам, как это было принято в большинстве европейских государств, но и по среднемесячным. Ежемесячная переоценка на основе справочных цен охватывала почти 40% экспортных и около половины импортных товаров³², что позволяло учитывать в общих итогах сезонные колебания цен и товарной массы.

Недостатком новой системы была, по признанию самих ее создателей, некоторая ограниченность. Заключалась она в том, что справочные цены можно было рассчитать лишь для товаров, обращавшихся на бирже. Под эту категорию не попадали главным образом готовые изделия. В условиях России существовавшая система оценки позволяла достоверно определять большую часть стоимости внешнеторговых оборотов. Но при этом сам Покровский не исключал целесообразности дополнения справочных

³⁰ ПСЗ-III, т. XVIII, № 15601, гл. V, § 126—128.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 21, оп. 12, д. 57, л. 11—12.

³² Там же, оп. 11, д. 47, л. 155.

цен экспертными оценками специальных комиссий. (На основе таких экспертных оценок определялась стоимость внешнеторговых оборотов в Германии, Австро-Венгрии, Франции и Бельгии.) Хотя в России такие комиссии созданы не были, таможенные статистики часто использовали экспертные цены зарубежной статистики. Те товары, для которых справочные цены не разрабатывались, также не оставались без внимания. В случае явного несоответствия в каком-либо объявлении цены товара оценке того же товара в других случаях это отклонение корректировалось в соответствии с типичной оценкой.

Создание Оценочного отдела, централизация и совершенствование методики работ по определению ценности оборотов российской внешней торговли обеспечили высокую степень достоверности стоимостных показателей во внешнеторговой статистике — особенно в определении стоимости сельскохозяйственных товаров, сырья, полуфабрикатов, т. е. большей части внешнеторговых оборотов.

Таким образом, система таможенного учета, на которой основывался сбор сведений для статистики внешней торговли, обеспечивала достаточную достоверность первичных данных о количестве товаров и дальнейшая их обработка состояла в сводке и группировке. В то же время достоверность первичных данных о ценности товаров не обеспечивалась и поэтому уже с 1825 г. в статистике внешней торговли они либо не принимались в расчет и заменялись показателями, полученными путем статистических вычислений, либо корректировались на основе более достоверных данных, как это практиковалось в 1872—1897 гг. Не всегда замена первичных данных статистической оценкой давала положительные результаты, и вследствие этого ценностные показатели за 1865—1871 гг. нельзя назвать в строгом смысле стоимостью экспорта и импорта.

4. ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИМОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАТИСТИКИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Изложенный выше материал свидетельствует о том, что организация отечественной статистики внешней торговли обеспечивала достаточно полные и вполне достоверные данные о количестве товаров, обращавшихся во внешней торговле России. Относительно достоверными, хотя и с большими оговорками в ряде случаев, можно считать и ценностные показатели. Вместе с тем в начале главы приводились данные, которые могут заставить усомниться в сделанных выводах.

Прежде чем выяснить причину такого несоответствия, следует обратить внимание на то, что исходным моментом критики внешнеторговой статистики любой страны (в том числе и России) является сравнение ее показателей с казалось бы адекватными данными статистики других стран, например экспорта товаров из

России в Германию по российской статистике с импортом российских товаров в Германию по германской статистике.

Это происходит потому, что в действительности такого рода данные не являются адекватными ни с точки зрения методики статистических работ, ни с точки зрения ее реализации.

Легче всего объяснить несоответствия, возникающие в оценке товаров. Сама система оценки товаров по ценам «сиф» и «фоб» (о которой уже упоминалось) предполагает более высокую стоимость импорта в зарубежной статистике, чем соответствующего ему экспорта в отечественной, поскольку в первую дополнительно включается стоимость страхования и перевозок.

На практике положение усугублялось тем, что в рамках общей системы методика определения цен в отечественной и зарубежной статистике существенно различалась.

Российская статистика основывалась на справочных ценах биржевых преискурантов, в большинстве же европейских стран в конце XIX—начале XX в. приняты были экспертные оценки, основанные на мнении отдельных специалистов (но и здесь было большое разнообразие в методах опроса), а в Голландии, например, доживали последние годы даже постоянные цены, пригодные лишь для определения физического объема. Различная методика, естественно, давала и разные результаты, а расхождения в копейках в оценке одного товара при все возрастающих оборотах внешней торговли мультиплицировались в десятки миллионов рублей. Кроме того, методика оценки импортных товаров не гарантировала цены от включения в них торговой прибыли, а порой, по свидетельству Покровского, и таможенных пошлин³³.

Однако все это не объясняет несоответствия данных о количестве товаров во взаимной торговле различных стран, а также появления на мировом рынке товаров какой-либо страны (например, России) в большем количестве, нежели она экспортировала в том же году. Здесь также нельзя говорить об адекватности данных, и причиной тому являются не погрешности в определении количественных показателей, а различная методика определения страны — происхождения и страны — назначения товара. В российской статистике длительное время при этом исходили из того, куда товар непосредственно вывезен и откуда привезен. С 1884 г. за основу стали принимать место покупки или продажи товара непосредственно после вывоза его за границу или перед доставкой в Россию. Между тем в большинстве европейских стран в конце XIX—начале XX в. перешли на определение страны производства (или переработки) и окончательного потребления товаров (в России этот принцип формально был введен в 1914 г.).

Естественно, что в условиях развитой посреднической торговли все эти понятия практически не совпадали.

³³ ЦГИА СССР, ф. 1024, оп. 1, д. 53, л. 62.

Но статистику международного товарообмена запутывали, пожалуй, не столько различные принципы, сколько трудности, возникавшие при их реализации. Показатели страны назначения и происхождения товара являлись наиболее сомнительными в таможенной статистике любого государства, ибо они основывались на грузовых документах, к которым с развитием практики оформления таможенных процедур через посреднические экспедиционные конторы непосредственные отправители и получатели товаров мало что могли добавить. Грузовые документы же сообщали лишь о месте последней погрузки товара или же его ближайшего назначения без учета всего предшествующего (для импортных) и последующего (для экспортных) движения товаров.

Таким образом, достоверность сведений зависела от доброй воли и осведомленности экспедиторов, которые, как было видно из отзывов таможенников, статистические хлопоты близко к сердцу не принимали.

Все сказанное выше во многом объясняет причину несопоставимости российской статистики со статистикой какой-либо другой страны, которая сталкивалась с аналогичными, а зачастую при развитой посреднической торговле даже с большими трудностями. Однако это не дает ответа на вопрос об образовании в статистике международного товарообмена «излишка» товаров. Причины этого явления кроются в несопоставимости внешнеторговой статистики всех стран ввиду недостаточно четкого выделения посреднической торговли. Поэтому здесь следует в общих чертах охарактеризовать статистику различных государств применительно хотя бы к началу XX в.

Формально в большинстве стран, основных торговых партнеров России, посредническая торговля выделялась. Поэтому в статистике было принято разделение, которое условно для всех стран можно назвать делением торговли на «общую» и «специальную». «Специальная» торговля представляла собой собственно экспорт и импорт страны, данные же по «общей» торговле включали помимо «специальной» также сведения о транзите (прямом и косвенном), реэкспорте и реимпорте товаров. Исключение составляла статистика Англии и США, регистрировавшая лишь «общую» торговлю (в приведенных нами примерах, кроме этих двух случаев, давались сведения иностранной статистики по «специальной» торговле).

Однако в понятие «специальная» торговля статистики разных стран вкладывали различное содержание. В Австро-Венгрии, например, сюда не включались товары, предназначенные для переработки, в то время как во Франции, Бельгии и Голландии включались; в Италии до 1907 г. включались лишь некоторые из них (в том числе и зерно), а с 1907 г. — все. В германской статистике товары, предназначенные для переработки, стали учитываться в «специальной» торговле с 1897 г. Но главный источник недоразумений, на наш взгляд, кроется в том, что во всех

странах статистика включала в «специальную» торговлю не только предметы отечественного производства (по экспорту) и товары, предназначенные для реализации на внутреннем рынке (по импорту), но и «национализированные» иностранные товары, т. е. оплаченные пошлиной и поступившие в свободное обращение. В результате складывалась следующая ситуация. Российский товар, поступив, к примеру, во Францию и будучи там «национализирован», регистрировался как импорт из России, а затем мог быть продан, но уже с обязательной регистрацией его как французского экспорта. А между тем страна, перекупившая этот товар, вовсе не обязана была регистрировать его в своей статистике как французский, напротив, последовательно следуя принципу определения страны происхождения товара, она в случае «удачи» определяла его российскую принадлежность и также регистрировала его как импорт из России. Таким образом, вывезенный из России товар в зарубежной статистике уже удваивался (а на практике нередко и утраивался при дальнейшей перепродаже). На практике выявление подобных моментов возможно путем сопоставления российской статистики с данными не одной, а двух или нескольких стран, через которые проходил российский товар.

Из этого можно сделать вывод, что, во-первых, несопоставимость данных российской статистики с соответствующими показателями статистики другой страны может возникнуть в результате недоразумений в регистрации посреднической торговли российскими товарами этого контрагента с третьей страной независимо от точности показателей статистики России. Во-вторых, суммирование данных зарубежной статистики для проверки российского экспорта требует большой осторожности, дабы избежать двойного счета. И наконец, в-третьих, данные иностранной статистики тем не менее весьма ценны для выяснения рынков потребления российской продукции.

Наиболее перспективным в сопоставлении отечественной статистики с соответствующими данными статистики другой страны представляется сравнение не итоговых показателей, а по какому-либо одному товару с обязательным учетом данных не только, например, об импорте его из России, но из других стран, с которыми Россия вела торговлю, а также данных об экспорте этого же товара страной-контрагентом и транзите.

Наконец, следует отметить еще частные обстоятельства, влиявшие на сопоставимость российской и зарубежной статистики. Первое касается опять-таки точности регистрации «специальной» торговли. Во Франции, например, в это понятие включались все беспошлинные товары, в том числе и предметы посреднической торговли. Аналогичная ситуация существовала и в Голландии, где в «специальной» торговле учитывались также и товары, завезенные на склады с обязательством оплатить пошлиной при выпуске на внутренний рынок; однако ввиду того, что для реэк-

порта зарегистрированных таким образом беспошлинных товаров требовалось меньше формальностей, чем для оформления транзита, ввоз в Голландию иностранных товаров и вывоз тех же товаров уже в качестве «голландских» фактически скрывали обороты посреднической торговли.

Особого подхода требует статистика США. Помимо того что, как уже указывалось, она давала сведения лишь по «общей» торговле, в качестве ценза для импортных товаров в ней все еще применялся их досмотр, а не выпуск на внутренний рынок, и, кроме того, данные приводились не за календарный год, а за фискальный (хозяйственный), т. е. с 1 июля по 30 июня.

Следует учитывать также и то, что в иностранной статистике в торговые обороты с Россией включалась также и торговля с Финляндией. Исключение в этом смысле составляла германская статистика, регистрировавшая с 1896 г. финскую торговлю отдельно. В то же время российская статистика включала в торговлю с Германией торговые обороты со значительными территориями, находившимися до 1888 г. за пределами Германского таможенного союза, а такие крупнейшие порты, как Гамбург и Бремен, вошли в этот союз лишь в 1906 г.

Еще одним фактором, затрудняющим сопоставимость российской и зарубежной статистики внешней торговли, является несовпадение сроков регистрации товаров. Действительно, товары, вывезенные в конце года и зарегистрированные в качестве экспорта страны, вывозящей в отчетном году, могли, находясь в пути (особенно если они попадали в обороты посреднической торговли), прибыть в страну назначения уже в следующем году и быть зарегистрированными как импорт следующего года. В то же время в импорте страны, ввозящей в отчетном году, могли регистрироваться товары, вывезенные страной-экспортером в предыдущем году и соответственно в том же году и зарегистрированные.

Связанная с этим несопоставимость регистрации зарубежного экспорта и российского импорта усугублялась несоответствием российского и европейского календарей.

Однако указанные причины влияли на расхождение сроков отметки товаров в гораздо меньшей степени, чем особенности таможенной статистики в регистрации импорта. В статистике, как правило, указывались лишь товары, выпущенные из таможен на внутренний рынок, т. е. без учета товаров, фактически привезенных (и уже отмеченных в статистике страны-экспортера), но еще не оплаченных пошлиной и оставшихся на складах таможен (или частных складах, находящихся под таможенным надзором). Поступление товаров на внутренний рынок зависело от складывавшейся конъюнктуры, в том числе и на внешних рынках, куда товары могли быть вновь вывезены (косвенный транзит). Допускаемые же сроки хранения на складах таких неоплаченных пошлиной товаров в России, например, достигали трех

лет. Таким образом, фактически привезенные в отчетном году товары могли быть выпущены на внутренний рынок (и соответственно регистрироваться статистикой как импорт) лишь в следующем году, и, напротив, товары, привезенные в предыдущем году, попадали в статистику отчетного года.

Несовпадение сроков регистрации товаров свидетельствует о необходимости соблюдения осторожности при сопоставлении статистики внешней торговли разных стран за отдельные годы. Вместе с тем вполне очевидно, что чем больший период будет взят при сопоставлении, тем меньше будет сказываться влияние указанных факторов.

Таким образом, самой сложной проблемой в использовании статистики внешней торговли является ее сопоставимость со статистикой других государств. Эта проблема зависит не столько от полноты и достоверности статистики отдельных стран, сколько от специфических особенностей методики внешнеторговой статистики. Поэтому возникающие при сопоставлении статистики различных государств расхождения (как бы значительны они ни были) не могут служить свидетельством неполноты или недостоверности сопоставляемых статистических данных. В принципе такое сопоставление необходимо и возможно. Однако оно должно основываться на знании принципов разработки сравниваемых статистических публикаций и учета посреднической торговли.

* * *

Ежегодные таможенные отчеты, издававшиеся Министерством финансов, были основной, но не единственной формой публикации официальных данных о внешней торговле России. Предварительные данные публиковались в официальных периодических изданиях министерства. С 1884 г. начался выпуск статистических ежемесячников «Внешняя торговля России...», формуляр которых стабилизировался к 1897 г.

Другой вид публикации — ретроспективные сборники о внешней торговле России, получившие особенно широкое распространение с 80-х годов XIX в. В качестве примера можно назвать «Краткий очерк внешней торговли и таможенных доходов России за 1856—1893 гг.», «Сведения об отпуске за границу российских товаров за 1869—1886 гг.» и «Сведения о привозе из-за границы иностранных товаров за 1869—1886 гг.». Аналогичные издания с добавлением сборника о транзите товаров вышли за 1886—1899, а также за 1900—1912 гг.

Особое место среди этих изданий занимает «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», подготовленный В. И. Покровским в 1902 г. и охватывающий важнейшие показатели российской внешней торговли на протяжении всего прошлого столетия. В 1902 г. появился лишь первый том этого издания. Второй том, который должен был содержать ре-

троспективные данные о внешней торговле России, сгруппированные по странам-контрагентам, не был до конца подготовлен и потому не вышел отдельным изданием. Однако следует иметь в виду, что уникальный по полноте и охватываемому периоду цифровой материал, предназначенный для этого тома, был опубликован в качестве приложения к «Обзору внешней торговли» за 1906 г.

Подводя итоги характеристики российской статистики внешней торговли, ее можно определить как явление уникальное в экономической статистике по систематичности и относительной стабильности программы. Данные ее отличаются полнотой и вполне удовлетворительной степенью достоверности (особенно показатели количества товаров). Основные трудности, возникающие в применении этих данных, порождаются спецификой внешне-торговой статистики и могут быть устранены при знакомстве с ее общими принципами и конкретными особенностями.

Глава II

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЦЕН XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

1. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

К исследованию такого сложного и многообразного явления, как рынок, можно подходить с различных сторон. Рынок можно изучать через призму разделения общественного труда, которое выступает, в частности, в форме специализации районов на определенных видах производства и торговли.

Рыночные связи между отдельными пунктами и регионами находят свое отражение в статистике транспортных перевозок, фиксирующих товарные потоки, их интенсивность и направление.

Непосредственное представление о состоянии и развитии рынка дают сведения об объеме и динамике товарных оборотов.

Обстоятельное и глубокое изучение рынка возможно на базе данных о прибылях в различных отраслях производства и сфере торговли.

Наконец, в исследовании рынка можно эффективно использовать статистику цен.

Не подвергая сомнению важность всех перечисленных путей изучения рынка, в настоящей главе дается характеристика цен как источника по истории рынка. Причины такого выбора состоят в следующем. Во-первых, цены позволяют вскрыть наиболее глубинные процессы развития рынка, поскольку «цены являются

тем рычагом, посредством которого объективные экономические законы воздействуют на обмен и производство и регулируют их»¹. Во-вторых, ценами интересовались многие ведомства, в результате чего возник массовый и более или менее систематичный материал, охватывающий длительный период времени. В-третьих, цены представляют собой однородные и годные для нетривиальной статистической обработки данные.

Наиболее разработанной к эпохе капитализма оказалась статистика так называемых справочных цен, попытки организации которой относятся еще к XVIII в. Сначала сбор цен осуществлялся «для соображений о продовольствии народа на случай голода». Вскоре данные о ценах стали использоваться для казенных заготовок по содержанию войск². В конце столетия, в связи с тем что были вскрыты злоупотребления при казенных закупках, сведения о ценах были признаны необходимыми для проверки действий чиновников, ответственных за заготовки. Кроме того, данные о ценах использовались для регулирования экспортных операций.

Со второй половины XVIII в. появляются указы и постановления, призванные определить и усовершенствовать методику сбора и первичной обработки сведений о ценах. Расширялся перечень товаров, по которым должны сообщаться цены (вначале он включал только хлеба, позднее — фураж, мясо, строительные материалы, некоторые мануфактурные и заводские изделия).

В 1790 г. были составлены формы ведомостей о справочных ценах, что имело важное значение для унификации сообщаемых сведений. В 1850 г. эти формы, просуществовавшие шесть десятков лет без изменений, были несколько улучшены.

В 1814 г. устанавливается способ выведения сложных и средних цен и определяется, какими данными при этом следует пользоваться. В 1853 г. МВД было предписано присылать детальные сведения о ценах отдельно по каждому уездному городу и местечку, на главнейших торговых пристанях и биржах с различием цен в оптовой торговле, лавочных и базарных.

Эти и другие диктуемые законодательством конкретные мероприятия, несомненно, способствовали получению достаточно достоверных сведений о ценах, но в целом система справочных цен и к середине XIX в. была далека от совершенства и вызывала нарекания современников.

Наиболее существенным недостатком было отсутствие четкой дефиниции типов цен. В законодательстве речь шла то о ценах торговых, то о продажных, причем сколько-нибудь строгих определений не давалось.

Далее, на основе торговых цен составляются цены «установленные» (с сентября по май) и «справочные» (с мая по сен-

¹ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII—начало XX века: Опыт количественного анализа. М., 1974, с. 41.

² ПСЗ-1, т. VIII, 1731 г., № 5819.

тябрь). Однако четких правил выведения «справочных» цен не существовало. Непонятно, например, из каких данных должны были выводиться «справочные цены» — из базарных, лавочных или оптовых, из городских или сельских. Неясно, как определить низшие и высшие цены по губернии: брать ли крайние числа или же рассчитывать сложные из всех высших и отдельно из всех низших или же средние из высших и средние из низших. Отсутствие четких указаний порождало разностильность сбора и обработки данных, что сказывалось на их качестве.

На протяжении почти всего XIX в. сбором цен занимались чины земской и городской полиции³. Автор серьезного исследования о ценах XIX в. А. Н. Егунов указывал, что составители первичных материалов «не имеют, разумеется, ни времени, ни средств соблюдать в вопросе этом той точности, какой, например, мы вправе были бы требовать от лица, специально им занятого и вполне сознающего его научную важность». С другой стороны, он отмечал, что лица, занятые сбором цен, были достаточно компетентными и могли «доставлять верные сведения о ценах»⁴. В итоге справочные цены оказывались завышенными по сравнению с рыночными, так как ответственные за достоверность цен лица могли пострадать материально в случае, если показанные ими цены окажутся ниже существующих.

Первичные сведения о ценах поступали для обработки и обобщения в уездные и губернские управы. Здесь рассчитывались средние арифметические простые из высшего и низшего показаний, вычислялись средние сложные как средние арифметические простые из всех имеющихся на определенный момент или период показаний. Кроме того, наряду с исчисленными ценами фиксировались цены высшие и низшие.

На губернское начальство возлагалась обязанность контролировать сведения, подаваемые уездами, для чего приглашались компетентные лица, в частности торговцы. Для проверки сведений использовались данные предыдущих лет, а также материалы других источников (биржевые сведения и сведения, полученные от чинов интендантского ведомства). Публикация полученных таким путем цен осуществлялась разными органами, главным образом в периодической печати и других изданиях⁵.

³ Только в последней четверти XIX в. эти функции в отдельных местах перешли к статистическим отделениям, созданным при городских и земских управах.

⁴ Егунов А. Н. О ценах на хлеб в России и их значении в сфере отечественной промышленности. М., 1855, с. 17.

⁵ Например, в «Губернских ведомостях» печатались таксы, которые представляли собой модификацию справочных цен и устанавливались в качестве нормативов для обязательного исполнения. Вырабатывались таксы городскими управами при участии компетентных лиц и утверждались губернатором или военными властями (во время войны). Таксы рассчитывались на основе справочных цен на местных рынках. Вспомогательным материалом служили биржевые бюллетени и преискуранты, а также

Справочные цены публиковались в «Журнале МВД». Сведения о продажных ценах на рожь, ржаную муку, крупу, овес и сено, представленные первоначально ценами высшими и низшими, печатались здесь с 1830 г., а с 1834 г. — ценами средними и относились к губернским и некоторым крупным уездным городам. Список городов во времени изменялся, менялись и временные периоды, к которым были привязаны цены (цены приводились за месяц, за полмесяца, редко за неделю, иногда представлялась единая цена за вторую половину одного месяца и первую половину следующего). Регулярные ежемесячные публикации справочных цен на хлеба по всем губерниям и областям России по единой форме появились в журнале только с сентября 1846 г.

Ежемесячные цены, публикуемые в «Журнале МВД», рассчитывались следующим образом. Из торговых цен по всем городам и уездам выводилась еженедельно средняя арифметическая простая для целой губернии, из четырех еженедельных выводилась среднемесячная губернская цена, последняя суммировалась со средней справочной ценой того же месяца, и результат делился на два.

Цены разрабатывались по единой программе до октября 1856 г., т. е. в течение 10 лет, и охватывали 57 губерний России. Следует отметить, что данные не были регулярными: по некоторым губерниям за отдельные годы или ряд лет цены отсутствовали полностью или не охватывали отдельных товаров.

С ноября 1856 по август 1859 г. использовалась другая схема представления материала. Цены давались оптовые, а также базарные и лавочные параллельно по главнейшим городам империи (всего 93 города).

Кроме цен на муку и зерно, в «Журнале МВД» публиковались цены на скот и говядину в Петербурге и Москве (по данным скотопригонных дворов), а также таксы на дрова и печеный хлеб в Петербурге.

В 1838 г. было утверждено новое положение о казенных заготовках Военного министерства, в котором предписывалось использовать справочные цены наряду с другими, в частности ценами биржевыми и ценами предыдущих закупок. Это привело к тому, что с 1866 г. Главное интендантское управление приступило к ежегодной публикации закупочных цен⁶.

сведения, сообщаемые торговцами (устные или документированные). Публикации такс во времени претерпели определенные изменения. Первоначально таксы сообщались по крупным городам и относились к важнейшим продуктам питания (хлеб, мясо, крупа). В дальнейшем они охватили и уездные города. Публикации такс расширились в военное время. Таксы, разумеется, далеки от совершенства, но тем не менее, безусловно, могут дать общее представление о тенденциях в изменении цен как во времени, так и в пространстве.

⁶ Приложения к смете Военного министерства на 18... год по Главному интендантскому управлению. СПб., 1867—1917.

Наиболее подробно характеризовались цены на муку, крупу, овес, сено и солому. В каждом издании приводились цены предыдущих пяти лет погодно, сначала по 70 губерниям и областям, а позднее по военным округам. Цены на сукно, полотно, холсты и другие текстильные изделия в отличие от цен на другие товары указывались по сортам.

Исходными данными для этих публикаций являлись сведения о закупках интендантского ведомства, которые включали как ежемесячные цены разных пунктов уезда, так и соответствующие размеры закупок. На основе этих данных выводились поуездные среднегодовые цены как средние арифметически взвешенные, где весами служили размеры закупок. Поуездные среднегодовые цены служили основой для вычисления среднегодовых погубернских цен.

Без сомнения, материалы о ценах Главного интендантского управления имеют большую научную значимость, поскольку они собраны и обработаны по единообразной системе, охватывают практически всю Россию и дают возможность получить представление о динамике цен за период, охватывающий более шести десятков лет. Ценность этого источника заключается также в том, что он в отличие от других источников *полностью* базируется на ценах действительных сделок. Кроме того, в программе сбора сведений обязательным элементом была фиксация размеров сделки, что позволяло вычислять средние цены как средние взвешенные, а последние, как известно, точнее, чем средние арифметические простые, отражают уровень цен.

Недостатки источника в основном определяются существовавшей в интендантском ведомстве системой сделок и оплаты закупок (широкая распространенность контрактной торговли, дача залогов, оплата талонами и т. п.), в связи с чем цены сделок ведомства нередко не соответствовали ценам рынка.

Другой недостаток источника являлся следствием чисто практической направленности сбора данных и заключался в том, что цены товаров не относились к какому-либо определенному сорту. Последний недостаток существенно нейтрализовался тем, что заготовки товаров в интендантском ведомстве были строго регламентированы, правда, ограничения непосредственно касались качества товаров и лишь косвенно — сорта.

Важным источником местных цен на продукты сельского хозяйства являются ежегодные публикации, предпринятые Департаментом земледелия и сельской промышленности (в 1894 г. преобразованным в Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики) Министерства земледелия и государственных имуществ⁷. Материалом для этих публикаций послужили ответы на анкеты, рассылаемые на места трижды в год. Наряду с другими

⁷ 188... год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев. СПб. (Пг.), 1881—1918.

сведениями о состоянии сельского хозяйства в ответах содержались и данные о ценах на продукцию земледелия и скотоводства. Кроме того, в ответах имелись сведения, важные для уточнения отдельных моментов статистики цен, а именно о качестве зерна главных хлебов и весе четверти или меры.

Источниками цен, кроме показаний хозяев, служили биржевые бюллетени, «Обзоры внешней торговли...», некоторые периодические издания, главным образом «Вестник финансов, торговли и промышленности», а также зарубежные издания.

В издании «1881 год в сельскохозяйственном отношении» большая часть цен на полевые произведения относится к концу сентября и около 30% — к октябрю. Цены на скот и продукты скотоводства представлены в основном средними за три периода (весенний, летний и осенний). В публикации за следующий, 1882 г. цены на полевые произведения даны за осенний период (август, сентябрь, октябрь), а цены на скот — за весенний и осенний периоды раздельно. Схема публикации 1882 г. в основе своей сохранилась и на последующие годы.

Со временем увеличивались возможности более подробной разработки отдельных групп цен. Так, с 1886 г. появляются сводки губернских осенних цен на говядину, баранину, свинину, масло и шерсть (с указанием сортов). С 1888 г. начинается публикация весенних цен на пшеницу озимую и яровую, рожь, овес, ячмень. С 1891 г. регулярно приводятся осенние цены на сало (с указанием сортов). В 1893 г. напечатаны местные цены на продукты пчеловодства (мед, воск) по всем губерниям, но публикация последних цен не стала систематичной.

Первоначально в рассматриваемом источнике охватывалась территория Европейской России, разделенная на два региона (черноземную и нечерноземную полосы). В 90-х годах XIX в. появляются и становятся все более полными и регулярными цены на продукты сельского хозяйства в кавказских и сибирских губерниях и областях, а с 1904 г. публикуются цены в среднеазиатских областях.

Цены в издании «18... год в сельскохозяйственном отношении» представлены колебаниями «от — до» и средними, вычисленными как средние арифметические простые из показаний.

Достоверность сведений, сообщаемых корреспондентами, следует признать достаточно высокой, поскольку авторы были людьми, хорошо представлявшими себе сложившийся уровень цен. С другой стороны, добровольный характер ответов в некотором смысле гарантировал добросовестность отвечающих. Последнее особенно важно, так как контроль за достоверностью полученных данных практически отсутствовал.

Единообразная система сбора и обработки сведений позволяла получить сравнимые данные во временном аспекте. Сравнимость данных, главным образом в территориальном аспекте, могла несколько нарушаться из-за малочисленности ответов по отдельным

губерниям и неравномерности распределения корреспондентов внутри губернии. Такие случаи требуют особого внимания. Сравнимость данных могла нарушаться также вследствие того, что цены большинства товаров даются без указания сорта и качества последних.

Говоря о сравнимости цен рассматриваемого источника с ценами других источников, следует помнить о специфике данных, полученных от хозяев. Прежде всего, как уже отмечалось, сведения эти характеризуют местные цены, т. е. цены действительных сделок при продаже на местах производства. Эти цены ближе всего к производителю, и уровень их ниже, чем уровень цен розничных. Далее, в отличие от большинства других источников, где цены приводятся месячные или годовые, цены настоящего источника относятся к весеннему и осеннему периодам.

Публикации сведений, полученных от хозяев, дают цены по широкому кругу товаров за значительный временной период⁸ и охватывают всю территорию Европейской России, а также районы Кавказа, Сибири и Средней Азии. Все это является безусловным достоинством источника и позволяет при критическом отношении к имеющимся недостаткам широко использовать его для изучения аграрного рынка России и других вопросов.

В литературе при обращении к изданиям «18... год в сельскохозяйственном отношении» обычно сосредоточивают внимание на данных о ценах, полученных по показаниям хозяев. Такой подход правомерен, однако определенный интерес представляют и цены, разработанные составителями на основе биржевых сведений.

Биржевые цены пшеницы, ржи, овса, ячменя и льняного семени на некоторых российских и зарубежных рынках появились в издании за 1882 г. В публикации за 1883 г. перечень товаров расширяется. Число пунктов сокращается, но цены становятся более определенными, поскольку по некоторым товарам указываются сорта. Количество пунктов резко возросло в 1885—1886 гг., достигнув 16 по пшенице, 14 — по пшеничной муке, 19 — по ржи, 18 — по ржаной муке, 24 — по овсу. С 1888 г. публикуются более систематизированные сведения по зарубежным рынкам. В 1894 г. разработка биржевых цен прекратилась.

К недостаткам биржевых цен, публикуемых в изданиях «18... год в сельскохозяйственном отношении», следует прежде всего отнести неупорядоченность в выборе пункта, по которым приводятся цены. Пункты из года в год меняются так, что проследить изменения цен за весь период удастся лишь по незначи-

⁸ Последняя публикация относится к 1918 г. В ней приводятся цены за 1916 г. В 1922 г. Н. Д. Коядратьев опубликовал в своей книге «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» (М., 1922) сведения о местных весенних и осенних ценах на хлеб за 1917 г. Данные были заимствованы автором из неопубликованных материалов Отдела сельской экономики Министерства земледелия.

тельному их числу. Далее, система измерений, принятая в представлении биржевых цен, не подчиняется условию сравнимости цен. Биржевые цены по русским пунктам приводятся либо в рублях и копейках за четверть, либо в рублях и копейках за пуд. Цены на иностранных рынках приводились в местной валюте. И лишь с 1885 г. — в исчислении на рубли.

Важным достоинством напечатанных в изданиях «18... год в сельскохозяйственном отношении» биржевых цен является детальная разработка цен с учетом сортности товаров, что служит ценным дополнительным материалом к местным ценам, в которых сорта товаров не учитываются. В целом Министрством земледелия был собран, разработан и опубликован большой и ценный комплекс данных о ценах на сельскохозяйственную продукцию в конце XIX—начале XX в.

* * *

Сбором и разработкой цен на товары внешней торговли занимался Департамент внешней торговли (а затем Департамент таможенных сборов). Ценностные показатели имели весьма важное значение в статистике внешней торговли, поскольку такая существенная характеристика экономики России, как баланс внешней торговли, составлялась на базе ценностных показателей. Для анализа и корректировки ценностных показателей необходимо было знание реальных цен.

Сводки так называемых сложных помесячных цен появились в «Обзорах внешней торговли...»⁹ с 1812 г. и были представлены двумя таблицами. В первой таблице помещались цены на товары, являющиеся предметом вывоза; во второй — цены на товары, ввозимые в страну.

Порядок разработки и публикации цен с течением времени неоднократно изменялся. Первоначально цены группировались по товарам, а внутри указанных групп — по пунктам. Позднее (с 1824 г.) способ систематизации материала стал обратным, т. е. сначала по пунктам, потом по товарам. С 1883 г. цены группировались по товарам и не разделялись на привозные и вывозные. Эта схема сохранилась до 1888 г.

С 1889 г. разработка цен Департаментом таможенных сборов прекратилась и была возобновлена только с 1898 г. специально созданным для этой цели Оценочным отделом. Оценочный отдел сохранил первоначальный принцип группировки цен и в отличие

---

⁹ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам. Пг., 1892—1917. Издания за 1812—1862 гг. носили название «Государственная внешняя торговля в разных ее видах, последующие тома — «Виды государственной внешней торговли» за 1863 г., «Виды российской внешней торговли» за 1864—1866 гг., «Виды внешней торговли России» за 1867—1869 гг., «Обзор внешней торговли России» за 1870—1872 гг.

от публикаций 80-х годов придерживался деления товаров на отпускные и привозные.

Кроме того, в предисловиях к «Обзорам внешней торговли...» Оценочным отделом публиковались разделы, посвященные анализу цен. В качестве приложения к этим разделам приводились сводки цен на важнейшие отпускные и привозные товары за последние шесть лет¹⁰, а также средние таможенные цены главных привозных и экспортных товаров по европейской границе и по всем границам в совокупности за те же годы. Средние таможенные цены вычислены по материалам «Обзоров внешней торговли...» и представляют собой частное от деления всего объема импорта или экспорта товара в ценностном выражении на те же объемы этого товара в натуральном выражении.

В «Обзоре внешней торговли... за 1908 г.» таблица цен дана в сокращенном виде. Она содержит средние таможенные и средние биржевые цены отдельно для привозных и вывозных товаров. Перечень товаров и число пунктов, относительно которых сообщаются цены, значительно меньше, чем в таблицах предыдущих «Обзоров внешней торговли...», причем для ввозных товаров преимущественно указывались цены на русских рынках, а для вывозимых — на иностранных рынках. Таблицы, составленные по программе предыдущих лет, вынесены в декабрьский выпуск другого издания департамента¹¹.

Принятый в «Обзоре внешней торговли... за 1908 г.» порядок публикации сохраняется в последующие годы, причем более подробные сведения печатаются во «Внешней торговле по европейской границе за 19... год»¹².

В XIX в. в статистике внешней торговли в качестве источников цен использовались биржевые прейскуранты, причем число бирж, по которым имелись сведения, было невелико. Только в 1886 г. оно достигло 12. Положение изменилось в самом конце XIX в. — с момента создания Оценочного отдела при Статистическом отделении Департамента таможенных сборов. В Статистическом отделении департамента ежегодно поступало более 3 тыс. выпусков различных изданий, в которых содержались данные о ценах. Материалы для цен по иностранным рынкам заимствовались из зарубежных газет, журналов и прейскурантов торговых фирм.

При выборе товаров и пунктов, по которым цены публиковались в Оценочном отделе, руководствовались следующими прин-

¹⁰ Предисловие к «Обзору внешней торговли... за 1903 г.», где впервые появился указанный раздел, охватывает период с 1898 по 1903 г.

¹¹ Внешняя торговля по европейской границе за декабрь и за весь 1908 год. СПб., 1909, вып. 280/11.

¹² В месячных выпусках указанного издания приводятся сведения за отчетный месяц, а в декабрьском — еще и сводка за весь год. Начиная с 1910 г. публикуются только сводки цен на важнейшие привозные и отпускные товары, а также средние таможенные цены.

цами. Отбирались товары, наиболее важные для внешней торговли России. Из числа пунктов преимущественно отбирались портовые, из внутренних торговых центров выделялись те, цены на которых были наиболее типичными для данного товара. Наконец, из иностранных торговых центров брались те, которые наиболее интенсивно участвовали в торговле с Россией, а также те, которые влияли на формирование мировых цен.

Поскольку основным источником цен в статистике внешней торговли были биржевые сведения, представляется целесообразным рассмотреть порядок фиксирования и разработки цен на биржах.

Первичная регистрация цен на биржах входила в обязанности маклеров, которые должны были вести торговые записки при сделках, а также дублировать содержание этих записок в специальных книгах. Торговые записки, составляемые маклерами, должны были включать условия сделки, а именно: имена продавца и покупателя, название товара, его количество, качество и цену, а также сроки сдачи, приема товара и платежа денег. Кроме того, маклеры обязаны были сообщать старшему маклеру верные и точные сведения о ценах, которые служили основой котировок цен. При отсутствии сделок котировочной комиссией отмечались заявленные цены продавцов и покупателей.

Правильность первичной регистрации цен определялась компетентностью лица, сообщавшего сведения, и степенью его заинтересованности в реальном освещении положения.

От маклеров поступали вполне точные и достоверные данные, так как опытные маклеры досконально знали состояние рынка, спрос и предложение в данное время, а также цены покупателей, продавцов и реальных сделок. Кроме того, уставы бирж пытались исключить заинтересованность маклеров в ложном освещении фактического положения дел. Таким образом, на стадии первичной регистрации биржевые сведения были достаточно надежны и полны. Но при дальнейшей обработке данных происходила потеря информации, а при сводке не всегда выполнялись условия сопоставимости.

Полученные от отдельных маклеров сведения обобщались котировочной комиссией и представлялись в виде биржевых бюллетеней. Бюллетени должны были содержать цены сделок наличных и на срок с указанием количества товара, его качества, срока сдачи, срока платежа денег и места сдачи. При отсутствии сделок отмечались сообщенные маклерами цены продавцов и покупателей. Эти правила были приняты за основу на большинстве товарных бирж, но строго не выполнялись. Так, из публикаций подавляющей части бюллетеней выпадала такая важная характеристика сделки, как количество товара.

В бюллетенях регистрировались, как уже отмечалось, либо цены действительные, т. е. цены реальных сделок, либо цены спроса и предложения, т. е. цены, заявленные покупателями и

продавцами. Внутри этих групп наблюдалось определенное разнообразие, а именно: это могли быть цены средние, выведенные как средние арифметические простые из всех зарегистрированных цен, или цены типичные, наиболее характерные для состояния рынка, либо цены высшие и низшие, либо цены начальные и заключительные, а также цены промежуточные — между начальными и заключительными.

Рассмотренный выше порядок котировки цен был установлен довольно поздно. Первоначально в биржевые бюллетени и преискуранты заносились те цены, которые собирались маклерами и торговцами. При этом как обработка сведений, так и контроль за полученной информацией практически отсутствовали. Первые котировки были весьма разнотильны и несовершенны из-за отсутствия сколько-нибудь четких правил и неполноты имеющегося материала. В 1873 г. была сделана попытка выработать правила для составления товарных преискурантов, но она окончилась неудачей. И только в 1903 г. совещанием представителей биржевых комитетов, состоявшимся при Отделе торговли Министерства финансов, были выработаны и рекомендованы всем биржам единые правила для биржевых котировок товарных цен. Внедрение общих правил для котировки цен, разумеется, имело большое значение для унификации биржевых цен и положительно сказалось на качестве последних.

Перейдем к анализу способов использования биржевых данных в статистике внешней торговли. За весь почти столетний период в статистике внешней торговли публиковались цены месячные¹³. Вначале цены были представлены одним или двумя значениями за месяц. С 1825 г. цены публиковались в виде трех показателей за месяц, причем первый и третий являлись соответственно высшим и низшим значениями из месячных показаний, а второй рассчитывался как средняя арифметическая из крайних показателей. Поскольку сорта на товары не указывались, то изменения цен включали в себя не только конъюнктурные колебания, но и различия, связанные с разной сортностью одного и того же товара. Составители «Обзоров внешней торговли...», пытаясь исправить этот недостаток публикуемых цен, вводят по два значения для цен и высших и низших, причем первое значение в обоих случаях относится к низшему сорту товара, второе — к высшему. Указанный способ просуществовал до 1879 г., а с 1880 г. потребность в этой полумере исчезла, так как в сведениях о ценах появились довольно подробные указания на сорт товаров.

Способы обработки цен¹⁴ в рассматриваемом источнике также не остались неизменными. Обратимся прежде всего к способу

¹³ Исключение представляют «Обзоры внешней торговли...» за 1865—1868 гг., когда цены указывались годовые.

¹⁴ Указания на методику обработки данных в источнике, как правило, отсутствуют. Способы обработки выявлены путем выборочных расчетов.

расчета средних цен, выбор которого существенно влияет на точность и сопоставимость цен. Лучшим для расчета средних цен является способ средней арифметической взвешенной, где весами служат объемы сделок. Меньшую точность дают наиболее частая (типичная) цена и простая средняя арифметическая. Но в биржевых бюллетенях не указывался размер сделки, что не позволяло вычислять средние взвешенные.

Для обеспечения сравнимости цен во временном аспекте необходимо использовать единый способ расчета. Это требование в статистике внешней торговли не выполнялось. Методика расчета время от времени изменялась, что требует осторожности при временных сопоставлениях. Первоначально обработка цен была минимальной и сводилась к выборке публикуемых показателей из первоисточников. В «Обзоре внешней торговли... за 1824 год» наряду с месячными ценами были напечатаны цены среднегодовые, рассчитанные как среднеарифметические всех имеющихся месячных цен, но уже за 1825 г. эти расчеты произведены не были, а появившиеся в 1865 г. среднегодовые цены имели другую методику расчета. Средние за год цены были представлены двумя значениями, высшим и низшим, и были выведены как среднеарифметические из высших и низших месячных показаний соответственно. С 1875 г. указанные расчеты заменяются выборкой годовых показаний из самых высших и самых низших месячных значений цен. Оценочный отдел публиковал цены как месячные, так и годовые. Те и другие были представлены ценами высшими, низшими и средними, причем среднемесячные были рассчитаны как средние арифметические из всех имеющихся за месяц показаний, а среднегодовые — как среднеарифметические из среднемесячных показаний.

Одно из важных условий сравнимости данных во времени и пространстве — однородность данных. В статистике цен требованию однородности отвечают цены, относящиеся к определенному виду торговли. В зависимости от вида торговли различают цены крупнооптовые, мелкооптовые и розничные. Для статистики внешней торговли представляют интерес цены крупнооптовые; именно этот тип цены и содержится в сводках, поскольку на бирже к котировке принимались исключительно цены крупных сделок.

Возможности для сравнения данных зависят от программы сбора сведений, в частности в нашем случае — от выбора товаров и пунктов, по которым цены собираются. Изменения перечня товаров, относительно которых сообщались цены, определялись важностью тех или иных товаров во внешнем обороте России для отдельных периодов и были незначительными. Расширение перечня товаров во времени было более существенным и определялось в основном возможностями получения информации о ценах. Что касается пунктов, то число их в XIX в. было невелико, и набор их неоднократно изменялся. Основу его составляли крупнейшие порты России (Петербург, Рига, Одесса, Таганрог). Только

в 1886 г. число пунктов достигло 12 (Архангельск, Астрахань, Варшава, Либава, Москва, Николаев, Одесса, Ревель, Рига, Ростов-на-Дону, Петербург, Таганрог). С созданием Оценочного отдела количество пунктов резко увеличилось. Таким образом, изменение объема публикуемых цен шло в основном в плане нарастания этого объема, отдельные отклонения в выборе товаров и пунктов, по которым цены сообщались, не были значительными, что позволяет проводить сравнение цен как за весь охватываемый источником период, так и за отдельные более короткие промежутки времени.

Издания по статистике внешней торговли содержали не только цены российских пунктов. С 1827 г. в «Обзорах внешней торговли...» печатались таблицы цен российских товаров за границей. Таблицы эти включали в себя более десятка зарубежных пунктов. Последняя публикация цен российских товаров на зарубежных пунктах относилась к ценам за 1835 г. Только с созданием Оценочного отдела Статистического отделения Департамента таможенных сборов возобновилась разработка цен на зарубежных рынках, но эти цены уже не относились исключительно к товарам российского происхождения, как в предыдущий период. Цены иностранных пунктов при подготовке к печати переводились в российские единицы измерения и публиковались в основном по той же схеме, что и цены русских рынков. Различие состояло в том, что цены отпускных и привозных товаров на иностранных рынках показывались за вычетом таможенных пошлин (где таковые взимались), а на русских рынках цены привозных товаров давались вместе с пошлинами.

Таким образом, статистика цен, собранная и опубликованная органами внешней торговли России, охватывает почти столетний период. Разработка цен, относящаяся к началу XX в. и проводимая Оценочным отделом, имеет довольно высокий уровень. Менее качественна статистика цен XIX в., особенно его первой половины. Различия в способах разработки цен не создают особых препятствий в использовании цен и могут быть устранены.

* * *

Мы рассмотрели самые обширные во времени и пространстве комплексы первичных данных о ценах. Но, кроме того, сбором и обработкой сведений о ценах на сельскохозяйственные и промышленные товары занимались и многие другие государственные учреждения и предпринимательские организации. Отметим некоторые из собранных ими комплексов данных о ценах.

Надежные сведения по ценам на хлеба и спирт были собраны и разработаны хлеботорговым отделением Министерства торговли и промышленности (ранее Департамента торговли и мануфактур). Сведения о ценах собирались через специальных корреспондентов (российских консулов, представителей биржевых комитетов и

крупных торговых учреждений), причем собирались грамотно, с четким указанием сортов. Сводки цен печатались в еженедельнике «Цены на хлеба и спирт, фрахты и страховые премии». К сожалению, этот весьма ценный источник ныне стал библиографической редкостью.

Частично материалы указанного источника были использованы в других изданиях отделения. Так, в 1899 г. Хлеботорговым отделением Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов были изданы «Материалы по статистике хлебной торговли». Выпуск первый «Материалов...»¹⁵ содержал крупнооптовые цены пшеницы, ржи, овса, ячменя и кукурузы с указанием сортов на главнейших русских и иностранных рынках за 1889—1898 гг. Источником для исчисленных в этом выпуске среднемесячных и среднегодовых цен послужили в основном «Цены на хлеба и спирт...». Кроме указанных данных в первый выпуск вошли цены на пшеницу и рожь в Одессе и Риге за 1843—1898 гг. (заимствованы из «Обзоров внешней торговли...»); на местные пшеницу, овес и ячмень на английских рынках (средние выведены из цен 196 английских рынков) за 1846—1898 гг.; на пшеницу, рожь, овес и ячмень в Бельгии за 1848—1897 гг.; на местные пшеницу и рожь в Кенигсберге за 1879—1898 гг.; на пшеницу в Нью-Йорке и Чикаго за 1869—1898 гг. и кукурузу в США за 1883—1898 гг.

Во втором и третьем выпусках «Материалов...»¹⁶ приводятся цены на рожь и овес за 1889—1898 гг. по 63 губерниям и областям. Цены построены на сведениях податных инспекторов. Сведения эти собирались инспекторами на местных рынках и сообщались департаменту два раза в месяц. На основе этих данных составителями «Материалов...» рассчитаны среднемесячные и среднегодовые цены по отдельным уездам (среднегодовая вычислялась как средняя арифметическая простая из среднемесячных показаний), а также среднемесячные и среднегодовые цены по губерниям (среднемесячные и среднегодовые рассчитывались как средние арифметические простые из среднемесячных и среднегодовых цен уездов соответственно). Цены второго и третьего выпусков относятся к ценам производителей и не учитывают сорта товара. В большинстве своем цены систематичны, пробелы имеются в основном по тем уездам, где соответствующие культуры мало возделываются.

В 1911 г. Отделом торговли Министерства торговли и промышленности под тем же названием, но уже по сокращенной программе были опубликованы данные по статистике хлебных цен

¹⁵ Материалы по статистике хлебной торговли. СПб., 1899, вып. 1. Цены пшеницы, ржи, овса, ячменя и кукурузы на главнейших русских и иностранных рынках.

¹⁶ Там же, СПб., 1899, вып. 2 (Цены ржи по губерниям и уездам Европейской России за 1889—1898 гг.); 1899, вып. 3 (Цены овса по губерниям и уездам Европейской России за 1889—1898 гг.).

за 1894—1910 гг.¹⁷ В это издание вошли только цены на главнейших русских и зарубежных рынках. К сожалению, число пунктов, по которым приводятся цены, уменьшилось (по сравнению с количеством пунктов первого выпуска предыдущего издания), что не позволяет использовать богатый материал издания 1899 г. в полном объеме для выявления динамики цен за 22 года.

По понятным причинам серьезное внимание уделялось статистике производств, облагаемых акцизом. Главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей в конце XIX—начале XX в. погодно публиковались довольно подробные сведения о производствах, облагаемых акцизом.

Первая книга этого издания¹⁸ вышла в 1900 г. и относилась к данным за 1897—1898 гг. С учетом ретроспективных экскурсов этот источник охватывает непрерывные годовые сведения о производствах, облагаемых акцизом, более чем за 30-летний период. В состав этих сведений входили цены на сахар, нефть и нефтяные продукты, табак, спички, большей частью заимствованные из материалов Совета съезда бакинских нефтепромышленников, отчетов управляющих акцизными сборами и биржевых сведений.

Интерес представляют среднегодовые цены на сахарный песок, вычисленные на основании данных «Торговых бюллетеней Киевской биржи». Цены эти вычислялись как средние арифметические взвешенные, где весами служили величины сделок.

Статистика цен на нефть и ее продукты нашла свое отражение в изданиях Совета съезда бакинских нефтепромышленников.

В 1890 г. был издан сборник¹⁹, включающий среднемесячные цены на русский керосин в Амстердаме, на американский — в Гамбурге и Антверпене, на русский и американский параллельно — в Ливерпуле и Лондоне за 1889—первую половину 1890 г., а также среднегодовые цены на нефть для промыслов Северных Штатов Америки за 1876—первую половину 1890 г.

В качестве источника для этих данных был использован в основном «Вестник финансов, торговли и промышленности», а в случае отсутствия необходимых сведений привлекались иностранные издания.

С 1891 г. Совет съезда бакинских нефтепромышленников начинает публикацию ежегодников²⁰. «Обзоры...» содержат цены нефти и нефтяных остатков на российских и зарубежных рынках, а также цены заменителей жидкого топлива. Данные о ценах на русских рынках в основном были взяты из сведений Департа-

¹⁷ Материалы по статистике хлебной торговли. СПб., 1911.

¹⁸ Статистика производств, облагаемых акцизом, за 19... год. СПб., 1900—1917.

¹⁹ Сборник статистических сведений о русской и американской нефтяной промышленности. Баку, 1890.

²⁰ Обзор бакинской нефтяной промышленности в 18... году. Баку, 1891—1916 гг.

мента таможенных сборов, журнала «Нефтяное дело», биржевых публикаций.

Цены на железо, медь, свинец и другие металлы, а также на соль, керосин, каменный уголь собирались и издавались Горным ученым комитетом²¹. Основой служили донесения начальников горных управлений, окружных инженеров и управителей казенных заводов, бюллетени Харьковской каменноугольной и железоторговой биржи, Харьковского комитета по перевозке минерального топлива, флюсов и соли из горнозаводского района Юга России, сведения статистического бюро горнопромышленников Юга России и др.

Сбором и публикацией цен на топливо и металлы занималось также статистическое бюро Совета съезда горнопромышленников Юга России. Цены публиковались в сборнике²² и специальных изданиях, посвященных почти исключительно ценам²³.

Сведения о фактическом потреблении и ценах топлива на железных дорогах в 1901—1913 гг. публиковались в специальных ежегодниках²⁴, причем цены собирались и разрабатывались по той же программе, что и для издания «Каменноугольная промышленность...».

Цены на руду собирались и публиковались статистическим бюро Совета съезда горнопромышленников Юга России в изданиях, посвященных рудной промышленности Южной России²⁵, на основе отчетов.

Большой объем данных о ценах содержится в «Вестнике финансов, торговли и промышленности» и «Торгово-промышленной газете»²⁶.

Первоначально основное внимание было уделено ценам на продукцию сельского хозяйства: хлеба, масличные семена, лен, пенька, шерсть. Позднее перечень товаров существенно расширился.

²¹ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России на 18... год. СПб., 1878—1918. Издания 1864—1867 гг. носили название «Сборник статистических сведений по горной части на 18... год».

²² Каменноугольная промышленность России в 19... году. Харьков, 1902—1916.

²³ Средние цены на антрацит, каменный уголь, кокс, чугун, железо и сталь и обзор рынков этих товаров в 1902 г. Харьков, 1903; Обзор цен и рынков каменноугольной и железной промышленности Юга России, Европы и Соединенных Штатов в 19... году. Харьков, 1904—1906.

²⁴ Количество и стоимость топлива, потребленного русскими железными дорогами в 19... году. Харьков, 1902—1915; Перевозка и потребление топлива в 19... году. Харьков, 1916.

²⁵ Железорудная промышленность Южной России в 19... году. Харьков, 1902—1916. Цены впервые появились в изданиях за 1907 г. и относятся к 1906 и 1907 гг.

²⁶ Вестник финансов, торговли и промышленности: Еженедельник. СПб., 1885—1917 гг. «Торгово-промышленная газета» начала выходить с 1 января 1893 г. как дополнение к «Вестнику финансов, торговли и промышленности».

Для получения сведений о ходе внутренней торговли и ценах редакция образовала контингент собственных корреспондентов из лиц и учреждений, непосредственно заинтересованных в торговле, сельском хозяйстве и промышленности (сюда входили сотрудники биржевых комитетов, торговцы и промышленники и т. д.). Поскольку полнота и точность сообщаемых сведений в значительной степени зависели от числа корреспондентов, редакция предприняла безуспешные попытки к расширению их круга. К сотрудничеству были привлечены представители сельского хозяйства, различных учреждений, а затем и земских управ.

Сведения о ценах, собранные и опубликованные в «Вестнике...» и газете, особенно ценны тем, что содержат данные о ценах на рынках, которые не имели официально зарегистрированных бирж, и товарах, продажа которых не была зафиксирована в бюллетенях и прейскурантах бирж. Значительный объем данных о ценах содержится в периодической печати, прежде всего в «Губернских ведомостях». Они извлекали их из разного рода делопроизводительной документации местных органов и сообщений лиц, связанных с производственной и торговой деятельностью.

Таков основной круг ведомств и организаций, которые занимались в XIX—начале XX в. сбором данных о ценах, их обработкой и первоначальной публикацией в различных изданиях. Поскольку первичный материал о ценах не сокращался, эти публикации являются для исследователей исходным источником. Как было показано, круг этих публикаций весьма обширен, и извлечение из них данных о ценах представляет собой весьма кропотливый и трудоемкий процесс. К тому же многие из этих публикаций стали библиографической редкостью и поэтому труднодоступны. Однако наряду с первичными публикациями цен имеется большое число разного рода сводных изданий, подготовленных современниками и содержащих сведения о ценах. Работать с ними легче, и, как правило, они более доступны. Отметим основные из этих изданий.

В 1867—1871 гг. Военное министерство выпустило в свет издание справочного характера, подготовленное офицерами Генерального штаба. Четвертый выпуск этого издания посвящен России и содержит, в частности, цены на муку, крупу, сало, лен, пеньку, шерсть и металлы²⁷.

Среднегодовые цены на муку и крупу приводятся за 1864—1868 гг. по 78 губерниям и местностям и заимствованы из материалов интендантства. Сводки цен на остальные товары указаны на основе источников, базирующихся, как правило, на биржевых данных, причем цены на лен и пеньку (1857—1866, 1868 гг.) взяты у Вильсона²⁸, цены на шерсть, сало (1859—1868 гг.) и металлы (1861, 1865, 1869 гг.) извлечены из «Видов внешней тор-

²⁷ Военно-статистический сборник. СПб., 1871, вып. IV. Россия.

²⁸ Вильсон И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. 4-е изд. СПб., 1869.

говли», а сведения о ценах на металлы и шерсть дополнены данными крупных ярмарок. Цены на сало, лен, пеньку, шерсть и металлы относятся к небольшому числу пунктов и приводятся с указанием сортов.

В конце 80-х годов XIX в. по поручению председателя «высочайше» утвержденной при МВД Комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения Центральным статистическим комитетом были подготовлены и опубликованы сведения о ценах²⁹.

В качестве источников были использованы ведомости губернаторов, данные Департамента земледелия и сельской промышленности Министерства земледелия и государственных имуществ, а также местная периодическая печать.

Существенным недостатком указанной сводки были пропуски данных в исходных материалах. Пытаясь получить поуездные цены по 50 губерниям, составители часть цифр вычисляют самостоятельно³⁰. Велика доля реконструированных цен по ячменю, а также по пшенице.

Другой недостаток сводки — несравнимость данных. Так, сведения Департамента земледелия в отличие от данных других источников относятся к осеннему периоду и являются явно заниженными по сравнению с ценами годовыми.

Источниками для второго издания ЦСК о ценах³¹ послужили сметы Главного интендантского управления, а также сведения, поступающие из уездов в местные (окружные) интендантские управления. В результате обработки и сводки указанных материалов получены среднегодовые цены по военным округам на ржаную муку, крупу, овес и сено за 1865—1886 гг. и поуездные среднегодовые цены по 61 губернии на ржаную муку, гречневую и ячневую крупы, мясо, овес и сено за 1875—1887 гг. Эта публикация является хорошим дополнением к изданиям интендантского ведомства.

Третье издание ЦСК³² содержит среднегодовые и средние за пятилетие цены в главнейших пунктах России, на рынках Англии, Германии и Северной Америки. Сведения по России взяты из публикаций Департамента внешней торговли. Цены по России на основные хлеба (пшеницу, рожь, овес и ячмень) охватывают период с 1851 по 1887 г. и относятся к важнейшим портовым го-

²⁹ Цены на пшеницу, рожь, овес, ячмень в Европейской России в 1881—1887 гг. по местным сведениям. — Временник ЦСК, 1889, № 3.

³⁰ Числа, полученные самостоятельно, выделены в источнике курсивом. Методика реконструкции цен не излагается, но нетрудно увидеть, что нередко собственно вычислений не было, а вместо отсутствующих сведений представлялись известные цены соседнего уезда.

³¹ Цены на провиант и фураж по сведениям интендантского ведомства: Статистические таблицы, составленные старшим редактором И. И. Кауфманом. — Временник ЦСК, 1889, № 4.

³² Сведения о международной хлебной торговле. Статистические таблицы, составленные И. И. Кауфманом. — Там же, 1889, № 5.

родам того времени. Цены на пшеницу в Лондоне приводятся с 1868 по 1887 г., цены на основные хлеба в Северо-Американских Соединенных Штатах — за 1862—1886 гг., а цены в Гамбурге на основные хлеба и муку — за 1851—1885 гг.

Цены на рожь, овес, пшеницу по 50 губерниям России за 30 лет (1871—1900 гг.) разработаны Департаментом окладных сборов и вошли в публикацию материалов Комиссии 16 ноября 1901 г.³³ Для этой сводки был использован ряд источников. Пробелы были реконструированы составителями.

Основным недостатком публикации является то, что ее составителям не удалось ликвидировать разнотипность сведений о ценах разных источников (цены крупнооптовые, мелкооптовые, розничные), в силу чего ряды данных нередко оказывались неоднородными.

Более подробной характеристики заслуживает «Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках»³⁴, издававшийся сначала Министерством финансов, а позже Министерством торговли и промышленности. Первая книга этого издания вышла в 1896 г. и содержала сведения за 1890—1895 гг. В следующей книге того же года издания были опубликованы данные за 1890—1896 гг., а с 1898 г. «Свод…» стали выходить ежегодно, причем последний выпуск, вышедший в Петрограде в 1917 г., включал материалы за 1915 г. В дополнение к указанным изданиям вышел сводный сборник, обнимающий десятилетний период с 1890 по 1899 г. Последний сборник включал не только ранее опубликованные данные за предыдущие годы, но также отсутствовавшие прежде материалы о ценах на главнейших иностранных рынках за 1890—1896 гг.

При составлении «Сводов…» были использованы данные о ценах на зерновые хлеба и спирт, собиравшиеся через специальных корреспондентов Министерством торговли и промышленности, и периодические издания биржевых комитетов (бюллетени, прейскуранты). Цены на скот и мясо были в основном разработаны на базе сведений Петербургского, Московского и Одесского скотопригонных рынков. В случаях, когда сведения по некоторым важным видам товаров отсутствовали в указанных источниках, обращались к публикациям «Торгово-промышленной газеты», «Вестника финансов, торговли и промышленности» и другим периодическим изданиям («Вестник сахарной промышленности», «Обзоры бакинской нефтяной промышленности» и пр.).

³³ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднерусских губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903, т. 1—3.

³⁴ Первые две книги носят название «Свод товарных цен на главных рынках России», а остальные — «Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках» (СПб. (Пг.), 1896—1917).

Сведения о ценах на иностранных рынках черпались из специальных иностранных, в основном периодических, изданий и частично из консульских донесений.

Условия торговли в течение 26 лет, т. е. периода, охватываемого «Сводами...», естественно, изменялись, расширялся круг товаров в торговом обороте, изменялись сорта товаров, цены на которые фиксировались, увеличились возможности получения сведений. В этих условиях особенно важно было придерживаться единой программы отбора данных (перечень торговых пунктов, состав и сорта товаров и т. д.). И хотя при подготовке «Сводов...» последовательно провести от года к году единую программу публикации не удалось, но в целом данные «Сводов...» о ценах позволяют составлять по довольно широкому кругу товаров 25-летние временные ряды сравнимых цен на важнейших российских и зарубежных рынках.

Отметим еще одно издание, содержащее сводки цен. С 1907 г. Отделом сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия издавался сборник сведений о сельском хозяйстве России и других государств, включающий статистику цен³⁵. Средние местные весенние и осенние цены на главнейшие хлеба, а также другие полевые произведения и средние местные весенние и осенние цены на живой скот и продукты скотоводства были заимствованы из публикаций «19... год в сельскохозяйственном отношении...». Средние цены главнейших сельскохозяйственных продуктов на некоторых русских и зарубежных рынках были взяты из «Сводов товарных цен...».

Кроме цен, заимствованных в указанном сборнике, имеются самостоятельно разработанные составителями цены на рыбу по данным биржевых комитетов, губернских статистических комитетов, местных властей. С 1910 г. публикуются местные цены на различного рода зверей и птиц, имеющих промысловое значение, в отдельных губерниях Европейской России, Сибири, областях Средней Азии. В сборнике также приводятся среднегодовые цены на шерсть по данным «Торгово-промышленной газеты» и «Вестника финансов, торговли и промышленности». Таковы наиболее обширные сводки данных о ценах. Наряду с ними есть целый ряд и других публикаций, содержащих сводные данные о ценах.

2. МЕТОДИКА ОБРАБОТКИ И АНАЛИЗА ЦЕН

В исторической и экономической литературе данные о ценах рассматриваемого периода использовались неоднократно. Историки, экономисты и статистики, изучающие проблемы торговли, рынка и вообще экономики России, нередко обращались к ценам. Но за отдельными исключениями исследователи вводили

³⁵ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. СПб. (Пг.), 1907—1916.

в научный оборот лишь отрывочные сведения. Подавляющее число авторов преследовали чисто иллюстративные цели, не останавливаясь на сколько-нибудь глубоком анализе источников, содержащих сведения о ценах. Наиболее обстоятельной источниковедческой работой о ценах является статья Б. И. Карпенко³⁶. Краткий обзор статистики цен содержится в статье В. К. Яцунского³⁷. Методическими вопросами статистики цен занимались М. В. Игнатьев, Ф. Д. Лившиц и Я. Б. Рапопорт³⁸.

Первые попытки нетривиальной обработки данных о ценах относятся к 20-м годам XX в. Большой вклад в разработку временных рядов цен методами математической статистики был внесен А. Л. Вайнштейном. Он ввел в научный оборот предложенную англо-американской школой идею разложения временного ряда экономических показателей на четыре компонента и критически разобрал существующие методы выявления сезонных колебаний³⁹. В более ранней работе⁴⁰ Вайнштейн использовал для выявления трендов временных рядов экономических показателей, в частности цен, способ наименьших квадратов. Для проверки правильности выбранной функции автор выяснял степень случайности оставшихся колебаний (по критерию Н. С. Четверикова). Этот критерий по существу является зачатком современных способов проверки автокорреляции. Для исследования тесноты взаимной связи Вайнштейн вводит линейный коэффициент корреляции, причем учитывает тот факт, что исходные данные являются выборочными. В другой работе⁴¹ на базе ранговых коэффициентов корреляции он изучает изменение соотношений урожайности местных цен.

Е. Н. Бухман⁴² и Н. С. Четвериков⁴³ применяли корреляционный и регрессионный анализ для выявления взаимосвязи цен и урожаяев.

³⁶ Карпенко Б. И. Статистика цен. — В кн.: Хозяйственная статистика СССР. Л., 1930.

³⁷ Яцунский В. К. К вопросу о собирании и публикации материалов по истории урожаяев и цен в России. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1955, т. IV.

³⁸ Игнатьев М. В. Задачи статистики цен. — Вестник статистики, 1923, кн. XIII; Он же. Конъюнктура и цены. М., 1925; Лившиц Ф. Д. Возможно ли измерение уровня цен статистическим путем? — Вестник статистики, 1924, кн. XVI; Рапопорт Я. Б. Товарные цены и рынок: (Пособие для ориентировки в ценах и их изучении). М., 1927.

³⁹ Вайнштейн А. Л. Проблема экономического прогноза в ее статистической постановке. М., 1930.

⁴⁰ Вайнштейн А. Л. Исследование тесноты взаимной связи между ценой, валовым сбором, урожайностью и посевной площадью хлопка в САСШ. М., 1924.

⁴¹ Вайнштейн А. Л. Хлебные цены и хлебный рынок. М., 1925.

⁴² Бухман Е. Н. Опыт нахождения приближенного эмпирического закона отклонений хлебных цен от среднего уровня. — Плазовое хозяйство, 1924, № 7-8.

⁴³ Четвериков Н. С. Связь хлебных цен с урожаями. — В кн.: Вопросы конъюнктуры. М., 1925, т. I.

Таким образом, в 20-е годы XX в. был достигнут довольно высокий уровень обработки данных о ценах.

Качественно иной подход к использованию цен сложился у историков в последние годы. Идея анализа цен как показателя, характеризующего глубинные процессы взаимодействия сфер производства и обмена, позволила на новой основе приступить к исследованию процесса формирования и развития всероссийского рынка. С учетом современных достижений математической статистики была усовершенствована и методика обработки данных источников.

Работой, вобравшей все ценное из предыдущих исследований рынка и цен и внесшей много нового как в методологию изучения рынка, так и в методы обработки и анализа данных о ценах, является монография И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова⁴⁴. Авторы обосновали возможность, разработали принципы и показали эффективность изучения процесса формирования всероссийского рынка на основе данных о ценах. Методика анализа цен основана на современных методах математической обработки временных рядов и содержит помимо использованных ранее приемов проверку значимости коэффициентов корреляции, анализ скоростей изменения функций, проверку случайности выделенных после исключения тренда колебаний с помощью коэффициентов автокорреляции.

Многими вопросами методики обработки цен занимался Б. Н. Миронов. Наиболее интересной и оригинальной нам представляется работа, посвященная проверке надежности статистических данных⁴⁵, основанная на классических методах математической статистики (корреляционный и дисперсионный анализы, выборочный метод).

Методология и методика обработки цен в настоящей главе в основном базируются на положениях и методах, изложенных в книге И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова. По существу предлагаемая ниже методика является модификацией методики, примененной авторами монографии для исследования аграрного рынка России. Изменения коснулись некоторых частностей. Так, выравнивание временных рядов проводится по параболе второго порядка, что позволило осуществить более глубокий анализ скоростей изменения цен с помощью метода производных. Обстоятельней производится проверка случайности отклонений фактических значений от их теоретических уровней.

Основная суть характеризуемой методики состоит в следующем.

Временные ряды, построенные, как в нашем случае, из экономических показателей, принято разлагать на следующие со-

⁴⁴ Ковальченко И. Д., Милова Л. В. Указ. соч.

⁴⁵ Миронов Б. Н. Проверка надежности статистических данных в исторических исследованиях методами математической статистики. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974.

ставные части: 1) тенденции развития во времени (так называемый временной тренд), 2) долгосрочные колебания, 3) сезонные колебания, 4) случайная компонента.

В данном случае использованы цены среднегодовые, что автоматически исключило сезонные колебания из анализа.

Долгосрочные колебания, обусловленные экономическими спадами и подъемами, не выделялись, но учитывались при конкретно-историческом анализе состояния и развития рынка. В действительности статистический анализ долгосрочных колебаний, отражающих цикличность экономики, может стать объектом самостоятельного обширного исследования. Эта проблема не входит в рамки предпринятого анализа. Разумеется, не выделяя долгосрочных колебаний, мы поступаемся «чистотой» составных слагаемых временных рядов, но, как показывает последующий анализ, искажающий элемент этой абстракции, незначителен и не мешает получить однозначные результаты для оставшихся составляющих.

Таким образом, анализ временных рядов распадается на две части, а именно: анализ тенденции развития во времени и анализ случайных колебаний. Такое расчленение временных рядов не только полезно для эффективного использования статистических методов и приемов, но и оправдано в научном отношении, ибо позволяет раздельно изучать действующие во взаимосвязи, но имеющие различную природу механизмы функционирования рынка. Так, сравнительный анализ временных трендов разных пунктов позволяет установить степень сходства долговременных тенденций в изменении показателей, определяемых наиболее общими факторами экономического развития, тогда как анализ связей случайных отклонений дает возможность уловить воздействие комплекса причин более частного порядка.

Для того чтобы выявить временной тренд, необходимо найти такую математическую функцию, которая достаточно хорошо описывала бы изменения во времени фактических значений временного ряда. Распространенным методом нахождения подобной функции (выравнивания ряда) является метод наименьших квадратов. Этот метод предполагает априорный подбор вида функции. В данном случае для выравнивания временных рядов была использована парабола 2-го порядка, т. е. кривая линия с одним изгибом⁴⁶. Предварительный визуальный анализ исходных рядов показал, что в некоторых случаях достаточно для выравнивания использовать прямую, в других случаях лучшее приближение дадут параболы более высокого порядка, но в большинстве случаев парабола 2-го порядка обеспечивает наилучшее приближение при выравнивании рассматриваемых рядов цен.

⁴⁶ Способы нахождения неизвестных параметров этой функции см. в кн. И. Г. Венецкого и Г. С. Кильдишева (*Венецкий И. Г., Кильдишев Г. С. Основы теории вероятностей и математической статистики*. М., 1968, с. 230—232), а также и в других работах по математической статистике.

Выравнивание фактических значений рассматриваемых рядов позволяет изучить: 1) уровни цен, 2) стабильность этих уровней (подверженность их падениям и повышениям), 3) показатели динамики цен, 4) стабильность процессов изменения цен.

При изучении рынка по данным о ценах наибольшее значение имеет анализ динамики цен. Он может быть выполнен на основе сопоставления производных функции, по которой проводилось выравнивание временных рядов цен.

Остановимся подробнее на обосновании метода производных в приложении к анализу временных рядов цен.

Цены испытывают влияние множества факторов, вследствие чего они непрерывно изменяются, но в конечном счете их движение определяется законом стоимости, а колебания цен совершаются вокруг стоимости, которая определяется рабочим временем, необходимым для производства товара при данных общественно нормальных производственных условиях и при среднем уровне умелости и интенсивности труда. При капиталистическом способе производства стоимость предстает в своей превращенной форме — форме цены производства, равной издержкам производства и средней прибыли. В связи с законом средней прибыли рыночная цена выступает как единая, господствующая на рынке цена, которая уплачивается за товары данного вида, несмотря на то, что эти товары могут быть произведены при различных индивидуальных условиях и, следовательно, иметь разные издержки производства.

В свете сказанного степень развитости товарного рынка определяется степенью нивелировки цен, а это значит, что при анализе динамики цен следует принимать во внимание как скорость изменения цен, так и их уровни.

В рассматриваемый период времени цены имеют общую тенденцию к возрастанию. Следовательно, чтобы обеспечить их нивелировку, высокий уровень цен должен сочетаться с замедленной скоростью их изменения, низкий уровень — с убыстренной скоростью. Эта определенность исчезает, когда в качестве характеристики скорости используются классические показатели динамики: коэффициент прироста или коэффициент роста⁴⁷, так как они показывают скорость изменения цен на единицу уровня, т. е. содержат в себе вторую применяемую в анализе характеристику как составную часть. В отличие от коэффициентов прироста и роста производные представляют собой скорость изменения цен за малый промежуток времени и не зависят от уровня цен.

Преимущество производных обусловлено и некоторыми особенностями ценообразования. Дело в том, что цены иногда включают в себя некоторый непроизводственный элемент, который более или менее длительный срок остается без изменения. В ка-

⁴⁷ Венецкий И. Г., Кильдишев Г. С. Указ. соч., с. 214—216.

честве примера можно назвать пошлины, акциз, транспортные расходы, установленные монополиями надбавки или скидки на цены, различия в ценах товара одного и того же наименования, связанные с разной сортировкой товара. Эти элементы входят как составная часть в цены определенных пунктов, тем самым формируя свой, свойственный данному пункту уровень цен. Но поскольку особенности этих пунктов уже отражены в уровне цены, то равное действие одного и того же фактора или группы факторов будет, вероятно, вызывать приблизительно одинаковый проступ уровня цен.

Впрочем, следует отметить, что и упомянутые элементы цены с развитием техники и экономики претерпевают определенные изменения, различия их, отражающие специфику отдельных стран и пунктов, сглаживаются.

Метод производных позволяет абстрагироваться от указанных (и подобных) составных частей цены, что дает возможность делать более определенные выводы.

Действительно, если цены пунктов разных стран существенно различаются, то при развитых внешних связях между этими странами отмеченное различие должно со временем все более уменьшаться. Нивелировке цен в этом случае может, например, помешать таможенная политика государства, обеспечивающая некоторый устойчивый разрыв между этими ценами. Здесь вмешательство государства маскирует сближение цен, так как наращивает цены в своей стране за счет увеличения таможенных пошлин.

Увеличение или неоправданная стабилизация таможенных пошлин в конце концов приводит к уменьшению ввоза и, следовательно, стабилизации или увеличению цен, т. е. регулирование осуществляется и в этом случае, но менее тонко, чем на свободном рынке, и, главное, требует большего времени. В некоторых случаях десятки лет может сохраниться разрыв в ценах. Но этот разрыв не означает отсутствия единого рынка. Рынок может существовать, но его проявления искажаются внешними вмешательствами, значительно замедляющими нивелировку цен.

Кроме показателей динамики цен, следует учитывать также уровень цен, его стабильность и стабильность процессов изменения цен. В качестве уровня цен, который применяется как исходная характеристика для оценки динамики цен, естественно использовать значения выравненного ряда на начало периода. Представление о стабильности уровня цен дает угол наклона производной по отношению к оси абсцисс (горизонтальной линии осей координат). Чем больше угол наклона, тем менее стабильны цены, тем более подвержены они снижению или росту. Степень стабильности изменения цен характеризуется второй производной функции выравнивания. Она показывает «ускорение» процесса изменения цен.

Воздействие рынка не ограничивается нивелировкой цен, сближением их уровней. Механизм рынка упорядочивает и отклонения цен от их уровней. Отклонения фактических значений от выравненных обусловлены целым комплексом причин. Воздействие отдельных причин или их совокупности на уровень цен в одном пункте при развитых рыночных отношениях должно быть распространиться на другие пункты, в связи с чем отклонения уровней цен в этих пунктах должны иметь то же направление и примерно ту же величину, что и отклонения в первом пункте.

Довольно высокая степень согласованности в изменениях цен, которая свидетельствует о действии единого механизма рынка, не исключена и в случае, когда нивелировки уровней цен в рассматриваемый период не происходит. Особенности географического положения отдельных регионов и стран, специфика торговой и хозяйственной политики могут препятствовать сближению цен. Однако если сопряженность цен высока, то отсутствие нивелировки следует отнести к наличию в цене некоторого элемента, природу которого нужно искать вне пределов производства и обмена.

Количественно выразить степень сопряженности отклонений цен от их трендов можно с помощью линейного коэффициента корреляции. Корреляционный анализ временных рядов, а именно такими являются ряды цен, сопряжен с определенными трудностями и требует соблюдения ряда условий. В данном случае не представляется возможным останавливаться на них. Заметим лишь, что они вполне преодолимы⁴⁸.

* * *

Охарактеризованные методы изучения рынка на основе обработки и анализа данных о ценах показали свою высокую эффективность при исследовании процесса формирования и развития единого всероссийского аграрного рынка⁴⁹. Эта эффективность в полной мере подтверждается на примере анализа временных рядов цен на пшеницу (за 1890—1914 гг.) на 20 российских и зарубежных рынках. Необходимые для этого анализа данные о ценах были извлечены из «Свода товарных цен на главнейших русских и иностранных рынках».

Рассматривая размах фактических колебаний рядов цен (разность между ценами начала и конца периода), видим (табл. 1), что в основном рост цен был свойствен российским пунктам. Что касается зарубежных пунктов, то значительный прирост цен отмечался лишь в Вене и Будапеште, а в остальных центрах рост

⁴⁸ *Евекил М., Фокс К.* Методы анализа корреляций и регрессий: Пер. с англ. М., 1966.

⁴⁹ *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Указ. соч.

Таблица 1

Показатели динамики цен на русскую пшеницу

Город, сорт пшеницы	Размах фактических колебаний	Уровень цен по выравненным данным		Производная
		на начало периода	на конец периода	
Рига: русская	5,3	100,7	126,4	0,24+1,07
Николаев: гирка-улька	9,6	86,2	121,3	0,16+1,46
Новороссийск: озимая высшая	5,1	88,2	115,6	0,16+1,14
гарновка низшая	26,8	79,1	119,8	0,10+1,70
Таганрог: озимая (3% примеси)	8,8	86,4	122,5	0,16+1,50
гарновка низшая	25,9	77,2	127,2	0,18+2,08
Ростов-на-Дону: озимая	24,5	78,6	128,5	0,18+2,08
гарновка	28,3	75,6	128,0	0,18+2,18
Самара: русская	7,9	84,2	109,3	0,20+1,04
перерод	20,4	91,1	137,1	0,28+1,92
Саратов: русская	11,0	83,2	113,3	0,28+1,26
Елец: гирка	25,1	87,5	122,4	0,20+1,46
местная, озимая	31,0	89,5	130,3	0,24+1,70
Одесса: гирка обыкновенная	22,0	83,7	122,1	0,12+1,60
Варшава: белая	19,6	100,3	135,3	0,28+1,46
Кенигсберг: хорошая, пестрая	0,8	135,2	163,7	0,38+1,19
Мангейм: средняя, иностранная	5,7	157,2	192,7	0,50+1,48
Бреславль: среднего качества	1,5	133,9	159,8	0,36+1,08
Вена: нет сведений	59,0	120,1	182,1	0,32+2,58
Будапешт: среднего качества	54,9	114,0	168,7	0,38+2,28
Амстердам: одесская	11,4	106,6	138,7	0,32+1,34
Лондон: южно-русская, озимая	-1,8	112,1	139,5	0,26+1,14
Марсель: озимая, б/п	2,4	114,7	143,1	0,30+1,18
Нью-Йорк: красная № 2, озимая	-0,1	102,9	131,3	0,20+1,18
Генуя: гирка одесская	8,4	115,7	139,3	0,36+0,98

был незначительным или вообще было снижение (Лондон, Нью-Йорк).

Таким образом, уже первоначальный анализ показывает, что в рассматриваемый период происходит нивелировка цен, поскольку цены российских пунктов, имеющие более низкий уровень, растут быстрее, а цены иностранных пунктов с более высоким уровнем растут медленнее и даже убывают.

Продолжим анализ цен, исключив случайные колебания цен и сосредоточив внимание на сопоставлении трендов цен. Прежде всего следует сгруппировать ряды цен по их уровням. Для этой цели естественно взять выравненные значения уровня рядов на начало периода.

По уровню цен на начало периода (по выравненным данным) имеющаяся совокупность пунктов может быть разбита на пять групп. В группу с очень низким уровнем цен войдут Ростов-на-Дону, Новороссийск и Таганрог. Группу умеренно низкого уровня составят Саратов, Самара, Одесса, Николаев, Елец. Группу сред-

него уровня образуют Варшава, Рига, Нью-Йорк, Амстердам. Умеренно высокий уровень имеют Лондон, Будапешт, Марсель, Генуя и Вена. К группе высокого уровня относятся Бреславль, Кенигсберг, Мангейм.

Посмотрим, как ведут себя цены в течение рассматриваемого периода. Прежде всего для каждой пары временных рядов рассчитаем отношения отклонений выравненных значений на конец и начало периода (табл. 2). Здесь прежде всего бросается в глаза то, что цены Вены и Будапешта расходятся как между собой, так и с ценами почти всех рассматриваемых пунктов. Такое положение естественно и объясняется тем, что Австро-Венгрия мало участвует в мировом обмене, вследствие чего изменения цен на ее рынках отличаются самостоятельностью и изолированностью. Не вызывает удивления и тот факт, что цены на русскую пшеницу в Саратове и особенно в Самаре также расходятся с ценами подавляющего числа русских и зарубежных рынков. Достаточно четко выражена тенденция к расхождению цен и на других внутренних рынках России. Ряды цен внутри групп в основном расходятся, а цены, входящие в разные группы, в большинстве случаев нивелируются.

Обратимся к анализу скоростей роста цен.

Анализ производных (см. табл. 1) позволяет сделать следующие выводы. В целом наблюдается сближение между ценами русских и зарубежных пунктов. Ряды цен, имеющие в начале периода существенный разрыв в уровнях, в большинстве случаев нивелируются, тогда как цены с близкими уровнями порой даже расходятся.

Совокупность всех рассматриваемых пунктов в зависимости от характера изменения цен может быть разбита на несколько групп. Тренды цен, относящихся к южным портам России, можно объединить в одну группу. В этой группе цены стабильно растут, падение цен либо отсутствует, либо незначительно. Для группы, включающей внутренние рынки России, а также Ригу, Варшаву, Лондон и Нью-Йорк, характерно умеренное падение и затем умеренное нарастание цен. Большим разнообразием отличается поведение цен в пунктах Западной Европы. Ценам Вены и Будапешта свойственны умеренное падение и интенсивный рост. Низкое падение и высокий рост определяют скорость изменения цен в Кенигсберге, Бреславле и Генуе. Особняком стоят цены Мангейма, имеющие самое низкое падение и самый высокий рост в совокупности рассматриваемых рядов цен. Низкое падение и умеренный рост испытывают цены Марселя и Амстердама.

Таким образом, нивелировка цен в совокупности пунктов с низким уровнем достигается уверенным стабильным ростом. В совокупности же пунктов с высоким уровнем нивелировка идет за счет низкого падения и высокого в основном компенсирующего роста.

Таблица 2

Динамика соотношений цен на русскую пшеницу

Город, сорт пшеницы	8	6	7	4	11	9	14	2	5	12	3	13	40	15	1	24	21	22	20	23	25	19	18	16	17	
Ростов-на-Дону: гарновка	С	Н	Р	Р	Р	Р	Н	Н	Н	Н	С	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
Таганрог: гарновка низшая	С	Н	Р	Р	Р	Р	Н	Н	Н	Н	С	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
Ростов-на-Дону: гарновка озимая	С	Н	Р	Р	Р	Р	Н	Н	Н	Н	С	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
Новороссийск: гарновка низшая	11	9	4	11	9	14	2	5	12	3	13	40	15	1	24	21	22	20	23	25	19	18	16	17		
Саратов: русская	11	9	4	11	9	14	2	5	12	3	13	40	15	1	24	21	22	20	23	25	19	18	16	17		
Самара: русская	14	9	4	11	9	14	2	5	12	3	13	40	15	1	24	21	22	20	23	25	19	18	16	17		
Одесса: гирка обыкн.	2	5	12	3	13	40	15	1	24	21	22	20	23	25	19	18	16	17								
Николаев: гирка-улька	2	5	12	3	13	40	15	1	24	21	22	20	23	25	19	18	16	17								
Таганрог: озимая, при 30% пр.	5	12	3	13	40	15	1	24	21	22	20	23	25	19	18	16	17									
Елец: гирка	12	3	13	40	15	1	24	21	22	20	23	25	19	18	16	17										
Новороссийск: гирка вышан озимая	3	13	40	15	1	24	21	22	20	23	25	19	18	16	17											
Елец: местная озимая	13	40	15	1	24	21	22	20	23	25	19	18	16	17												
Самара: перерод	10	15	1	24	21	22	20	23	25	19	18	16	17													
Варшава: белая	15	1	24	21	22	20	23	25	19	18	16	17														
Рига: русская	1	24	21	22	20	23	25	19	18	16	17															
Нью-Йорк: красная № 2, озимая	24	21	22	20	23	25	19	18	16	17																
Амстердам: одесская	21	22	20	23	25	19	18	16	17																	
Лондон: южно-русская, озимая	22	20	23	25	19	18	16	17																		
Будапешт: среднего качества	20	23	25	19	18	16	17																			
Марсель: озимая б/п	23	25	19	18	16	17																				
Генуя: гирка одесская	25	19	18	16	17																					
Вена: нет сведений	19	18	16	17																						
Бреславль: среднего качества	18	16	17																							
Кенигсберг: хорошая, пестрая	16	17																								
Мангейм: средняя, иностранная	17																									

Обозначения: С — разрыв цен на начало и конец периода по выравненным данным сохранился, Н — произошла нивелировка цен, Р — наблюдается расхождение цен.

Таблица 3

Матрица линейных коэффициентов корреляции случайных колебаний цен на русскую пшеницу

Город, сорт пшеницы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Рига: русская	1	1,00	0,94	0,91						
Николаев: гирка-улька	2		1,00	0,97	0,89	0,95	0,91	0,94	0,91	0,90
Новоросийск: озимая	3			1,00	0,87	0,97	0,87	0,95	0,85	0,79
высшая					0,90	0,97	0,86	0,94	0,85	0,77
гарновка низшая	4									
Таганрог: озимая, при	5				1,00	0,93	0,98	0,91	0,94	0,85
3% примеси						1,00	0,94	0,97	0,93	0,86
гарновка низшая	6									
Ростов-на-Дону: озимая	7						1,00	0,92	0,98	0,01
гарновка	8							1,00	0,93	0,86
Самара: русская	9								1,00	0,92
перерод	10									4,00
Саратов: русская	11									0,96
Елец: гирка	12									1,00
местная озимая	13									
Одесса: гирка обыкновенная	14									
Варшава: белая	15									
Кенигсберг: хорошая,	16									
пестрая										
Мангейм: среднля, иностранная	17									
Бреславль: среднего качества	18									
Вена: нет сведений	19									
Будапешт: среднего качества	20									
Амстердам: одесская	21									
Лондон: южно-русская, озимая	22									
Марсель: озимая, б/п	23									
Нью-Йорк: красная № 2, озимая	24									
Генуя: гирка одесская	25									

Перейдем к анализу взаимных связей случайных отклонений цен на основе коэффициентов корреляции (табл. 3). Высокая теснота взаимных связей цен говорит о значительной синхронности случайных колебаний цен большинства рассматриваемых пунктов. Несколько меньше коэффициенты корреляции, отражающие связи отклонений цен Вены и Будапешта с отклонениями остальных пунктов. Заметно ниже коэффициенты корреляции, представляющие уровень взаимосвязей случайных отклонений цен между внутренними российскими и зарубежными пунктами.

11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
0,88	0,94	0,92	0,92	0,95	0,90	0,94	0,87	0,76	0,75	0,89	0,96	0,96	0,78	0,96
0,76	0,85	0,83	0,97	0,93	0,92	0,96	0,90	0,81	0,80	0,90	0,97	0,98	0,86	0,96
0,73	0,84	0,82	0,96	0,90	0,87	0,94	0,82	0,84	0,82	0,87	0,94	0,97	0,80	0,94
0,84	0,92	0,89	0,92	0,86	0,76	0,88	0,70	0,72	0,68	0,82	0,86	0,89	0,61	0,89
0,84	0,91	0,89	0,97	0,94	0,90	0,96	0,85	0,77	0,75	0,88	0,95	0,98	0,78	0,95
0,92	0,94	0,92	0,92	0,89	0,82	0,90	0,77	0,63	0,61	0,86	0,87	0,90	0,64	0,89
0,86	0,92	0,91	0,96	0,92	0,86	0,94	0,82	0,78	0,77	0,83	0,91	0,94	0,71	0,94
0,93	0,94	0,92	0,90	0,86	0,80	0,87	0,72	0,84	0,62	0,84	0,86	0,89	0,61	0,89
0,99	0,96	0,96	0,83	0,88	0,78	0,81	0,74	0,57	0,56	0,75	0,83	0,84	0,52	0,83
0,97	0,91	0,92	0,75	0,80	0,68	0,74	0,63	0,44	0,42	0,68	0,75	0,75	0,42	0,74
1,00	0,96	0,96	0,81	0,86	0,76	0,79	0,71	0,54	0,53	0,72	0,79	0,80	0,48	0,80
	1,00	0,99	0,89	0,91	0,81	0,87	0,78	0,72	0,70	0,78	0,85	0,88	0,57	0,90
		1,00	0,87	0,91	0,80	0,86	0,76	0,69	0,68	0,76	0,84	0,86	0,55	0,87
			1,00	0,93	0,87	0,94	0,84	0,76	0,76	0,88	0,94	0,96	0,77	0,95
				1,00	0,90	0,93	0,91	0,74	0,73	0,83	0,93	0,93	0,76	0,94
					1,00	0,85	0,97	0,76	0,76	0,90	0,92	0,93	0,86	0,93
						1,00	0,91	0,80	0,79	0,89	0,95	0,96	0,79	0,95
							1,00	0,70	0,71	0,85	0,89	0,89	0,85	0,89
								1,00	0,99	0,73	0,76	0,80	0,71	0,82
									1,00	0,72	0,75	0,79	0,71	0,81
										1,00	0,91	0,92	0,88	0,90
											1,00	0,98	0,86	0,96
												1,00	0,84	0,98
													1,00	0,82
														1,00

Но в целом в конце XIX—начале XX в. наблюдается весьма высокая сопряженность колебаний цен во всей совокупности рассматриваемых торговых центров, что свидетельствует о наличии и высоком уровне развития международного хлебного рынка, органической частью которого была и Россия.

Как видим, данные о ценах позволяют раскрыть глубинные процессы состояния и развития и внутреннего и внешнего рынка. Кроме того, эти данные могут широко использоваться в комплексе с другими показателями как для изучения рынка, так и других явлений и процессов экономического развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, как мы видели, по социально-экономической истории России эпохи капитализма в распоряжении исследователей имеется чрезвычайно обширный и разнообразный комплекс массовых источников. Содержащиеся в них данные в целом достаточно надежны и полны и позволяют не только характеризовать общие закономерности и тенденции социально-экономического развития, но и выявлять характер, стадии и уровень этого развития, его региональные и временные особенности. Однако для этого необходимо повышение информационной отдачи источников.

Проведенное исследование показало, что существуют разнообразные, вполне доступные для историков принципы, пути и методы, позволяющие значительно повысить информативную отдачу массовых источников в результате извлечения из них непосредственно невыраженной, скрытой информации. Это открывает путь к широкому вовлечению в научный оборот мало или вовсе неиспользовавшихся комплексов массовых данных по социально-экономической истории России периода капитализма. Прежде всего это относится ко всякого рода сводным данным промышленных, сельскохозяйственных и иных переписей и обследований, материалам земской статистики и другим источникам, сводкам первичных материалов, которые не имеют группировок по размерам и типам крестьянских хозяйств, помещичьих имений, промышленных предприятий и т. д., а также не содержат непосредственных показателей, характеризующих внутренний строй и другие важные черты тех или иных совокупностей массовых объектов, образующих различные системы и структуры социально-экономической организации общества.

Комплексный подход к массовым данным, содержащимся как в отдельных видах источников, так и в их совокупностях, с одной стороны, и всесторонний анализ взаимосвязей различных черт и свойств массовых объектов, составляющих ту или иную целостность, с другой — таков основной путь фактически безграничного повышения информативной отдачи массовых источников. Это в свою очередь расширяет возможности для выявления систем точных и бесспорных, объективно доказательных фактов, раскрывающих глубинную сущность явлений и процессов социально-экономического развития.

Таков, если можно так сказать, интенсивный путь извлечения из источников информации, необходимой для углубления исследований по социально-экономической истории.

Вместе с тем было установлено, что еще далеко не исчерпаны и возможности экстенсивного расширения источниковой основы при изучении социально-экономического развития России в период капитализма. Охарактеризованные в работе обширные комплексы различной делопроизводственной документации (промышленных предприятий, акционерных обществ, монополистических объединений, банков и др.) и справочных и других материалов, недостаточны или вовсе не вовлеченных в научный оборот, содержат разнообразные массовые данные о многих важных явлениях и процессах социально-экономического развития. Здесь и традиционные для историков методы обработки и анализа данных позволяют значительно расширить источниковую основу исследований.

Авторы, специально не исследуя, обращают внимание и на другие комплексы массовых источников, которые могут быть широко использованы при изучении социально-экономического развития. К ним относятся данные демографической, транспортной, бюджетно-налоговой статистики и многие другие материалы. Особо следует обратить внимание на первичные данные различных переписей и обследований и делопроизводственную и другую документацию низовых и местных органов управления (материалы волостных правлений, уездных и губернских государственных, земских и других учреждений), представительных и других организаций. Первоочередной задачей здесь является установление степени сохранности и состояния этих материалов, выяснение возможностей, путей и методов ее систематического вовлечения в научный оборот. В решении этой важной задачи ведущую роль должны сыграть усилия исследователей, работающих в республиках, краях и областях нашей страны. Основные принципы, пути и методы источниковедческого изучения массовых исторических источников, изложенные в настоящей коллективной монографии, могут быть основой и при исследовании указанных типов и видов этих источников.

Как показали проведенное исследование и более ранние работы советских историков¹, наиболее эффективным путем повышения уровня источниковедческого изучения и использования в исследовательской практике массовых данных исторических источников является применение новейших количественных и машинных методов их обработки и анализа. Дальнейшее расширение сферы и масштабов применения этих методов и их арсе-

¹ См.: Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975; Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

нала является важнейшей задачей последующих исследований в области источниковедения массовых исторических источников. Решение этой задачи должно идти по двум путям. Во-первых, следует шире использовать эти методы для определения репрезентативности, достоверности и точности данных массовых источников. Во-вторых, необходимо обновлять арсенал и совершенствовать методику и технику применения количественных и машинных методов для извлечения, обработки и анализа информации, содержащейся в массовых источниках. И в том и в другом случаях новейшие методы позволяют существенно повысить уровень изучения и использования данных массовых источников.

Таков круг основных задач, которые надлежит решить в дальнейшем в области изучения массовых исторических источников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Задачи изучения массовых исторических источников (И. Д. Ковальченко)	5
--	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМА

Введение (В. И. Бовыкин)	17
Глава 1. Статистика промышленного производства (С. В. Воронкова)	20
Глава 2. Источники по истории акционирования промышленности (А. Г. Голиков, Г. Р. Наумова)	87
Глава 3. Источники по истории монополий и финансового капитала (В. И. Бовыкин, Г. Р. Наумова)	120
Глава 4. Источники о численности, составе и положении рабочего класса (С. И. Антонова, С. И. Алияров, А. Г. Голиков, Ю. Н. Кирьянов, М. Г. Мейерович)	160

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМА

Введение (И. Д. Ковальченко)	191
Глава 5. Источники по истории Крестьянской реформы 1861 года (В. Г. Литвак)	197
Глава 6. Статистика землевладения и землепользования (Н. А. Про- скурякова)	219
Глава 7. Статистика сельскохозяйственного производства (И. Д. Ко- вальченко)	244
Глава 8. Источники о хозяйстве и положении крестьян (И. Д. Коваль- ченко, Л. В. Разумов)	276
Глава 9. Источники по истории помещичьего хозяйства (И. Б. Се- лунская)	317

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РЫНКА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

Введение (И. Д. Ковальченко)	345
Глава 10. Статистика внешней торговли (Е. В. Дворецкий)	346
Глава 11. Источники по истории цен XIX—начала XX века (Т. Ф. Из- мествева)	381
Заключение (И. Д. Ковальченко)	412